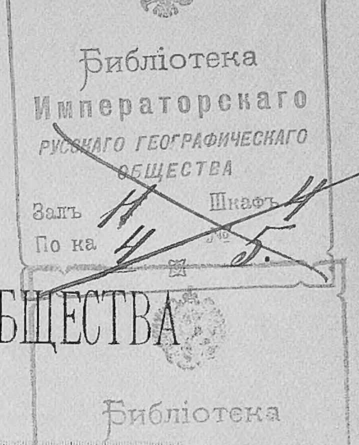
ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
т. V вып. I.

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Съ рисунками, исполненными по способу ферротипіи, съ картою Камчатки и планомъ укрѣпленія Петропавловска въ 1854 г.

В. Маргаритовъ.

г. Хабаровскъ.
Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.
1899.



ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
т. V вып. I.

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Съ рисунками, исполненными по способу ферротипіи, съ картою Камчатки и планомъ укрѣпленія Петропавловска въ 1854 г.

В. Маргаритовъ.

г. Хабаровскъ.
Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.
1899.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1897 году, въ годъ двухсотлѣтія присоединенія къ Россійской державѣ Камчатки, посѣтилъ эту страну бывшій приамурскій генералъ-губернаторъ, С. М. Духовской. Самъ генералъ-губернаторъ, пользуясь срочнымъ рейсомъ парохода добровольнаго флота, лично былъ только въ Петропавловскѣ и при томъ недолгое время.

Для ознакомленія же съ нѣкоторыми, интересовавшими его, вопросами въ другихъ частяхъ полуострова, онъ командировалъ меня и чиновника особыхъ порученій приморскаго губернатора, Линдера, поручивъ намъ пройти изъ Петропавловска въ верховья р. Камчатки, спуститься по теченію ея къ устью и затѣмъ, если окажется возможнымъ, пересѣчь полуостровъ по направленію къ Тигилю.

Такой маршрутъ, болѣе чѣмъ въ 1200 верстъ, обнималъ самую лучшую и болѣе населенную часть полуострова и былъ пройденъ въ 40 дней, при чемъ часть пути была сдѣлана верхомъ на лошадяхъ и часть на батахъ (лодкахъ) по рѣкамъ.

Не могу не признать за особо счастливую случайность, что для предстоявшаго путешествія къ намъ присоединились два врача: петропавловскій окружной врачъ, В. Н. Тюшевъ и врачъ парохода „Хабаровскъ“, Ю. К. Шиманскій. Первый воспользовался случаемъ для объѣзда своей округи, а второй, съ согласія генералъ-губернатора, изъявилъ готовность усилить составъ экспедиціи, съ спеціальною цѣлью ознакомиться съ камчатскою проказою и сифилисомъ.

Считаю своею прямою обязанностью выразить глубокую признательность какъ тому, такъ и другому. Веселый нравъ и энергія Ю. К. Шиманскаго не разъ являлись утѣшителями въ тяжелыя минуты труднаго пути, а В. Н. Тюшевъ, благодаря своему предварительному знакомству съ краемъ и полному знакомству съ особенностями и литературою его, былъ незамѣнимымъ совѣтчикомъ-руководителемъ всей экспедиціи.

Прикомандированный спеціалистъ фотографъ изъ ссыльно-каторжныхъ и туземецъ-казакъ, какъ прислуга, сопровождали насъ на всемъ пути.

Благодаря содѣйствію начальника Петропавловской округи, П. А. Ошуркова, поѣздка была обставлена настолько удобно, насколько можно было достигнуть этого при камчатскихъ путяхъ сообщенія и средствахъ передвиженія.

Нельзя не сознаться, что, какъ я, такъ и спутники мои, за исключеніемъ д-ра Тюшева, жившаго въ Петропавловскѣ, не были подготовлены къ подобнаго рода путешествію и вотъ почему.

Когда я получилъ предложеніе ѣхать въ Камчатку, то первоначальный маршрутъ

моей поѣздки ограничивался лишь посѣщеніемъ трехъ приморскихъ пунктовъ (Петропавловска, Усть-Камчатска и Тигиля), съ переѣздомъ отъ одного къ другому на пароходѣ добровольнаго флота, во время совершенія имъ второго камчатско-охотскаго рейса, въ виду чего я и спутники мои не запаслись ни обувью, необходимою въ таежномъ путешествіи, ни одеждой и вообще ни чѣмъ, въ чемъ могла предвидѣться нужда. Даже фотографическій аппаратъ и принадлежности къ нему были укупорены и приспособлены не болѣе того, насколько это требовалось въ виду каютнаго помѣщенія и двухъ-трехъ высадокъ съ судна на берегъ и обратно.

Вслѣдствіе этого, многіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ было-бы весьма желательно, оставлялись безъ вниманія. Такъ, напр., направленіе пути во многихъ мѣстахъ расходилось съ показаніями существующей карты Камчатки, но сдѣлать какія-либо измѣненія въ этомъ отношеніи не было возможности. Тоже самое и собираніе коллекцій по всѣмъ царствамъ природы было изъято изъ занятій экспедиціи, за неимѣніемъ средствъ сохранить и доставить ихъ.

Въ высокоторжественный день 6-го мая, отпраздновавъ 200 лѣтіе Камчатки, главный начальникъ края, С. М. Духовской, отбылъ на томъ-же пароходѣ „Хабаровскъ" на Командорскіе острова, а мы занялись подготовкою въ путь.

Подготовка была окончена, сравнительно, скоро, но тронуться нельзя было до 10-го іюня, такъ какъ большіе зимніе заносы снѣга, оставшіеся по нѣкоторымъ ущельямъ и гористымъ переваламъ, не позволяли ѣхать верхомъ на лошадяхъ и разлившіяся рѣки дѣлали путь невозможнымъ для проѣзда на собакахъ.

10-го іюня, мы вышли изъ Петропавловска и ѣхали сначала на лодкахъ до с. Корякскаго, на разстояніи 40 верстъ, затѣмъ на лошадяхъ до второго селенія отъ верховья р. Камчатки, до Шеромъ, на разстояніи 209 верстъ, далѣе на лодкахъ до Усть-Камчатска, на разстояніи 507 верстъ, и обратно, на лодкахъ-же, чрезъ с. Ключевское, до сел. Еловки, на разстояніи 207 верстъ и, наконецъ, верхомъ на лошадяхъ, чрезъ такъ называемый Тигильскій перевалъ, въ с. Седанки, на разстояніи 150 верстъ, откуда на лодкѣ до с. Тигиля, на разстояніи 90 верстъ.

Не имѣя возможности изучить Камчатку детально, какъ хотѣлось бы, я, въ тоже время, по порученію приамурскаго отдѣла и. р. г. о., беру на себя смѣлость издать свой трудъ подъ заглавіемъ „*Камчатка и ея обитатели*", въ которомъ, при помощи литературныхъ источниковъ, намѣренъ подѣлиться, въ краткихъ и общихъ чертахъ, тѣми не многими данными, которыя удалось собрать въ пути и тѣми впечатлѣніями, которыя оставила во мнѣ эта чудная по природѣ, но удрученная по жизни страна.

Значительный интересъ къ моей статьѣ могъ бы придать альбомъ фотографическихъ видовъ, которые удалось снять въ пути болѣе чѣмъ на 200 негативахъ, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ фотографическій аппаратъ впервые былъ видѣнъ, но, къ сожалѣнію, стоимость подобной иллюстраціи является непосильной для скромныхъ средствъ приамурскаго отдѣла, а потому приходится ограничиться приложеніемъ только видовъ, напечатанныхъ по способу ферротипіи, какъ наиболѣе дешевому и возможному при типографскихъ средствахъ въ г. Хабаровскѣ. Изданіе такой иллюстраціи явилось возможнымъ, благодаря содѣйствію

нынѣшняго главнаго начальника края, Н. И. Гродекова.

Настоящимъ изданіемъ „Камчатка и ея обитатели", я имѣлъ въ виду, по силѣ умѣнья и возможности, познакомить читателей съ слѣдующими отдѣлами:

1) Съ исторіей страны отъ завоеванія ея до настоящаго времени, 2) съ географіей ея, считая въ томъ числѣ и нѣкоторыя естественно-историческія свѣдѣнія, и 3) съ населеніемъ и современнымъ его положеніемъ.

Сообразно съ этимъ, вся статья раздѣлена на три главы съ соотвѣтствующими заглавіями.

Спѣшу оговориться въ слѣдующемъ:

1) Составляя главу географіи страны, я включилъ въ нее свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, такъ какъ эти отрасли хозяйства, какъ не играющія никакой роли въ экономическомъ быту камчатскаго населенія, по моему мнѣнію, являются скорѣе характеризующими природу страны, чѣмъ бытъ ея жителей.

2) За отсутствіемъ достаточно точныхъ литературныхъ свѣдѣній о камчатской флорѣ и фаунѣ и за неимѣніемъ ни времени, ни средствъ для ознакомленія съ ними на мѣстѣ, отдѣлъ этотъ не былъ мною затронутъ, если не считать приложеннаго въ концѣ II-й главы простого перечня растеній и животныхъ, составленнаго по иностраннымъ литературнымъ источникамъ.

3) Составляя главу о населеніи, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, современное состояніе жителей; что же касается этнографическихъ описаній, то таковыя я не счелъ нужнымъ дѣлать, ибо, въ этомъ случаѣ, пришлось бы цѣликомъ выписать этотъ отдѣлъ изъ „Описанія земли Камчатки" Крашенинникова, единственнаго автора, имѣвшаго возможность и право на этнографическое описаніе камчадаловъ, такъ какъ ему лишь одному удалось видѣть этотъ народъ въ полной его неприкосновенности и цѣлости; всѣ же остальные изслѣдователи или поневолѣ брали съ него, или же вдавались въ излишнія и даже непростительныя варіаціи.

Источниками послужили мнѣ слѣдущія книги:

1) Крашенинниковъ — „Описаніе земли Камчатки", изд. 1755 г.
2) Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка кн. 1 и 2.
3) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи.
4) Словцовъ — „Историческое обозрѣніе Сибири", изд. 1886 г.
5) Андріевичъ „Исторія Сибири", изд. 1889 г.
   „ „Историческій очеркъ Сибири" изд. 1887 г,
   „ „Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II-й" изд. 1887 г.
   „ „Сибирь въ XIX столѣтіи" изд. 1889 г.
6) Отечественныя записки, 1851 г., т. III: „Первая Камчатская экспедиція Беринга".
7) Записки гидрографическаго департамента 1851 г.: Сѣверная экспедиція 1733—1743 г.
8) Старицкій — „Очеркъ Камчатки", помѣщенный въ „Живописной Россіи".
9) Булычевъ — „Объ опытахъ земледѣлія въ Камчаткѣ", Извѣст. и. р. г. о. 1853 г. т. IV.
10) Войтъ — „Камчатка и ея обитатели" брош. СПБ. 1855 г.

11) ,,Сынъ Отечества". кн. 6-я. СПБ. 1849 г.--,,Извѣстія изъ Камчатки".

12) ,,Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана"--приложеніе къ морскому сборнику № 1, 1861 года.

13) Гагемейстеръ—,,Хозяйственно-статистическій обзоръ Камчатки".

14) Дитмаръ--,,Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851--1855".

15) Обручевъ--,,Геологическія свѣдѣнія о Камчаткѣ по Дитмару".

16) ,,Приамурскія вѣдомости".

и 17) Отчеты начальника округи за послѣдніе годы и нѣкот. другіе.

Переходя къ описанію, считаю своею обязанностью выразить глубокую признательность какъ спутникамъ моимъ, такъ равно М. А. Постниковой и Н. А. Пальчевскому, оказавшимъ мнѣ услугу составленіемъ по иностраннымъ литературнымъ источникамъ списка птицъ и растеній.

В. Маргаритовъ.

Озеро на пути къ Паратункскимъ ключамъ

Составъ экспедиціи

Видъ на Петропавловскъ

Окрестности Паратунскихъ ключей

Приморскій утесъ

Историческій очеркъ.

Первыя извѣстія о Камчатскомъ полуостровѣ, сохраненныя въ историческихъ документахъ, относятся къ 1695 году, когда казаки, дойдя въ своемъ поступательномъ движеніи на востокъ до Великаго Океана, стали искать удовлетворенія своихъ воинственныхъ наклонностей въ сосѣднихъ дикихъ странахъ, лежащихъ на югъ и сѣверъ отъ пройденнаго пути.

Движеніе вольницы казачьей, начавшееся въ XVI столѣтіи и имѣвшее вначалѣ преступный характеръ, вскорѣ приняло видъ дѣйствій, не только не преслѣдуемый, но даже поощряемый правительствомъ.

Такой исходъ необузданной удали казаковъ, побуждаемыхъ нестолько цѣлями корысти, сколько преизбыткомъ силъ и энергіи, стяжалъ имъ славу, достойную видныхъ страницъ руской исторіи. Корысть и злоба.......нѣтъ не корысть и не злоба, а вѣрнѣе, удаль молодецкая двигала казака впередъ. Конечно, „въ семьѣ не безъ урода", но, тѣмъ не менѣе, бросать на произволъ судьбы все имѣемое и лѣзть въ огонь и въ воду, почти съ полнымъ сознаніемъ гибели, требуетъ признать за казакомъ чувство болѣе высокое и достойное, чѣмъ алчность и корысть.

Труденъ былъ лишь первый шагъ, труденъ какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны, но онъ съ успѣхомъ былъ сдѣланъ донцами подъ командою удалого Ермака, перенесшаго въ 1583 году владѣнія Россійскаго государства далеко за Уральскій хребетъ.

Съ этого времени, въ теченіе почти двухъ столѣтій, дѣятельность русскаго правительства въ предѣлахъ Азіи ограничивается лишь закрѣпленіемъ за собою владѣній, добытыхъ непреклонною волею удалого казачества. Къ началу XVII-го столѣтія русскія владѣнія достигаютъ береговъ Енисея, затѣмъ рѣки Лены, гдѣ казаки, въ 1638 году, получаютъ поддержку отъ правительства, выразившуюся образованіемъ Якутскаго воеводства, съ центромъ правленія въ острогѣ того-же имени, основанномъ въ 1632 году сотникомъ Петромъ Бекетовымъ *), пробивавшимъ себѣ путь среди тайги и холода во главѣ лишь 30 казаковъ.

Первыми воеводами этого воеводства, присланными изъ Енисейска, были братъя Головины, которымъ, между прочемъ, принадлежитъ попытка къ распространенію своей власти на Амурѣ и на берегахъ Ламскаго (Охотскаго) моря.

Якутское воеводство, благодаря своему мѣстоположенію и угодьямъ (рыболовство, звѣроловство, скотоводство и даже впослѣдствіи хлѣбопашество), могущимъ удовлетворить не затѣйливымъ потребностямъ казачества, въ скоромъ времени, стало опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ поступательныхъ движеній.

Отсюда выходятъ искатели приключеній на сѣверъ къ Ледовитому Океану и на югъ въ бассейнъ р. Амура и далѣе на востокъ къ Охотскому морю и даже до береговъ Великаго Океана.

Якутскіе воеводы, благодаря частымъ сношеніямъ казаковъ съ окружающими народами, получаютъ свѣдѣнія объ Амурѣ, слухи о которомъ давно уже ходили среди казачества, узнаютъ

*) Андріевичъ. Исторія Сибири част. I ст. 66.

о существованіи на востокѣ отъ нихъ, за хребтами, какого-то (Охотскаго) моря и о народахъ, живущихъ близь него и, въ тоже время, все болѣе и болѣе распространяютъ свои владѣнія на сѣверовостокъ въ земли юкагировъ и чукчей.

Въ 1643 году, снаряжается изъ Якутска экспедиція Василія Пояркова, который, поднявшись по р. Алдану, перешелъ чрезъ Становой хребетъ въ верховья р. Зеи и, въ 1644 году, вошелъ въ Амуръ, по теченію котораго спустился до устья, неоднократно вступая въ бой съ дучерами, гиляками и другими инородцами, населявшими прежде побережья этой рѣки. Съ устья Амура, за недостаткомъ служилыхъ людей (около 60 человѣкъ), оставшихся въ цѣлости, Поярковъ не рискнулъ подняться вверхъ, а въ 1646 году, возвратился въ Якутскъ берегомъ Охотскаго моря, чрезъ р. Улью, при устьѣ которой, въ то время, было уже зимовье, построенное въ 1640 г. (т. е., за 3 года до экспедиціи Пояркова) Иваномъ Москвинымъ, сдѣлавшимъ развѣдки по западному побережью Охотскаго моря отъ Тауйской губы до р. Уди и собравшимъ первыя свѣдѣнія объ Амурѣ.

При этихъ развѣдкахъ устье р. Охоты было признано болѣе другихъ удобнымъ мѣстомъ для приморскаго поселенія, вслѣдствіе чего, въ 1648 году, здѣсь было основано Шелковниковымъ зимовье, переименованное впослѣдствіи въ острогъ, а затѣмъ и въ портъ Охотскъ.

Къ тому-же времени относится и постепенное объясачаніе юкагировъ, живущихъ по р. Индигиркѣ и далѣе.

Въ 1644 году, казаки прошли на р. Колыму и, подъ начальствомъ Стадухина, основали Нижне-Колымское зимовье, послужившее опорнымъ пунктомъ для распространенія русскаго владычества въ землѣ чукчей и въ бассейнѣ р. Анадыра.

При своемъ поступательномъ движеніи, казаки, дойдя до береговъ моря, не останавливались и предъ этою преградою. Строили лодки, изъ которыхъ болѣе большія назывались кочами и, насколько позволяло гостепріимство береговъ, шли вдоль ихъ все далѣе и далѣе.

Обширность завоеванныхъ странъ требовала для закрѣпленія ихъ за русскими большихъ силъ; мѣстныхъ уроженцевъ не хватало, вслѣдствіе чего якутскіе воеводы вызывали служилыхъ людей изъ Енисейска; тѣ, страдая тѣмъ-же, въ свою очередь, обращались за подкрѣпленіемъ въ Тобольскъ, на Уралъ и даже въ Москву. Вмѣстѣ съ служилыми шли по доброй волѣ и вообще искатели приключеній, шли и купцы *), влекомые туда слухами о неистощимыхъ богатствахъ, получаемыхъ съ цѣннаго пушнаго звѣря.

Пришлый элементъ, частью, принимался въ составъ казаковъ, а частью, входилъ въ разрядъ промышленниковъ, торговцевъ, изъ которыхъ болѣе состоятельные и предпріимчивые вступали въ соглашеніе съ партіями казаковъ и, преслѣдуя свои коммерческія цѣли, шли съ ними рука объ руку, покоряя сѣверныя племена то силою, то путемъ торговыхъ договоровъ.

Одна изъ такихъ партій—воиновъ-промышленниковъ, снаряженная торговцемъ Федотомъ Алексѣевымъ, на 7 кочахъ, вышла, подъ начальствомъ С. Дежнева, изъ устья р. Колымы и направилась на востокъ вдоль береговъ Ледовитаго океана:

Начальникъ этой партіи, Семенъ Дежневъ, казакъ Якутскаго воеводства, былъ однимъ изъ участниковъ Стадухина, основавшаго Нижне-Колымское зимовье и въ числѣ первыхъ познакомившійся съ однимъ изъ воинственныхъ племенъ Сѣверовостока, съ чукчами.

Безспорно, первое знакомство казаковъ было съ чукчами анадырскими. Отъ нихъ казаки знали нѣкоторыя подробности о теченіи большой рѣки, объ ея впаденіи въ Великій океанъ и даже о существованіи при ея устьѣ острова. Несомнѣнно такъ-же и то, что казакамъ было извѣстно отъ тѣхъ-же чукчей и нѣкоторыя другія данныя, на основаніи которыхъ казаки могли сообразить о возможности морскаго пути между Колымою и устьемъ Анадыра. Дежневъ съ своими спутниками, какъ мы увидимъ дальше, когда былъ выброшенъ на берегъ, зналъ

*) Къ числу такихъ выходцевъ купцовъ принадлежалъ и Федотъ Алексѣевъ, на долю котораго выпало, какъ гласитъ преданіе, первымъ изъ русскихъ быть въ Камчаткѣ.

куда забросила его судьба и, отыскивая устье Анадыра, шелъ не наобумъ, а съ увѣренностью и съ предвзятою надеждою на встрѣчу съ казаками, шедшими къ той-же цѣли и съ той-же р. Колымы, но только сухимъ путемъ.

Казаки, дойдя до моря, волей неволею должны были познакомиться съ этою могучею и, въ тоже время, капризною стихiею. Мало по малу они научились вести борьбу съ нимъ, а затѣмъ и пользоваться имъ какъ самымъ выгоднымъ путемъ сообщенiя. Первая попытка Дежнева идти вдоль берега была неудачна; суровая погода и льды заставили путниковъ вернуться назадъ. Но удаль казацкая не остановилась предъ первою неудачею; и вотъ Семенъ Дежневъ, какъ сказано выше, становится во главѣ промышленной партiи, снаряженной Федотомъ Алексѣевымъ, и въ 1648 году, на 7 кочахъ выходитъ изъ устья Колымы, рѣшившись, на этотъ разъ не уступать капризамъ грознаго моря.

До какой степени доходила эта рѣшимость, видно, изъ того, что, не смотря на гибель въ скоромъ-же времени 4-хъ кочъ, Дежневъ съ Алексѣевымъ продолжаютъ путь далѣе, мѣстами, высаживаются на берегъ, ведутъ торговлю и одерживаютъ нѣсколько побѣдъ при схваткахъ съ чукчами. Въ сентябрѣ того-же года огибаютъ сѣверо-восточную оконечность Азiи, проходятъ проливъ, отдѣляющiй этотъ материкъ отъ Америки; и, вѣроятно, попавъ въ сѣверное ледовитое теченiе, не замѣчая давно желаннаго устья Анадыра, уносятся вѣтромъ далѣе къ югу, къ берегамъ тогда еще невѣдомой Камчатки.

Къ этому времени, изъ флотилiи Дежнева оставалось только двѣ кочи; на одной командовалъ самъ Дежневъ, а на другой Федотъ Алексѣевъ съ Анкудиновымъ, пересѣвшимъ къ нему послѣ крушенiя послѣдняго изъ погибшихъ кочъ.

Въ Олюторской губѣ, въ предѣлахъ уже Камчатскаго полуострова, новая сильная буря разлучаетъ и эти два коча, причемъ Алексѣевъ съ Анкудиновымъ погибаютъ безъ вѣсти, тогда какъ Дежневъ выбрасывается на берегъ и, во главѣ 25 казаковъ, проходитъ берегомъ къ устью Анадыра. Въ 1649 году, Дежневъ поднимается вверхъ по Анадыру и, примѣрно, верстахъ въ 800 отъ устья закладываетъ Анадырскiй острогъ, гдѣ, въ 1650 году, встрѣчаетъ казаковъ подъ командою Муторы, пришедшаго съ Колымы сухимъ путемъ чрезъ горы и тайгу.

Анадырскiй острогъ, послѣ Якутскаго, является первымъ опорнымъ пунктомъ, изъ котораго, въ теченiе почти цѣлаго столѣтiя, казаки ведутъ борьбу съ сосѣдними народами и чрезъ который направляется длинный и, въ тоже время, главный путь движенiя казаковъ въ Чукотскую землю и на Камчатку.

Заслуга С. Дежнева, совершившаго столь удалой походъ, состоитъ: 1) въ фактическомъ открытiи пролива между Азiею и Америкой, на что, впослѣдствiи, сто лѣтъ спустя, было затрачено столько силъ и энергiи и что дало безсмертiе имени мореплавателя Беринга; 2) въ основанiи Анадырскаго острога, имѣвшаго въ свое время большое значенiе въ покоренiи народовъ дальняго сѣверо-востока, и въ 3) хотя не въ прямомъ, но въ косвеномъ влiянiи на открытiе неизвѣстнаго еще въ то время полуострова Камчатки. Приписывается Дежневу и еще весьма важная заслуга, а именно: описанiе и даже набросокъ карты пройденнаго имъ пути; карта эта, какъ думаютъ, попала какимъ то образомъ въ руки мореплавателей, но достовѣрныхъ данныхъ объ этомъ фактѣ не сохранилось; по крайней мѣрѣ, въ перiодъ снаряженiя экспедицiи Беринга, о картѣ Дежнева не было извѣстно.

Федотъ Алексѣевъ, разлученный съ Дежневымъ бурею въ Олюторскомъ заливѣ, пропалъ безъ вѣсти. О судьбѣ Алексѣева сохранились лишь сказанiя и нѣкоторыя догадки о томъ, что онъ съ своимъ кочемъ былъ на р. Камчаткѣ. Крашенинниковъ, бывшiй въ Камчаткѣ, спустя около 100 лѣтъ послѣ гибели Алексѣева, собралъ нѣсколько свѣдѣнiй объ участи сего послѣдняго, при чемъ всѣ слѣдѣнiя сводятся къ слѣдующему: одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ р. Камчатки, впадающiй въ нее, примѣрно, подъ 55°—с. ш., въ бытность тамъ Крашенинникова, носилъ названiе „Федотиха". Названiе этой рѣчки, по словамъ населенiя, дано ей по имени са-

маго перваго изъ русскихъ, прибывшихъ въ Камчатку и зимовавшаго съ своимъ кочемъ въ устьѣ этой рѣчки. Преданіе объ этомъ фактѣ распространяется и далѣе: будто-бы этотъ Федотъ на своемъ кочѣ выходилъ потомъ въ море, огибалъ мысъ Лопатку и доходилъ до р. Тигиля, гдѣ и погибъ отъ корякъ. Не придавая достовѣрности этимъ сказаніямъ, Крашенинниковъ упоминаетъ и о слѣдующемъ фактѣ: будто-бы въ „отпискѣ" Дежнева упоминается, что Дежневъ, въ бытность свою на Анадырѣ, ходилъ къ олюторскимъ корякамъ и отбилъ у нихъ бабу-якутку, бывшую на кочѣ съ Алексѣевымъ и что эта баба сообщила ему о смерти Алексѣева отъ цынги.

Сопоставляя эти два извѣстія объ Алексѣевѣ, Крашенинниковъ находитъ вполнѣ правдоподобнымъ, что Федотъ Алексѣевъ былъ и на р. Камчаткѣ, былъ и у устья Тигиля, но не погибъ тамъ, а возращаясь опять обратно по пройденному пути, погибъ отъ цынги на берегахъ олюторскаго залива.

Преждевременная гибель Алексѣева и всѣхъ его соучастниковъ не дала, такимъ образомъ, никакихъ свѣдѣній о Камчаткѣ, а потому и честь открытія этой страны приписывается не ему, а Владиміру Атласову.

Владиміръ Атласовъ былъ одинъ изъ послѣдующихъ замѣстителей Дежнева по управленію Анадырскимъ острогомъ. Ко времени посылки его изъ Якутска, среди служилыхъ Анадырскаго острога, несомнѣнно, ходили уже слухи о Камчаткѣ и ея обитателяхъ, при чемъ распространителями этихъ слуховъ были, конечно, коряки, жившіе въ сѣверной части полуострова и не могшіе не знать о своихъ сосѣдяхъ, съ которыми, очевидно, приходилось имъ вступать въ торговыя и, быть можетъ, въ военныя сношенія.

Со времени закрѣпленія подъ скипетромъ русской державы Сибирскаго царства и въ періодъ распространенія этихъ владѣній на востокъ, передовые отряды казаковъ ввѣрялись управленію воеводъ, которые, руководствуясь предначертаніями высшей власти, ставили во главѣ этихъ отрядовъ старшихъ пятидесятниковъ, прикащиковъ и т. п. и снабжали ихъ, примѣняясь къ мѣсту и условіямъ, различнаго рода инструкціями или такъ называемыми: „наказами", „памятями" и т. п. Въ подобныхъ инструкціяхъ, выдаваемыхъ прикащикамъ, при отправленіи ихъ въ отдаленные острожки, между прочимъ, предписывалось и „по инымъ *) рѣ„камъ и новымъ землямъ, гдѣ какія народы живутъ, такожъ ходить и въ ясачный платежъ „новыхъ людей призывать ласкою, а которые иноземцы учиняца противны и подъ его царска„го величества высокосамодержавною рукою быть не похотятъ и ясаку великаго государя пла„тить не учнутъ и учнутъ чинити противны, поступать съ ними воинскимъ поведеніемъ, сколь„ко милосердый Богъ помощи подастъ"...... Вотъ главная выдержка изъ „наказовъ" и „памятей" того времени; особенно эта мысль стала проводится съ воцаренія Петра Великаго, по указамъ котораго всѣмъ восточно-сибирскимъ властямъ, между прочимъ, вмѣнялось:

„........И приложить тщаніе о сыску иныхъ народовъ богатыхъ, которыхъ рѣки въ моря „океана Восточнаго впали и живутъ на островахъ, и провѣдывать про нихъ ласкою и учи„нить съ ними дружбу и торговые промыслы. И про тѣ народы всякую вѣдомость писать: ка„кіе у нихъ товары и богатства, и что имъ изъ Сибири годно какихъ товаровъ, и про ихъ „правленіе и силу и оружіе и обычей, и подъ чьею они властью......, И чертежъ, возвратясь, въ приказной палатѣ подать".

Въ 1695 году, по прибытіи своемъ въ Анадырскій острогъ, Владиміръ Атласовъ, снабженный подобной инструкціею, желая провѣрить справедливость слуховъ о Камчаткѣ, снаряжаетъ партію въ 16 человѣкъ казаковъ подъ командою Луки Морозко, которому поручаетъ собрать ясакъ съ подчиненныхъ уже корякъ и, буде возможно, провѣдать о камчатскомъ народѣ.

Морозко съ успѣхомъ исполнилъ порученіе; съ горстью вооруженныхъ силъ онъ про-

*) Памятники Сибирск. Истор. XVIII вѣка кн. 1-я и кн. 2 приложенія.

никъ почти до самой р. Камчатки, силою взялъ одинъ камчатскій острожекъ и, возвратясь, представилъ Атласову не только ясакъ, но и какія то бумаги, отнятыя имъ у камчадаловъ: бумаги эти оказались принадлежащими японскому судну, разбившемуся у береговъ Камчатки.

Въ 1697 году, во главѣ 60 казаковъ и примѣрно столькихъ-же покоренныхъ юкагировъ, Атласовъ выступаетъ съ Морозко въ невѣдомую страну. Путь лежалъ къ Пеньжинской губѣ и вдоль ея на югъ. Соблюдая предписаніе высшей власти, Атласовъ ласкою объясачилъ три острога: Акланскій, Каменскій и Таловскій (при рѣкахъ того-же имени) и одинъ острогъ вынужденъ былъ взять силою.

Желая, вѣроятно, знать населенность этой мѣстности, вплоть до береговъ Великаго океана, и, быть можетъ, боясь оставить у себя въ тылу непокоренные народы, Атласовъ отдѣляетъ часть своего отряда подъ командой Морозки и направляетъ ихъ къ восточному берегу, самъ-же съ остальными людьми идетъ вдоль Пеньжинскаго моря *). На р. Поланѣ Атласовъ едва не погибъ со всѣми казаками, благодаря измѣнѣ бывшихъ съ нимъ юкагировъ.

На широтѣ р. Тигиля Морозко и Атласовъ снова соединились вмѣстѣ и пошли далѣе на югъ.

Крашенинниковъ въ своемъ „Описаніи земли Камчатской" отмѣчаетъ путь Атласова слѣдующими пунктами: **) р. Тигиль, р. Ича, р. Хорюзова и р. Голыгина; затѣмъ назадъ до р. Ичи, перевалъ чрезъ хребетъ въ долину р. Камчатки, устье р. Андріановки въ р. Камчатку, гдѣ заложенъ Верхне-Камчатскій острогъ, и возвращеніе въ Анадырскій острогъ. Кромѣ того тотъ-же Крашенинниковъ упоминаетъ и еще объ одномъ пунктѣ пребыванія Атласова на р. Камчаткѣ, а именно объ устьѣ р. Канучъ, гдѣ, по его словамъ, Атласовъ поставилъ крестъ съ надписью ***) „сЁ году (1697) іюля 18 поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Володиміръ Атласовъ съ товарища нЁ человѣкъ", почему р. Канучъ и называется, до настоящаго времени, Крестовою.

Отдавая полную справедливость этимъ свѣдѣніямъ, нельзя, однако, не усомниться въ нѣкоторыхъ деталяхъ выполненія такого маршрута, а именно: нельзя 1) допустить, чтобы такое пространство было пройдено Атласовымъ въ одинъ годъ, т. е., въ теченіе 1697 года, особенно, если принять во вниманіе тудности путей сообщенія, недостаточность перевозочныхъ средствъ и постоянныя задержки въ видѣ боевыхъ схватокъ, сбора ясака, разслѣдованія мѣстности и т. п. 2) если походъ Атласова продолжался болѣе года, допустимъ два или три, причемъ обходъ западнаго побережья предшествовалъ переходу въ долину р. Камчатки, то является непонятнымъ, какимъ образомъ при устьѣ р. Конуча, (нынѣ Крестовой) былъ поставленъ крестъ въ 1697 году и почему Атласову пришла мысль поставить крестъ именно здѣсь, а не тамъ, гдѣ онъ впервые вышелъ на р. Камчатку (въ широтѣ р. Ичи), такъ долго интересовавшую его, или тамъ, гдѣ, по его усмотрѣнію, пришлось ему заложить острогъ; и 3) по словамъ Крашенинникова, переходъ чрезъ хребетъ былъ въ вершинѣ р. Ичи, т. е., тамъ, гдѣ, въ настоящее время, нѣтъ прохода, а теперь проходы существуютъ сѣвернѣе, въ долину р. Конуча, т. е., Крестовую, и южнѣе, въ широтѣ расположенія Верхне-Камчатскаго острога.

Сопоставляя всѣ эти замѣчанія съ маршрутомъ, указаннымъ Крашенинниковымъ, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что путь Атласова былъ слѣдующій:—соединившись съ отрядомъ Морозко на р. Тигилѣ, Атласовъ тронулся, прежде всего, на р. Камчатку, для чего воспользовался переваломъ вдоль р. Конучи, при впаденіи которой въ р. Камчатку и поставилъ вышеупомянутый крестъ. Не находя въ долинѣ р. Камчатки никакихъ другихъ дорогъ, кромѣ самой рѣки, имѣющей въ этомъ мѣстѣ теченіе отъ 5 до 7 вер. въ часъ, Атласовъ не пошелъ вверхъ

*) Впослѣдствіи, въ своей отписи въ Якутскъ. Атласовъ умалчиваетъ объ этомъ раздѣленіи, вѣроятно потому, что это раздѣленіе обезсилило отрядъ казаковъ и было причиной неудачи въ нѣсколькихъ схваткахъ съ коряками.

**) Крашенинниковъ книга 4, стр. 143.

***) Тамъ-же книга 1, стр. 17.

по теченію, а вернулся назадъ, зазимовалъ въ мѣстахъ уже знакомыхъ и, на слѣдующій годъ, пошелъ вдоль берега Охотскаго моря, перешелъ хребетъ по долинѣ р.р. Большой и Быстрой, перешелъ въ вершину р. Камчатки и въ 60 верстахъ отъ ея истоковъ заложилъ Верхне-Камчатскій острогъ.

Въ настоящее время, т. е., спустя ровно 200 лѣтъ послѣ похода Атласова, конечно, никакого креста съ надписью на р. Камчаткѣ не сохранилось, хотя преданіе о наименованіи р. Крестовой существуетъ среди населенія еще и теперь.

Оставивъ въ Верхне-Камчатскомъ острогѣ 16 человѣкъ казаковъ съ Сѣрюковымъ во главѣ, Атласовъ, на третій годъ послѣ своего выхода изъ Анадырскаго острога, возвратился обратно и тотчасъ-же выѣхалъ съ лестнымъ для него извѣстіемъ въ Якутскъ, а затѣмъ въ Москву. Помимо ясака, состоящаго изъ 80 сороковъ соболей, 17 морскихъ бобровъ, 4 выдръ, 10-ти лисицъ чернобурыхъ и 191 красныхъ лисицъ, Атласовъ вывезъ съ собою однаго японца, попавшаго къ камчадаламъ съ разбившагося японскаго судна.

Заслуга Атласова, какъ покорителя новой страны, засвидѣтельствованная привезеннымъ имъ ясакомъ (особенно бобры—новый сортъ пушнины), была подвигомъ въ духѣ того времени и согласовалась съ требованіями воеводскаго наказа. Онъ и „иные землицы привелъ подъ самодержавную руку московскаго царя“ и „ясакъ новые народы ималъ“ и онъ-же “иноземцы распозналъ“, доказательствомъ чего служилъ представленный имъ японецъ.

Въ тѣ годы, приближалось время великихъ реформъ Петра Великаго. Покореніе Камчатки, какъ страны, посѣщаемой какими то сосѣдними иноземцами и при томъ посѣщаемой ими моремъ, съ коммерческими цѣлями, очевидно, не могло остаться безъ вниманія. Вслѣдствіе этого во многихъ, послѣдующихъ наказахъ камчадальскимъ и охотскимъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность: *) „опровѣдывать Японское царство и учинять съ нимъ торги не малые..... и провѣдывать какіе у нихъ въ Японскомъ государствѣ узорочные товары обрѣтаютъ„ца, также и русскіе товары въ томъ государствѣ какіе надобны, и на которые по ходу боль„ше бываютъ и станутъ-ли они съ русскими людми торги имѣть; и воинскіе японскіе люди ка„кое у себя имѣютъ оружіе въ битву и къ воинскому дѣлу каковы удобны и какими пути „проѣздъ къ нимъ бываетъ“.

Не былъ оставленъ безъ вниманія и покоритель Камчатки, Владиміръ Атласовъ. Въ Москѣ онъ былъ пожалованъ въ казачьи головы, съ предложеніемъ возвратиться въ Камчатку для продолженія начатаго имъ дѣла, набравъ съ собою даже силою, если не найдутся охотники, служилыхъ людей въ Тобольскѣ, Енисейскѣ и Якутскѣ. Кромѣ того, было приказано выдать ему потребное число пушекъ, пищалей, свинцу, пороху и при томъ дать ему знамя, барабанщика и сиповщика. Полномочія Атласова, простиравшіяся до права быть полнымъ господиномъ надъ служилыми людьми, посланными съ нимъ въ Камчатку, а равно и всѣ распоряженія о снаряженіи Атласова въ Камчатку, ясно свидѣтельствуютъ, что заслуга его оцѣнена и что пріобрѣтенная имъ земля заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны правительства.

Отличаясь большой волей и энергій, Атласовъ, въ тоже время, соединялъ въ себѣ качества, недостойныя вождя и рискованныя для управленія вольною дружиною. Онъ былъ жестокъ, своевластенъ и корыстолюбивъ. Обласканный въ Москвѣ, онъ далъ полную свободу своей жестокости и корыстолюбію, которыя и погубили его, не давъ возможности со славою окончить начатое имъ дѣло. Еще не доѣзжая Якутска изъ Москвы, онъ попалъ въ руки правосудія за явный разбой и грабительство, почему, по прибытіи въ Якутскъ, и былъ посаженъ въ тюрьму. При проволочкахъ того времени, судъ надъ Атласовымъ за разграбленіе имъ дощаниковъ купца Добрынина, продолжался болѣе 5 лѣтъ и только въ 1706 году, когда получились извѣстія о возмущеніи камчадаловъ, Атласовъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и, во главѣ 100 каза-

*) Памятники Сибирской Истор. XVIII вѣка кн. 1-я № 99.

ковъ, съ двухгодичнымъ запасомъ всего нужнаго, отправленъ въ Камчатку.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Атласова, дѣло постепеннаго покоренія Камчатки шло своимъ чередомъ и, быть можетъ, не приди онъ вторично, дѣло обошлось-бы безъ инцендента, опозорившаго до нѣкоторой степени, имя казачества.

Сѣрюковъ, оставленный въ Камчаткѣ Атласовымъ съ 16-ю казаками, очевидно, не могъ силою оружія вліять на покорность окружавшей его тысячной толпы инородцевъ, каторые, пользуясь безвыходнымъ его положеніемъ, не только отказывались отъ взноса ясака, но даже выражали неудовольствіе на пребываніе его среди нихъ. Только путемъ ласковыхъ и во всемъ уступчивыхъ торговыхъ сношеній, Сѣрюкову, ожидавшему, со дня на день, подкрѣпленій изъ Анадырска, удалось, въ теченіе года, удержаться среди камчадаловъ. Въ 1699 году, обстоятельства вынудили его оставить Верхне-Камчатскій острогъ и идти въ Анадырскъ. Но на пути, въ сѣверной оконечности Пенженской губы, весь отрядъ Сѣрюкова былъ разбитъ коряками.

Въ 1700 году, для наказанія коряковъ за смерть Сѣрюкова, изъ Якутска былъ посланъ боярскій сынъ Кобелевъ, которому, за неприбытіемъ еще Атласова изъ Москвы, поручалось возстановленіе въ Камчаткѣ всего, добытаго трудами Атласова. Кобелевъ отомстилъ корякамъ зе гибель Сѣрюкова, разбилъ ихъ остроженкъ Кохчу и, явившись въ Камчатку, возобновилъ Верхне-Камчатскій острогъ, собралъ ясакъ съ жителей западнаго побережья, вплоть до р. Озерной, и для укрѣпленія своей власти въ этомъ раіонѣ заложилъ на р. Большой, въ 50 верстахъ отъ ея устья, Большерѣцкій острогъ.

Судъ надъ Атласовымъ къ 1702 году не былъ еще оконченъ, а потому въ Якутскѣ было рѣшено избрать правителемъ Камчатки другое лицо. Выборъ палъ на Михаила Зиновьева, знакомаго съ Камчаткою изъ походовъ Морозко и Атласова.

Зиновьевъ отличался своею распорядительностью и вниманіе свое обращалъ, главнымъ образомъ, не столько на расширеніе владѣній, сколько на устройство и укрѣпленіе за русскими тѣхъ острожковъ, которые были уже объясачены Атласовымъ и Кобелевымъ. Онъ устроилъ окончательно Большерѣцкій острогъ и, спустившись по р. Камчаткѣ до 56° с. ш., приблизительно до мѣста ея поворота на востокъ, основалъ Нижне-Камчатскій острогъ. Для усиленія русскихъ силъ, размѣщенныхъ въ трехъ острогахъ, Зиновьевъ перевелъ въ Камчатку часть казаковъ Анадырскаго острога, жившихъ въ то время для сбору ясака съ коряковъ на р. Укѣ, впадающей въ Великій океанъ сѣвернѣе Камчатки. Для болѣе правильнаго веденія отчетности, Зиновьевымъ были заведены ясачныя книги, куда вписывался собираемый ясакъ, причемъ всѣ камчадалы по мѣсту жительства были раздѣлены на три части, съ подчиненіемъ каждой изъ нихъ одному изъ трехъ русскихъ остроговъ, управляемыхъ отдѣльными „закащиками".

На смѣну Зиновьеву, возвратившемуся въ Якутскъ въ 1704 году съ большою ясачною казною, былъ посланъ пятидесятникъ Колесовъ, который, воспользовавшись спокойствіемъ и порядкомъ, заведеннымъ его предшественникомъ, сдѣлалъ первую попытку къ расширеніи владѣній далѣе на югъ полуострова, въ землю курильцевъ, часть которыхъ ему удалось объясачить.

Съ извѣстіемъ о покореніи Курильцевъ Колесовъ намѣревался возвратиться въ Якутскъ тотъ часъ-же, послѣ похода на нихъ, но посланные на смѣну ему, одинъ за другимъ, боярскій сынъ Протопоповъ, а затѣмъ Шелковниковъ, не доѣзжая до мѣста назначенія, были убиты олюторскими коряками, почему пребываніе Колесова въ Камчаткѣ затянулось до 1706 г.

Не дождавшись замѣстителя, Колесовъ вышелъ съ ясачною казною въ Анадырскій острогъ, оставивъ въ Камчаткѣ трехъ закащиковъ: Анкудинова (въ Верхне-Камчатскѣ), Федора Ярыгина (въ Ннижне-Камчатскѣ) и Дмитрія Ярыгина (въ Большерѣцкѣ). На пути къ Анадыру Колесовъ встрѣтилъ часть казаковъ, оставшихся съ остатками боевыхъ и провіантскихъ запасовъ послѣ смерти Шелковникова; отдѣлилъ въ помощь къ нимъ 20 человѣкъ изъ своихъ казаковъ подъ командою Ламаева и отправилъ ихъ въ Камчатку; самъ-же, благополучно избѣжавъ неодно-

кратныя опасности, отъ коряковъ, на слѣдующій годъ, возвратился въ Якутскъ.

Такимъ образомъ, къ концу 1706 года, Камчатка оставалась безъ оффиціально назначеннаго правителя подъ наблюденіемъ трехъ закащиковъ, оставленныхъ Колесовымъ и присланнаго имъ-же съ дороги Ламаева, которому поручено было, между прочимъ, слѣдить за правильностью сбора ясака. Такая разобщенность власти, безспорно, умалила значеніе ея въ глазахъ камчадаловъ, которые, воспользовавшись такимъ положеніемъ дѣла, не преминули воспользоваться случаемъ и рѣшили избавиться отъ ига казаковъ. Возмущенію камчадаловъ не мало способствовала рѣшимость сѣверныхъ корякъ на убійство прикащиковъ Протопопова и Шелковникова. Надѣясь, что олюторцы, разъ осмѣлившись преградить дорогу казакамъ, не позволятъ имъ проходить въ Камчатку и на будущее время, камчадалы рѣшили истребить всѣхъ казаковъ, жившихъ по острогамъ. Больше всего пострадалъ Большерѣцкій острогъ, уничтоженный со всѣми бывшими въ немъ казаками, съ закащикомъ Ярыгинымъ. Волненіе распространилось и въ глубь страны и доходило до Авачи и до Бобороваго моря, гдѣ, въ это время, были убиты 15 человѣкъ казаковъ, собиравшихъ ясакъ.

Возстаніе распространилось-бы и далѣе и, быть можетъ, благодаря несогласію закащиковъ, кончилось-бы разореніемъ остальныхъ двухъ остроговъ, но, къ этому времени, въ Камчаткѣ появляется снова Владиміръ Атласовъ, прежнія заслуги котораго, подъ вліяніемъ взгляда на нихъ въ Москвѣ, безспорно, сильно способствовали освобожденію его изъ подъ суда и слѣдствія. Ему были возвращены всѣ права и предоставлены тѣ полномочія, которыми онъ былъ облеченъ въ 1701 году въ Москвѣ. Въ концѣ 1706 года, онъ былъ отправленъ въ Камчатку съ 100 казаками и двухгодичнымъ запасомъ всего нужнаго. Появленіе въ Камчаткѣ, въ іюлѣ 1707 года, свѣжихъ силъ казачьихъ, къ тому-же подъ управленіемъ не забытаго еще Атласова, повело къ быстрому усмиренію камчадаловъ. Партіи казаковъ были разосланы повсюду для усмиренія возставшихъ. Одной изъ такихъ партій, подъ командою Таратина, пришлось выдержать ожесточенную схватку, кончившуюся въ пользу казаковъ, въ окрестностяхъ Авачинской губы, жители которой долго еще оставались упорными поборниками независимости.

Авторитета Атласова достаточно было, чтобы ускорить прекращеніе возстанія, но, находясь вдали отъ власти, гдѣ царилъ полный произволъ силу имущаго, Атласовъ далъ просторъ своимъ дурнымъ наклонностямъ, погубившимъ его и запятнавшимъ славу казачества. Еще не доходя до Камчатки, онъ возбудилъ неудовольствіе къ себѣ со стороны служивыхъ людей, но то было время, когда каждый казакъ, вѣрный долгу своей службы, думалъ объ усмиреніи возставшихъ камчадаловъ. Но какъ только возстаніе было подавлено, казаки потеряли терпѣніе выносить жестокость и корыстолюбіе своего вождя. Потративъ все лѣтнее и осеннее время въ походахъ противъ возставшихъ, казаки не успѣли запастись на зиму провіантомъ и, не получивъ его изъ казенныхъ запасовъ отъ Атласова, подняли бунтъ. Въ декабрѣ того-же 1707 года, Атласовъ былъ лишенъ казаками команды и посаженъ въ Верхне-Камчатскомъ острогѣ въ тюрьму. Изъ тюрьмы Атласову удалось бѣжать въ Нижне-Камчатскій острогъ, но и тамъ казаки отказались стать на его сторону. Оставленный всѣми, Атласовъ жилъ въ Нижне-Камчатскѣ частнымъ образомъ, не у дѣлъ.

Между тѣмъ, якутскія власти, изъ которыхъ, очевидно, немало было противниковъ Атласова, узнали о жестокостяхъ его изъ доноса, посланнаго его служилыми людьми еще съ пути въ Камчтку, предвидѣли подобный исходъ дѣлъ камчатскихъ и, въ то еще время, когда Атласовъ только что подходилъ къ Камчаткѣ, (а именно въ маѣ 1807 г., а Атласовъ прибылъ въ Верхне-Камчатскій острогъ въ іюлѣ 1707 г.), въ Якутскѣ былъ избранъ на мѣсто его боярскій сынъ Петръ Чириковъ.

Въ эти годы, замѣчается особенно ожесточенное сопротивленіе со стороны олюторцевъ и, вообще, со стороны корякъ, жившихъ въ сѣверной части Камчатскаго полуострова. Вслѣдствіе этого, путь казаковъ въ Камчатку, пролегавшій обязательно чрезъ земли коряковъ, до того

былъ затрудненъ, что Чириковъ, назначенный въ Камчатку въ 1707 году, прибылъ туда только въ 1710 году. Иванъ Панютинъ, назначенный въ помощь Чирикову въ 1708 году, погибъ отъ руки олюторовъ въ 1709 году, а Осипъ Мироновъ или Липинъ, назначенный на смѣну Чирикову въ 1709 г., прибылъ въ Камчатку въ концѣ 1710 года.

О трудностяхъ проѣзда чрезъ земли коряковъ можно видѣть изъ слѣдующей отписи Чирикова, посланной имъ съ дороги * „Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, столникамъ и воеводамъ Юрью Ѳедоровичю, Михайлу Юрьевичю съ товарищи Петръ Чириковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ 709 „году, въ 20 день, будучи въ пути въ урочищяхъ, переправся за рѣкою Корагою, собрася „многолюдствомъ воровскіе олюторскіе иноземцы съ луками и съ копьями, въ куякахъ на ходу, днемъ, боемъ напустили и денежную казну 200 рублевъ, которая вынята была, для тягости, съ садненыхъ вершныхъ оленей и положена въ иные суммы; отбили-жъ и посланного „изъ Якуцкого въ камчадалскія зимовья на Большую рѣку прикащика, сына боярского Ивана „Панютина, убили, да съ нимъ служилыхъ людей побито Иванъ Брызгаловъ, Иванъ Одыфоровыхъ, а всѣхъ поголовно побито 10 человѣкъ, и многихъ испереранили на смерть; пороховую „казну и свинецъ, подарочную мѣдь и олово у многихъ казаковъ, которымъ роздано было везти до Камчатки, отбили и разорили въ конецъ безъ остатку; живемъ на тундрѣ наги и босы. „А какъ они на насъ боемъ попустили, и послѣ того говорили: до Камчати де васъ сухимъ „путемъ и моремъ не допустимъ, того де и въ умѣ не держите, что быть на Камчаткѣ. А нынѣ живемъ мы отъ нихъ воровъ въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ, по вся нощи подходятъ и караулы подсматриваютъ. А которой посланъ со мною былъ съ Иваномъ Панютинымъ государевъ „порохъ, и тотъ порохъ на бояхъ изъ гладкихъ пищалей и изъ винтовокъ стрѣлять не годитца, хрушекъ; а сколько пороху и свинцу и подарочной государевой казны по тундрѣ сберемъ, и о томъ буду писать въ Якуцкой впредь, буде—Богъ допуститъ живыхъ до Камчати. „А про камчадалскіе остроги и о служилыхъ людяхъ по се число вѣдомостей никакихъ не „слыхали. Да іюля въ 22 число вышеписанные олюторскіе иноземцы, скопився многолюдствомъ „и приходя къ нашимъ табарамъ съ боемъ, и я со служилыми людми, прося у Христа Бога „милости, выходя изъ табара къ нимъ иноземцамъ на вылазку, учинили бой; и Божіею милостію и государевымъ счастіемъ, олюторскихъ вспять прогнали, и на побѣгѣ двухъ человѣкъ „убили и многихъ испереранели, а въ вышеписаномъ на насъ напуску у нихъ человѣка-же „убили-жъ и 5 байдаръ отбили. И нынѣ я Петръ со служилыми людми въ предьнадлежащей „путь, буде Богъ управитъ, идти помышляю моремъ байдарами. А впредь въ камчадалскіе остроги безъ анадырскихъ жителей, съ одними посланными изъ Якуцкого служилыми людми, „идти никоими мѣры невозможно, для того анадырскіе жители порядки иноземскіе и бои и „всякіе поступки и въ коемъ мѣстѣ отъ нихъ оберегатца и жилищи ихъ вѣдаютъ. Петръ Чириковъ. 1710 году, генваря 24 день. Якутскъ.

При такихъ трудностяхъ путей сообщенія, извѣстія между Якутскомъ и Камчаткой затягивались на продолжительное время, вслѣдствіе чего Чириковъ, прибывъ въ Камчатку, не зналъ, въ какомъ положеніи былъ Атласовъ. Очень поздно узнала объ этомъ и якутская канцелярія, которая потомъ, хотя и писала Чирикову о производствѣ слѣдствія надъ Атласовымъ, но и это извѣстіе, по тѣмъ-же причинамъ, не дошло по назначенію.

Въ теченіе года, Чириковъ управлялъ страною, не касаясь Атласова, и въ свое управленіе велъ ожесточенную борьбу съ „присудомъ" Большерѣцкаго острога, куда были посланы имъ, вины ради, главные зачинщики сверженія Атласова, изъ которыхъ большая часть тамъ и погибла. Болѣе удачную борьбу Чириковъ велъ съ жителями восточнаго побережья, при-

*) Памятники Сибир. Исторіи кн. 1-я актъ 94.

чемъ въ одномъ изъ походовъ къ Бобровому морю ему удалось захватить 4-хъ японцевъ, спасшихся съ разбившагося у береговъ Камчатки судна.

Не успѣлъ Чириковъ съ ясачною казною и пріобрѣтеннымъ имуществомъ выѣхать въ Якутскъ, какъ на мѣсто *) его прибылъ Осипъ Мироновъ или Липинъ, причемъ Чириковъ, за позднимъ временемъ года, когда нельзя уже было ѣхать на лодкахъ вдоль берега, остался зимовать въ Камчаткѣ, надѣясь, при содѣйствіи Миронова, провезти весною все свое добро Пенжинскимъ моремъ и, тѣмъ самымъ, избѣжать нападеніе олюторцевъ.

Такимъ образомъ, зимою 1700—1711 года, въ Камчаткѣ жили три прикащика: Атласовъ, Чириковъ и Мироновъ (Липинъ), которые, какъ можно думать, прикрывали проступки другъ друга и одинъ другому представляли возможность обезпечивать свое достояніе на счетъ камчадаловъ и самихъ казаковъ. Такъ, Чириковъ собрался съ Атласовымъ вмѣстѣ идти въ Якутскъ, а Мироновъ перевез ихъ имущество въ Тигиль, далъ лодку и паруса и назначилъ нѣсколько казаковъ въ качествѣ провожатыхъ. По такой планъ дѣйствій не было приведенъ въ исполненіе. Ненависть казаковъ къ Миронову и къ двумъ прежнимъ прикащикамъ дошла до послѣднихъ предѣловъ и недовѣріе къ вновь присылаемымъ прикащикамъ изъ Якутска возростало съ каждымъ днемъ. Къ тому-же, надо думать, и деморализація самихъ служилыхъ людей, успѣвшихъ въ теченіе 1708 и 1709 годовъ испытать сладость безначалія, перешла границы.

Въ 1711 году, казаки рѣшаются избрать себѣ начальниковъ изъ среды своей, а Миронова, Атласова и Чирикова лишить жизни, не давъ возможности двумъ послѣднимъ увезти ясачное и награбленое имущество въ Якутскъ.

Первымъ былъ схваченъ и зарѣзанъ Мироновъ, слѣдовавшій вмѣстѣ съ Чириковымъ изъ Нижне-Камчатска въ Верхне-Камчатскъ, причемъ Чириковъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Затѣмъ казаки отправили, подъ видомъ посланныхъ съ письмомъ, убійцъ къ Атласову. Посланные застали Атласова спящимъ и зарѣзали его.

Во главѣ бунтовщиковъ стояли Анцыферовъ и Козыревскій; первый былъ избранъ атамономъ, а второй есауломъ. Послѣ этого, началось расхищеніе и дѣлежи имущества прикащиковъ, причемъ той-же участи подверглось и все то, что уже было свезено Чириковымъ и Атласовымъ въ Тигиль. Судьба Чирикова была хуже другихъ; бунтовщики оковали его желѣзомъ и бросили въ рѣку. По совершеніи кровавыхъ расправъ, казаки долго еще неистовствавали и предавались разгулу. Во время этихъ безпорядковъ, бывшіе въ вѣдѣніи Большерѣцкаго острога, камчадалы отложились, почему первымъ долгомъ Анцыферова было усмирить ихъ, что онъ и сдѣлали съ успѣхомъ. Кромѣ того, онъ обошелъ съ тою-же цѣлью весь западный берегъ и былъ даже у курильцевъ, на первомъ отъ Камчатки островѣ.

Въ оправданіе своихъ поступковъ казаки послали въ Якутскъ челобитную, конечно, изобразивъ въ самыхъ яркихъ краскахъ беззаконія прикащиковъ и съ особыми отмѣтками выставивъ свои заслуги предъ царемъ и отечествомъ.

Въ сборникѣ „Памятники Сибирской Исторіи" помѣщены три такихъ челобитныхъ или отписки казаковъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ (книга 1-я №№ 104, 105 и 109) и, кромѣ того, 6 такихъ-же документовъ—(книга 1-я №№ 106, 111, 112, 117, 119 и 123), разъясняющихъ и дополняющихъ этотъ печальный фактъ.

Въ свое оправданіе, казаки писали, что Атласовъ и слѣдующіе за нимъ прикащики „учали „жить не горазно, забывъ страхъ Божій и кресное цѣлованіе и свое предъ Святымъ Евангелі„емъ обѣщаніе, тебѣ великому государю радѣнія службою своею не показали, казну твою во„ровали.........ясачнымъ иноземцамъ чинили обиды и насилія великія и разоренія немалыя,....Лучшихъ ясачныхъ иноземцевъ, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, кнутьемъ и батогомъ били не по-

*) Въ нѣкоторыхъ актахъ, перечисленныхъ въ „Памятникахъ Сибир. Истор.", это лицо называется Мироновымъ, (актъ №№ 95 99 кн. 1-я) а въ нѣкоторыхъ Липинымъ, (актъ №№ 100. 105 106 и проч.)

винѣ на смерть,.... и буйства ради, въ разгулѣ, съ палашемъ въ рукахъ, на насъ, рабовъ твоихъ, наметывались, многихъ служилыхъ переранили, а иные на смерть закололи...... Да по твоему-же великаго государя указу, велѣно ему Осипу (относится къ прикащику Осипу Миронову) нами, рабами твоими, про Апонское государство освѣдомиться и про новую землицу, которая есть въ Носу за переливами (т. е. Курильскіе острова), провѣдать......и мы раби твои ему Осипу словесно челомъ били, что-бы насъ онъ отпустилъ по указу про вышеписанное Апонское государство и новую землицу провѣдать, но онъ Осипъ челобитья нашего не принялъ и наше челобитье съ другомъ своимъ Петромъ Чириковымъ поверстали въ бунтъ и сажали насъ за то въ омулку и заклепные желѣза заковывалъ и морилъ токмо голодною смертью, да онъ-же Осипъ, когда шелъ въ камчадальскіе остроги Пенжинскимъ моремъ, покинулъ на отдѣльномъ суднѣ служилыхъ людей 6 человѣкъ; а кои служилые люди съ нимъ Осипомъ на суднѣ были, били челомъ, чтобы осталое судно съ служилыми людьми дождаться, а онъ Осипъ того не послушалъ и впередъ ушелъ, и тѣ осталые служилые люди живы нынѣ или нѣтъ, про то никто не вѣдаетъ".

Далѣе идетъ перечень другихъ поступковъ какъ вообще прикащиковъ, особенно Осипа Миронова. Въ заключеніе челобитной говорится: „и мы раби твои въ камчадальскихъ острогахъ вышеписанныхъ прикащиковъ убили для того, что они прикащики казну твою, великій государь, воровали и остановили своею упрямкою и нерадѣніемъ, а своими обиды и налоги ясачныхъ иноземцевъ въ шаткость привели, и у насъ рабовъ твоихъ твою государскую милость, денежное жалованье отнимали, и къ намъ рабамъ твоимъ непомѣрные отъ нихъ обиды и налоги виликіе были, а за дальнымъ разстояніемъ жалоба тебѣ великому Государю отъ насъ рабовъ твоихъ на нихъ прикащиковъ не дойдетъ и челобитчиковъ они прикащики до Якутскаго города не допустили бъ для того, что вѣдаютъ на себя многія улики и воровства, и въ томъ мы раби твои въ своемъ убожествѣ тебѣ великому Государю вину свою страдничью приносимъ".

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, казаки послали дополнительную челобитную, въ которой, какъ-бы въ противовѣсъ упущеніямъ по службѣ, происходившимъ, по ихъ словамъ, отъ „нерадѣнія" прикащиковъ, они постарались выставить всѣ свои заслуги и дѣйствія, совершенныя послѣ убіенія прикащиковъ.

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій *). Въ нынѣшнемъ 1711 году, прежде бывшіе прикащики отъ насъ побиты, и за такую свою страдничью вину пошли мы раби твои служить тебѣ на Большую рѣку умирять измѣнниковъ, которые, въ 1707—1710 годѣхъ, тебѣ измѣнили и острогъ на Большой рѣкѣ сожгли, а казну твою великаго досударя ограбили, и съ того вышеписанного году по нынѣшній годъ по всягодно служилыхъ людей побивали, а ясачную казну, порохъ, свинецъ и пищали отбивали-жъ. И нынѣ мы раби твои лучшаго иноземца Купугу съ родниками его приступомъ взяли, а на томъ ихъ мѣстѣ новый земляной острогъ построили. И нынѣшнимъ-же лѣтомъ лучшій иноземецъ Каначъ, съ пятью его острогами, въ многолюдствѣ къ ясачному зимовью и къ острогу нашему съ приступомъ приходили. И мы острогъ и ясачное зимовье отстояли и казну твою великаго Государя спасли, и на вылазку изъ острога своего выходили и Канача съ измѣнниками ратнымъ боемъ побили......А въ нынѣшимъ, а государь, 1711 году, мы раби твои съ Большой рѣки въ ту Курильскую землю, на край камчадальскаго Носу ходили, и съ того Носу мы раби твои въ мелкихъ судахъ и байдарахъ за переливами на морѣ на островахъ были и до той земли доходили, гдѣ велѣно намъ рабамъ твоимъ, по твоему великаго государя указу, провѣдать и дать той землѣ особый чертежъ. И будучи мы раби твои на первомъ острову, тѣ курильскіе мужики, скопився въ многолюдствѣ, дали съ нами бой трѣпкій.......А за другимъ переливомъ, на другомъ острову, живутъ иноземцы езовитяне; и собралось многое число, а бою съ нами не дали.......И мы раби твои стояли на той землѣ ихъ двои

*) Упоминаютъ Чирикова и Миронова, тогда какъ объ Атласовѣ почему то умалчиваютъ.

сутки, а дать бою за малолюдствомъ не посмѣли и себя отъ нихъ опасли.......И они сказываютъ, что де отъ вышепомянутой дальней земли, которую землю въ полуденной сторонѣ видите на морѣ, близъ де Матмайскаго города и Японскаго государства и объ томъ государствѣ радѣтельное своего тщаніе къ службѣ твоей великаго государя мы раби твои приложимъ и чрезъ дальную видимую землю провѣдать впредь обѣщаемся" *),

Между тѣмъ, изъ Якутска на смѣну Миронова явился, ничего не зная объ участи послѣдняго, десятникъ Василій Савостьяновъ (Щепеткой), который, только благодаря своей осторожности, спасся отъ руки подосланныхъ убійцъ и только тогда приступилъ къ нѣкоторымъ карательнымъ мѣрамъ противъ бунтовщиковъ, когда Анциферовъ погибъ, будучи сожженъ живымъ въ Авачинской долинѣ, куда онъ зашелъ для сбора ясака.

Фактъ сожженія Анцыферова съ его казаками свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о той ненависти и злобѣ, до которой казаки довели камчадаловъ. Камчадалы хитростью заперли казаковъ въ домѣ и зажгли его. При этомъ оставшіеся въ домѣ аманаты изъ камчадаловъ не только не выражали протеста, но даже просили своихъ сородичей жечь весь домъ, не стараясь о ихъ спасеніи, лишь-бы не дать возможности спастись Анцыферову и его казакамъ.

Савостьяновъ, кромѣ своего ясака, собралъ все, что только осталось отъ прежнихъ прикащиковъ и что, въ видѣ повинной, приносили ему для царской казны смирившіеся казаки. Благополучно избѣжавъ нападеніе олюторцевъ, онъ привезъ въ Якутскъ, въ 1712 году, ясачную казну, неполучаемую тамъ съ 1710 года.

Въ 1712 году, въ Камчатку, еще до возвращенія Савостьянова, былъ назначенъ, бывшій уже въ Камчаткѣ, въ 1704 году, Василій Колесовъ, которому, кромѣ обычнаго въ то время наказа: „приводить иноземцевъ въ ясачный платеж и провѣдывать иныя земли", было поручено производство подробнаго дознанія объ убійствѣ трехъ прикащиковъ и о приведеніи дѣлъ камчатскихъ въ должный порядокъ.

Опытный въ дѣлахъ Камчатскихъ и наученый горькимъ опытомъ своихъ предшественниковъ, Колесовъ разумными мѣрами и энергичными дѣйствіями усмирилъ казаковъ и, въ теченіе года, привелъ все въ должный порядокъ. Строгія и карательныя мѣры, не исключая пытокъ и казни, онъ употреблялъ противъ тѣхъ, которые, во время бунта, отличались своею жестокостью; изъ остальныхъ-же: однихъ простилъ, другихъ наградилъ, а нѣкоторымъ далъ возможность загладить „свои вины" исполненіемъ возложенныхъ на нихъ важныхъ порученій. Такъ, Козыревскому, стоявшему во главѣ—бунтовщиковъ, Колесовъ поручилъ идти на Большую рѣку, построить тамъ суда и, „дабы заслужитъ своя вины", идти на Курильскіе острова для приведенія новыхъ народовъ въ русское подданство и для наведенія болѣе точныхъ справокъ о Японскомъ государствѣ.

Заканчивая свою дѣятельность по управленіи Камчаткой, Колесовъ, въ началѣ іюня 1713 года, отправилъ въ Якутскъ подробное описаніе **) всѣхъ своихъ мѣропріятій съ указаніеми, какія и на каго изъ казаковъ онъ наложилъ наказанія за буйство, кого повѣсилъ, кому пальцы отрубилъ, кого на плаху клалъ или билъ кнутомъ и батогомъ.

Какъ на одну изъ причинъ безпорядковъ Колесовъ, въ томъ-же донесеніи, указывалъ на азартныя игры служилыхъ людей въ карты и кости: „а какъ они проигрываютца до нага и на службу великаго государя бываютъ не въ исправахъ и надѣютца на грабежи и убійства, кто боится, того и грабятъ и межъ собою животы дуванятъ".

Интересное, между прочимъ, замѣчаніе Колесова, выведенное имъ изъ слѣдствія, что главные бунтовщики и самые ненадежные казаки—родомъ изъ Тобольска. Въ заключеніе своего

*) Памятн. Сибирс. Истор. кн. 1-я № 109. Казаки знали, какъ относился государь къ провѣдыванію иныхъ государствъ, а потому и выдавали свой походъ къ курильцамъ, какъ особо важную заслугу.

**) Памятн. Сиб. Ист. кн. 1 № 123.

донесенія, Колесовъ проситъ распоряженія Якутской канцеляріи: 1) о запрещеніи азартныхъ игръ, 2) о прекращеніи высылки въ Камчатку казаковъ изъ тобольскихъ уроженцевъ и 3) о разрѣшеніи перенести Нижне-Камчатскій острогъ ближе къ Ключамъ, на болѣе сухое мѣсто, гдѣ-бы можно было, согласно заявленій казаковъ, построить церковь.

Кромѣ этого, такъ сказать, слѣдственнаго донесенія, Колесовъ, въ тоже время, послалъ въ Якутскъ и вторую отписку *), въ которой, ссылаясь на малолюдство команды, заявляетъ о невозможности ему идти съ ясачной казною въ Якутскъ чрезъ земли олюторцевъ и проситъ остаться въ Камчаткѣ до болѣе удобнаго времени.

Въ январѣ 1713 года, изъ Якутска былъ данъ наказъ анадырскому прикащику, дворянину Афанасію Петрову, идти въ Камчатку вмѣстѣ съ назначеннымъ туда прикащикомъ Иваномъ Енисейскимъ и учинить судъ и разправу, если это не успѣлъ еще сдѣлать Василій Колесовъ. Афанасій Петровъ возвратился затѣмъ для постройки Олюторскаго острога, а Енисейскій остался въ Камчаткѣ.

Енисейскій былъ одинъ изъ первыхъ, посѣтившихъ Камчатку еще во времена Морозки, Кобелева и другихъ. Въ 1711 году онъ получилъ званіе дворянина, **), а въ 1713 году назначенъ въ Камчатку на мѣсто Колесова. Завершивъ окончательно слѣдствіе надъ казаками, Енисейскій, по проекту Колесова, перенесъ Нижне-Камчатскій острогъ ближе къ подножію Ключевскаго вулкана и построилъ тамъ церковь.

О прибытіи въ Камчатку духовныхъ особъ впервые упоминается въ 1705 году, когда для проповѣди слова Божія былъ высланъ туда изъ Тобольска архимандритъ Мартиніанъ, который, надо думать, и пережилъ среди казаковъ всѣ смуты и распри. Имя его упоминается въ отпискѣ Афанасія Петрова, ***) гдѣ одинъ изъ пойманныхъ бунтовщиковъ показывалъ, что, при дѣлежѣ имущества убитыхъ прикащиковъ, на долю архимандрита Мартиніана досталось: шуба собачья, да дворовая дѣвка Атласова.

При Енисейскомъ былъ удачный походъ на немирныхъ и долго сопротивлявшихся камчадаловъ Авачинскаго и Поротунскаго острожковъ. Ему-же пришлось получить ясакъ съ трехъ Курильскихъ острововъ, доставленный Козыревскимъ, посланнымъ туда еще Колесовымъ. Козыревскій доставилъ, между прочимъ, чертежи этихъ острововъ, свѣдѣнія о Японскомъ государствѣ и 22 зол. золота, взятаго у японцевъ.

Енисейскому пришлось возвращаться въ Якутскъ въ 1714 г. вмѣстѣ съ Колесовымъ, который, какъ упомянуто выше, не рисковалъ одинъ ѣхать черезъ земли коряковъ, которые съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ожесточались противъ русскихъ.

Въ то время на р. Олюторѣ былъ дворянинъ Петровъ, которому предписано было устроить тамъ острогъ и содержать постоянно команду, дабы такимъ образомъ обезопасить путь камчатскимъ казакамъ къ Анадырскому острогу. По прибытіи Колесова и Енисейкаго къ Олюторской рѣкѣ, Петровъ встрѣтилъ ихъ и, выждавъ зимній путь, отправился сопровождать къ Анадырску. На пути, благодаря измѣнѣ сопровождавшихъ ихъ юкагировъ, всѣ они были убиты и ясачная казна ихъ была разграблена ****).

Послѣ такой катастрофы было сдѣлано распоряженіе не возить ясачной казны и вообще казеннаго груза чрезъ Анадырскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было вмѣнено въ обязанность якутскаго воеводы озаботиться подысканіемъ въ Камчатку другаго пути. Такое распоряженія было сдѣлано въ царствованіе Петра Великаго, въ бытность сибирскимъ губернаторомъ князя Гагарина и якутскимъ воеводой полковника Ельчина. На ряду со другими партіями, направленными къ

---

*) Памятн. Сиб. Ист. кн. 1-я № 120.
** „ Сиб. Истор. кн. 2-я прибавл. № 127.
***) „ тоже кн. 1-я № 102.
****) „ тоже кн. 2-я прибав. № 127.

изслѣдованію морей и береговъ сѣверо-восточныхъ владѣній, была снаряжена въ Охотскѣ партія Козьмы Соколова, при которой имѣлись корабельные мастера, матросы и необходимыя для морскаго судна снасти.

Соколовъ построилъ въ Охотскѣ судно и въ 1716—1717 г. совершилъ поѣздку вдоль береговъ и открылъ кратчайшій путь въ Камчатку чрезъ Ламское (Охотское) море къ устью р. Большой. Со этого времени начинается быстрое возрастаніе Охотска, который, къ началу 30-хъ годовъ, становится портомъ и центромъ правленія всѣхъ сѣверо-восточныхъ владѣній, не исключая и Камчатки.

Послѣ Енисейскаго, пока еще не установлено было правильное сообщеніе черезъ Охотскъ въ Камчатку, въ 1714 году, былъ назначенъ пятидесятникъ Петриловскій, который жадностью и звѣрствомъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Петриловскій былъ въ Камчаткѣ болѣе двухъ лѣтъ; послѣ—него Козьма Соколовъ, который открылъ путь изъ Охотска въ Камчатку. Петриловскій кончилъ службу тѣмъ, что казаки не вынесли его жестокостей, отправили его имущество и посадили въ тюрьму. Изъ Камчатки онъ былъ отправленъ подъ строгимъ карауломъ въ Якутскъ уже въ 1719 году, послѣ производства слѣдствія по поводу перекупки казаками ясачной казны отъ коряковъ, ограбившихъ и убившихъ прикащиковъ: Колесова, Енисейскаго и Петрова *).

Послѣ этого, въ Камчаткѣ, одинъ за другимъ, были прикащики Ведиливцевъ, Колычевъ, затѣмъ Суровцевъ, отъ котораго принялъ Уворовскій, съ которымъ единовременно были Поротовъ и Качановъ. Въ 1719 году, въ Камчатку былъ посланъ боярскій сынъ Харитоновъ. Судьба всѣхъ этихъ прикащиковъ была не лучше ихъ предшественниковъ; большинство изъ нихъ погибло отъ окончательно развратившихся къ тому времени служилыхъ людей и озлобившихся камчадаловъ.

Вполнѣ правдоподобную характеристику того времени даетъ отписка Максима Лукашевскаго, одного изъ закащиковъ 1720 года, когда одичавшая толпа казаковъ дошла до крайнихъ предѣловъ распущенности, когда каждый, не пренебрегая никакими мѣрами, дѣлаетъ все по своему произволу, не исключая даже измѣны царю и отечеству и, не стѣсняясь, прикрываетъ свои поступки саномъ монашества. Въ заключеніе, Лукашевскій говоритъ, что если не будутъ теперь-же приняты мѣры, если эти казаки не будутъ удалены изъ Камчатки, а на мѣсто ихъ не будутъ присланы новые и притомъ подъ управленіемъ „начальнѣйшаго", то въ Камчаткѣ будетъ одно лишь самовластіе, возмущеніе и въ службѣ государевой остановка.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, Камчатка доживала до 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда, въ связи съ реформами Великаго Петра, начинаютъ проявляться забыты о всестороннемъ изученіи всѣхъ приморскихъ владѣній, входившихъ въ составъ Россійской Имперіи. Съ этого времени, для сѣверо-восточныхъ окраинъ начинается новая эпоха, наступаетъ періодъ изслѣдованій и экспедицій.

Охотско-камчатскій путь, открытый Соколовымъ, годъ отъ году, обставляется все большими и большими удобствами (конечно, въ размѣрахъ того времени); снаряжается партія Евреинова и Лузина для изслѣдованія Курильскихъ островов и, вообще, береговъ Охотскаго моря; для приведенія въ извѣстность и окончательнаго присоединенія къ подданству Россіи сѣверо-восточныхъ инородцевъ, отправляется въ 1727 году, по высочайшему указу, такъ называемая „чукотская" экспедиція, подъ начальствомъ Шестакова и Павлуцкаго; наконецъ, въ томъ-же году, по указу еще Петра Великаго, воспослѣдовавшему 23 января 1724 года, въ предѣлахъ Камчатки появляется первая экспедиція Беринга, занимавшаяся въ Камчаткѣ, съ 4 сентября 1727 г. по 14 іюля 1727 года, приготовленіемъ къ плаванію для опредѣленія границъ между Азіею и Америкой.

Хотя представители этихъ экспедицій и не принимали прямого участія въ дѣлахъ управ-

*) Пам. Сиб. Ист. кн. 2-я № 65.

лепія Камчаткою, но, тѣмъ не менѣе, появленіе ихъ съ полномочіями отъ россійскаго правительства, конечно, не могло не вліять на судьбы камчатскихъ дѣлъ.

Вліяніе это отражается на умаленіи значенія казаковъ, въ глазахъ полудикихъ камчадаловъ, для которыхъ казакъ— пятидесятникъ, въ сравненіи съ членами экспедиціи, пересталъ казаться чѣмъ то высшимъ, власть имущимъ, а скорѣе непрошеннымъ гостемъ и самовольнымъ извергомъ. Вслѣдствіе этого, когда экспедиціи оставляютъ на время Камчатку, не повліявъ на организацію, не давъ ей административнаго устройства, среди камчадаловъ, въ 1731 году, являются свои собственные вожди, возставшіе за свободу родины.

Изъ послѣднихъ казачьихъ прикащиковъ, собиравшихъ ясакъ въ Камчаткѣ, были: Штанниковъ, въ 1727 г., Новгородовъ въ 1730 и Шехурдинъ въ 1731 году, по отъѣздѣ котораго и начался камчатскій бунтъ.

Партія Евреинова и Лузина коснулись только юго-западнаго побережья Камчатки, въ предѣлахъ владѣній Большерѣцкаго острога; болѣе видное участіе въ судьбахъ этого полуострова выпало на долю маіора Павлуцкаго, участника партіи Шестакова.

Шестаковъ, направивъ Павлуцкаго изъ Якутска въ Чукотскую землю, самъ прибылъ въ Охотскъ. Воспользовавшись здѣсь судами первой Беринговой экспедиціи, онъ раздѣлилъ свою партію на два отряда: одну на суднѣ „Гавріилъ", подъ командою Генса, направилъ къ Удской губѣ и Шантарскимъ островамъ, а самъ, тоже на суднѣ, пошелъ на сѣверъ. На пути Шестаковъ потерпѣлъ крушеніе (въ Тоуйской губѣ?) и съ командой, которая спаслась, пошелъ къ корякамъ и чукчамъ сухимъ путемъ. На берегахъ р. Пенжины онъ встрѣтилъ большое полчище чукчей и въ первой-же схваткѣ погибъ со всею командою, состоявшей изъ 150 человѣкъ.

Гораздо успѣшнѣе велъ дѣло Павлуцкій. Онъ прошелъ Чукотскую землю съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ и во всѣхъ битвахъ, отличавшихся кровопролитіемъ, остался побѣдителемъ надъ непокореными чукачами. Въ одной изъ такихъ схватокъ ему удалось отбить отъ чукчей вещи, принадлежащія погибшему Шестакову и его казакамъ. Въ октябрѣ 1731 года, Павлуцкій, отправивъ много плѣнныхъ въ Якутскъ, возвратился въ Анадырскій острогъ и снарядилъ отрядъ казаковъ къ устью Анадыра для содѣйствій судну, посланному изъ Охотска для описи устья этой рѣки и упроченія тамъ русскихъ владѣній. На этомъ суднѣ („Гавріилъ" подъ командою того-же Генса) должна была придти значительная часть казаковъ изъ камчатскаго отряда.

Но судно „Гавріилъ", на этотъ разъ, не пришло, такъ какъ было задержано бунтомъ камчадаловъ, возставшихъ за независимость, подъ начальствомъ своихъ таіоновъ: Харчина и Гонгоча.

Какъ только экспедиціонныя силы оставили Камчатку, камчадалы взялись за оружіе и рѣшились перебить всѣхъ, оставшихся въ ихъ странѣ казаковъ. Такой жестокій замыселъ и былъ-бы приведенъ ими въ исполненіе, еслибы судьба, на этотъ разъ, не посодѣйствовала русскимъ.

Камчадалы, развѣдавъ объ участи отряда Шестакова и не видя особой опасности со стороны Павлуцкаго, находящагося во 1-хъ далеко, а во 2-хъ обезсиленнаго ожесточенной борьбой съ чукчами и, наконецъ, вполнѣ разсчитывая на непримиримую вражду къ казакамъ коряковъ, ожидали только того момента, когда главная опора русскихъ, судно „Гавріилъ", съ большею частью казаковъ, уйдетъ въ море по направленію къ Анадыру.

20 іюля 1731 года, судно, дѣйствительно, вышло изъ устья Камчатки, но, за поднявшимся противнымъ вѣтромъ, стало при устьѣ на якорь. Вожди камчадаловъ, получивъ извѣстіе объ отходѣ судна и не дождавшись окончательнаго его отплытія, приступили къ избіенію казаковъ. Часть мятежниковъ пошла вверхъ по рѣкѣ, а часть напала на Нижне-Камчатскій острогъ, предавая все огню и мечу и не щадя ни женъ, ни дѣтей. Но получивъ извѣстіе о томъ, что судно стоитъ на якорѣ у устья р. Камчатки, Харчинъ сдѣлалъ распоряженіе,—укрѣпиться въ Нижне-Камчатскомъ острогѣ и послалъ извѣстіе вверхъ по рѣкѣ, что-бы всѣ старались защи-

тить взятый имъ русскій острогъ. Штурманъ „Гавріила", Генсъ, узнавши о бунтѣ, отмѣнилъ походъ на Анадыръ, вошелъ снова въ устье р. Камчатки и послалъ команду съ ружьями и пушками на выручку острога. Казаки сначала уговаривали мятежниковъ сдаться волею, но получивъ въ отвѣтъ грубыя насмѣшки и ругательства со стороны Харчина, разгромивъ стѣны пушками, приступомъ взяли острогъ. Харчинъ спасся хитростью и пошелъ вверхъ по рѣкѣ, собирая вокругъ себя партіи бунтовщиковъ. На берегу р. Ключевки Харчинъ, стоя во главѣ большого войска, хотѣлъ было вступить въ переговоры съ казаками, но схваченный хитростью, взятъ былъ въ плѣнъ и заключенъ подъ стражу. Къ этому времени начали было стекаться къ подножію Ключевскаго вулкана тоіоны другихъ камчадальскихъ остроговъ: Еловскій, Камышевскій и др. Казаки постарались, однако, не допустить ихъ до соединенія и разбили порознь всѣхъ, направивъ свои преслѣдованія вверхъ по р. Камчаткѣ, а такъ-же и по другимъ направленіямъ; рѣзня продолжалась до конца года и даже болѣе, при чемъ казаки прошли всю Камчатку, усмиривъ большерѣцкихъ и, вообще, пенжинскихъ бунтовщиковъ; ходили даже къ авачинскимъ камчадаламъ.

Между тѣмъ, въ Петербургъ прибыли два японца, высланные туда изъ Камчатки при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1729 году, у южной оконечности Камчатки, разбилось японское судно, при чемъ команда его, въ числѣ 17 человѣкъ, спаслась и устроила на берегу Камчатки стоянку, куда было свезено японцами съ затонувшаго судна все, что было необходимо для продовольствія. Въ это время, въ тѣхъ мѣстахъ появился русскій пятидесятникъ Штинниковъ съ командою для сбора ясака. При видѣ разнаго рода имущества японцевъ, Штинниковъ не утерпѣлъ и, несмотря на полную покорность японцевъ, перебилъ ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ, которыхъ оставилъ себѣ въ услуженіе. Для покрытія своей вины Штинниковъ откупался награбленнымъ добромъ отъ вліятельныхъ казаковъ, но когда прибылъ новый начальникъ, Новгородовъ, поступокъ Штинникова съ японцами обнаружился; онъ былъ взятъ подъ стражу, а 2 японца были отправлены въ Петербургъ, при чемъ въ Петербургѣ было писано такъ-же извѣстіе и о камчатскомъ мятежѣ. Вслѣдствіе этого, было указано *) послать якутскаго полка маіора Мерлина; въ помощь ему вызвать съ Анадыра маіора Павлуцкаго, снабдить ихъ необходимымъ количествомъ солдатъ и боевыми припасами и поручить имъ разслѣдовать дѣло о бунтѣ и убіеніи японцевъ, при чемъ слѣдственное дѣло было приказано прислать въ Иркутскъ для конфирмаціи. Мерлинъ и Павлуцкій построили новый Нижне-Камчатскій острогъ, при устьѣ р. Ратушъ, въ 30-ти верстахъ отъ устья р. Камчатки, и жили тамъ до августа 1739 года. По полученіи изъ Иркутска конфирмаціи, приступили къ наказанію виновныхъ, не щадя ни камчадаловъ, ни казаковъ, при этомъ изъ русскихъ были казнены: Новгородовъ, Штинниковъ и Сапожниковъ, а изъ камчадаловъ Харчинъ и много другихъ. Строгое и, вѣроятно, правдивое возмездіе, понесенное виновными, прекратило въ Камчаткѣ самопроизволъ и насиліе. Съ того времени миръ, покой и тишина водворились въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Россійской Имперіи, особенно послѣ повелѣнія императрицы Елизаветы Петровны ввести особыя инструкціи для управленія Камчаткою, когда особенное вниманіе было обращено на упроченіе тамъ православной миссіи и заведены школы. Времена Мерлина, такъ круто повернувшія судьбы Камчатки, надолго остались въ памяти народа, передаваясь изъ рода въ родъ и сохранились до настоящаго времени, какъ поговорка: „какъ быть тогда не веселу, когда всѣхъ насъ повѣсили". Эта поговорка существуетъ и въ настоящее время, но происхожденіе ея приписывается упомянутому времени.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ снаряжалась вторая сѣверная экспедиція Беринга, затѣянная, на этотъ разъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и обошедшаяся казнѣ свыше $^1/_2$ милліона руб.

Въ 1730 году, по возвращеніи своемъ изъ первой экспедиціи, Берингъ представилъ императрицѣ двѣ записки; въ первой онъ, какъ ознакомившійся съ Камчаткою и видѣвшій всю

*) Собран. законовъ. 1733 г. мая 21.

бывшую там неурядицу, обращалъ вниманіе ея величества на эту неустроенную, но важную страну, перечислялъ всѣ нужды этой окраины и предлагалъ мѣры къ удовлетворенію ихъ. Во второй запискѣ Берингъ проектировалъ новую экспедицію для всего сѣверо-восточнаго края, для изученія его въ естественно-историческомъ отношеніи и подробнаго описанія.

Во вниманіе перваго предложенія Беринга, въ маѣ 1731 года, т. е., за мѣсяцъ до начала камчатскаго бунта и какъ-бы предугадывая его, послѣдовалъ высочайшій указъ объ устройствѣ Охотско-Камчатскаго края, съ центромъ правленія въ Охотскѣ, съ учрежденіемъ въ немъ порта, подчинивъ вѣдѣнію его и Анадырскій край.

Первымъ начальникомъ вновь учрежденнаго управленія былъ назначенъ, бывшій директоръ морской академіи и оберъ-прокуроръ сената, Скорняковъ—Писаревъ, проживавшій въ то время въ Якутскѣ, въ ссылкѣ, за участіе въ дѣлахъ противъ князя Меньшикова.

Второе желаніе Беринга снарядить экспедицію было осуществлено высочайшимъ указомъ въ апрѣлѣ слѣдующаго 1732; въ это время, возникла было даже мысль ввѣрить Берингу управленіе Охотско-Камчатскимъ краемъ, почему Писареву былъ уже посланъ отказъ. Но вскорѣ сенатъ постановилъ, что Берингу, обремененному прямыми его обязанностями, не хватитъ времени заниматься этимъ дѣломъ, а потому, назначивъ для Камчатки особаго начальника, къ чему главною причиною были извѣстія о камчатскомъ бунтѣ, для управленія Охотскимъ краемъ сенатъ постановилъ избрать отдѣльное лицо. Выборъ палъ опять таки на Писарева, извѣстнаго въ Петербургѣ за человѣка энергичнаго и весьма образованнаго. Камчатскимъ начальникомъ былъ назначенъ маіоръ Павлуцкій, который и прибылъ въ Камчатку изъ Анадырска для разбора дѣла о камчатскомъ бунтѣ вмѣстѣ съ полковникоъ Мерлинымъ.

Мерлинъ выѣхалъ изъ Камчатки въ 1739 году, по окончаніи возложеннаго на него порученія, а Павлуцкій оставался тамъ до 1747 года и во многомъ способствовалъ дѣламъ экспедиціи, особенно Крашенинникову, прибывшему въ Камчатку на ботѣ „Фортуна" въ 1737 г., въ числѣ первыхъ чиновъ этой экспедиціи.

Въ 1741 году, Павлуцкій выѣхалъ въ Анадырскъ для усмиренія воставшихъ чукчей, но въ одной изъ схватокъ былъ убитъ. Окончательно усмирилъ чукчей Шмалевъ, присланный въ 1752 г., во главѣ 100 солдатъ, послѣ чего борьба этого народа съ русскими стихаетъ и съ 1755 года, никакихъ воинственныхъ набѣговъ съ ихъ стороны не было.

Вторымъ начальникомъ Камчатки былъ назначенъ Борисовъ, а въ Охотскъ мѣсто Писарева, ведшаго все время вражду съ Берингомъ и вообще съ членами экспедиціи, былъ назначенъ Девьеръ, тоже изъ ссыльныхъ, дѣятель временъ Петра Великаго.

Изъ подробнаго описанія дѣятельности обширной сѣверной экспедиціи видно, до какой степени она имѣла вліяніе на судьбы всего сѣверо-восточнаго края и даже Сибири; всѣ предшествовавшія распоряженія, даже въ отношеніи неотложныхъ нуждъ этой страны, какъ-бы стушевываются предъ начертаніями этой экспедиціи; всѣ предположенія и мѣропріятія, уже начатыя съ затратою труда и времени, какъ-бы поглащаются Берингомъ и нѣмецкими учеными. Недаромъ исторіографъ Словцовъ говоритъ: не дай Богъ второй такой экспедиціи, иначе вся Сибирь была-бы измучена и уничтожена. Съ одной стороны, заслуга сѣверной экспедиціи, безспорно, велика, но съ другой, она, какъ намъ кажется, во многомъ отдалила благоустройство нашей сѣверо-восточный окраины вообще и Камчатки въ частности.

Разбои и грабежи по камчатско-анадырскому пути и затѣмъ злоупотребленія камчатскихъ казаковъ, окончившіяся камчатскимъ бунтомъ, послужили, въ свое время, побудительной причиной къ тому, что правительство рѣшилось принять мѣры для устраненія этихъ золъ.

Съ возведеніемъ Охотска на степень порта и главнаго административнаго центра для сѣверо-восточной окраины, предположено было: 1) завести 4 судна, для перевозки на нихъ въ Камчатку всякаго груза и лицъ, какъ начальствующихъ, такъ равно и частныхъ, съ установленіемъ провозной платы, въ размѣрѣ 50 к. съ пуда и 50 р. съ частнаго пассажира; 2) отдѣ-

лить для нуждъ его и Камчатки особую команду въ 300 человѣкъ; 3) перевести въ Камчатку до 50 семействъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ изъ Якутска, снабдивъ ихъ сѣмяннымъ хлѣбомъ и скотомъ; 4) озаботиться устройствомъ церквей и даже школъ, для чего былъ отправленъ въ Камчатку игуменъ Варѳоломей Филевскій съ іеромонахомъ и іеродіакономъ; 5) купцамъ и, вообще, частнымъ предпринимателямъ (для плавки рудъ, добычи смолы, соли и т. п.) дать льготы на 10 лѣтъ, и 6) назначить для управленія Камчаткою особаго начальствующаго, съ подчиненіемъ его охотскому начальнику, а для сбора ясака послать туда особыхъ комиссаровъ.

Но не успѣли эти мѣропріятія войти въ силу и въ исполненіе, какъ настало время второй сѣверной экспедиціи, и все, что было начато, или поглотилось ею, или, если что и приводилось въ исполненіе, то настолько, насколько это представлялось возможнымъ, не мѣшая ходу дѣлъ экспедиціи.

Сѣверная экспедиція продолжалась немного болѣе 10 лѣтъ (съ 1733—1743 г.) и дала государству отрывочныя и неточныя орографическія и гидрографическія свѣдѣнія о сѣверо-восточной окраинѣ. Въ 1743 году, сенатъ, резюмируя послѣдствія этой экспедиціи, въ докладѣ своемъ отъ 24 октября, (Андріевичъ. Ист. очеркъ Сибири т. III ст. 271) говоритъ, что экспедиція стоила казнѣ чрезвычайно дорого, но чуть-ли не дороже она обошлась народу. Населеніе, занятое въ теченіе 10 лѣтъ, перевозкой экспедиціонныхъ грузовъ и тяжестей и пополняя команды ея своими рабочими, лишилось скота, рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе этого начался недородъ хлѣба, а затѣмъ и голодъ. Въ концѣ доклада, который удостоенъ высочайшаго утвержденія, сенатъ говоритъ: „по таковымъ обстоятельствамъ ту экспедицію, отъ которой сенатъ ни малаго плода не признаетъ, надлежитъ вовсе отставить, людей распустить, а Чирикову и Шпанбергу оставаться въ Иркутской провинціи до выясненія вопросовъ, связанныхъ съ экспедиціей“.

Между тѣмъ, положеніе камчатскихъ дѣлъ если и измѣнилось, то съ небольшимъ шагомъ къ лучшему. Закончился періодъ буйства и кровавыхъ расправъ, но, за то, настало время тихаго порабощенія путемъ экономическимъ. Начальствующіе и ихъ сподручные, а наряду съ ними и торговцы, находясь все-же вдали отъ высшихъ властей, своими притѣсненіями и вымогательствами доводятъ населеніе до нищеты. Подъ вліяніемъ извѣстій о злоупотребленіяхъ камчатскихъ, въ 1745 г., былъ изданъ указъ, въ силу котораго туда отправленъ былъ Вульфъ, для разслѣдованія и осужденія виновныхъ.

Сопоставляя два указа, одинъ отъ 21 мая 1733 года и другой отъ 24 сентября 1745 года, мы видимъ, что хотя первый былъ вызванъ кровопролитной рѣзней, а второй не имѣлъ ничего подобнаго, но, тѣмъ не менѣе, основныя причины, побудившія къ изданію этихъ указовъ, были однѣ и тѣ же; притѣсненія, вымогательства и обманы покоренныхъ инородцевъ.

Разница между этими двумя періодами, отстоящими другъ отъ друга на 12 лѣтъ, проглядываетъ лишь въ томъ, что, въ 1730-хъ годахъ, это зло вызывало со стороны аборигеновъ страны протестъ, а въ 1740-хъ годахъ, населеніе впало въ апатію.

Правительство, побуждаемое искреннимъ желаніемъ поднять умственно-нравственный уровень населенія, чему способствовали, отчасти, донесенія камчатскихъ начальствующихъ, не оставляло безъ вниманія вновь присоединенную страну и въ этомъ отношеніи.

Первая духовная миссія въ Камчатку была послана туда, какъ уже упоминалось выше, въ 1705 году, въ лицѣ монаха Мартиніана, дѣятельность котораго выразилась въ основаніи Успенской пустыни и въ крещеніи 100 душъ камчадаловъ.

Вторая миссія была послана въ Камчатку вслѣдъ за возвращеніемъ Беринга изъ первой экспедиціи и состояла изъ игумена Филевскаго *) одного іеромонаха, одного іеродіакона и изъ нѣсколькихъ новгородскихъ священниковъ, проживавшихъ въ Якутскѣ въ ссылкѣ. Мис

---

*) Собран. законовъ. 1732 г. 26 сент.

сія эта, какъ видно изъ указа объ ея назначеніи, была обставлена заботами начальства, какъ со стороны перевозочныхъ средствъ, такъ равно и со стороны обезпеченности ея существованія на мѣстѣ. Игуменъ Филевскій самъ не доѣхалъ до Камчатки. Причины возвращенія его съ дороги кроются, надо полагать, или въ слухахъ о камчатскомъ бунтѣ, тогда еще не прекратившемся, или, что вѣрнѣе, въ невозможности слѣдовать столь длиннымъ гужевымъ трактомъ, занятымъ уже, въ то время, нуждами 2-й экспедиціи Беринга. Миссія Филевскаго завезла и препроводила далѣе, по назначенію, необходимыя принадлежности для церквей и школъ, которыя и доставлены въ Камчатку ссыльными новгородскими священниками, прибывшими туда по собственному желанію.

Наконецъ, третья миссія была отправлена, въ 1742 году, подъ управленіемъ архимандрита Іосафа Зенкевича*). Зенкевичъ снарядилъ миссію, снабдивъ ее большими запасами книгъ, не исключая даже латинскихъ и французскихъ, иконами и, вообще, церковными принадлежностями, не исключая церковнаго вина, но отъ поѣздки почему то отказался, уступивъ мѣсто свое архимандриту Іосифу Хотуневскому. Въ составъ миссіи вошли іеромонаха два: Пахомій и Іосафъ, нѣсколько священниковъ изъ Тобольска, два церковника и пять учениковъ изъ московской академіи, которые предназначились для учительскихъ обязанностей при школахъ. Миссія прибыла въ Камчатку въ сентябрѣ 1745 года и нашла тамъ до 3000 душъ крещенныхъ инородцевъ, обращенныхъ въ христіанство ссыльными новгородскими священниками, приложившими въ этомъ отношеніи особое стараніе „вины своей ради". Дѣятельность миссіи распространялась и на курильцевъ, куда былъ посланъ іеромонахъ Іосафъ.

Архимандритъ Хотуневскій, въ 1750 году, былъ переведенъ на кафедру иркутскаго епископа, а мѣсто его въ камчатской миссіи занялъ іеромонахъ Пахомій, продолжавшій съ успѣхомъ дѣло своего предшественника до 1760 года и, по выѣздѣ своемъ, уступившій мѣсто протоіерею Стефану Никифорову, прибывшему въ Камчатку вмѣстѣ съ архимандритомъ Хотуневскимъ въ качествѣ церковника.

Дѣло, ревностно начатое Хотуневскимъ и съ любовью продолженное Пахоміемъ и Стефаномъ Никифоровымъ, дало слѣдующія результаты: въ главныхъ пунктахъ были устроены церкви, числомъ 5; обращено въ христіанство болѣе 7000 душъ инородцевъ; въ населенныхъ пунктахъ устроено сначало три, а затѣмъ еще 10 школъ, въ которыхъ обучалось до 300 инородческихъ дѣтей.

По представленію выѣхавшаго въ Москву Пахомія, учащимся дѣтямъ, указомъ сената 1764 г. января 13, постановлено, по примѣру войсковыхъ школъ, выдавать хлѣбъ, одежду обувь и даже жалованье. По выходѣ учащихся изъ училища, они освобождались отъ ясака, а при назначеніяхъ въ ряды служилыхъ и въ церковнослужащіе, имъ отдавалось преимущество; тѣмъ-же, которые послѣ этого останутся жить по обычаямъ своихъ отцовъ, никакихъ льготъ не предоставлялось и отъ ясака они не освобождались.

Къ заслугамъ какъ этой, такъ и предшествующихъ миссій, группировавшихся вокругъ Успенской пустыни, основанной нѣкогда Мартиніаномъ въ самой плодородной мѣстности Камчатки, нужно отнести и первыя попытки развести хлѣбопашество и скотъ.

Еще съ самаго присоединенія Камчатки, привычка къ хлѣбу первыхъ ея завоевателей-казаковъ побуждала ихъ къ попыткамъ развести здѣсь хлѣбные злаки. Основанная монахомъ Мартиніаномъ Успенская пустынь явилась первымъ опытнымъ полемъ; съ открытіемъ охотско-камчатскаго пути, когда въ Камчатку стали посылаться команды и вообще служащіе, хлѣбный вопросъ началъ интересовать и высшее начальство.

Доставка въ Камчатку хлѣба крайне тяжела и невыгодна; климатъ и почва присоединенной Камчатки, повидимому, могли удовлетворить условіямъ произрастанія злаковъ, вслѣдствіе

*) Собран. законовъ 1742 г.

чего приложены заботы о мѣстномъ хлѣбопашествѣ.

Съ этою цѣлью, въ 1731 году, предписывается охотскому начальнику Скорнякову—Писареву переселить въ Камчатку изъ Якутска крестьянъ-пахарей и тунгусовъ-скотоводовъ. Заботы о содѣйствіи великой сѣверной экспедиціи отдаляютъ эту мѣру на 10 лѣтъ.

Въ 1740 г., снова было приказано переселить въ Камчатку до 50 семействъ, часть которыхъ, дѣйствительно, была переправлена и поселена въ Большерѣцкомъ острогѣ. Въ 1743 г., начальникъ Камчатки Борисовъ оставилъ при Большерѣцкѣ 9 семей и переселилъ 5 семействъ въ Верхне-Камчатскъ и 6 въ Нижне-Камчатскъ, къ которымъ, немного спустя, переселились затѣмъ 4 семьи изъ оставшихся въ Большерѣцкѣ. Въ слѣдующіе 2 года прибыло еще нѣсколько семействъ, которыя и распредѣлились въ долинѣ р. Камчатки.

Въ 1760 году, въ связи съ вопросомъ о снабженіи войскъ провіантомъ, былъ снова поднятъ вопросъ о хлѣбопашествѣ въ Камчаткѣ. Чиновникъ якутской канцеляріи Чередовъ, отецъ котораго состоялъ начальникомъ камчатской команды, предложилъ свои услуги стать коммиссіонеромъ по отправкѣ доброкачественныхъ сѣмянъ и необходимыхъ земледѣльческихъ орудій въ Камчатку, гдѣ, по его проекту, отецъ его могъ-бы съ успѣхомъ руководить посѣвомъ и сборомъ хлѣба. Къ обсужденію этого вопроса былъ привлеченъ адмиралъ Лаптевъ, который, ссылаясь на показанія членовъ сѣверной экспедиціи, знакомыхъ съ климатическими условіями Камчатки, особенно окрестностей Авачинской губы, оспаривалъ возможность получить тамъ удовлетворительные результаты отъ хлѣбопашества. Дѣло это подробно разобрано въ докладѣ сенату, который, 23 января 1761 года, указалъ *), выдать на это дѣло Чередову 1000 рублей и переселить въ Камчатку хлѣбопашцевъ изъ Иркутской губерніи и сподручныхъ къ земледѣлію казаковъ изъ Якутска, давъ имъ льготы по отношенію различнаго рода повинностей, при чемъ въ помощь Чередову назначенъ былъ Лебедевъ.

На ряду съ заботами правительства, направившаго свое вниманіе, главнымъ образомъ, на обезпеченіе камчатскаго населенія продовольствіемъ и на поднятіе въ немъ религіозно-нравственнаго и умственнаго уровня, начала, мало по малу, развиваться частная предпріимчивость и торговля.

Въ іюлѣ 1764 года, изданъ указъ, по которому объявившіеся въ Камчаткѣ бѣглые оставляются тамъ на свободномъ жительствѣ, если только обнаружатъ склонность къ хлѣбопашеству или къ какому—либо труду. Добыча соли, заведенная на охотскомъ побережьи еще заботами Петра Великаго, перешла въ Камчатку въ видѣ казенныхъ солеваренъ. Въ 1764 году, эти солеварни приказано передать на самыхъ льготныхъ началахъ въ частныя руки. Тоже самое выразилось впослѣдствіи и относительно вина, табаку и проч.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ частная предпріимчивость того времени, направленная къ отысканію пушныхъ и водныхъ богатствъ по берегамъ и островамъ Великаго Океана. Въ этомъ отношеніи большая заслуга остается за сѣверной экспедиціей, которая дала починъ и показала пути въ этихъ водахъ, отмѣтивъ траурными точками нѣкоторые пункты въ нихъ.

Остатки сѣверной экспедиціи, обезсилившей въ борьбѣ съ бурями Великаго океана, возвратились въ предѣлы камчатскихъ береговъ. Команда командора Беринга, на половину погибшая, похоронивъ своего вождя на одномъ изъ Командорскихъ острововъ, названномъ его же именемъ, еле добралась въ Авачинскую губу съ едва живымъ Стеллеромъ и тутъ-же умершимъ Делилемъ. Извѣстія о пушныхъ богатствахъ, доставленныя членами экспедиціи и привезенные ими бобры и котики, не остались безъ вниманія предпринимателей—купцовъ. Съ тѣхъ поръ, несмотря на полное отсутствіе на мѣстѣ свѣдущихъ моряковъ и приспособленныхъ къ морю судовъ, среди мѣстныхъ жителей постоянно появляются смѣльчаки, рисковавшіе странствовать по морямъ для отысканія острововъ и, вообще, мѣстъ, богатыхъ пушниною.

*) Собран. законовъ 1761 г. 24 янв.

Благодаря такимъ смѣльчакамъ, Великій океанъ не заградилъ пути наступательному движенію русскихъ даже въ предѣлы Западнаго материка.

Къ числу такихъ смѣльчаковъ относятся: 1), сержантъ камчатской команды Басовъ, который, въ 1743 году, вмѣстѣ съ купцомъ Серебрянниковымъ, построилъ въ Нижне-Камчатскѣ по своему плану и своими средствами какую то утлую ладью и достигъ на ней Командорскихъ острововъ, откуда вывезъ цѣнные мѣха и куски самородной мѣди, вслѣдствіе чего однпъ изъ Командорскихъ острововъ названъ Мѣднымъ; 2), въ 1745 году, по этимъ слѣдамъ направляются туда же купцы: Чупровъ и Трапезниковъ, при чемъ штурманъ ихъ, простой крестьянинъ Неводчиковъ, открылъ острова Атту и Агату; 3), купцы: Рыбинскій, Тюринъ, затѣмъ Толстыхъ, Серебрянниковъ, Глотовъ, Пономаревъ и др. открываютъ, одинъ за другимъ, и всѣ остальные острова Алеутской гряды и, наконецъ въ 4), Бечевинъ, въ 1761 году, достигъ береговъ Аляски.

Всѣ эти предпріятія, хотя и не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ полуостровомъ Камчаткою, но, тѣмъ не менѣе, это не могло не отразиться на Камчаткѣ, такъ какъ полуостровъ этотъ служилъ для нихъ базой. Сначала центромъ отправленій на востокъ служилъ Охотскъ, но затѣмъ, къ концу уже 1700-хъ годовъ, и особенно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вся дѣятельность Охотска, мало по малу, перешла въ Камчатку.

Въ связи съ возрастаніемъ интереса къ сѣверо-восточнымъ водамъ Великаго океана, возрастала и жизнь въ Камчаткѣ и увеличивались потребности ея, требовавшія, въ свою очередь, все большаго и большаго вниманія со стороны правительства.

Сибирскій губернаторъ Соймоновъ, ревностный сторонникъ Беринговой экспедиціи, въ 1761 году, назначилъ въ Камчатку начальника изъ морскихъ офицеровъ Хмѣлевскаго, который могъ-бы оказывать пользу своимъ знаніемъ и совѣтами отправлявшимся въ море промышленникамъ. Подъ конецъ своего правленія Сибирью, Соймоновъ испросилъ разрѣшеніе снарядить экспедицію подъ управленіемъ лейтенанта Синда, одного изъ участниковъ экспедиціи Беринга, къ отысканію и описанію американскаго берега въ широтахъ Чукотскаго носа. Синдъ отправился изъ Охотска въ 1764 г., зазимовалъ близъ Тигиля, затѣмъ обогнулъ Камчатку и снова зазимовалъ на р. Укѣ, близъ Карагинскаго острова, и только въ 1766 году, направился въ Беринговъ проливъ. Результатъ его поѣздки свелся къ нулю, такъ какъ американскаго берега онъ не достигъ и съ поврежденнымъ судномъ едва возвратился назадъ.

Въ 1764 году, назначенный вмѣсто Соймонова сибирскимъ губернаторомъ Чичеринъ съ особою радостью доносилъ императрицѣ о подвигахъ простыхъ-камчадальскихъ мореходовъ Глотова и Пономарева, которые на суднѣ купца Никифорова, въ 1758 году, вышли изъ Нижне-Камчатска, прошли по всѣмъ близъ лежащимъ островамъ Алеутской гряды и въ 1759 г., объясачили и привели въ русское подданство острова Умнаку и Уналашку. Поздравляя ея величество со вновь пріобрѣтенными землями, Чичеринъ, въ тоже время, просилъ о назначеніи болѣе свѣдущихъ людей изъ морскихъ офицеровъ для обстоятельнаго описанія всѣхъ острововъ и земель въ Восточномъ океанѣ, развѣданныхъ русскими простыми промышленниками.

Въ отвѣтъ на это ходатайство воспослѣдовало милостивое вниманіе императрицы къ мореходамъ—труженикамъ, они удостоенны высочайшихъ наградъ и дано секретное распоряженіе о снаряженіи новой, довольно значительной, экспедиціи подъ управленіемъ капитана-лейтенанта Крепицына и его помощника-лейтенанта Левашева. Снаряженіе экспедиціи обошлось казнѣ свыше 100 т. р. Цѣль ея была не только описать Алеутскіе и другіе острова, лежащіе въ сѣверныхъ водахъ Великаго океана, но такъ-же и берега Америки и прибрежья Берингова пролива, вездѣ въ тоже время, заявляя, о милостивыхъ отношеніяхъ императрицы къ покореннымъ народамъ; надѣялись, что эта экспедиція обогнетъ Чукотскій носъ и въ водахъ Ледовитаго океана встрѣтится съ другою экспедиціею, направленною къ Шпицбергену подъ начальствомъ Чичагова.

Креницынъ и Левашевъ прибыли чрезъ Сибирь въ Охотскъ въ октябрѣ 1765 года, снарядили два старыхъ судна и построили два новыхъ. Въ октябрѣ 1766 г., экспедиція отправилась въ путь и тотъ часъ-же начала претерпѣвать неудачу за неудачей. Одно судно разбилось въ Курильской грядѣ, другое у береговъ Камчатки, при устьѣ Большой рѣки, гдѣ съ большимъ поврежденіемъ сѣли на мель и остальныя два. На слѣдующій годъ экспедиція зазимовала въ Нижне-Камчатскѣ и потомъ уже тронулась только на 2-хъ судахъ, прошла Алеутскіе острова и зазимовали: Криницынъ на островѣ Унимакѣ, а Левашевъ на о. Уналашкѣ.

Результатъ былъ ничтоженъ. Креницынъ утонулъ, на возвратномъ пути, въ р. Камчаткѣ, а Левашевъ вернулся въ Петербургъ и доставилъ самыя отрывочныя свѣдѣнія о пройденномъ пути.

Между тѣмъ, настало время, когда одного морскаго офицера, въ лицѣ Хмѣлевскаго, предназначавшагося для руководительства промышленными судами, стало недостаточно для всего камчатскаго побережья. Вслѣдствіе этого, по просьбѣ Чечерина, было командировано туда нѣсколько морскихъ офицеровъ, подъ управленіемъ одного старшаго. Императрица издавая указъ, писала: „мы не токмо онаго, отправляющагося офицера (старшаго), но и всю его команду императорскою нашею милостію обнадеживаемъ, повелѣвае вамъ (адмиралтействъ—коллегіи), ихъ, при отправленіи, къ полученію чина представить, каковой они по счастливомъ возращеніи въ отечество, паки получить имѣютъ, съ пріобщеніемъ при томъ вѣчнаго пенсіона противъ получаемаго по чину въ ономъ пути жалованья, считая таковое въ двойномъ размѣрѣ“.

Этихъ офицеровъ, по проекту Чичерина, предполагалось помѣщать, подъ видомъ частныхъ лицъ, на промышленныя суда, по одному на каждое, съ тѣмъ, чтобы они, „ни въ чемъ не препятствуя промысламъ, вели-бы обстоятельные журналы и описанія путешествіямъ“. Такой способъ описанія вновь пріобрѣтенныхъ земель, очевидно, былъ признанъ болѣе надежнымъ и болѣе дешевымъ, нежели снаряженіе отдѣльныхъ экспедицій.

Не получая отъ экспедиціи никакихъ данныхъ, императрица, въ то-же время, утѣшалась почти ежегодными извѣстіями о новыхъ пріобрѣтеніяхъ простыхъ промышленниковъ, при чемъ не пропускала случая одарять ихъ наградами и своею милостью. Единственно, чего она требовала отъ нихъ и всегда въ своихъ указахъ прописывала, такъ это „чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратьями, тѣхъ острововъ жителями“, но открытія продолжались, а великодушныя желанія и наставленія императрицы оставались безъ исполненія. Прикрываясь сборомъ ясака, промышленники не стѣснялись для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей никакими мѣрами, переходившими не рѣдко въ жестокость и разбой, слѣдствіемъ чего было изданіе въ 1779 году указа о запрещеніи собирать ясакъ съ близъ лежащихъ островомъ, особенно съ Курильскихъ и разрѣшалось „знакомство ласкою и правдивою торговлею“.

Въ 1783 году, на Алеутскихъ островахъ появляется почетный гражданинъ Шелеховъ и купцы Голиковы, которые сдѣлали попытку основать первую промышленную компанію, съ капиталомъ въ 70 т. р. Ловкій и предпріимчивый Шелеховъ, въ скоромъ времени, захватилъ въ свои руки главную торговлю и постепенно началъ расширять свои операціи. Начатое имъ дѣло на компанейскихъ началахъ и увеличенное открытіемъ и присоединеніемъ Прибыловыхъ островомъ, постепенно разросталось и подъ конецъ, послѣ уже смерти Шелехова, приняло въ 1798 г., названіе „россійско-американской компаніи“, которая, подъ разными затѣмъ кличками и со ставомъ, перемѣнялась нѣсколько, разъ и въ настоящее время существуетъ подъ именемъ „русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ“.

Какъ ни тяжелы были для казны спеціальныя экспедиціи, столь неудачно окончившіяся, но тѣмъ не менѣе, потребность въ нихъ, въ виду новыхъ открытій была настолько настоятельна, что императрица Екатерина II, не смотря на неудавшуюся экспедицію Креницына, въ 1785 году, снарядила новую, подъ командою Билингса и 3-хъ лейтенантовъ: Галла, Сарычева и Беринга.

Задача экспедиціи состояла: 1) въ томъ, что-бы пройти изъ р. Колымы въ Беринговъ проливъ или обратно, 2) изслѣдовать и описать Алеутскіе острова, а такъ-же и Курильскіе до Японіи и Кореи, 3) дойти до береговъ Америки и 4) жителей вновь присоединенныхъ острововъ и земель приводить въ русское подданство. Биллингсъ получилъ при этомъ инструкцію, по которой ему поручалось, собирая статитистическія свѣдѣнія, производить слѣдствіе и налагать наказаніе на тѣхъ промышленниковъ, которые позволяютъ себѣ обходиться съ инородцами жестоко и несправедливо.

Въ началѣ царствованія Екатерины II-й, слухи о богатствахъ сѣверо-восточной окраины все болѣе и болѣе привлекали въ Камчатку промышленниковъ и, вообще, искателей приключеній. Кромѣ этого элемента, населеніе Камчатки пополнялось и различнаго рода ссыльными. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, принесли извѣстную долю пользы, но были и такіе, которые оставили послѣ себя слѣды разврата, интриги и буйства. Къ числу послѣдней категоріи принадлежалъ, между прочимъ, ссыльный Беневскій, надѣлавшій въ свое время много шума не только въ Камчаткѣ, но и за границей.

Беневскій прибылъ въ Охотскъ въ 1769 году и представилъ охотскому начальнику Плеснеру поддѣльное письмо съ хорошей для себя рекомендаціей. Въ 1770 году, Беневскій съ 5-ю товарищами былъ отправленъ въ Камчатку въ Большерѣцкій острогъ, къ начальнику Нилову. Здѣсь онъ, благодаря своей образованности и ловкости, скоро заслужилъ къ себѣ расположеніе и сошелся тоже съ ссыльными той-же категоріи, изъ которыхъ болѣе всего сблизился съ гвардіи-капитаномъ Хрущевымъ. Ознакомившись съ положеніемъ всего его окружающаго, Беневскій задумалъ составить заговоръ, заявилъ себя страдальцемъ за интересы наслѣдника престола Павла Петровича. Кромѣ близкихъ къ Беневскому людей, въ заговорѣ приняли участіе выгнанные изъ промышленныхъ партій матросы и команда одного разбившагося, къ этому времени, у Большерѣцка торговаго судна. Заговоръ кончился тѣмъ, что бунтовщики убили Нилова, захватили канцелярію, казначейство и провіантъ и на бывшемъ въ Большерѣцкѣ суднѣ выѣхали для отысканія острововъ, богатыхъ золотомъ. Странствованіе ихъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; были они въ Японіи, и на Формозѣ, и на Китайскомъ берегу въ Макао. Здѣсь Беневскій, продавъ судно, съ приближенными выѣхалъ въ Европу на французскомъ фрегатѣ.

Нѣкоторые изъ его уцѣлевшихъ спутниковъ, по прибытіи въ Парижъ, прямо заявили о своемъ имени и званіи и были отправлены въ Россію, а затѣмъ снова въ Сибирь. Беневскій же достигъ у французскаго правительства назначенія на о. Мадагаскаръ, гдѣ опять составилъ заговоръ для передачи острова одной американской компаніи. Для прекращенія безпорядка на Мадагаскарѣ, туда была послана команда, которая и нашла Беневскаго мертвымъ.

Политическія событія царствованія императрицы Екатерины II-й и ея преемниковъ, очевидно, отвлекали вниманіе ихъ отъ болѣе настойчиваго устройства сѣверо-восточныхъ владѣній. Между тѣмъ, жизнь этой окраины прогрессировала и требовала все новыхъ и новыхъ заботъ.

Заботы были направлены, главнымъ образомъ, на введеніе въ Камчаткѣ землепашества и скотоводства и затѣмъ на усиленіе какъ административной, такъ и воинской власти.

Правительство начало болѣе наблюдать за переселившимися крестьянами, присылая къ нимъ новыя силы и не переставало давать имъ всевозможныя пособія. Бывшій въ то время сибирскимъ губернаторомъ Соймоновъ то и дѣло требовалъ отъ камчатскихъ начальниковъ Лебедева, а затѣмъ отъ Недозрѣлова отчетовъ и соображеній о камчатскомъ земледѣліи, съ показаніемъ причинъ безуспѣшности этого столь важнаго дѣла.

Недозрѣловъ далъ отчетъ, изъ котораго видно, что, не смотря на всѣ заботы и принужденія жителей, всѣ усилія правительства и 40 лѣтъ постоянныхъ трудовъ и издержекъ на введеніе въ Камчаткѣ хлѣбопашества не привели ни къ какимъ утѣшительнымъ результатамъ и не могли побѣдить мѣстныхъ препятствій.

Между тѣмъ, легкая добыча рыбы и выгодныя занятія охотничьимъ промысломъ заставили переселенцевъ мало—по малу освоиться съ бытомъ туземцевъ: они завели собакъ, хлѣбъ замѣнили юкалой (сушеной рыбой), а все остальное пополняли пушнымъ промысломъ.

Подполковникъ Плениснеръ, назначенный командиромъ Охотскаго края, по настоянію того-же Саймонова, лично прибылъ въ Камчатку въ 1764 году и, по осмотрѣ, заключилъ, что безуспѣшность земледѣлія будто-бы происходитъ отъ того, что мѣста для посѣвовъ избраны неудачно, и что крестьяне не радѣютъ о хлѣбопашествѣ, не имѣя никакихъ выгодъ ни отъ посѣвовъ, ни отъ скотоводства, такъ какъ значительная доля съ этихъ промысловъ поступала въ собственность казны. Вслѣдствіе этого, по ходатайству Плениснера, въ 1765 году, послѣдовало преобразованіе хозяйственной системы: казенный хлѣбъ и скотъ были розданы населенію съ тѣмъ, что-бы всѣ доходы поступали цѣликомъ въ пользу хлѣбопашцевъ, а для казны было устроено опытное поле, на казенной заимкѣ близъ стараго острожка Машурскаго; мѣсто это, избрано и одобрено самимъ Плениснеромъ и его уполномоченнымъ Шмалевымъ. Нововведеніе это могло вполнѣ поощрить камчатскихъ поселенцевъ, но, къ сожалѣнію, сама природа тому препятствовала; хотя, конечно, нельзя не признать заслугъ и дѣятельности Шмалева, но, тѣмъ не менѣе, отчеты за четырехлѣтній періодъ вновь подтвердили, что Камчатка, по климатическимъ условіямъ, неблагопріятна для земледѣлія. Къ этому времени по р. Камчаткѣ образовалось уже нѣсколько деревень: Мильково, Шигачинское, Машурское, Киргаликъ и Ключевское, растянувшіяся по р. Камчаткѣ почти на 300 верстъ, но хлѣбопашество ни въ одной изъ нихъ не было удачно.

Въ 1768 и 1769 годахъ, Камчатку постигло страшное бѣдствіе; въ предѣлахъ ея появилась оспа и нанесла сильный вредъ населенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣлію. До 20000 *) жителей изъ туземцевъ и переселенцевъ сдѣлались ея жертвою.

Въ это время, въ Большерѣцкѣ появляется нѣкій спекуляторъ Рышковъ, который, на подобіе Беневскаго, его современника, сумѣлъ заслужить расположеніе начальника Нилова и, по отъѣздѣ Шмалева, занялъ его мѣсто.

Рышковъ, хотя и подавалъ льстивыя надежды на земледѣліе и выгоду отъ него, но, тѣмъ не менѣе, и его дѣятельность, въ концѣ концовъ, не имѣла никакого результата.

Въ 1772 году, вслѣдъ за убійствомъ Нилова и связанной съ нимъ исторіи Беневскаго, было введено въ Камчаткѣ отдѣльное отъ Охотска управленіе и главнымъ командиромъ ея, съ присоединеніемъ къ ней и Гижинскаго округа съ р. Анадыромъ, назначенъ былъ маіоръ Бемъ, снабженный обширными полномочіями; камчатская команда была усилена.

На ряду съ различными мѣропріятіями, направленными, главнымъ образомъ, на упроченіе взаимныхъ отношеній населенія Камчатки, Бемъ нѣсколько лѣтъ сряду употреблялъ всѣ средства къ улучшенію камчатскаго земледѣлія. Но всѣ благія намѣренія Бема не имѣли видимаго успѣха и всѣ его приказы и инструкціи командирамъ и старостамъ оказались не достигающими цѣли. Такимъ-же усердіемъ къ хлѣбопашеству отличался и преемникъ его, Рейнике, бывшій въ Камчаткѣ въ 1782—по 1785 годъ; урожаи, несмотря на всѣ старанія, были самые скудные, а не рѣдко не возвращались даже и сѣмена.

Въ 1786 г., съ усиленіемъ промышленной дѣятельности въ водахъ Великаго океана, восточный берегъ Камчатки, сравнительно съ западнымъ, пріобрѣтаетъ больше интереса, почему и центръ правленія Камчаткой переходитъ изъ Большерѣцка въ Нижне-Камчатскъ; начальникъ получаетъ наименованіе городничаго и вниманіе его направляется на прибрежное промышленное населеніе. Внутренняя часть полуострова остается безъ вниманія; земледѣліе окончательно падаетъ, жители окамчадаливаются и съ хлѣбнаго довольствія переходятъ на рыбное (юкалу).

---

*) Цыфра едвали вѣрна.

Въ 1799 году, съ увеличеніемъ русскихъ владѣній въ водахъ Великаго океана, явилась потребность въ увеличеніи камчатскаго войска, вслѣдствіе чего, по указу 1800 года, былъ сформированъ камчатскій полкъ, въ двух-баталіонномъ составѣ, съ высылкою ему знаменъ. Снова возникъ вопросъ о снабженія полка хлѣбомъ и снова вниманіе правительства было обращено на камчатское хлѣбопашество. Въ виду этого, полкъ былъ сформированъ по образцу ландмилиціи, при чемъ, занятіе нижнихъ чиновъ хозяйствомъ не только не запрещалось, но даже поощрялось.

Въ 1803 году, по указу отъ 11 августа, въ Камчаткѣ было учреждено областное правленіе, при чемъ командиръ полка переименованъ въ начальника области, съ мѣстожительствомъ, сначала, въ Верхне-Камчатскѣ, а затѣмъ—въ Нижне-Камчатскѣ. Областное правленіе состояло: изъ предсѣдателя (начальника области, онъ-же и комендантъ), одного судьи, земскаго исправника и двухъ засѣдателей, секретаря и двухъ писцовъ. Власть начальника области распространялась и на полкъ, который былъ преобразованъ въ камчатскій баталіонъ, въ составѣ 5-ти ротъ. Одна рота назначалась для Гижиги, куда отправлялся также и особый комиссаръ. Для успѣшнаго перевоза почты, учреждено 4 должности экспедиторовъ, при чемъ охотская почта должна направляться на суднѣ сначала въ Тигиль, затѣмъ къ устью р. Воровской и Большерѣцкъ (впослѣдствіи добавлена и петропавловская гавань). Для привлеченія служащихъ по всѣмъ частямъ было установлено особое положеніе, по которому содержаніе назначалось въ двойномъ размѣрѣ; при назначеніи, каждый служащій получалъ слѣдующій чинъ и прогоны по положенію; впослѣдствіи были введены десятилѣтнія пенсіи; кромѣ того, служащіе получали провіантъ, муку и крупу, изъ казенныхъ складовъ.—Первымъ начальникомъ области былъ назначенъ Кошелевъ, которымъ была составлена инструкція для сношенія камчатскаго начальника съ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и съ министерствами, къ которымъ, по извѣстнымъ вопросамъ, онъ могъ относиться прямо, безъ посредства сибирской власти.

Къ этому времени, россійско-американская компанія, принятая въ 1899 г. подъ Высочайшее покровительство, достигла уже замѣтнаго развитія. На трехъ судахъ, прибывшихъ въ 1803 г. въ Охотскъ, гдѣ компанія имѣла свою контору, доставлено было съ острововъ мѣховъ почти на $1^1/_2$ м. руб., при чемъ однихъ бобровъ было болѣе 15 тысячъ штукъ. При такомъ широкомъ развитіи дѣла, компаніи трудно было довольствоваться тѣми примитивными судами, которыя могъ производить тогда охотскій портъ, и ввѣрять ихъ самоучкамъ-штурманамъ. Къ 1804 году компанейскій флотъ состоялъ изъ 2-хъ двухъ-мачтовыхъ судовъ Недостатокъ судовъ и трудно преодолимыя препятствія по доставкѣ провіанта и товаровъ-Сибирью и чрезъ Охотксъ приводили компанію въ совершенную невозможность своевременно снабжать колоніи всѣмъ необходимымъ, выдвинули вопросъ, поднимавшійся еще во времена Беринга, о проложеніи въ камчатскія воды кругосвѣтнаго морского пути, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наступалъ конецъ главенства охотскаго порта въ русскихъ водахъ Великаго океана.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ царствованія императора Александра I, по проекту Резанова и министра коммерціи, графа Румянцева, было рѣшено снарядить, въ Кронштадтѣ, два судна и отправить ихъ въ Великій океанъ. Половина издержекъ была отнесена на средства казны и половина на компанію. Суда были пріобрѣтены въ Лондонѣ и поступили подъ командованіе лучшихъ для того времени морскихъ офицеровъ—Крузенштерна и Лисянскаго. Крузенштернъ командовалъ судномъ „Надежда“, на которомъ былъ Резановъ, въ качествѣ посла въ Японію, и Лисянскій—„Невою“, предназначенною для нуждъ компаніи.

Благополучный и успѣшный исходъ этой первой русской кругосвѣтной экспедиціи, во 1-хъ умалилъ значеніе охотскаго порта, въ 2-хъ, возвелъ петропавловскую гавань на степень главнаго опорнаго пункта въ сѣверо-восточныхъ водахъ и, 3-хъ, предрѣшилъ вопросъ о преимуществѣ въ Камчаткѣ силъ военно-морскихъ предъ сухопутными.

Вскорѣ послѣ экспедиціи Крузенштерна (1803—1806) послѣдовало кругосвѣтное плаваніе

Головина (1809—1811); затѣмъ, съ перерывомъ на время войны 1812 года, были экспедиціи: Коцебу (1815—1818), вторая Головина (1817—19), Лазарева (1822—24), Литке (1826—29) и др. Всѣ эти кругосвѣтныя экспедиціи, при вступленіи въ сѣверо-восточныя воды Великаго океана какъ по служебнымъ, такъ и по своимъ личнымъ цѣлямъ, направлялись въ петропавловскую гавань, какъ самую лучшую въ этихъ водахъ стоянку для судовъ и могущую, въ этомъ отношеніи, поспорить съ лучшими портами всего свѣта. Такимъ образомъ, самыя обстоятельства дѣла повели къ упадку охотскаго порта, за которымъ осталось значеніе лишь мѣста отправки и полученія почтовой корреспонденціи чрезъ Сибирь.

Петропавловская гавань представляетъ изъ себя уютный уголокъ въ сѣверо-западной сторонѣ Авачинской губы и на камчадальскомъ нарѣчіи носила названіе Ніякина.

Для русскихъ бухта Піякина стала извѣстна съ 1740 года, когда Берингъ, отправившись изъ Охотска съ Чириковымъ на двухъ судахъ (Св. Петръ и Св. Павелъ), во вторую свою экспедицію, открылъ это удобное для стоянки судовъ мѣсто и остался здѣсь на зимовку. Берингъ построилъ тамъ провіантскій магазинъ и заложилъ церковь во имя Св. Петра и Павла. Съ тѣхъ поръ всѣ почти суда, на долю которыхъ выпадала судьба плавать въ этихъ водахъ, не пропускали случая провести нѣсколько сутокъ отдыха въ этомъ тихомъ пристанищѣ. Единственный недостатокъ этой бухты—отсутствіе рѣки, слѣдовательно, мѣста для рыбнаго промысла. Вслѣдствіе этого бухта не была заселена камчадалами и долго не заселялась русскими. Лишь только съ установленіемъ охотско-камчатскаго судоходства и съ усиленіемъ въ Камчаткѣ болѣе или менѣе правильно организованной команды, вокругъ церкви, заложенной Берингомъ, начинаютъ селиться русскіе казаки, слѣдившіе за сборомъ ясака по берегамъ Авачинской губы.

Въ 1812 году послѣдовало новое преобразованіе камчатскаго управленія. Указомъ этого года, отъ 9 апрѣля, камчатскій баталіонъ расформированъ; изъ него выдѣлена была флотская рота для петропавловской гавани и комплектъ казачьей команды; притомъ желающимъ было предоставлено право оставаться въ краѣ и заниматься хлѣбопашествомъ; всѣ-же остальные были переведены на службу въ Иркутскъ.

Областное правленіе, какъ слишкомъ обременительное для жителей и правительства, упразднено и управленіе всѣмъ полуостровомъ ввѣрено командиру петропавловской морской роты, съ назначеніемъ ему помощника изъ флотскихъ офицеровъ, а для веденія гражданскихъ дѣлъ—секретаря и 3-хъ писцовъ. Кромѣ того, въ его распоряженіе назначены: комисаръ, 2 лѣкаря и три лѣкарскихъ ученика.

Идея такого преобразованія камчатскаго управленія принадлежитъ Крузенштерну и вообще членамъ его экспедиціи. Представленныя Крузенштерномъ въ сенатъ соображенія, съ которыми, очевидно, были солидарны многія изъ лицъ, стоящихъ во главѣ правительственныхъ сферъ, выяснили, что Камчатка, если разсматривать ее въ политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ, является весьма важнымъ пунктомъ, благодаря которому Россія твердою ногою стала въ водахъ Великаго океана.

Благодаря ея превосходной гавани, расположенной въ Авачинской губѣ, въ ней могутъ сосредоточиться военно-морскія силы и коммерческій флотъ, который, развивая свои предпріятія, можетъ вести сношенія съ Китаемъ, Японіей, Филиппинскими и Сандвичевыми островами, и Америкой, упрочивая и развивая, въ то-же время, русскія алеутско-американскія владѣнія. Получая изъ сопредѣльныхъ странъ необходимые товары, Камчатка можетъ, въ то-же время явиться вывознымъ рынкомъ продуктовъ пушного, рыбнаго и китоваго промысловъ. Съ этой точки зрѣнія Камчатка, дѣйствительно, являлась страною, заслуживающею вниманія и заботъ правительства. Въ смыслѣ-же страны для процвѣтанія въ ней жизни и культуры—она не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Сообразно съ этимъ взглядомъ и административное устройство Камчатки было направлено, чтобы обставить всѣмъ необходимымъ петропавловскую гавань и все, что можетъ относиться къ мореходству въ этихъ водахъ. Устройство-же внутренней ча-

сти Камчатки принято во вниманіе настолько, насколько это требовалось принципомъ жизненной законности и насколько это было необходимо для немноголюднаго населенія, безъ обремененія его, по возможности, никакими повинностями.

Послѣ этого охотскій портъ существовалъ еще болѣе 30 лѣтъ, и если не былъ закрытъ, то только потому, что имѣлъ сухопутное сообщеніе съ центромъ Россіи, и что Россія въ это время не обладала морскими средствами настолько, чтобы обезпечить правильный кругосвѣтный путь въ Камчатку.

Послѣднимъ начальникомъ Камчатки (послѣ Кошелева, затѣмъ Сомова) во власти котораго находился и баталіонъ и гражданская администрація, былъ генералъ-маіоръ Петровскій, со всѣмъ своимъ штатомъ, отозванный изъ Нижне-Камчатска въ Петербургъ. Новое управленіе было организовано подъ начальствомъ капитана 1 ранга Рикорда съ мѣстожительствомъ въ Петропавловскѣ, на постепенное устройство котораго приказано отпускать ежегодно до 5000 р.

Со времени перваго кругосвѣтнаго путешествія, вызвавшаго указанныя перемѣны, для Камчатки настаетъ новый и самый лучшій періодъ ея жизни. И если экспедиціи Беринга служили началомъ новой эры для Камчатки, послѣ чего началось окончательное водвореніе въ ней русской власти, то экспедицію Крузенштерна нужно признать началомъ новаго періода, когда эта власть начинаетъ крѣпнуть и развиваться для дальнѣйшаго поступательнаго движенія на югъ.

Правда, тяжелая для Россіи война 1812 года отвлекла на нѣсколько лѣтъ вниманіе правительства отъ Камчатки; но, начиная съ 1817 года, интересъ къ Камчаткѣ снова возрастаетъ. Удачный выборъ первыхъ флотскихъ начальниковъ, каковыми были Рикордъ, а затѣмъ Голенищевъ, много способствовалъ первоначальному устройству этой окраины.

Въ 1817-мъ году, когда гавань была уже нѣсколько обставлена, Рикордъ обратилъ вниманіе на нужды жителей. По его ходатайству, снова былъ возбужденъ вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ, чему немало способствовалъ голодъ отъ недолова рыбы. Для снабженія жителей провіантомъ въ такихъ исключительныхъ случаяхъ были заведены провіантскіе склады въ главныхъ пунктахъ: въ Тигилѣ, Большерѣцкѣ, Нижне-Камчатскѣ и Верхне-Камчатскѣ, куда провіантъ могъ доставляться водою.

Съ поднятіемъ вопроса о сельскомъ хозяйствѣ было признано необходимымъ и образованіе подрастающаго поколѣнія въ духѣ, способствующемъ сельской и портовой жизни. Положеніемъ, утвержденнымъ 27 февраля 1817 г., въ Петропавловскѣ было открыто ремесленное училище съ кузнечнымъ, плотничьимъ и слесарнымъ отдѣленіями. На первоначальное обзаведеніе школы было отпущено 5000 руб. и столько-же на содержаніе ея.

Въ 1820 году въ Петропавловскѣ было открыто 2-хъ-классное духовное училище и переведено духовное правленіе изъ Нижне-Камчатска.

5 марта 1821 года былъ утвержденъ планъ петропавловскаго порта и на устройство его, кромѣ ассигнуемыхъ 5000 р., приказано отпускать ежегодно такую-же сумму для постепеннаго возведенія необходимыхъ построекъ.

Жизнь Камчатки развивалась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, росли и потребности. Въ 1825 году, въ виду, конечно, большихъ выгодъ, могущихъ послѣдовать отъ облегченія правительства въ дѣлѣ снабженія Камчатки провіантомъ, была учреждена, при содѣйствіи министерства государственныхъ имуществъ, камчатская земледѣльческая компанія съ капиталомъ въ 8 тысячъ рублей.—Компанія существовала до 1832 года и, убѣдившись въ невыгодности этого предпріятія, прекратила свое существованіе.

Неудачный исходъ земледѣльческой компаніи не повліялъ, однако, на продленіе заботъ правительства въ этомъ направленіи. Въ царствованіе императора Николая I-го вопросъ этотъ снова былъ возбужденъ съ особою энергіею. Съ этою цѣлью министерство государственныхъ имуществъ, въ 1840 году, выписало изъ Германіи ученаго агронома Кегеля и отправило его въ

Камчатку. Кегель прибылъ въ Петропавловскъ въ концѣ 1841 года и съ слѣдующей-же весны приступилъ къ изслѣдованію полуострова въ цѣляхъ своей спеціальности.

Существовавшая, въ то время, въ Петропавловскѣ ремесленная школа съ успѣхомъ вела свою дѣятельность, но дѣятельность эта была направлена преимущественно къ цѣлямъ порта. Кегель рѣшилъ дѣятельность школы нѣсколько расширить и видоизмѣнить сообразно съ своими предположеніями. Вслѣдствіе этого онъ возбудилъ вопросъ о переносѣ школы вглубь страны, чтобы, обучая дѣтей грамотѣ и ремесламъ, обучать ихъ и раціональному веденію сельскаго хозяйства на мѣстѣ.

Ходатайство его было уважено, и школа была перенесена въ одно изъ лучшихъ селеній, въ Мильково, расположенное въ долинѣ Камчатки, въ 20 верстахъ ниже Верхне-Камчатска.

Програма школы была расширена введеніемъ Кегелемъ различнаго рода производствъ: мыловареннаго, кожевеннаго и пр.

Быть можетъ, поставленный, такимъ образомъ, на раціональную почву вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ въ Камчаткѣ и принесъ-бы надлежащій результатъ, но, къ сожалѣнію, начавшіяся, въ скоромъ времени, непріязненныя отношенія между Кегелемъ и начальникомъ Камчатки, капитаномъ 2 ранга Страннолюбскимъ, перешедшія подъ конецъ въ явныя противодѣйствія начинаніямъ Кегеля, не дали сему послѣднему довести своего дѣла до конца. Дѣло кончилось тѣмъ, что школа въ Мильковѣ была закрыта и проектирована къ открытію снова въ Петропавловскѣ; Кегель, а вскорѣ и Страннолюбскій, были отозваны изъ Камчатки.

Въ концѣ 40-хъ годовъ, со вступленіемъ въ управленіе Сибирью графа Муравьева-Амурскаго, вопросъ о благоустройствѣ Камчатки и о сельско-хозяйственномъ ея положеніи достигъ высшихъ, но и послѣднихъ своихъ границъ.

Въ 1849 году, 2 декабря, по указу данному сенату (полн. собр. зак. 1849 г. № 23692) послѣдовало рѣшеніе объ измѣненіи порядка управленія Охотско-Камчатскаго края, при чемъ было повелѣно:

1) Изъ частей, подвѣдомственныхъ камчатскому приморскому управленію, и Гижигинскаго округа, состоящаго въ вѣдѣніи охотскаго приморскаго управленія, образовать особую область, которой именоваться Камчатскою областью.

2) Управленіе по всѣмъ частямъ новой области ввѣрить военному-губернатору, назначаемому изъ чиновъ морского вѣдомства, съ непосредственнымъ подчиненіемъ генералъ-губернатору Восточной Сибири.

и 3) охотскій портъ, по неудобности его, а также тамошнее приморское управленіе упразднить, присоединивъ сей край къ Якутской области, при чемъ охотскій окружный судъ перевести въ Камчатку.

Вслѣдъ за симъ, по представленію графа Муравьева-Амурскаго и по рекомендаціи епископа Иннокентія, на постъ камчатскаго военнаго-губернатора былъ назначенъ В. С. Завойко.

Вступивъ въ управленіе Камчатской областью (5 августа 1850 г.), капитанъ 1-го ранга В. С. Завойко былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и немедленно приступилъ къ устройству петропавловскаго порта и къ исправленію тѣхъ недостатковъ, которые онъ считалъ важнѣйшими. Въ то время въ Петропавловскѣ, вслѣдствіе перевода туда офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ Охотска, народонаселеніе увеличилось почти вдвое, и ощущался большой недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ и вообще въ строеніяхъ. В. С. Завойко самолично обошелъ всѣ долины рѣкъ, имѣющихъ стокъ къ Авачинской губѣ, и добылъ 15886 штукъ деревъ, годныхъ для построекъ, изготовилъ необходимое количество кирпича и другихъ строительныхъ матеріаловъ и, въ теченіе 1850 и 1851 годовъ, соорудилъ двѣ казармы, 11 флигелей и два магазина. Заботясь о благоустройствѣ порта, Завойко возобновилъ церковь во имя св. ап. Петра и Павла, построилъ губернаторскій домъ, обсадивъ его тополевой и березовой рощей, роскошные стволы которой украшаютъ Петропавловскъ и до настоящаго времени.

Кромѣ того, заботами Завойки въ Петропавловскѣ была устроена пристань, при чемъ асть набережной выстлана камнемъ (жалкіе остатки этой мостовой видны и до сего времени) и было уже приступлено къ сооруженію ряда лавокъ (гостинаго двора), при помощи которыхъ предполагалось увеличить доходъ города.

Осенью 1850 года, получилось извѣстіе о крушеніи нѣсколькихъ перевозочныхъ судовъ, служившихъ средствомъ развоза продовольствія по всѣмъ рейдамъ камчатскаго побережья, почему Завойко поставленъ былъ въ необходимость приступить къ постройкѣ новыхъ и къ исправленію старыхъ судовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, не выходя изъ ремонтной суммы, были сдѣланы: шхуна, ботъ, плашкоутъ и 12-ти-весельный катеръ. Кромѣ того, было куплено за дрова 6 вельботовъ; исправлены: транспортъ Байкалъ, транспортъ Иртышъ и тендеръ Камчадалъ *).

Тяжелымъ гнетомъ на душѣ заботливаго губернатора лежали различнаго рода болѣзни, присущія суровой и грязной обстановкѣ камчадала и соприкасающагося съ нимъ пришлаго населенія. Къ числу такихъ болѣзней необходимо отнести: цынгу, сифилисъ, проказу и, временами, оспу. По ходатайству Завойки, былъ усиленъ медицинскій штатъ, устроены больницы въ населенныхъ мѣстахъ полуострова и построены лѣчебницы при паратунскихъ и малкинскихъ горячихъ ключахъ. Паратунскіе ключи находятся близъ Петропавловска и ежегодно посѣщаются любителями, почему ванны ихъ поддерживаются частнымъ лицомъ до настоящаго времени; малкинскіе-же ключи въ настоящее время совершенно заброшены.

Разъѣзжая по полуострову, Завойко принималъ близко къ сердцу всѣ нужды населенія, старался о благоустройствѣ его, при чемъ, въ борьбѣ съ невѣжествомъ, не стѣснялся принимать и карательныя мѣры. Благодаря его заботамъ, населеніе, мало-по-малу, оставило свои старинныя сырыя земляныя жилища, перемѣнивъ ихъ на бревенчатыя избы; такъ называемыя юрты (жилища изъ жердей и корья или шкуръ животныхъ) остались лишь у кочующихъ инородцевъ. Особенное вниманіе Завойко обращалъ на сельское хозяйство, возобновивъ и поддержавъ все, что было начато когда-то Кегелемъ.

Остатки пашенъ, мельницъ, кузницъ и т. п., заведенныхъ трудами Завойки, видны по нѣкоторымъ камчатскимъ деревнямъ и доселѣ. Близъ Верхне-Камчатска видны слѣды разработки желѣзной руды и остатки мельничныхъ жернововъ. Въ мильковской церкви и по настоящее время виситъ колоколъ, отлитый по распоряженію Завойки для верхне-камчатской часовни мѣстными средствами. Ткацкое мастерство, заведенное Кегелемъ, нашло себѣ поддержку въ лицѣ Завойки, и въ настоящее время не рѣдкость встрѣтить среди жителей (напр. селенія Мильковскаго) въ обращеніи полотно мѣстнаго изготовленія.

Для урегулированія подводной повинности среди населенія, Завойко установилъ почтовыя станціи, построилъ на длинныхъ перегонахъ казенныя избы, размѣрилъ разстоянія между станціями, устроивъ на каждой станціи извѣстное число потягъ (нартъ съ собаками) или батовъ (въ лѣтнее время), съ точнымъ указаніемъ прогонной платы съ пассажира и пуда клади.

Особенное вниманіе Завойки, какъ упомянуто выше, было обращено на сельское-хозяйство вообще. Къ сожалѣнію, хлѣбопашество не имѣло успѣха, тогда какъ скотоводство и особенно огородничество, энергично поддержанныя Завойкой, ведутся въ Камчаткѣ и по настоящее время съ должнымъ успѣхомъ и служатъ большимъ подспорьемъ къ мѣстнымъ жизненнымъ продуктамъ.

Для характреистики мѣропріятій, предпринятыхъ по отношенію къ Камчаткѣ восточно-сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Муравьевъ-Амурскимъ, и для пополненія свѣдѣній о дѣятельности Завойки, воспользуюсь данными, собранными А. П. Сильницкимъ. А. П., состоя членомъ приамурскаго отдѣла и. р. г. о., получилъ, въ 1895 г., порученіе извлечь изъ владивостокскаго портоваго архива свѣдѣнія, относящіяся къ эпохѣ Муравьева. А. П. Сильниц-

*) Свѣд. взяты изъ рапорта Завойко отъ 5 декабря 1852 г.

кій изъявилъ полное свое согласіе на помѣщеніе здѣсь выдержекъ изъ его статей по сему предмету, помѣщенныхъ въ „Приамурскихъ Вѣдомостяхъ“, за 1895 г.—въ № 102 и 1898 г.—въ № 227.

30 октября 1848 года, только-что назначенный на постъ восточно-сибирскаго генералъ-губернатора Н. Н. Муравьевъ писалъ бывшему еще въ то время начальнику Камчатки, Машину, слѣдующее: „По малому успѣху принятыхъ къ развитію въ Камчаткѣ ремеслъ и сельскаго хозяйства мѣръ, а именно: учрежденія тамъ ремесленной школы и содержанія ученаго агронома, садовыхъ учениковъ и т. д., ученый комитетъ м. государственныхъ имуществъ, разсмотрѣвъ въ минувшемъ году это дѣло, находитъ, что дальнѣйшихъ успѣховъ въ хозяйствѣ Камчатки слѣдуетъ ожидать не отъ быстрыхъ перемѣнъ въ порядкѣ существующемъ и не отъ введенія хозяйства искусственнаго, теперь еще невозможнаго, но единственно отъ мѣръ поощрительныхъ, которыя должны состоять въ облегченіи мѣстнымъ жителямъ покупки разныхъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, въ отводѣ имъ въ потомственное владѣніе обработанныхъ земель, въ выдачѣ наградъ за успѣхи въ хозяйствѣ и. т. п. Посему ученый комитетъ полагаетъ, не возобновляя закрытой въ 1844 году ремесленной школы и не посылая агронома на мѣсто уволеннаго въ прошломъ году Кегеля, возложить на начальника Камчатки, какъ полнаго хозяина и распорядителя этого края, поощреніе туземцевъ вышеозначенными мѣрами къ сельскому хозяйству, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе суммы, отпускаемой на содержаніе ремесленной школы и на улучшеніе сельскаго хозяйства въ Камчаткѣ. Г. министръ государственныхъ имуществъ, не давая сему предположенію дальнѣйшаго хода, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, въ октябрѣ 1847 года, передалъ мнѣ копію, представленной ему департаментомъ сельскаго хозяйства записки, въ которой изложены какъ мѣры, предпринятыя до того времени правительствомъ къ развитію сельскаго хозяйства въ Камчаткѣ, такъ равно мнѣнія разныхъ лицъ о возможности тамъ земледѣлія и, наконецъ, предположенія ученаго комитета, и просилъ доставить мое заключеніе по сему предмету. 22 ноября 1847 г. я сдѣлалъ г. министру отзывъ, послѣдствіемъ котораго было то, что графъ Кисселевъ предположенія мои и ученаго комитета о мѣрахъ къ развитію сельскаго хозяйства внесъ въ комитетъ министровъ. Государь Императоръ, по разсмотрѣніи, поднесенной комитетомъ выписки изъ состоявшагося въ ономъ по сему предмету, журнала, *не изъявилъ* соизволенія на прекращеніе дѣла полезнаго и уже начатаго, но не получившаго до сего времени развитія по несогласію мѣстныхъ властей, по неудачнымъ ихъ распоряженіямъ, или инымъ причинамъ, изволилъ выразить мысль, *„что на Камчатку должно смотрѣть не въ настоящемъ этого края положеніи, но въ будущемъ ея предназначеніи, т. е., какъ на важный пунктъ для развитія торговли съ Америкой и съ прилежащими странами“*.

„Посему Его Величество въ увѣренности, что при надлежащемъ направленіи мѣропріятій мѣстныхъ властей, при большемъ съ ихъ стороны усердіи и стремленіи къ успѣху сего дѣла, а не къ разрушенію того, что сдѣлано, оно возьметъ другое направленіе, высочайше повелѣть соизволилъ: передать ближайшему разсмотрѣнію и соображеніямъ моимъ вопросъ о возстановленіи въ Камчаткѣ ремесленной школы и земледѣлія“.

„Получивъ объ этой высочайшей волѣ отношеніе г. министра государственныхъ имуществъ, отъ 19 февраля с. г., я увѣдомилъ графа Киселева, что въ будущемъ году самъ располагаю быть въ Камчаткѣ и тогда, повѣривъ лично всѣ обстоятельства на мѣстѣ, сообщу мои соображенія по изложенному предмету. Послѣ всего этого я считаю въ настоящее время неудобнымъ входить въ переписку по ходатайству вашего высокоблагородія, объясненному въ вашемъ рапортѣ“.

Далѣе Муравьевъ предписываетъ начальнику Камчатки войти въ подробное разсмотрѣніе просьбы о присылкѣ въ Камчатку двухъ свѣдущихъ учениковъ изъ земледѣльческаго училища для образованія на мѣстѣ камчадалъ и, вообще, выяснить: „какими-бы положительными средствами можно было осуществить мысль Его Величества Государя Императора насчетъ возстановленія ремесленной школы и земледѣлія въ Камчаткѣ. Соображенія ваши сообщите мнѣ съ

первою-же имѣющею отправиться, по полученіи вами сего предложенія, почтою изъ Камчатки". Въ концѣ этого предписанія Муравьевъ собственноручно приписалъ: „если-бы, паче чаянія, самъ я не успѣлъ къ тому времени быть въ Камчаткѣ".

На предписаніе Муравьева начальникъ Камчатки, 16 мая 1849 г., доноситъ, что сельское хозяйство въ Камчаткѣ у камчадалъ и у крестьянъ плохо. Лучшія мѣста для огородничества и хлѣбопашества, по словамъ рапорта, по р. Камчаткѣ. Отдаленныя на сѣверѣ селенія, по укинскому и полонскому берегамъ, также начали усердно разводить огороды и скотоводство; но какъ практическія занятія по земледѣлію недостаточно извѣстны туземцамъ, то начальникъ Камчатки предполагаетъ имѣть опытныхъ сельскихъ хозяевъ изъ туземцевъ въ каждомъ селеніи. Это, по заявленію начальника Каматчки, принесетъ дѣйствительную пользу дѣлу.

Существованіе ремесленной школы, если она будетъ находиться въ Петропавловскѣ, начальникъ Камчатки признаетъ полезнымъ. Для преподаванія въ школѣ и ремеслъ, признается полезнымъ командированіе въ Камчатку двухъ свѣдущихъ учениковъ земледѣльческаго училища. Одинъ долженъ завѣдывать хозяйственною частью школы, а другой учебною. Практическія познанія въ ремеслахъ, по словамъ рапорта, воспитанники пріобрѣтутъ, работая вмѣстѣ съ мастеровыми портоваго адмиралтейства, а также работая у вольнонаемныхъ мастеровъ, подъ надзоромъ своего учителя. На содержаніе школы испрашивается сумма 3562 р. въ годъ. Для поощренія учениковъ ремесленно-земледѣльческой школы въ ихъ занятіяхъ, начальникъ Камчатки полагаетъ полезнымъ выпускаемыхъ изъ школы съ одобрительнымъ аттестатомъ освобождать отъ платежа ясака на 5 лѣтъ и таковую мѣру поощренія опредѣлить, въ видѣ опыта, хоть на первые три выпуска, сверхъ всего, на первое обзаведеніе хозяйствомъ выдавать отъ казны каждому „по одной рогатой скотинѣ или конной, приличную экипировку, дѣлая таковые расходы изъ суммъ, отпускаемыхъ на опыты сельскаго хозяйства въ Камчаткѣ". Если, пишетъ въ семъ рапортѣ начальникъ Камчатки, вашему высокопревосходительству благоугодно будетъ разрѣшить ремонтъ школьныхъ строеній, и если будутъ присланы два ученика земледѣльческаго училища, то школа можетъ быть немедленно открыта, и будутъ приняты всѣ подлежащія дѣйствія къ исполненію мысли Его Императорскаго Величества".

Но въ то время, какъ изложенный проектъ начальника Камчатки пошелъ на разсмотрѣніе генералъ-губернатора, Камчатка вступила, какъ упомянуто выше, въ новую фазу своего существованія: она была выдѣлена въ особую область подъ управленіемъ военнаго губернатора, съ назначеніемъ на эту должность В. С. Завойко, для котораго сельское хозяйство Камчатки составляло, какъ мы уже говорили, главную заботу его дѣятельности.

Новый военный губернаторъ Камчатки, В. С. Завойко, еще до полученія на разсмотрѣніе проекта бывшаго начальника Камчатки, представилъ Муравьеву свои соображенія насчетъ сельскаго-хозяйства въ Камчаткѣ, при чемъ онъ предлагалъ: „прислать въ лѣто 1851 г. 20 дѣльныхъ хлѣбопашцевъ въ зачетъ рекрутъ, снабдивъ ихъ сѣменами и инструментами. Во время пути давать переселенцамъ одежду и 30 к. въ сутки взрослому мужчинѣ и по 10 к. въ сутки на содержаніе женщины и малолѣтнихъ, по числу душъ въ семьѣ. По прибытіи въ портъ, дать имъ на обзаведеніе по 100 руб. сер. и на годъ солдатскій паекъ, а на другой годъ по 50 руб. серебр. и паекъ на 9 мѣсяцевъ. Раздѣлить ихъ и поселить на два отряда. Собравъ отъ природныхъ камчадаловъ дѣвицъ около 9—10 лѣтняго возраста, отдать ихъ въ одинъ отрядъ, а въ другой послать камчадальскихъ мальчиковъ отъ 12—15 лѣтняго возраста. Завести школы и учить земледѣлію и хозяйству на дѣлѣ. Переселенные крестьяне должны работать 20 лѣтъ: три дня на училище съ дѣвочками и мальчиками и три дня на себя. Для школы потребно прислать пожилую женщину съ хорошей репутаціей, умѣющую грамотѣ, въ смотрительницы за нравственностью дѣвицъ и для обученія дѣвочекъ грамотѣ и молитвамъ. Грамотѣ и молитвамъ обучать ихъ одинъ разъ въ сутки, а остальное время, зимою и лѣтомъ, заниматься должны камчадальскія дѣвицы съ крестьянами во всѣхъ полевыхъ работахъ и рукодѣліяхъ, стряпней и по

скотоводству. Для дѣвочекъ полезно прислать также одного семейнаго ткача со станкомъ и самопрядомъ. Въ мужской школѣ полагалъ-бы я за полезное грамотѣ не учить, ибо, я считаю, полезна грамота тогда крестьянину, когда его мать научитъ и вмѣстѣ молитвамъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ ребячества; для того-то я и полагалъ-бы обучать дѣвочекъ грамотѣ. Учителемъ и смотрителемъ для мальчиковъ потребно назначить старичка крестьянина, благочестиваго, который, вѣроятно, долженъ найтись въ крестьянахъ, которые поселятся. Въ мужской школѣ учить мальчиковъ ремесламъ и извозу и всему до ихъ быта относящемуся. Но для нихъ полезно прислать одного опытнаго воспитанника земледѣльческой школы для устройства мельницъ и молотильныхъ машинъ, что необходимо нужно, гдѣ населеніе малое и потребность въ работникахъ велика. Я надѣюсь, продолжаетъ губернаторъ, ежели завести двѣ означенныя школы, то изъ этого произойдетъ въ средѣ Камчатки хлѣбопашество. Дѣвицы, выйдя изъ школы, пріобыкши къ крестьянскому труду и сдѣлавшись матерями, онѣ, потерявши камчатскій бытъ, зная грамотѣ и постигши религію, обучатъ своихъ дѣтей молиться и трудиться; мужья ихъ, вышедши изъ сего заведенія, не въ состояніи быть охотниками и, привыкши къ труду въ школѣ, и по выходѣ, получая обзаведеніе, которое ему школа даетъ своими хозяйственными способами, поневолѣ, будетъ хозяинъ, да и начальство вправѣ будетъ требовать, дабы былъ непремѣнно исполненъ назначенный посѣвъ хлѣба и затѣмъ уже дозволится ему заниматься, чѣмъ хочетъ".

Кромѣ заведенія школъ, Завойко предлагалъ, въ пополненіе флотскаго экипажа, прислать 60 человѣкъ; они, будучи первые два года со свѣжими силами и привычные къ сохѣ, произведутъ хлѣбопашество въ первое время съ пособіемъ всѣхъ воинскихъ нижнихъ чиновъ въ первоначальной разработкѣ земли; послѣ двухъ лѣтъ рекрутъ взять въ обученіе службѣ, а на обработанную землю поселить камчатскихъ жителей и требовать новыхъ посѣвовъ. Этими мѣрами, говоритъ губернаторъ, обезпечится продовольствіе хлѣбомъ камчатскаго войска.

Представляя генералъ-губернатору Муравьеву свои соображенія, губернаторъ проситъ не исчислять потребной суммы на содержаніе и обзаведеніе школы. По мысли губернатора, расходы какъ на переселеніе 20 семействъ, такъ и на школы покроются суммою, которую Государю Императору благоугодно будетъ соизволить и сколько будетъ доброхотныхъ пожертвованій. Для начала дѣла губернаторъ самъ изъ собственныхъ средствъ жертвуетъ по 300 руб. на школу. Если-бы предположенія губернатора удостоились утвержденія, то онъ проситъ распоряженія послать переселенцевъ чрезъ Аянъ; послать для нихъ въ Аянъ годовой запасъ провіанта по числу душъ, хлѣбныя и огородныя сѣмена, а также 40 коровъ. Муку, по мысли губернатора, слѣдуетъ выслать изъ Кронштадта, всего 3000 пудовъ. Изъ Аяна переселенцы будутъ перевезены въ Камчатку на кораблѣ.

Извѣстно, что генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ проектировалъ еще болѣе широкія мѣры къ улучшенію быта бѣдствующей Камчатки. Мѣры эти сводятся къ слѣдующимъ: 1) американскую епископскую кафедру перевести въ Петропавловскъ, 2) завести пароходное сообщеніе Камчатки съ берегами Охотскаго моря (уголь, говоритъ Муравьевъ, есть въ Тигилѣ и близъ Аяна), 3) обратить достодолжное вниманіе на китобойство въ Охотскомъ морѣ (въ этомъ, говоритъ Муравьевъ, заключается милліоны самаго справедливаго дохода; предпріимчивые люди всего свѣта, исключая русскихъ, уже получили многія сотни милліоновъ съ этого богатства, принадлежащаго русскимъ) 4) переселить въ Камчатку три тысячи семействъ русскихъ земледѣльцевъ; переселеніе начать по учрежденіи пароходнаго сообщенія по Охотскому морю; переселять ежегодно извѣстное число семействъ до 3 т., снабжая ихъ скотомъ, всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго домообзаводства. Хлѣбопашество, въ Камчаткѣ, говоритъ Муравьевъ, обѣщаетъ богатые плоды; весь расходъ на поселеніе 3 т. сем. простирался до 1,350,000 р. Разселеніе 3 т. сем., Муравьевъ предполагалъ произвести въ теченіе 10 лѣтъ, а потому и сказанная общая сумма расхода на заселеніе Камчатки должна была израсходоваться не сразу, а

въ теченіе 10 лѣтъ.—„Огромныя средства восточной сибири все-бы исправили, все-бы пополнили, все-бы устроили“.

При такихъ надеждахъ и сладкихъ мечтахъ о недалекомъ будущемъ жила Камчатка въ началѣ 50-хъ годовъ; казалась, что вотъ—вотъ и наступятъ для этой отдаленной окраины благіе дни. Но-увы,—многія причины не дали осуществиться этимъ ожидаемымъ надеждамъ; главнѣйшая изъ причинъ та, что на третій годъ существованія Камчатской области, объектомъ вниманія Муравьева, благодаря открытію Невельскимъ судоходности устья Амура, сдѣлалась не Камчатка и смежные съ нею сѣверные округа, а Амуръ и Уссурійскій край. Только благодаря вотъ этому обстоятельству, всѣ заботы о Камчаткѣ отошли въ область забвенія и съ тѣхъ поръ этотъ отдаленный уголокъ, только что подготовившійся занять видную роль среди Россійскихъ окраинъ, сталъ клониться къ постепенному упадку. Сначала былъ оставленъ петропавловскій портъ, затѣмъ изъ области Камчатка стала округой; послѣ этого начали сокращаться одно за другимъ открытыя учрежденія: судъ, школы, больницы и пр. и пр.

Нельзя обойти молчаніемъ столь славнаго финала, которымъ Камчатка закончила свои цвѣтущіе дни. Я говорю о геройской защитѣ Петропавловска отъ англофранцузской эскадры. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе подробнаго описанія, что имъ Камчатка стяжала себѣ славу и имъ-же, какъ-бы въ угоду судьбѣ, похоронила всѣ мечты и надежды, воздвигнувъ памятникъ въ видѣ трехъ большихъ могилъ, украшенныхъ тремя чугунными крестами съ надписью на трехъ языкахъ: русскомъ, англійскомъ и французскомъ „здѣсь лежатъ герои, вѣрные своему долгу и отечеству“.

26-го мая 1854 г., т. е. въ моментъ самаго разгара административной дѣятельности Завойка, была получена вѣсть о вѣроятія разрыва Россіи съ Англіей и Франціей *).

14 іюля, было получено извѣстіе отъ нашего генеральнаго консула въ Соединенныхъ Штатахъ, что война между Россіей, Англіей и Франціей объявлена и что наши восточные порты приказано привести въ оборонительное положеніе. Въ то время, когда Завойко получилъ это извѣстіе, въ составъ петропавловскаго гарнизона входилъ 47 флотскій экипажъ, численность котораго съ мастеровыми, престарѣлыми и инвалидами, не превышала 400 человѣкъ. Этого числа было недостаточно даже для дѣйствія при орудіяхъ и, поэтому, при орудіяхъ были размѣщены писаря морского вѣдомства, обученные насколько позволило короткое время, къ дѣйствію изъ пушекъ и изъ ручного оружія; для прикрытія артиллеріи и для отраженія десанта, людей не было. Вслѣдствіе этого, 20 іюля, Завойко объявилъ жителямъ петропавловскаго порта слѣдующее воззваніе:

„Получено извѣстіе, что Англія и Франція соединились съ врагами христіанъ, съ притѣснителями нашихъ единовѣрцевъ; флоты ихъ уже сражаются съ нашими. Война можетъ возгорѣться и въ этихъ мѣстахъ, ибо русскіе порты Восточнаго океана объявлены въ осадномъ положеніи. Петропавловскій портъ долженъ быть всегда готовъ встрѣтить непріятеля. Я надѣюсь, что жители, въ случаѣ нападенія непріятеля, не будутъ оставаться праздными зрителями боя и будутъ готовы, съ бодростію, не щадя жизни, противостать непріятелю и наносить ему возможный вредъ и что обыватели окрестныхъ селеній, въ случаѣ надобности, присоединятся къ городскимъ жителямъ. При приближеніи непріятеля къ порту, быть готовыми отразить его и немедленно удалить изъ города женщинъ и дѣтей въ безопасное мѣсто. Каждый долженъ позаботиться заблаговременно о своемъ семействѣ. Увѣдомляю васъ, что я донесъ его императорскому высочеству, генералъ адмиралу Константину Николаевичу, что сообразивъ средства къ защитѣ, надѣюсь, при помощи Всевышняго, при воодушевленіи храбраго войска и всѣхъ защитниковъ Петропавловскаго порта, отразить непріятеля.

„Я пребываю въ твердой рѣшимости, какъ бы ни многочисленъ былъ врагъ, сдѣлать для

*) *А. Сильницкій.* «Адмиралъ В. С. Завойко и его дѣятельность въ Приамурскомъ краѣ въ Муравьевскую эпоху». (Прим. Вѣд. № 227).

защиты порта и чести русскаго оружія все, что въ силахъ человѣческихъ возможно и драться до послѣдней капли крови; убѣжденъ, что флагъ Петропавловскаго порта, во всякомъ случаѣ будетъ свидѣтелемъ подвиговъ чести и русской доблести".

Вслѣдствіе этого воззванія, гражданскіе чиновники, всѣ жители порта, камчадалы сосѣднихъ съ Петропавловскомъ деревень единодушно изъявили намѣреніе не оставаться праздными зрителями ожидаемаго боя и пожелали, съ бодростію, не щадя жизни, противостать непріятелю и наносить ему всевозможный вредъ.

Въ виду этого, въ концѣ іюня, изъ волонтеровъ былъ сформированъ особый отрядъ, который поступилъ подъ начальство правителя канцеляріи губернатора, колл. асс. Лохвицкаго.

Въ теченіе послѣднихъ чиселъ іюня, весь іюль и до 17 августа, дня появленія въ Авачинской губѣ англо-французской эскадры, день и ночь, при участія всѣхъ и каждаго, отъ губернатора до журналиста его канцеляріи, производилась усиленная постройка батарей и накатываніе на нихъ орудій, которыя, предварительно, должны были быть сгружаемы съ транспортовъ „Двины" и „Аврора", прибывшихъ въ Петропавловскъ случайно и увеличившихъ его боевыя средства *).

Если принять во вниманіе малолюдность Петропавловска, слабый гарнизонъ, отсутствіе техническихъ приспособленій и крайнюю крутизну горъ, на которыхъ сооружались батареи, то приведеніе Петропавловска, въ теченіе 2½ мѣсяцевъ, въ оборонительное состояніе есть незыблимый показатель выдающейся энергіи В. С. Завойко и его способности воодушивить подвѣдомственныхъ ему людей къ дружной работѣ, которая, по словамъ американскихъ газетъ того времени, создала твердыню въ такомъ ничтожномъ мѣстѣ, какъ Петропавловскъ, гдѣ англичане съѣли такой грибъ, который останется позорнымъ пятномъ въ исторіи просвѣщенныхъ мореплавателей и который никогда не смоютъ волны всѣхъ 5 океановъ.

Защитниковъ Петропавловска, въ день появленія англо-французской эскадры, было 879 человѣкъ, въ томъ числѣ: генералъ—1, штабъ-офицеровъ—4 и оберъ офицеровъ—37, волонтеровъ и нижнихъ чиновъ, считая въ томъ числѣ, писарей, денщиковъ, камчатскихъ казаковъ и камчадаловъ, 837 человѣкъ. Изъ этого числа 284 человѣка находились на фрегатѣ „Аврора" и 65 человѣкъ на фрегатѣ „Двина". Такимъ образомъ, сухопутнаго гарнизона было всего 488 человѣкъ. Изъ числа 488 человѣкъ, были выдѣлены 2 стрѣлковыхъ отряда, въ 50 и 49 человѣкъ, и, кромѣ того, 65 человѣкъ были назначены для тушенія пожаровъ въ городѣ отъ ожидавшагося бомбардированія. Для дѣйствія на батареяхъ, въ распоряженіи Завойко, оставалось всего 320 человѣкъ.

Батареи Петропавловска, числомъ 7, были расположены такъ: крайняя батарея № 1-й, расположенная на Сигнальномъ мысу и вооруженная 5-ю пушками, защищала входъ въ гавань съ лѣвой стороны. Постройка этой батареи, по случаю каменистаго грунта, стоила большихъ трудовъ.

Батарея № 3—на перешейкѣ между Сигнальной и Никольской горами; вооруженіе ея состояло изъ 5-ти пушекъ, взятыхъ съ «Авроры». Эта батарея, защищая городъ и гавань, расположенные непосредственно сзади нея, сама была настолько открыта, что, по выраженію одного изъ участниковъ боя, у прислуги на этой батареѣ были закрыты однѣ лишь пятки. Для устройства настилки на этой батареѣ была употреблена деревянная площадка съ «Авроры».

Батарея № 7—на низменности сѣвернаго конца Никольской горы, ближе къ городу, вооруженная 6-ю короткими 24-хъ фунтовыми пушками, взятыми также съ «Авроры». Орудія

*) Транспортъ «Двина» привезъ въ Петропавловскъ людей для пополненія 47 фл. экипажа. «Аврора», въ день обнародованія манифеста о войнѣ Россіи съ Англіей и Франціей, 1-го апрѣля 1854 г., находилась въ перуанской гавани Каллао. Узнавъ о войнѣ, «Аврора», въ виду непріятельскихъ судовъ, снялась съ якаря и, послѣ 66-дневнаго, крайне бурнаго и утомительнаго плаванія, достигла Петропавловскаго порта и бросила здѣсь якорь. «Аврора» должна была присоединиться къ японской эскадрѣ графа Путятина, но 66-дневное плаваніе такъ утомило команду транспорта, что плыть далѣе Петропавловска не представлялось возможнымъ.

Изображеніе Петропавловска и его укрѣпленій въ 1854 году

стояли безъ платформъ. лѣсу нельзя было достать, и потому батарея не могла дѣйствовать исправно,

Сзади этихъ трехъ батарей, подъ защитой Сигнальной горы, стоялъ въ гавани фрегатъ «Аврора», имѣвшій полное вооруженіе (22 пушки) лишь съ лѣваго борта, обращеннаго къ выходу. Остальныя орудія фрегата были размѣщены по береговымъ батареямъ. Въ одной линіи съ «Авророй», сталъ 10-ти пушечный транспортъ «Двина», также съ половиннымъ числомъ орудій. Эти суда въ упоръ защищали гавань. Командирамъ «Авроры» и «Двины» было приказано обороняться до послѣдней крайности; а затѣмъ зажечь суда, свести команды на берегъ и присоединить ихъ къ отрядамъ.

На кошкѣ, идущей отъ материка къ Сигнальной горѣ, у самаго берега, была расположена батарея № 2-й, защищенная прочнымъ брустверомъ, только что оконченнымъ передъ приходомъ непріятеля; эта батарея была сильнѣйшимъ изъ всѣхъ петропавловскихъ укрѣпленій.

Верстахъ въ 2-хъ южнѣе батареи № 2-й, ближе ко входу въ Авачинскую губу, на отлогости горы Красный Яръ, находилась 3-хъ пушечная батарея № 4-й.

Съ сѣверной стороны города, за Никольской горой, у озера Култушнаго, по берегу котораго идетъ дорога въ городъ въ обходъ горы, была построена батарея № 6-й, вооруженная 4-мя пушками съ транспорта „Двина“. Эта батарея могла дѣйствовать лишь по высадившемуся непріятелю, который двинулся бы въ обходъ Никольской горы.

Вооруженіе Петропавловска состояло всего изъ 60 орудій: 33 на 6 береговыхъ батареяхъ и 27 орудій „Авроры“ и „Двины“, На каждое орудіе было по 27 зарядовъ.

Утромъ 17-го (29-го) августа 1854 года, въ Авачинской губѣ появился трехмачтовый англійскій пароходъ подъ американскимъ флагомъ. Пароходъ, внѣ выстрѣловъ съ батареи, занялся промѣромъ глубины, а затѣмъ направился къ выходу.

18-го августа, вечеромъ, союзная эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмираловъ: англійскаго—Прайса и французскаго—Февріе-де-Пуантъ, вошла въ Авачинскую губу. Всего на эскадрѣ было болѣе 205 орудій. Послѣ незначительной съ обѣихъ сторонъ перестрѣлки, грозная эскадра стала на якорь, внѣ выстрѣловъ съ нашихъ батарей. Ночь прошла спокойно.

Рано утромъ 19-го августа, на эскадрѣ началось движеніе, къ Раковому мысу были высланы 3 шлюпки для промѣра; пароходъ сталъ бросать бомбы черезъ перешеекъ, Сигнальную и Никольскую горы; фрегаты также стрѣляли черезъ батарею № 1-й, но около полудня всѣ приготовленія внезапно прекратились,—это произошло потому, что англійскій адмиралъ Прайсъ застрѣлился.

20-го августа (1 сентября), съ ранняго утра, движеніе на эскадрѣ усилилось. Генералъ Завойко, въ ожиданіи десанта на батарею № 4-й, поставилъ отрядъ стрѣлковъ и волонтеровъ, всего около 100 человѣкъ, между батареями № 2-й и № 4-й, на высотѣ, въ кустахъ; другой отрядъ былъ расположенъ у Сигнальной горы, а третій въ городѣ—для, тушенія пожаровъ. Отрядамъ приказано не тратить времени на стрѣльбу, а прогонять непріятеля штыками.

Въ половинѣ 8-го утра, генералъ Завойко пригласилъ священника на батарею № 1-й отслужить молебенъ. Во время чтенія св. Евангелія, съ непріятельской эскадры раздался пушечный выстрѣлъ и надъ головами молящихся пронеслось ядро. Англійскій пароходъ, взялъ на буксиръ три фрегата (два съ боковъ, а третій сзади), повелъ ихъ къ батареѣ № 1-й. Прекрасный солнечный день, какіе рѣдко случаются въ пасмурной Камчаткѣ, былъ днемъ перваго петропавлоскаго боя.

Снѣговыя вершины огнедышащихъ горъ ослѣпительно сіяли на яркомъ фонѣ неба; легкій вѣтерокъ чуть замѣтно игралъ крѣпостнымъ флагомъ на Сигнальной батареѣ (№ 1-й).

Весь гарнизонъ на мѣстахъ; темная масса судовъ медленно, съ огромными усиліями, подвигалась къ берегу. „Ребята видите?, сказалъ Завойко, указывая на грозныя суда. „Многіе изъ насъ умрутъ славною смертью; послѣдняя наша молитва должна быть за Царя“!

Пароходъ, между тѣмъ, отдалъ буксиры; фрегаты выстроились въ линію. Съ батареи Краснаго Яра (№ 4-й) раздается выстрѣлъ; непріятельскіе фрегаты отвѣчаютъ ядрами и бомбами. Между нашими ближайшими къ непріятелю батареями (№№ 1-й и 4-й) и его судами разгорается оживленная канонада. Идетъ неравный бой нашихъ 8-ми орудій противъ 80-ти непріятельской эскадры.

Командиръ батареи № 1-й, лейтенантъ Гавриловъ, раненый въ голову и ногу, не оставляетъ своего мѣста, но держаться долѣе невозможно: платформы засыпаны землей выше колесъ, станки подбиты... Генералъ Завойко, находившійся на этой батареѣ, приказываетъ заклепать орудія и оставшіеся заряды отправить на батарею № 2-й; офицеры и команда направлены на батарею № 4-й, которой угражалъ десантъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Завойко распорядился, чтобы командиры батареи №№ 3-й, № 6-й и № 7-й, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, оставя у орудій по 2 человѣка, шли со своими командами противъ непріятеля, если онъ, овладѣвъ батареей № 4-й, двинется на батарею № 2-й или къ городу; самъ губернаторъ отправился въ городъ и привелъ оттуда 3-й стрѣлковый отрядъ на батарею № 2-й, гдѣ къ нему присоединился высланный, по его приказанію, съ фрегата „Авроры" отрядъ (32 человѣка), подъ начальствомъ мичмана Фесуна.

А тѣмъ временемъ, непріятель, на 13 гребныхъ судахъ и 2-хъ ботахъ везъ десантъ на отлогій берегъ горы Красный Яръ. Командиръ расположенной здѣсь батареи (№ 4-й), мичманъ Поповъ, видя невозможность держаться противъ 600 человѣкъ,—спрятавъ оставшійся порохъ въ потайное мѣсто, заклепалъ свои 3 пушки и съ 28-ми человѣками прислуги сталъ отступать по направленію къ городу.

Но едва лишь французы высадились на батарею Краснаго Яра и съ восторженными кликами водрузили свое знамя, съ англійскаго парохода бомба, по ошибкѣ, ударила въ самую ихъ средину. Не успѣли они опомниться, какъ нашъ фрегатъ и транспортъ открыли по нимъ мѣткій огонь. Въ тоже время, отступавшій было мичманъ Поповъ, соединившись съ отрядами присланными съ „Авроры" и изъ города, съ крикомъ „ура!", бросился назадъ на батарею. Непріятельскій десантъ бѣгомъ пустился къ шлюпкамъ. Окрестныя горы Петропавловска огласились радостнымъ «ура» защитниковъ.

Заставивъ умолкнуть двѣ наши передовыя батареи, три непріятельскихъ фрегата и пароходъ подошли ближе и изъ 80 орудій открыли сильнѣйшій огонь по батареѣ № 2-й, дѣйствовавшей лишь изъ 10 орудій и составлявшей теперь единственное препятствіе къ нападенію на «Аврору» и «Двину»,

Эти послѣднія не могли оказать содѣйствія батареѣ, такъ какъ непріятельскія суда были укрыты отъ огня нашихъ судовъ Сигнальною горою. Несмотря, однако, на такое огромное неравенство силъ, батарея № 2-й, подъ умѣлымъ и энергическимъ руководствомъ лейтенанта князя Максутова (Дмитрія), дѣйствовала геройски и, засыпаемая непріятельскими снарядами, выдержала 9-ти—часовой упорный бой, заставивъ непріятельскія суда, къ 6 час. вечера, отойти на прежнее якорное мѣсто.

Во время этого боя, мичманъ Фесунъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, перевезъ на катерѣ порохъ съ „Авроры" на батарею № 2-й. Характерная черта въ дѣйствіяхъ этой батареи та, что она, не отвѣчая на дальніе выстрѣлы судовъ, открывала учащенную пальбу, лишь только суда подавались ближе. Заслуживаетъ упоминанія и тотъ фактъ, что на этой батареѣ,, для подачи зарядовъ, служили мальчики 12—14 лѣтъ; одному изъ этихъ дѣтей-героевъ, Матвѣю Хромовскому, ранило руку; малолѣтній Хромовскій, по свидѣтельству Завойко, съ удивительною твердостію духа переносилъ операцію, состоявшую въ отнятіи руки. Всѣ дѣти во время сраженія, исполняли свои обязанности съ превосходною расторопностію и были такъ веселы, что, какъ говоритъ донесеніе В. С. Завойко великому князю, по окончаніи боя, начинали спускать въ воду бумажные кораблики.

Во время единоборства батареи № 2-й съ непріятельскими фрегатами, англійскій пароходъ подъ защитою дыма, два раза пытался форсировать проходъ въ Петропавловскую гавань, но,

встрѣчаемый сосредоточеннымъ огнемъ „Авроры“, „Двины“ и батареи № 2-й, оба раза быстро отходилъ назадъ. Неудалась также и попытка высадить десантъ на перешейкѣ, у батареи № 3-й: мѣткое ядро этой батареи потопило непріятельскую шлюпку съ людьми фрегата „Эвридика“.

Потеря наша въ первомъ бою (20 августа): 6 убитыхъ и 13 раненыхъ (въ томъ числѣ лейтенатъ Гавриловъ). Потеря непріятеля неизвѣстна; своихъ убитыхъ и раненыхъ на Красномъ Ярѣ онъ подобралъ съ собою. Поврежденія на непріятельскихъ судахъ, повидимому, были не маловажны: всю ночь на нихъ раздавался стукъ плотничьихъ работъ. Значительныя поврежденія, причиненныя бомбардировкой въ нашихъ трехъ батареяхъ (№№ 1-й, 2-й и 4-й), за ночь, были исправлены, заряды и прислуга пополнены и, къ слѣдующему утру, батареи были готовы снова открыть огонь, за исключеніемъ 3-хъ орудій, заклепанныхъ на батареѣ Краснаго Яра.

Слѣдующіе два дня (21-го и 22-го августа) прошли спокойно. Защитники Петропавловска приготовились, за это время, встрѣтить новое нападеніе. Это послѣднее, состоявшееся 24-го августа, было задумано уже съ другой стороны, по совѣту двухъ американцевъ, которыхъ союзники встрѣтили въ Тарьинской бухтѣ на похоронахъ англійскаго адмирала. Американцы подали союзникамъ мысль атаковать Петропавловскъ съ сѣверной стороны, гдѣ какъ сказано выше, пролегала дорога между Никольской горой и Култушнымъ озеромъ, которая вела прямо въ городъ черезъ батарею № 6-й. Уже вечеромъ 23-го августа, съ перешейка (батарея № 3-й), замѣчено было необыкновенное движеніе на непріятельской эскадрѣ. Съ туманнымъ разсвѣтомъ 24-го августа, на нашихъ батареяхъ замѣтили движеніе парохода. На гауптвахтѣ Петропавловска ударили тревогу; губернаторъ обошелъ батареи, суда и отдѣльные отряды. На его привѣтствія вездѣ слышался одинъ отвѣтъ *„умремъ, а не сдадимся“*.—Къ 7½ часамъ утра, туманъ разсѣялся и пароходъ, взявъ съ боковъ по фрегату, повелъ ихъ къ батареѣ № 3-й, которая первая открыла огонь. Англійскій фрегатъ, будучи на буксирѣ, отвѣтилъ ей цѣлымъ бортомъ.

Командиръ батареи № 2-й, (князь Александръ Максутовъ 2-й) продолжалъ дѣйствовать успѣшно: первымъ ядромъ былъ сбитъ англійскій флагъ. Англійскій фрегатъ на буксирѣ прошелъ дальше къ батареѣ № 7-й и сталъ на якорь, а противъ батареи № 3-й сталъ французскій фрегатъ и открылъ по ней жесточайшій огонь: весь перешеекъ буквально былъ изрытъ ядрами. Пятипушечная, совершенно открытая батарея, первое время, дѣйствовала успѣшно противъ 30 пушекъ фрегата. Каждое ядро попадало въ оснастку или въ корпусъ, но, по прошествіи ½ часа, изъ 5 пушекъ остается лишь одна, остальныя приведены въ негодность, половина прислуги ранена и перебита. Непріятель, пользуясь этимъ, свозитъ десантъ. Князь А. Максутовъ бросается къ единственной уцѣлѣвшей пушкѣ, наводитъ ее,—и большой французскій катеръ, вмѣстѣ съ десантомъ, идетъ ко дну. Фрегатъ, въ отмѣстку, даетъ залпъ цѣлымъ бортомъ. Ураганъ ядеръ и бомбъ несется надъ батареей; она вся въ дыму и обломкахъ; князь Максутовъ падаетъ съ оторваной рукой,—а непріятель посылаетъ залпъ за залпомъ, подбиваетъ послѣднее русское орудіе и свозитъ наконецъ десантъ.

Въ тоже время, англійскій фрегатъ, по сѣверную сторону Никольской горы, громитъ батарею № 7-й кап.-л. Кораллова. Защищенная землянымъ валомъ, эта батарея держалась нѣсколько долѣе, но, наконецъ, и ея 24-хъ фунтовыя короткія пушки сбиты и засыпаны землей. Коралловъ, раненый деревяннымъ обломкомъ въ голову, уведенъ съ батареи. Непріятель приступаетъ къ высадкѣ: 23-ти гребныхъ судна и 2 бота съ войсками въ количествѣ 900 человѣкъ, подъ прикрытіемъ парохода, открывшаго пальбу черезъ головы своихъ, направляются къ берегу; за десантомъ слѣдуетъ на шлюпкѣ французскій адміралъ Февріе-де-Пуантъ съ обнаженной шпагой. Высадившись на батареѣ № 7-й, непріятель раздѣляется на 3-ти отряда и ведетъ атаку: 2 отряда поднимаются на Никольскую гору, а третій идетъ въ обходъ противъ батареи № 6-й. Двѣ попытки овладѣть этой батареей отражены картечью и непріятель, унося съ со-

бой убитыхъ и раненыхъ, поворачиваетъ также въ гору, вслѣдъ первымъ двумъ отрядамъ.

Завойко, убѣдившись, что озерной батарѣ больше не грозитъ опасность, посылаетъ два отряда, лейт. Анкудинова и мичм. Михайлова, по 30 человѣкъ каждый, занять гребень горы въ помощь находившимся тамъ 16 стрѣлкамъ, приказавъ командиру „Авроры" отрядить туда-же столько людей, сколько окажется возможнымъ.

Въ это время, часть французовъ и англичанъ уже спускалась съ пальбой съ сѣверной оконечности Никольской горы, а другая часть, распространившись по гребню, вошла въ связь съ высадившеюся на перешейкѣ. Съ этой стороны непріятель открылъ огонь по транспортамъ „Аврорѣ" и „Двинѣ". У сѣверной оконечности Никольской горы непріятель отброшенъ огнемъ орудій батареи № 6-й и огнемъ единственнаго въ Петропавловскѣ полевого орудія, бывшаго подъ командой титулярнаго совѣтника Зарудняго.

Въ то-же время, отряды Анкудинова и Михайлова, а также отряды съ фрегата (прап. Жилкина, лейт. Пилкина, мичм. Фесуна), съ батареи № 2-й (гардемар. Давыдова) и изъ резерва (капитана Арбузова), числомъ всего около 200 человѣкъ, стройной цѣпью, безостановочно, идутъ впередъ, невзирая на ружейный огонь и ручныя гранаты засѣвшаго на вершинѣ горы, въ кустахъ, непріятеля, и, съ крикомъ «ура», почти одновременно, бросаются въ штыки. Бой закипаетъ на всемъ протяженіи горы. Въ зелени кустовъ Камчатки перемѣшиваются красные мундиры англичанъ, синія и красныя рубашки матросовъ Франціи и Россіи. Въ кровавой рукопашной свалкѣ изрѣдка, то тамъ, то здѣсь, слышна ружейная пальба. Непріятель дрогнулъ и обратился въ паническое бѣгство: союзники толпами бросаются съ высокихъ и крутыхъ обрывовъ въ море. Отступленіе съ сѣверной оконечности горы (у батареи № 7-й), также безпорядочное, сопровождалось меньшею потерей: непріятель бѣжалъ къ шлюпкамъ, унося съ собою трупы.

Ноотступленіе на гребныхъ судахъ было еще бѣдственнѣе для врага. Наши отряды, засѣвши на обрывахъ, поражаютъ удаляющихся ружейнымъ огнемъ, когда они садятся въ шлюпки. Изъ шлюпокъ раздавались стоны. Одинъ баркасъ ушелъ только подъ 8-ми веслами, на другомъ люди подымали вверхъ руки, какъ-бы прося пощады; нѣсколько человѣкъ брели по горло въ водѣ, стараясь догнать удалающіяся гребныя суда, нѣкоторые пускались въ догонъ за поспѣшно удаляющимися шлюпками вплавь; находили спасеніе немногіе. Чтобы помочь своимъ, Французскій фрегатъ подходитъ ближе къ берегу и открываетъ по защитникамъ Петропавловска огонь, но почти безвредный.

Вскорѣ непріятельская эскадра вышла изъ-подъ выстрѣловъ и направилась въ Тарьинскую бухту. Въ часъ пополудни, у насъ ударили отбой, и защитники Петропавловска собрались къ пороховому погребу, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ за дарованную Господомъ побѣду. Такъ окончилось вторичное нападеніе на Петропавловскъ. Потери наши въ дѣлѣ 24-го августа: 31 убитый и 65 раненыхъ (въ томъ числѣ 2 офицера; изъ нихъ князь А. Максутовъ умеръ 10-го сентября). Въ городѣ, кромѣ сожженнаго рыбнаго сарая, было повреждено 16 зданій. Фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина» тоже пострадали, хотя и незначительно, такъ какъ корпуса ихъ были прикрыты перешейкомъ (батареи № 3-й). Намъ досталось: 1 англійское знамя, 7 офицерскихъ сабель и 56 ружей. На берегу найдено 38 непріятельскихъ труповъ. Въ плѣнъ взято 4 челов., изъ нихъ 3 тяжело раненыхъ. Потеря непріятеля, въ дѣлѣ 24-го августа, простиралась до 400 челов., а всего, при двухъ нападеніяхъ на Петропавловскъ до 450 человѣкъ. Суда союзниковъ также оказались значительно поврежденными: англійскій фрегатъ „Президентъ" былъ совершенно избитъ нашими снарядами и, впослѣдствіи, съ большимъ трудомъ, добрался до острововъ Ванкувера (у береговъ Америки, почти на той-же (50-й) широтѣ, что и Петропавловскъ.

Донесеніе о блистательномъ пораженіи непріятеля было послано Муравьеву въ Иркутскъ съ княземъ Максутовымъ и было получено имъ 6-го ноября 1854 года.

„Радостную вѣсть о блистательномъ отраженіи англо-французской эскадры и десанта при нападеніи на Петропавловскій портъ, писалъ Муравьевъ Завойкѣ, я получилъ отъ лейтенанта 47 флотскаго экипажа князя Максутова. Ваше донесеніе я отправилъ съ тѣмъ-же офицеромъ въ Санктъ-Петербургъ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу.

„Хладнокровіе и распорядительность ваши, личное посѣщеніе всѣхъ пунктовъ бывшихъ дѣйствій, при мужествѣ войскъ, одушевленныхъ вами, были главнѣйшими причинами блистательнаго отраженія непріятеля. Я поставилъ себѣ пріятною обязанностію представить объ этомъ его высочеству. Прошу васъ принять отъ меня изъявленіе искренней и душевной признательности, поздравить, отъ моего имени, всѣхъ тѣхъ, кои удостоились принять участіе въ этомъ дѣлѣ, покрывшемъ новою славою русское оружіе на отдаленнѣйшемъ краю нашей имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомляю ваше превосходительство, что, вмѣстѣ съ лейтенантомъ княземъ Максутовымъ, я получилъ всѣ представленія ваши, касающіяся доставленія, весною будущаго года, разныхъ предметовъ въ Камчатку и соображенія ваши, относящіяся до защиты Петропавловскаго порта, на случай нападенія непріятеля въ будущемъ году. Относительно доставленія въ Камчатку разныхъ предметовъ продовольствія и прочаго, мною сдѣланы уже здѣсь надлежащія распоряженія, равно какъ и объ отправленіи по Амуру всего необходимаго для усиленія Петропавловскаго порта; о нѣкоторыхъ-же артиллерійскихъ предметахъ я вхожу нынѣ-же съ представленіемъ къ его императорскому высочеству. Всѣ эти предметы, команды и продовольствіе будутъ сплавлены по Амуру съ первою возможностію плыть по этой рѣкѣ и будутъ доставлены въ Камчатку".

Въ то время, какъ Максутовъ былъ на пути въ Иркутскъ, Завойко готовился къ вторичному нападенію непріятеля, въ весну 1855 г. Весь петропавловскій гарнизонъ, всѣ, вообще, жители были привлечены къ работамъ на батареяхъ, которыя сильно пострадали отъ англо-французскихъ бомбъ и ядеръ.

Въ то время, какъ въ Петропавловскѣ происходили энергическія работы по приведенію этого города въ возможность защищаться отъ новаго нападенія, въ судьбѣ Петропавловска произошла крупная перемѣна.

29-го декабря 1854 г. великій князь Константинъ Николаевичъ, на представленіе Муравьева о предложенныхъ имъ мѣрахъ къ оборонѣ Потропавловска, отвѣтилъ слѣдующими словами:

„Ваше превосходительство полагаете укрѣпить для будущаго лѣта Камчатку, для чего потребуются большія усилія и неимовѣрные труды, результатъ коихъ еще весьма сомнителенъ. Если непріятель рѣшится дѣйствовать въ превосходныхъ силахъ, высадить порядочный десантъ, то едва ли всѣ мѣры, которыя мы въ состояніи будемъ принять, будутъ достаточны для отраженія его. Если-же онъ подобнаго нападенія не предприметъ, то всѣ усилія наши не будутъ нужны и составятъ намъ лишній расходъ. Здѣсь мы приняли за правило защищать упорно, въ будущемъ году, только тѣ пункты, которые мы, дѣйствительно, въ состояніи защищать, а прочіе оставить безъ защиты, дабы не дать непріятелю возможности хвастаться побѣдой. Въ Сибири сильнымъ пунктомъ, въ которомъ можетъ найти убѣжище весь тамошній флотъ и который мы въ состояніи защищать, если мы соединимъ въ немъ всѣ усилія наши, есть *не Камчатка, а Амуръ*, и потому не сочтете-ли болѣе благоразумнымъ, съ открытіемъ навигаціи, не посылать въ Камчатку военныя силы, а, напротивъ, оттуда вывести оныя, снабдивъ только жителей продовольствіемъ, которое спрятать внутри края и затѣмъ безоружный городъ или мѣстечко оставить въ гражданскомъ управленіи. Собственно портъ и морскія управленія упразднить, суда и экипажи вывести и всѣ военныя способы сосредотичить на Амурѣ.

«Мысль эту я докладывалъ Государю Императору и она удостоена предварительнаго одобренія Его Величества».

Получивъ такой рескриптъ Его Высочества, Муравьевъ писалъ Завойкѣ слѣдующее:

«Имѣя въ виду таковое Высочайшее одобреніе, основанное на принимаемой системѣ дѣй-

ствій вообще противъ непріятеля и зная, что эскадра наша въ здѣшнихъ мѣстахъ не можетъ быть усилена и въ будущемъ году и, слѣдовательно, Петропавловскій портъ останется безъ всякаго благонадежнаго сообщенія съ устьемъ Амура или Аяномъ, а также, усматривая изъ полученныхъ мною свѣдѣній, что непріятельская эскадра, дѣйствовавшая въ настоящемъ году, усилена даже линейными кораблями, я признаю необходимымъ перенести изъ Петропавловскаго порта всѣ находящіеся тамъ: военные способы, морскую команду и управленія, какъ военныя такъ и гражданскія, въ Николаевскій постъ, на устье Амура; оставить въ Камчатскомъ округѣ только управленіе земское, съ присвоеніемъ исправнику всѣхъ обязанностей, кои возложены на земскихъ исправниковъ малолюдныхъ округовъ Сибири и почтовую контору».

Такимъ образомъ, къ концу 1855 г., участь Камчатки была рѣшена. Центромъ вниманія Государя и высшаго правительства, *съ этого времени, сдѣлался Амуръ и его устье.*

Жители сначало полагали, что переводъ флота и администраціи въ Николаевскъ—временная мѣра, и что, по заключеніи мира все придетъ опять въ прежній порядокъ: но ожиданія и надежды ихъ неоправдались.

В. С. Завойко вышелъ изъ Авачинской губы въ апрѣлѣ 1855 г., и съ тѣхъ поръ, въ теченіе первыхъ 33—34 лѣтъ, изъ пяти военныхъ-губернаторовъ, управлявшихъ Приморскою областью, въ составъ которой вошла Камчатка, ни единый не заглядывалъ въ этотъ оставленный и какъ-бы забытый край. Амуръ и затѣмъ вновь присоединенный Южно-Уссурійскій край отвлекли все вниманіе администраціи. Камчатка-же, а равно какъ и сосѣдніе съ нею сѣверные округа, Гижигинскій и Охотскій, остались на попеченіи однихъ лишь исправниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Въ первое время, когда въ Камчаткѣ оставались еще кое—какія учрежденія и казенное имущество, туда командировались чиновники для ревизіи по тѣмъ или другимъ частямъ управленія. Чиновники эти объѣзжали иногда *) селенія, освѣдомлялись о положеніи и нуждахъ жителей, о дѣйствіяхъ начальствующихъ надъ ними лицъ, ревизовали дѣлопроизводство и счетную часть въ окружномъ управленіи исправника и о всемъ ими усмотрѣнномъ и дознанномъ доводили до свѣдѣнія губернатора подробными, но не лишенными субъективности, отчетами; но и это мѣра въ скоромъ времени была прекращена и не практиковалась со временъ военнаго-губернатора Казакевича (назначеннаго послѣ Завойка въ 1859 г.) до начала 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ болѣе, чѣмъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, Камчатка оставалась въ исключительномъ и ни кѣмъ ни контролируемомъ управленіи исправниковъ. Губернаторы знакомились съ ввѣренными имъ сѣверными округами по донесеніямъ исправниковъ и, вполнѣ довольствуясь этими свѣдѣніями, по заведенному порядку, препровождали ихъ генералъ-губернаторамъ; исправники, конечно, доносили въ большинствѣ случаевъ, что все обстоитъ благополучно и что жители блаженствуютъ, благодаря заботливости о нихъ областного начальства. Только къ началу 80-хъ годовъ, когда котиковый промыселъ командорскихъ острововъ сталъ входить въ видную торговую роль и когда въ цѣляхъ выясненія этого вопроса начали командироваться туда то военныя суда, то чиновники, Камчатка, какъ-бы вскользь, такъ сказать, по спопутности, стала опять посѣщаться свѣжими посторонними людьми, подававшими иногда свои мнѣнія объ этомъ забытомъ уголкѣ нашей родины.

Насколько всѣ эти свѣдѣнія, доставляемыя моряками и чиновниками, были благодѣтельны для жителей Камчатки, увидимъ изъ описанія современнаго положенія населенія Камчатки, помѣщеннаго мною въ третьей главѣ, здѣсь-же не могу не выразить своего сожалѣнія, что всѣ эти свѣдѣнія отличались односторонностью и всѣ почти сводились къ одному—житель Камчатки бѣдствуетъ, а купецъ, эксплоатируя его, блаженствуетъ, и что для устраненія этого зла всегда почти рекомендовалось купца тѣснить всѣми мѣрами, а жителя оставлять на волю Божію. Притѣсняя купца, стѣсняли въ то-же время и торговлю—этотъ главный факторъ въ развитіи

*) Въ большинствѣ-же случаевъ ограничивались пребываніемъ въ одномъ лишь Петропавловскѣ.

страны, который, какъ уже признано вездѣ, требуетъ поощренія, а не стѣсненія.

Между тѣмъ, въ Камчаткѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо торговля нуждается въ поощреніи и раціональномъ содѣйствіи правительства. Отдаленность и малопроизводительность края, затруднительность плаванія въ туманныхъ водахъ, отсутствіе безопасныхъ мѣстъ для выгрузки (за исключеніемъ одной лишь Авачинской губы), рискъ отъ невозможности страховать сгруженные на берегъ товары, медленность и невѣрность обращенія капиталовъ, огромные накладные расходы и пр.—все это пугаетъ предпринимателей и, при положительномъ отсутствіи мѣръ къ устраненію этихъ неудобствъ, ставитъ камчатскую торговлю въ условія, непреодолѣваемыя никакими со стороны купцовъ благими намѣреніями.

Въ послѣднее время, когда весь вообще Приамурскій край, благодаря великому сибирскому рельсовому пути, начинаетъ входить въ роль всесвѣтнаго торговаго рынка, вниманіе къ Камчаткѣ съ ея естественными богатствами начинаетъ—мало-по-малу снова возрастать. Снаряжаются научныя экспедиціи, изучаются рыбныя и вообще промысловыя богатства, принимаются мѣры къ улучшенію судоходства и путей сообщенія и пр., но къ чему эти заботы приведутъ, будетъ видно послѣ.

ГЛАВА II.

Происхожденіе наименованія полуострова Камчатки. Географическое положеніе Камчатки. Вулканизмъ и орографія полуострова. Краткія геологическія свѣдѣнія. Климатъ, хлѣбопашество и скотоводство. Фауна и флора Камчатки.

Крашенинниковъ, разсматривая вопросъ о происхожденіи наименованія полустрова Камчаткою, говоритъ, *) что нѣкоторые производятъ слово Камчатка отъ слова „Канчата“, имени легендарнаго воина, будто-бы жившаго когда-то на самой большой рѣкѣ полуострова, прозванной по этому Канчатаю, а отсюда это названіе, передѣланное казаками въ «Камчатку», перешло и на весь полуостровъ, орошаемый этою рѣкою.

Въ этомъ объясненіи происхожденія названія «Камчатка» самъ Крашенинниковъ сильно сомнѣвается, такъ какъ отъ природныхъ жителей полуострова, при всемъ своемъ стараніи, онъ не могъ узнать ничего ни о сказочномъ героѣ, ни о рѣкѣ, гдѣ онъ жилъ. Среди камчадаловъ ни о какомъ героѣ Канчатѣ, ни о какомъ другомъ, въ этомъ родѣ, легенды не существуетъ. Къ тому-же, добавляетъ Крошенинниковъ, „камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни горъ именемъ людей не называютъ, но даютъ имъ имена по нѣкоторымъ, свойственнымъ имъ, качествамъ“ и „что Камчатка рѣка самими камчадалами называется не Канчатою, а Уйкуялъ, что значитъ па ихъ языкѣ Большая рѣка“.

Вслѣдствіе такихъ доводовъ, Крашенинниковъ болѣе склоненъ произвести слово „Камчатка“ отъ корякскаго слова „хончало“, искаженнаго изъ слова «Коачъ-ай», что значитъ: житель рѣки Еловки. Коряки, какъ сѣверные сосѣди камчадаловъ, по мѣстнымъ условіямъ, должны были познакомиться съ ними чрезъ жителей р. Еловки и прозвище, данное ими еловцами, перенесли впослѣдствіи и на всѣхъ жителей полуострова. Такимъ образомъ, по Крашенинникову «Камчатка» произошло изъ «хончало», а «хончало» изъ слова „Коачъ-ай“.

Крашенинниковъ былъ въ Камчаткѣ въ то время, когда она только что была завоевана казаками и, слѣдовательно, рѣчь аборигеновъ страны засталъ еще, такъ сказать, въ цѣлости, безъ всякой примѣси посторонняго элемента, а потому объясненіе его, имѣющее опору въ спо-

*) Опис. зем. Камчатки Крашенинникова. Часть III, глава II.

собности русскихъ извращать иноземныя названія до неузнаваемости, безспорно, имѣетъ за собою извѣстную степень вѣроятія. Не посягая нисколько на правдоподобность толкованій Крашенинникова, я, въ то-же время, нахожу не лишнимъ упомянуть, что слово „камчатка", существуетъ въ употребленіи среди донскихъ казаковъ въ наше время. Въ области войска донскаго, которую, безспорно, слѣдуетъ признать родоначальницею якутскихъ казаковъ, можно и теперь встрѣтить выраженіе: это мѣсто ровное, степное, а то искомканное, комовое, камчатое, т. е., изрытое, покрытое неровностями. Слово комовое и камчатое примѣняется и къ предметамъ, когда нужно выразить понятіе присущей предмету уродливости, неправильности. Для примѣра могу указать на одинъ родъ дыни, сѣмена которой имѣютъ крайне искаженную форму и которая повсемѣстно на Дону называется камчаткою или комовкою. Нѣтъ никакихъ основаній допускать, чтобы этотъ сортъ дыни получилъ названіе отъ полуострова Камчатки, а скорѣе можно думать, что этотъ полуостровъ названъ казаками подъ вліяніемъ тѣхъ-же впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ они прозвали указанный сортъ дынь, по бугроватости ея сѣмянъ. Исходя изъ этого, я склоненъ думать, что первые, изъ посѣтившихъ Камчатку, казаки, разсказывая своимъ товарищамъ вынесенныя ими впечатлѣнія о вновь открытой странѣ, какъ сильно гористой, покрытой всевозможными скалами и выступами, словомъ искомканной (выражаясь донскимъ нарѣчіемъ), прозвали ее Камчаткой или Комовой.

Одновременно со мною прибылъ въ Петропавловскъ одинъ уроженецъ области войска донскаго, и когда мы, воспользовавшись первымъ яснымъ днемъ, взошли на Петровскую (у подножія которой расположенъ Петропавловскъ) гору, что-бы полюбоваться окрестностями, то первое, что я услышалъ отъ этого донца, было выраженіе: „ну и правда Комчатка". На мой вопросъ, что это значитъ, онъ объяснилъ мнѣ, что на Дону для выраженія понятія о такой мѣстности, какая представлялась нашему взору, существуетъ слово „комчатое" или „комовое".

Первыя свѣдѣнія о Камчаткѣ, доставленныя завоевателями ея казаками, очевидно, не могли быть строго опредѣленными, дающими хотя приблизительное понятіе о географіи страны. Въ началѣ XVII столѣтія, хотя и было въ обыкновеніи предписывать воеводамъ, пятидесятникамъ и т. п., что-бы они всегда старались о составленіи чертежей и ландкартъ завоеванныхъ земель, и хотя эти свѣдѣнія, быть можетъ, и доставлялись ими, но придавать какое—либо опредѣленное значеніе этимъ документамъ, безспорно, нельзя. Даже такія лица, какъ Козьма Соколовъ, которому принадлежитъ честь перваго открывателя морского пути въ Камчатку, шелъ туда ощупью и, въ свою очередь, не оставлялъ за собою никакихъ, географически опредѣленныхъ, мѣстъ и пунктовъ

Первая экспедиція, снаряженная по указу Петра Великаго, съ цѣлью описанія береговъ Камчатки и Курильскихъ островов, относится къ 1719 году и состояла подъ управленіемъ геодезистовъ Лужина и Евреинова, которые прибыли въ Камчатку въ 1720 году и прослѣдовали отъ устья Большой рѣки на югъ къ Курильской грядѣ. Эта поѣздка не принесла никакихъ видимыхъ плодовъ въ смыслѣ описанія видѣнныхъ странъ.

Первая экспедиція Беринга (1725—1730 г.), на всемъ своемъ пути отъ Охотска къ Берингову морю сдѣлала только нѣсколько опредѣленій однѣхъ лишь широтъ и обозначила направленіе камчатскаго берега къ сѣверу.

Экспедиція Шестакова (1727—32) имѣла болѣе военный характеръ и хотя простирала *) плаванія къ Курильскимъ а Шантарскимъ островамъ и даже къ Америкѣ, но никакихъ опредѣленій не дѣлала и не доставила никакихъ свѣдѣній.

Болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о географическомъ положеніи Камчатки начинаются со второй экспедиціи Беринга (1733—43 г.), когда было сдѣлано нѣсколько астрономическихъ наблюденій, послужившихъ опорными пунктами для дальнѣйшихъ работъ, произведенныхъ впо-

*) Послѣ смерти Шестакова, члены этой экспедиціи плавали до 1732 года.

слѣдствіи нѣкоторыми членами этой экспедиціи, оставшимися на службѣ въ Охотскѣ, послѣ ея окончанія.

Во время дѣйствій экспедиціи, описаніе южной части полуострова Камчатки было поручено штурману Елагину (въ 1739 г.), который составилъ карту берега отъ Большерѣцка до мыса Лопатки и отсюда до Авачинской губы.

Западный берегъ былъ впослѣдствіи описанъ геодезистами: Ушаковымъ въ 1742 г. отъ Большерѣцка до Палана (сѣверн. Тигиля), и Елистратовымъ, въ 1787 году, отъ Тигиля до р. Пенжины.

Ушаковъ, начавшій, 1-го марта 1742 г., опись отъ р. Воровской ($54^1/_2{}^0$ шир.), достигъ 15 апрѣля р. Паланы (59^0 шир.), откуда былъ принужденъ возвратиться, по непріязненности жителей. Потомъ, съ 26-го мая по 4-е іюня, онъ описалъ берегъ отъ р. Воровской къ югу, до Большерѣцка ($53^3/_4{}^0$ шир.). Опись производилась съ берега съ астролябіею и цѣпью, при чемъ экспедиція состояла изъ трехъ человѣкъ и передвигалась на собакахъ *).

Описанный берегъ, до р. Бѣлоголовой (57^0 шир.), довольно ровный, низменный и болотистый; горы сопровождаютъ его сперва въ разстояніи верстъ 50 потомъ ближе. Лѣса, въ разстояніи отъ 4 до 15 верстъ отъ берега, мелкіе. Множество впадающихъ въ море рѣчекъ, вообще, быстрыхъ и не глубокихъ, съ камчадальскими острожками почти на каждой.

22 іюня 1787 года, Елистратовъ былъ посланъ изъ Тигиля съ штурманскимъ ученикомъ Песковымъ, на двухъ байдарахъ, съ командою въ 20 человѣкъ. Они прошли р. Таловку и доходили до р. Пенжины, но не были допущены коряками вверхъ по рѣкѣ. Пройденные ими берега вообще утесисты, съ моря окаймлены подводными и наружными камнями. На пути своемъ Елистратовъ посѣтилъ камчадаловъ, жившихъ между Тигилемъ и р. Лѣсной, и сдѣлалъ этнографическое описаніе ихъ.

Описаніе восточнаго берега Камчатки производилось: 1) Елагинымъ въ 1739 году, отъ Лопатки до Авачи; 2) гардемариномъ Юрловымъ въ 1742 г., 3) геодезистомъ Гилевымъ, въ 1790 г., отъ Авачи до Лопатки и далѣе Курильскіе острова и, въ тоже время, отъ Авачи до мыса Шипунскаго унтеръ-офицеромъ Худяковымъ. Кромѣ того въ началѣ текущаго столѣтія, съ открытіемъ кругосвѣтнаго пути, въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе члены кругосвѣтныхъ экспедицій, изъ которыхъ большую часть работъ, съ разборомъ всего предшествующаго, произвелъ капитанъ Литке въ 1828 году. Наконецъ, въ 1830—35 годахъ, по распоряженіи правителя Камчатки Голенищева, совершена была детальная опись восточнаго побережья штурманами: Ильинымъ и Скрыповымъ, работы которыхъ вошли въ карту, изданную гидрографическимъ департаментомъ въ 1851 году. Съ тѣхъ поръ никакихъ спеціальныхъ описаній береговъ полуострова Камчатки не было, если не считать отдѣльныя съемки, производимыя въ разное время крейсирующими въ тѣхъ водахъ судами нашей тихоокеанской флотиліи.

Полуостровъ Камчатка составляетъ одну изъ самыхъ отдаленныхъ сѣверовосточныхъ окраинъ нашего обширнаго отечества, и если Сибирь, по изстари установившемуся мнѣнію русскаго народа, является синонимомъ страны холодной и угрюмой, то тѣмъ болѣе восточная прионеанская ея часть, т. е. Камчатка, рисуется таковою въ воображеніи многихъ знающихъ о ней лишь то ,что она гдѣ то за Сибирью и при томъ неизмѣримо далеко. На самомъ-же дѣлѣ, если взглядъ такой и имѣетъ извѣстную долю справедливости, то благодаря лишь особымъ мѣстнымъ условіямъ, а не въ силу географическаго положенія, ставящаго Камчатку на ряду, и даже выше, съ губерніями средней полосы европейской Россіи. Съ одной стороны Камчатка, какъ полуостровъ, омываемый на протяженіи $^9/_{10}$ своего контура водою, съ другой, какъ страна, не заходящая своими сѣверными предѣлами далѣе 60-хъ градусовъ широты, стоитъ въ

*) Свѣдѣнія эти, а равно какъ и послѣдующія, относящіяся къ описанію западн. берега, взяты изъ брошюры, неизвѣстнаго мнѣ автора, подъ заглавіемъ западный берегъ Камчатки по описямъ Ушакова и Елистратова.

условіяхъ дающихъ поводъ ожидать въ ней всѣхъ благъ природы для жизни и даже процвѣтанія ея.

Полуостровъ Камчатка съ востока и юго-востока, на протяженіи 1000 верстъ омывается Великимъ океаномъ, насящимъ въ этомъ мѣстѣ названіе Камчатскаго моря; съ запада и сѣверо-запада на разстояніи около 1400 верстъ полуостровъ прилегаетъ къ Охотскому морю съ Пенжинской губой. Южная оконечность Камчатки отдѣляется отъ Курильской гряды проливомъ „первымъ" и только сѣверо-восточной своею оконечностью, шириною около 100 верстъ, она примыкаетъ къ суши. Залегая въ такихъ границахъ, Камчатка въ формѣ нѣсколько изогнутаго элипсиса простирается съ юго-юго-запада на сѣверо-сѣверо-востокъ, на 1200 верстъ и занимаетъ пространство между 51° и 61° сѣверной широты, и между 125° и 133° восточной долготы, что дѣлаетъ разницу во времени восхода солнца съ Петербургомъ почти на 9 часовъ.

Оканчиваясь на югъ, подъ 51°/'с. ш., низменнымъ мысомъ, носящимъ названіе „Лопатка", (по сходству формы его съ костью позвоночныхъ животныхъ-лопаткою) полуостровъ къ сѣверу постепенно расширяется, достигая наибольшей ширины въ 400 верстъ, подъ 56° с. ш. и затѣмъ также постепенно суживается, отклоняясь въ своемъ направленіи на с. в. и образуя подъ 60° с. ш. перешеекъ не болѣе 100 в. шириною. Эту узкую часть, въ предѣлахъ которой протекаютъ р. Пустая къ Пенжинской губѣ и р. Анапкой къ Великому океану, Крашенинниковъ считаетъ началомъ полуострова, тогда какъ географическія данныя, а равно какъ и геологическія напластованія даютъ болѣе основанія считать сѣверною границею полуострова линію, соединяющую устья рѣкъ Таловки (въ Пенжинскую губу) и Олюторы (въ Великій океанъ), т. е. параллель 61°—62° с. широты. Въ раіонѣ этой параллели оканчиваются постепеннымъ переходомъ въ плоскогорье главныя Камчатскія горы съ одной стороны, а съ другой начинается такъ называемая вѣчно мокрая тундра, называвшаяся раньше Заносьемъ, (а такъ же Парапольскимъ Доломъ). Топографическій характеръ этой мѣстности, а такъ же нѣкоторыя, правдо чистослучайныя, свѣдѣнія *) о геологическомъ напластованіи ея, даютъ поводъ полагать, что Заносье принадлежитъ къ числу новѣйшихъ образованій, вышедшихъ на дневную поверхность въ сравнительно недавнее время. Хотя строго научныхъ данныхъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ, до сего времени не добыто, но тѣмъ не менѣе вѣроятность этого предположенія усиливается еще и тѣмъ фактомъ, что Заносье, по мнѣнію нѣкоторыхъ этнографовъ, являлось нѣкогда границею двухъ, весьма рѣзко отличающихся, народностей—карякъ и камчадаловъ, что, конечно, можно объяснить, допустивъ, что эта полоса ранѣе была проливомъ, отдѣляющимъ материкъ, гдѣ жили чукчи и каряки, отъ острова заселеннаго камчадалами.

Петрографическое строеніе полуострова, согласно мнѣнію всѣхъ бывшихъ тамъ изслѣдователей, характеризуется рѣзкимъ распредѣленіемъ трехъ формъ: *древне-кристалическихъ породъ*, составляющихъ, такъ сказать, основу всего полуострова, *изверженныхъ*, какъ продуктъ вулканической дѣятельности, и *осадочныхъ*, относящихся къ мезозойской эрѣ и встрѣчающихся на западномъ склонѣ къ Охотскому морю и преимущественно въ системѣ р. Тигиля и сѣвернѣе къ оконечности Пенжинской губы. Осадочныхъ породъ, кромѣ аллювіальныхъ отложеній въ долинахъ рѣкъ, внутри полуострова, а равно какъ по восточному берегу его и въ южной части, почти не встрѣчается.

Составляя основной массивъ полуострова, кристалическія породы, какъ-то граниты, порфиры и прикрывающіе ихъ метаморфическіе сланцы, являются въ тоже время матеріаломъ образующимъ главные остовы хребтовъ полуострова.

Естественные разрѣзы, образуемые механическою силою воды горныхъ рѣчекъ, даютъ иногда ясную картину напластованій древнихъ кристалическихъ породъ, сопровождаемыхъ покрышками изъ метаморфизованныхъ сланцевъ, въ большинствѣ случаевъ то неправильно приподнятыхъ, то

*) Словц. кн. II гл. IV стр. 206. Земля замѣчена промерзлою на 1 футъ, а глубже талаю на 1 ½ саж., еще глубже заледенѣвшею, далѣе жидкій илъ, подъ иломъ камень.

сброшенныхъ, то наконецъ поставленныхъ на голову. Базальты и трахиты, какъ продуктъ послѣдующаго, за охлажденіемъ земной коры, періода, очевидно игравшаго видную роль въ образованіи полуострова, составляютъ вторую массу матеріала, изъ котораго слагаются дополнительные хребты и отдѣльные высоты и выступы полуострова. Наконецъ болѣе новыя вулканическія образованія, сопровождаемыя обыкновенно сбросами, разсѣлинами и заполненіями ихъ различнаго вида лавами, составляютъ третью категорію матеріала для образованія причудливыхъ и въ то-же время полныхъ дивнаго и дикаго великія петрографическихъ картинъ.

Что касается осадочныхъ породъ, то участіе ихъ въ образованіи дневной поверхности полуострова, повидимому, ограничено, и имѣетъ мѣсто въ западной прибрежной полосѣ и главнымъ образомъ въ сѣверной части ея, вдоль береговъ Пенжинской губы, гдѣ отроги главнаго хребта значительно понижены и мѣстами сходятъ на нѣтъ. Разрѣзы рѣкъ этого угла даютъ возможность опредѣлить залежи глинъ, глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ различной конструкціи и окраски. Песчанники, обнажающіеся по р. Седанкѣ, Тигилю, Палану и пр. мѣстами содержатъ палеонталогическіе остатки прежней прѣсноводной и морской фауны.

Въ обнаженіяхъ Тигиля весьма часто встрѣчаются конкреціи, величиною иногда до аршина и болѣе въ діаметрѣ; при раскалываніи которыхъ попадаются довольно часто окаменѣлости.

Среди осадочныхъ породъ, вѣроятно третичнаго возраста, залегаетъ уголь, представляющій на взглядъ всѣ стадіи перехода бурыхъ углей къ чернымъ углямъ. Лучшіе выходы угля находятся въ образованіяхъ рѣчныхъ долинъ Подкагирской и Лѣсной, худшіе—въ Седанкѣ и Тигилѣ.

Незначительность изслѣдованія Камчатскаго полуострова въ геологическомъ отношеніи объясняется во 1-хъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эта отдаленная окраина, несмотря на самый глубокій интересъ въ этомъ направленіи, до сего времени почти не посѣщалась спеціалистами—геологами, а во 2-хъ и потому, что сборъ геологическихъ коллекцій, по которымъ спеціалисты могли-бы, и не посѣщая полуострова, оріентироваться въ строеніи его хребтовъ и возвышенностей, слишкомъ труденъ, и для туриста почти недоступенъ по мѣстнымъ тяжелымъ условіямъ. Полная невозможность зимнихъ экскурсій и, благодаря отсутствію дорогъ, затруднительное экскурсированіе по хребтамъ и долинамъ лѣтомъ, ставятъ собираніе тяжелыхъ геологическихъ коллекцій въ трудно выполнимыя условія. Вслѣдствіе этого любителямъ—туристамъ, проходя разрѣзы, приходится глядѣть на нихъ, видѣть и ограничиваться опредѣленіями на глазъ.

Изъ извѣстныхъ до сего времени геологическихъ данныхъ о Камчатскомъ полуостровѣ, больше всего заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія, собранныя Ерманомъ и Дитмаромъ, имѣвшимъ возможность экскурсировать въ различныхъ направленіяхъ по полуострову по нѣскольку разъ. Подробность опредѣленій ихъ сводится къ слѣдующему:

Кристалическія породы: гранитъ, сіенитъ, гнейсъ и слюдянный сланецъ развиты въ центральной части полуострова, между 53° и 56½° ш., составляя, такъ сказать, остовъ полуострова. Отдѣльные выходы этихъ породъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ (Шипунскій мысъ въ Авачинской губѣ и по верховьямъ р. Начики). Съ запада и востока центральнаго остова залегаютъ глинистые и метаморфическіе сланцы, образующіе отроги и второстепенные хребты, причемъ эти сланцы настолько видоизмѣнены, что едва сохранили свою слоеватость. Глинистые сланцы, повидимому, имѣютъ незначительное распространеніе. Дитмаръ наблюдалъ ихъ въ видѣ валуновъ по рѣчкамъ западнаго берега и въ видѣ залежи въ разрѣзахъ р. Лѣсной. По словамъ д—ра Тюшева, черные глинистые сланцы выходятъ по берегу р. Начики, не доѣзжая сел. Апачи.

Третичныя отложенія, состоящія изъ песчанниковъ съ пропластками глины, содержащими остатки морскихъ и прѣсноводныхъ молюсковъ, а также отпечатки двусѣмянодольныхъ и хвойныхъ растеній, распространены по западному берегу отъ р. Калпаковской вплоть до пе-

решейка полуострова, имѣя главные, выходы по р.р. Харьюзовой, Ваямполки, Седанки, Тигилю и Лѣсной. Третичныя отложенія мѣстами прорваны базальтами и мелафирами.

Значительное участіе въ строеніи Камчатки принимаютъ древнія и новыя вулканическія породы, занимая не только всю (за исключеніемъ отдѣльныхъ выходовъ) восточную половину полуострова, но и дѣлая значительные выходы въ главномъ Камчатскомъ хребтѣ, особенно начиная къ сѣверу отъ Ичинской сопки. Здѣсь встрѣчаются трахиты, андезиты, образуя отдѣльныя возвышенности.

Почти одновременно съ трахитами на дневную поверхность выступаютъ базальты и мелафиры, образуя иногда скалистые выступы въ море, какъ по восточному, такъ и по западному берегу полуострова.

Еще менѣе изслѣдованы полезныя ископаемыя, изъ числа коихъ, несомнѣнно, есть желѣзная и даже мѣдная руды, каменный уголь, сѣра и даже золото. Въ этомъ отношеніи, надо полагать, большую услугу окажетъ нынѣ дѣйствующая охотско-камчатская горная экспедиція, которой отпущены значительныя средства отъ правительства и на которую возложено изслѣдованіе залежей полезныхъ ископаемыхъ по всему побережью Охотскаго моря *).

Въ орографическомъ отношеніи полуостровъ имѣетъ свои особенности, обусловливающія, съ одной стороны, гидрографію страны, и съ другой, нѣкоторыя климатическія явленія, а слѣдовательно, и распредѣленіе какъ флоры, такъ и фауны, и за ними и населенія. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что на орографію Камчатки, безспорно, сильное вліяніе имѣлъ вулканизмъ.

Полуостровъ Камчатка, какъ извѣстно, лежитъ въ области того вулканическаго кольца, которое охватываетъ все побережье Великаго океана и представляетъ изъ себя арену, гдѣ сила подземнаго огня съ особою интенсивностью проявляла и теперь еще проявляетъ свою дѣятельность. Въ прибрежной полосѣ Великаго океана, а равно какъ и въ области всѣхъ его острововъ, вулканы распредѣляются то группами, иногда даже правильно—группирующимися вокругъ одного главнаго, то рядами, простирающимися по прямымъ или изогнутымъ направленіямъ, иногда на значительное число верстъ. Ряды вулкановъ располагаются обыкновенно въ видѣ цѣпи гористыхъ, съ конусообразными вершинами, острововъ, или въ видѣ отдѣльныхъ возвышенностей по направленію какого-либо материковаго горнаго хребта. Число вулкановъ составляющихъ рядъ, а равно какъ и разстоянія между ними бываетъ различно. Рядъ Чили, напримѣръ, состоитъ изъ 33 вулкановъ, рядъ Алеутскихъ вулкановъ изъ 48, а Камчатскій изъ 38. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вулканы располагаются близко другъ отъ друга и даже касаются своими основаніями одинъ другого, какъ это можно наблюдать въ средѣ Камчатскихъ вулкановъ (Коряцкій, Авачинскій и Козельскій), или-же разстояніе между ними измѣряется милями и даже десятками миль, напримѣръ ряды Чилійскій, Курильскій и другіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что вулканическіе ряды, всѣ почти безъ исключенія, располагаются или въ прямолинейномъ направленіи (Чили), или въ дугообразномъ (Курильскій, Алеут. и др.), но никогда въ ломанно-криволинейномъ. Иногда два или болѣе вулканическихъ ряда располагаются въ сравнительно близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, въ этомъ случаѣ въ направленіи ихъ всегда замѣчается параллельность.

При объясненіи теоріи вулканизма громадное значеніе имѣетъ близость большихъ водныхъ бассейновъ. Большая часть извѣстныхъ вулкановъ расположены или на островахъ, или въ прибрежной полосѣ материковъ; только весьма немногіе потухшіе вулканы находятся внутри материковъ, но и это исключеніе съ большею вѣроятностью объясняется тѣмъ, что дѣятельность этихъ вулкановъ проявлялась въ тѣ времена, когда вблизи ихъ были моря или озера, границы которыхъ отодвинулись въ болѣе позднѣйшія геологическія эпохи.

*) По извѣстіямъ, полученнымъ въ послѣднее время отъ этой экспедиціи, ею найдены несомнѣнные признаки золота въ вершинѣ р. Облуковиной, впадающей въ Охотское м., примѣрно подъ 55° ш.

Селенiе Начики

Ганальская тундра

Селенiе Малка

Ганальскiй хребетъ

Селенiе Ганалы

Переноси всѣ замѣченныя явленія относительно вообще вулканизма на полуостровъ Камчатку, мы видимъ, что эта мѣстность по всѣмъ даннымъ своего географическаго положенія, какъ нельзя болѣе, благопріятствуетъ проявленію въ нѣдрахъ ея этой великой подземной силы. Дѣйствительно, Камчатка находится, какъ уже сказано выше, въ предѣлахъ великаго Тихо-океанскаго вулканическаго кольца, затѣмъ, самая отдаленная внутренняя часть ея находится не болѣе 120—150 верстъ отъ береговъ большихъ водныхъ басейновъ и, кромѣ того, что особенно заслуживаетъ вниманія, Камчатка находится на пересѣченіи направленія двухъ дугообразныхъ вулканическихъ рядовъ Курильскаго и Алеутскаго. Вслѣдствіе этихъ причинъ, Камчатка, соединяя въ себѣ всѣ условія къ проявленію вулканической дѣятельности, служила, служитъ и безспорно будетъ служить ареною дѣйствій этой могучей силы.

Геогностическая основа полуострова состоитъ, какъ уже было сказано, изъ древнихъ кристаллическихъ породъ гранитовъ, сіенитовъ и порфировъ, а такъ-же изъ метаморфическихъ сланцевъ глинистыхъ, тальковыхъ, хлоритовыхъ и т. п. Эти породы, повидимому, слагаютъ изъ себя геологическій центръ полуострова, находящійся между 53⁰ и 54⁰ с. ш. Въ этомъ мѣстѣ горные хребты образуютъ узелъ, отъ котораго, какъ отъ сердца, расходятся три главныя артеріи, питающія полуостровъ. Узелъ представляетъ изъ себя высокое болотистое плоскогоріе, окруженное съ боковъ высокими горами и называемое мѣстными жителями „Гональскою мокрою тундрою". По вычисленіямъ, произведеннымъ барометрическими наблюденіями, высота этой тундры надъ уровнемъ моря достигаетъ 2000 ф., при чемъ высшая точка ея находится на полпути между селеніемъ Гонали, лежащемъ на притокѣ р. Большой, и селеніемъ Пущино, расположеннымъ у верховьевъ р. Камчатки. Горы, отдѣляющія тундру отъ склоновъ къ Охотскому морю, представляютъ изъ себя массивный съ плоскими контурами хребетъ, направляющійся съ С. на Ю., тогда какъ съ восточной стороны вдоль тундры тянется, такъ называемый, Гональскій хребетъ, ясно видимый еще изъ Петропавловска и представляющій изъ себя сочетаніе всевозможныхъ, самой причудливой формы, отдѣльныхъ возвышенностей, представляющихся взору наблюдателя въ видѣ зубьевъ исполинской пилы, почему и названія этого хребта «Гональскіе остряки». Гональскій хребетъ въ сѣверо-восточной своей части понижается, разбиваясь на нѣсколько отроговъ, спускающихся въ большой распадокъ, которой въ восточномъ своемъ углу заканчивается стройнымъ, потухшимъ уже вулканомъ, называемымъ „Камчатскою вершиною".

Сѣверо-восточные отроги Гональскаго хребта, покрытые снѣгомъ, а равно какъ и склоны «Камчатской вершины», даютъ начало тѣмъ небольшимъ ключикамъ, которые, соединяясь все болѣе и болѣе между собою, проходятъ чрезъ восточный край „Гональской мокрой тундры" и даютъ начало самой рѣки Камчатки, которая, мчась въ этомъ мѣстѣ съ быстротою водопада, чрезъ какихъ—нибудь верстъ 25—30, представляетъ изъ себя уже рѣку, могущую питать рыбою цѣлое селеніе Пущино.

Съ другой стороны, при такихъ-же точно источникахъ, но только направленныхъ своимъ теченіемъ на юго-западъ, окружающіе хребты и мокрая тундра даютъ начало р. Быстрой, принадлежащей къ системѣ р. Большой, впадающей въ Охотское море. Путешественнику, находящемуся въ верхней точкѣ мокрой тундры, представляется полная возможность наблюдать, какъ одни ручейки текутъ къ р. Камчаткѣ и какъ другіе къ Быстрой. Восточный склонъ тѣхъ же Гональскихъ хребтовъ и та же „Камчатская вершина" даютъ, въ тоже время, источники для массы небольшихъ рѣченокъ, направляющихся на востокъ и юго-востокъ и составляющихъ систему 3-й водной артеріи, рѣки Авачи и другихъ впадающихъ въ Великій океанъ (Жупановой, Березовой др.).

Гональская тундра съ окружающими горами, давая начало указаннымъ воднымъ системамъ, является, въ тоже время, и горнымъ узломъ, отъ котораго направляются всѣ главные хребты полуострова въ разныя стороны. На сѣверъ и на югъ отсюда направлется главный Камчатскій хребетъ, который проходитъ вдоль всего полуострова, сравнительно круто опуска-

ющійся къ долинѣ рѣки Камчатки и отлого, переходя постепенно въ прибрежныя низменности, къ берегамъ Охотскаго моря. Южная часть его, прорѣзавшись долиною р. Большой, теряетъ правильность своего направленія, разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ хребтовъ, получившихъ мѣстныя названія „Обѣщанный, Гладкій, Ипилка, Апченъ" и др. и, благодаря особой дѣятельности въ этой части полуострова вулканизма, наполняетъ ее, начиная съ 52°, самой разнообразной формы ущельями, вершинами, обрывами и т. п.

Въ раіонѣ того-же узла получаетъ начало и второй Камчатскій хребетъ—восточный, имѣющій отсюда сѣверо-восточное направленіе и, въ противоположность западному, имѣющій отлогіе склоны къ долинѣ р. Камчатки и крутые, даже обрывистые уступы, къ берегу океана. Этотъ восточный хребетъ слѣдовал-бы считать продолженіемъ Гональскихъ горъ, отъ которыхъ онъ отдѣленъ только тѣмъ распадкомъ, гдѣ беретъ начало р. Камчатка и который образовался, очевидно, благодаря появленію на дневную поверхность вулкана „Камчатская вершина". Гональскій хребетъ, направляясь на югъ, начиная съ 53° с. ш., постепенно спускается и переходитъ ту же въ мокрую тундру, высотою до 2000 ф. надъ уровнемъ моря, служащую водораздѣломъ ручьевъ и рѣчекъ—системы Большой р. и р. Авачи. Вслѣдствіе такого расположенія Гональскаго хребта и его отроговъ, а равно какъ и неприступности ихъ, лѣтній путь изъ долины р. Авачи (изъ с. Корятскаго въ селеніе Гоналы) въ верховья р. Камчатки лежитъ чрезъ упомянутаю мокрую тундру въ с. Начики, въ с. Малки, расположенную на р. Большой, и вверхъ по р. Быстрой до с. Гоналы, т. е., путь этотъ удлиняется, по крайней мѣрѣ, раза въ 3.

Отъ Гональскаго горнаго узла получаютъ начало и нѣсколько другихъ, второстепенныхъ хребтовъ, изъ которыхъ выдаются рельефнѣе другихъ Пиничевскій и Жупановскій. Оба эти хребта начинаются отъ „Камчатской вершины" и направляются: Пиническій на юго-юго-востокъ къ Петропавловскому мысу, съ включеніемъ всѣхъ возвышенностей Авачинской группы и вулкановъ, а Жупановскій на юго-востокъ къ Шипунскому мысу. Наибольшая возвышенность этого послѣдняго хребта называется Жупановскаю сопкою.

Главный Камчатскій хребетъ, наполнившій своими развѣтвленіями всю южную часть полуострова, проходитъ западной староной Гональскаго горнаго узла и направляется, какъ сказано выше, вдоль всего полуострова на сѣверъ съ небольшимъ, подъ конецъ отклоненіемъ на сѣверовостокъ. Самая высшая точка его находится приблизительно, подъ 56° с. ш., гдѣ возвышается одна изъ самыхъ коллоссальныхъ камчатскихъ вершинъ, потухшій Ичинскій вулканъ, покрытый со всѣми, побочными своими возвышеніями вѣчнымъ снѣгомъ и, по разсказамъ жителей, даже льдомъ. Отъ этого мѣста, которое, въ тоже время, приходится, примѣрно, въ самой широкой части полуострова, главный хребетъ понижается какъ къ югу, по направленію къ Гональскому узлу, такъ равно и къ сѣверо-сѣверо-востоку, проходитъ самую узкую часть полуострова, въ раіонѣ рѣки Пустой и Ананкоя, и дойдя съ постепеннымъ пониженіемъ 61° с. ш., переходитъ въ плоскогорье и въ тундристое пространство, называемое Парапольскимъ доломъ или Заносьемъ.

Этотъ хребетъ въ климатическомъ отношеніи, а равно какъ и въ жизни населенія играетъ видную роль. Защищая внутреннюю часть полуострова отъ вліянія холода Охотскаго моря, онъ, въ тоже время, даетъ начало многимъ рѣкамъ, сбѣгающимъ съ его западныхъ отлогихъ склоновъ и служащимъ удобнымъ мѣстожительствомъ инородцевъ.

Этотъ хребетъ отдѣляетъ отъ всего полуострова западную прибрежную полосу, расширяющуюся мѣстами, гдѣ хребетъ отходитъ отъ берега, верстъ на 50 и даже болѣе. Хребетъ, спускаясь къ Охотскому морю отрогами, переходящими въ большинствѣ случаевъ въ прибрежную низменность, изрѣзываетъ эту мѣстность поперечными падями, служащими русломъ для многихъ рѣчекъ, текущихъ по параллелямъ къ Охотскому морю. Такихъ рѣчекъ насчитываютъ до 118 и большая часть изъ нихъ, протекая нижнимъ своимъ теченіемъ по низменному и мяг-

кому грунту, подверженному въ то же время силѣ морскихъ приливовъ, являются весьма удобными для промысла рыбы. Въ этомъ обстоятельствѣ и кроется, между прочимъ, причина, почему западная полоса, не смотря на всю непривлекательность климата ея, является однимъ изъ населенныхъ (конечно, сравнительно) мѣстъ всего полуострова. Изъ рѣкъ этой мѣстности болѣе всего заселены: Тигиль, Подкагирная, Лѣсная, Паланская, Ичинская, Воровская, Большая и др. Нѣкоторыя изъ нихъ по величинѣ своей, какъ, напр., Тигиль и Большая, даютъ возможность къ поселенію двухъ и даже болѣе селеній, тогда какъ остальныя только по одному и только не вдалекѣ отъ устьевъ.

Второй Камчатскій хребетъ—восточный, называемый иногда Мильковскимъ, Верхнекамчатскимъ, Валагинскимъ и пр,, наполняетъ своими отрогами все пространство, ограниченное долиной р. Авачи, Ганальскимъ горнымъ узломъ и долиною р. Камчатки съ одной стороны и берегомъ Великаго океана съ другой. Подъ 56° с. ш. онъ прорѣзывается рѣкою Камчаткою (Камчатскія щеки) и направляется далѣе къ берегамъ Кроноцкаго залива, гдѣ и соединяется съ отрогами главнаго западнаго хребта. Восточный хребетъ нѣсколько ниже западнаго, но такъ какъ вулканическая дѣятельность проявилась здѣсь съ большею силою, то и видъ его, представляющійся взору наблюдателя, полонъ дикаго величія и не поддающейся описанію грандіозности. Отлого спускаясь къ долинѣ Камчатки, онъ въ тоже время крутыми обрывами и не приступными скалами наполняетъ все восточное побережье. Склоны его мѣстами далеко выступаютъ въ море и, хотя образуютъ заливы и бухты, но вслѣдствіе подводныхъ камней и открытости съ моря, всѣ они, за исключеніемъ одной лишь знаменитой Авачинской губы, мало доступны для мореплавателей. Вслѣдствіе той-же крутизны восточныхъ склоновъ, восточное побережье мало имѣетъ распадковъ и долинъ для скопленія водъ въ видѣ рѣкъ; рѣки этого побережья, за исключеніемъ немногихъ, носятъ характеръ быстрыхъ горныхъ потоковъ, непригодныхъ для рыбныхъ промысловъ, а потому и не имѣющихъ значенія для населенія. Изъ рѣкъ этого побережья только пять кромѣ Камчатки, находящейся въ исключительныхъ условіяхъ, могутъ удовлетворять потребностямъ камчадальскаго поселенія.

Если признать Ганальскій хребетъ за продолженіе Восточнаго, то сей послѣдній слѣдовательно, пройдя Ганальскій горный узелъ, переходитъ въ южную часть полуострова, гдѣ разбивается совмѣстно съ западнымъ на нѣсколько второстепенныхъ гребней, заполняющихъ эту мѣстность въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и направленіяхъ. Къ такимъ второстепеннымъ хребтамъ, получившимъ отъ жителей мѣстныя названія, принадлежатъ: Ольховый, Тополевый и пр., служащіе истоками правыхъ притоковъ р. Авачи. Изъ вершинъ этой мѣстности, хотя и небольшихъ, но по формѣ заслуживающихъ вниманія, выдѣляются двѣ Тополевыя сопки, остатки прежней дѣятельности вулканическихъ силъ. Далѣе на югъ и юго-западъ проходятъ гребни Поперечный и Вацкажацъ, между которыми беретъ начало р. Корякская, одинъ изъ большихъ притоковъ Авачи, а затѣмъ Халзанъ, Шапка и Ипукыхъ, служащіе уже истоками для притоковъ р. Большой, текущей въ Охотское море. Изъ рѣкъ этой системы, протекающихъ въ этой нагорной мѣстности, заслуживаетъ вниманія Начика, берущая начало изъ озера, расположеннаго у подножія хребта Вацкажацъ, тогда какъ правые истоки ея получаютъ начало на мокрой тундрѣ, съ которой сбѣгаютъ ручейки и въ р. Корякскую. Въ этой-же горной мѣстности расположено и с. Начика, изъ котораго идутъ два пути—чрезъ с. Апачу въ Большерѣцкъ и на р. Быструю въ с. Малку, а затѣмъ въ Ганалы и далѣе въ вершину Камчатки. Еще далѣе идутъ хребты: Обѣщанный, Гладкій и др., которые можно признать за отроги главнаго западнаго хребта.

Рельефъ поверхности Камчатскаго полуострова сильно измѣнился подъ вліяніемъ вулканической силы. Слѣды этой дѣятельности на полуостровѣ повсюду. На сѣверѣ она обнаруживается подъ 62° ш, въ видѣ горячихъ ключей; на югѣ-же, начиная съ 51½° ш., выступаетъ цѣлый рядъ вулкановъ, который, безспорно, является продолженіемъ Курильскаго ряда. Мало того, при

болѣе детальномъ осмотрѣ всѣхъ коническихъ вершинъ полуострова, изъ которыхъ большинство прекратили свою дѣятельность, очевидно, въ доисторическій періодъ, можно провести два вулканическихъ ряда; одинъ западный, начинающійся потухшими вулканами по западному и юго-западному берегамъ Курильскаго озера и продолжающійся на сѣверъ чрезъ Апачинскую (53^0 ш.) и Ичинскую (56^0) сопки, т. е. вдоль западнаго хребта полуострова, и второй рядъ, болѣе выдающійся, начинающійся съ Кошелевской сопки ($51^1/_2{}^0$ ш.) и продолжающійся на сѣверъ вдоль восточнаго побережья полуострова.

Западный рядъ, по времени своей дѣятельности, относится къ болѣе древнимъ вулканамъ, изъ которыхъ только два, Уташутъ и Апачинская сопка, по слухамъ (какъ выражается Дитмаръ), производили изверженія еще въ историческое время. Къ этому ряду можно отнести слѣдующіе потухшіе вулканы: Чаохчъ, Уташутъ, Ксудачъ, Вине, Голыгинская и Апачинская сопки, остатки древнихъ кратеровъ по западному хребту, Ичинская сопка (самая высокая изъ потухшихъ вулкановъ), потухшіе кратеры на Тигильскомъ перевалѣ и далѣе конусы (базальтовые по Дитмару) Эллеулекенъ и Морошечная сопка.

Восточный рядъ, по своему происхожденію, болѣе позднѣйшій, чѣмъ западный, имѣетъ въ числѣ своихъ конусовъ совершенно потухшіе, недавно закончившіе свою дѣятельность и нынѣ дѣйствующіе. Этотъ рядъ на югѣ начинается Кошелевой (Камбалиной) сопкой, за которой слѣдуютъ сопки: Озерная, Хадутка, Асачинская (конусъ провалился въ 1848 г., во время землетрясенія, съ сильнымъ изверженіемъ пепла). Далѣе на сѣверъ идутъ: Поворотная (Мутновская) Опальная и Вилючинская, изъ которыхъ послѣдняя, по правильности своего очертанія и благодаря близости къ берегамъ океана и Авачинской губы, является первою красавицей, восторгающею вниманіе путника, идущаго на кораблѣ въ Петропавловскій портъ. Всѣ перечисленные вулканы нынѣ не дѣйствуютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, судя по отсутствію или незначительности барранкосовъ, вѣроятно дѣйствовали еще въ недавнее время. Мутновская сопка, хотя не постоянно, а временами, проявляетъ свою дѣятельность и въ настоящее время, извергая изъ своихъ расщелинъ клубы водянаго пара, или, какъ выражаются мѣстные жители „временами дымитъ".

Далѣе на сѣверъ, вслѣдъ за Авачинской губой, въ восточномъ вулканическомъ ряду, помимо отдѣльныхъ возвышенностей, являются и группы вулкановъ, которыя, впрочемъ, нисколько не нарушаютъ правильности ряда. Большая часть этихъ вулкановъ принадлежитъ къ самымъ значительнымъ, по величинѣ, Камчатскимъ сопкамъ и большинство изъ нихъ нынѣ дѣйствуютъ, обнаруживая свою дѣятельность изверженіемъ водяныхъ паровъ, пепла и даже лавы.

Первая группа вулкановъ къ сѣверу отъ Авачинской губы, верстахъ въ 30 отъ нея, состоитъ изъ трехъ сопокъ: Коряцкой (Стрѣлочной), Авачинской и Козельской. Впрочемъ Козельскую сопку, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, поднимавшихся на склоны Авачинской сопки, нельзя считать за отдѣльный конусъ, а скорѣе за изорванный валъ, которымъ когда то былъ окруженъ кратеръ Авачинской сопки, подобно тому, какъ Везувій окруженъ Соммой. По слухамъ, да и вообще по всѣмъ даннымъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что Авачинская сопка была когда то гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ она въ настоящее время есть, и больше сосѣдней съ ней Коряцкой сопки.

Глубоко врѣзавшіеся барранкосы ея, видимые даже съ Петропавловской горы, и очертанія ея въ видѣ одного лишь массивнаго основанія конуса безъ шатра, застилаемаго постоянно исходящими изъ многихъ трещинъ парами, ясно свидѣтельствуютъ, что этотъ вулканъ пережилъ нѣсколько періодовъ своей дѣятельности, проявляя ее въ различной степени напряженности. Уже въ историческія времена извѣстны сильныя изверженія этого вулкана, а именно въ 1737 году, затѣмъ въ 1827, 1855, 1878 и 1881 годахъ.

Потоки лавы въ западномъ хребтѣ

Камчатское селеніе у подножія Корякской сопки

Крашенинниковъ, почти свидѣтель *) изверженія Авачинскаго вулкана въ 1737 году, такъ описываетъ это поразительное явленіе **): „Октября 6 дня 1737 года, по полуночи въ третьемъ часу, началось трясеніе и съ четверть часа продолжалось такъ сильно, что многія камчатскія юрты обвалились и балаганы попадали. Между тѣмъ учинился на морѣ ужасный шумъ и волненіе, и вдругъ взлилась на берега вода сажени на три въ вышину, которая, ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и удалилася отъ береговъ на знатное разстояніе. Потомъ вторично земля всколебалась, воды прибыло противъ прежняго, но при отлитіи столь далеко она сбѣжала, что моря видѣть невозможно было. Въ то время усмотрѣны въ проливѣ на днѣ морскомъ, между первымъ и вторымъ Курильскимъ островомъ, каменныя горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясеніе и наводненіе случалось и прежде. Съ четверть часа послѣ того спустя, послѣдовали валы ужаснаго и несравненнаго трясенія, а при томъ взлилась вода на берегъ въ вышину саженъ на 30, которая по прежнему ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и вскорѣ стала въ берегахъ своихъ, колеблясь чрезъ долгое время. Передъ каждымъ трясеніемъ слышенъ былъ подъ землею страшный шумъ и стенаніе. Отъ сего наводненія тамошніе жители совсѣмъ разорились, а многіе бѣдственно скончили животъ свой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ луга холмами и поля морскими заливами сдѣлались". Явленіе это, замѣчаетъ Крашенинниковъ, съ особою силою проявилось по восточному берегу, тогда какъ по западному (Охотскому) въ гораздо меньшей степени. Землетрясеніе продолжалось до весны 1738 года.

Изверженіе того-же вулкана въ 1827 году, записанное со словъ жителей спутникомъ Литке, Постельсомъ, началось 27 іюня ночью; сначала появилось слабое пламя на вершинѣ горы; около-же десяти часовъ утра, вмѣстѣ съ дождемъ, выпало значительное количество пепла. Такъ продолжалось три дня, при чемъ атмосфера затемнѣлась, и слышенъ былъ непрерывный подземный гулъ, сопровождавшійся періодическими ударами. Утромъ 29 іюня чувствовали сильное колебаніе почвы, отъ котораго во многихъ избахъ Авачинскаго селенія разбились стекла и разсѣлись бревна. Вслѣдъ за симъ послѣдовало изверженіе съ большимъ количествомъ пепла и дыма. Къ ночи густые облака дыма разсѣялись и профиль вулкана ярко обозначился разноцвѣтными огнями отъ вершины его до подошвы. Изъ самаго жерла безпрестанно вылетали раскаленные камни, подобно огненнымъ шарамъ и крупнымъ искрамъ. Послѣ этого пепелъ и дымъ уменьшились, подземный гулъ затихъ и, въ теченіе двухъ дней, не происходило ни какихъ особенныхъ явленій, но въ теченіе восьми дней, по юго-западному склону горы, обращенному къ Авачѣ и Петропавловску, „простиралась огненная струя и вулканъ продолжалъ дымиться; какъ и прежде происходили изверженія" ***).

Изверженія послѣдующихъ годовъ (1855, 78 и 81 г.г.) отличались меньшею степенью напряженности. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о нихъ не сохранилось, что можно объяснить до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1855 г., какъ уже упоминалось выше, Камчатка лишилась своего значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ среди ея обитателей мало осталось интеллигентныхъ силъ, отъ которыхъ, какъ отъ компетентныхъ лицъ, возможно было-бы ожидать точныхъ наблюденій и свѣдѣній о столь интересныхъ явленіяхъ. Да и въ настоящее время дѣятельность камчатскихъ вулкановъ, по силѣ и энергіи превосходящая вулканическія проявленія Этны и Везувія, остается большею частью подъ наблюденіемъ однихъ лишь туземцевъ, совершенно неспособныхъ къ подобнаго рода дѣятельности. Надо думать, что Приамурскій отдѣлъ и. р. г. о. не оставитъ безъ вниманія столь интересныхъ явленій природы въ раіонѣ его дѣйствій и, рано или поздно, откроетъ въ Камчаткѣ свою метеорологическую станцію

---

*) Крашенинниковъ въ это время плылъ на суднѣ изъ Охотска къ Большерѣцку.

**) Крашен. Описаніе земли Камчатки. Часть II, стр. 171—172.

***) Прямого источника у меня не было подъ руками, а свѣдѣнія эти взяты изъ статьи Старицкаго, помѣщенной въ XII т. „живописной Россіи".

съ надежнымъ лицемъ во главѣ и съ необходимыми инструментами для наблюденій за силою подземнаго огня.

Авачинскій вулканъ „дымитъ" и въ настоящее время, при чемъ пары выходятъ изъ него по многимъ трещинамъ часто мѣняющимся; по словамъ жителей, временами бываютъ и небольшія изверженія.

Доступъ къ этому вулкану, хотя повидимому и неособенно крутому, очень затруднителенъ. Не говоря уже о тѣхъ препятствіяхъ, которыя представляются туристу, благодаря выходу изъ трещинъ по склонамъ горы паровъ и различнаго рода удушливыхъ газовъ, приходится пройти нѣсколько верстъ болотами и зарослями ползучихъ кустарниковъ, за которыми начинаются обвалы, провалы и т. п. Путешественники, какъ напримѣръ, Постельсъ, Дитмаръ и другіе, пытались подниматься на Авачинскій вулканъ, но никто не могъ достигнуть его вершины, благодаря удушливымъ парамъ и газамъ, и прочимъ указаннымъ причинамъ.

Спутникъ нашъ, В. Н. Тюшевъ, прибывъ въ Петропавловскъ на службу въ 1894 году, также дѣлалъ попытку подняться на Авачинскій вулканъ. По его словамъ, довольно сильное изверженіе этого вулкана было въ октябрѣ м. того-же 1894 года, при чемъ послѣ значительнаго сотрясенія окружающей мѣстности и изверженія тучи пепла и камней, вылился потокъ лавы шириною саженъ 300 и длиною на $^{2}/_{3}$ всего конуса.

В. Н. Тюшевъ далъ мнѣ слѣдующее описаніе своего восхожденія на вулканъ, спустя 4 мѣсяца послѣ указаннаго изверженія.

„Быть въ Камчаткѣ, постоянно наблюдать поразительно величественныя явленія вулканизма и не сдѣлать попытки поближе взгянуть на эти проявленія могучей жизнедѣятельности нашей планеты, какъ организма, мнѣ казалось невозможнымъ. Поэтому, воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ, я съ однимъ изъ Петропавловскихъ жителей отправился къ Авачинскому вулкану, въ срединѣ февраля 1895 г., съ цѣлью и твердымъ намѣреніемъ добраться до его вершины. Въ то время сопка эта еще проявляла, иногда даже значительной напряженности, вулканическую дѣятельность. Надо сказать, что съ самого прибытія своего на Камчатку въ апрѣлѣ 94 г., я замѣчалъ, имѣя все время передъ собою видъ на этотъ вулканъ, въ нѣскольких мѣстахъ его срѣзанной вершины, имѣвшей совершенно правильную конусообразную форму, по временамъ поднимавшіеся столбы газовъ и паровъ, но настолько незначительные, что многими даже мѣстными жителями на это не обращалось никакого вниманія и вулканъ считался потухшимъ, со времени, кажется 70-хъ годовъ, когда, по словамъ мѣстныхъ жителей, сопка лопнула и пустила воду, до октября 94 г., когда послѣдовало сильное изверженіе, сопровождавшееся излившимся потокомъ лавы, хорошо виднымъ отъ Петропавловска въ змѣистой линіи. Слѣдъ предшествовавшаго изверженія до сего времени отлично сохранился въ видѣ русла несомнѣнно грязевого потока, представляя собою широкую долину заваленную сплошь грудами обломковъ пористыхъ и плотныхъ лавъ, обломковъ, достигающихъ величины нѣсколькихъ кубическихъ саженъ, и другихъ вулканическихъ продуктовъ. Видъ ущелій, образованныхъ силою этого потока, прорвавшаго своей стремительностью каменныя гряды, встрѣченныя имъ на своемъ пути, обожженный и полузасыпанный рыхлыми продуктами лѣсъ, цѣлые утесы лавы, снесенные теченіемъ за много верстъ отъ вулкана, все это невольно наводитъ на мысль о той невѣроятной мощи, проявленной здѣсь вулканомъ, предъ которой все достигнутое человѣкомъ въ полученіи механической силы, совершенно блѣднѣетъ и представляется чѣмъ то игрушечнымъ.

Медленно поднимаясь въ гору (мѣстность отъ самаго берега моря повышается по направленію къ Авачинской и Коряцкой сопкамъ, представляя собою обширное подножіе этой вулканической группы), мы черезъ нѣсколько часовъ выѣхали (на собакахъ) на русло упомянутаго выше потока, извѣстное у всѣхъ мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „сухой рѣки", отъ которой подъемъ становится значительнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и затруднительнѣе. Смотря на Коряцкую и Авачинскую сопку издали, напр. съ Авачинской тундры, медленно понижающіяся къ

Петропавловску, становится очевидной связь Мишенной горы, какъ конечнаго пункта поднятій, съ названными сопками и общій геологическій составъ ихъ (свѣтлыхъ цвѣтовъ трахиты) на самомъ дѣлѣ заставляетъ признать эту связь и общность, по времени, ихъ образованія.

Остановившись къ вечеру у предѣла кустарниковой растительности (Alnus incana, Pinus cembra pumila), приблизительно на 2.500 ф. высоты, утромъ на другой день, все еще на собакахъ, мы отправились далѣе. Уже на мѣстѣ остановки ясно было слышно какое-то особенное грохотаніе, какой-то гулъ, точно что-то громадное массивное рушилось и своимъ паденіемъ заставляло дрожать землю на далекое разстонніе. Вечеромъ при сгустившейся темнотѣ можно было отчетливо наблюдать поразительный гигантскій фейерверкъ; въ извѣстныхъ интервалахъ вдругъ вершина вулкана освѣщалась краснымъ цвѣтомъ и изъ нея вылеталъ цѣлый снопъ огней, отъ свѣтлокраснаго до темномалиноваго цвѣтовъ, разлетавшихся кистью въ разныя стороны и черезъ нѣсколько секундъ падавшихъ на склоны вулкана. Вслѣдъ за этимъ изъ кратера показывалась раскаленная масса лавы, скатывавшаяся въ одномъ направленіи по склону и быстро темнѣвшая. Каждый разъ, какъ выливалась, или вѣрнѣе сказать, выдавливалась лава и медленно скатывалась внизъ, отъ ея массы отдѣлялись глыбы, гигантскими прыжками и съ увеличивавшейся скоростью летѣвшіе съ оглушительнымъ грохотомъ внизъ. Иной разъ мы слышали надъ собою какой-то свистъ подобный тому, какой слышится при полетѣ пули ударившейся и отскачившей отъ встрѣченнаго препятствія. Смотря на все происходившее передъ нами, ясно было, что лава, моментально застывая съ поверхности, колется на массу острореберныхъ громадной величины осколковъ, которые отдѣлившись отъ общаго потока, несутся внизъ съ увеличивающейся, какъ сказано, быстротой, но все еще въ раскаленномъ состояніи, и, ударившись гдѣ—нибудь въ массивныя обнаженія, дробятся на болѣе мелкія части, которыя съ трескомъ летятъ дальше по всѣмъ направленіямъ, вычерчивая на темномъ фонѣ горы или ночного неба красныя дуги. Проходя мимо трахитовыхъ старыхъ обнаженій и старыхъ лавовыхъ потоковъ, мы остановили собакъ какъ разъ у того мѣста, докуда достигъ потокъ лавы названнаго выше изверженія октября 1894 года.

Отсюда подъемъ еще круче. На разстояніи нѣсколькихъ саженъ вдоль потока снѣгъ стаялъ, но не всюду, такъ что иной разъ потокъ, казалось, залегалъ на самомъ снѣгу. Придерживаясь потока, представлявшаго намъ собою здѣсь гору камней и цѣлыхъ утесовъ, набросанныхъ другъ на друга въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, мы стали подниматься вверхъ, намѣреваясь этимъ путемъ достигнуть вершины. Рѣзко выдѣлявшіяся въ общей черной массѣ лавы своимъ бѣлымъ цвѣтомъ камни и цѣлые пласты на столько останавливали на себѣ наше вниманіе, что мы рѣшились, несмотря на частые взрывы, происходившіе черезъ короткій промежутокъ времени то тамъ, то здѣсь среди потока, подойти поближе, чтобы взять образчикъ этой бѣлоснѣжной породы. Каково-же было наше изумленіе, когда мы, добравшись по горячимъ обломкамъ лавы до названныхъ бѣлыхъ камней, нашли не камни, а снѣгъ, удивительнымъ образомъ, чередовавшійся съ лавовыми глыбами, еще горячими настолько, что отбитые куски лавы невозможно было держать въ рукѣ, не охладивъ ихъ предварительно въ снѣгу.

Выбраться на вершину потока оказалось не такъ легко. Карабкаясь съ утеса на утесъ и съ камня на камень все выше и выше, выбирая при этомъ камни болѣе охладившіеся, чтобы не испортить тонкія подошвы мѣстной обуви (торбаза), не разъ принуждены были быстро соскакивать обратно внизъ, когда прямо подъ ногами раздавался подземный гулъ, предвѣстникъ взрывовъ. Едва успѣвая достигнуть основанья потока, мы наблюдали вслѣдъ за гуломъ, какъ тончайшая вулканическая пыль тонкой струей вырывалась съ страшной силой въ воздухъ, затѣмъ тотчасъ-же груда камней взлетала вверхъ, падая назадъ вокругъ выхода газовъ и струи или столба пыли и пепла. Рядъ взрывовъ происходившихъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ обусловливалъ конусообразное накопленіе лавовыхъ обломковъ, образуя на крайне неровной поверхности потока нѣсколько отдѣльныхъ возвышеній „боккъ". Удовлетворивъ своему любопытству, мы

спустились ввизъ, слѣдуя все дальше вдоль самого потока. Очень часто мы проходили мимо громадныхъ утесовъ, изолированно торчавшихъ изъ снѣжной поверхности, которые первоначально нами были приняты за начальные выступы сопки, но истинная природа которыхъ намъ скоро стала ясна. Теперь на высотѣ 4.500—5.000 фут. можно было отчетливо видѣть, какъ изъ кратера медленно поднимались лавовыя массы, медленно сползавшія по склону, отъ которыхъ откалывались отдѣльныя глыбы и утесы, стремительно несшіеся внизъ, усѣвая бѣлые склоны сопки многими черными тыками. И теперь видно было, какъ отдѣльныя глыбы, выброшенныя ужасною силою изъ земной глубины, описавъ въ воздухѣ дугу, падали на склоны и, ударившись о скалистыя обнаженія, разламывались на сотни мелкихъ камней, со свистомъ пролетавшихъ высоко въ воздухѣ надъ нашими головами. Открывавшійся видъ превосходилъ всякое описаніе. Далеко внизу на гаризонтѣ растилалась безпредѣльная гладь Великаго океана, обширная Авачинская бухта казалась отсюда лишь небольшимъ озеркомъ, позволяя различать, какъ на планѣ, всѣ ея заливы и мысы; прямо передъ нами поднималась вершина вулкана, глухо рокотавшаго, выбрасывая съ невѣроятной силою бомбы и скалы, и съ страшнымъ грохотомъ скатывавшаяся масса лавы, нагромождавшей ниже груды камней, утесовъ и скалъ. Не мало не подозрѣвая возможной опасности, мы подвигались впередъ, когда неожиданно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ упала раскаленная глыба и, остановившись на мгновеніе, глубоко врѣзавшись въ толщу снѣга и вызвавъ громадный столбъ водяныхъ паровъ, покатилась дальше, оставляя за собою слѣдъ въ видѣ глубоко взрытой въ снѣгу борозды. Послѣ этого несмотря на всѣ доводы съ моей стороны, что вершина близка и достигнуть ее вполнѣ возможно, мой спутникъ остался непреклоненъ, рѣшивъ, что дальнѣйшее восхожденіе слишкомъ опасно, что не стоитъ рисковать жизнью изъ—за удовольствія добраться до края кратера, гдѣ, говорилъ онъ, кромѣ горячихъ камней, какъ и гдѣ мы были, ничего „порядочнаго не было“.

По измѣреніямъ различныхъ путешественниковъ, высота Авачинскаго вулкана равняется: по Лаперузу 8.424 ф., Ленцу и Постельсъ 7.995 ф., Литке 8.756 ф., Эрману 8.912 ф. и Бичи 9.050 ф. Выше всѣхъ на Авачинскій вулканъ поднимались Постельсъ и Тюшевъ, первый на 7.000 ф., отъ куда онъ видѣлъ оба моря; Охотское и Берингово съ Великимъ океаномъ, и второй на 6.400 ф.

Другой, сосѣдній съ Авачинскимъ, вулканъ изъ этой группы есть Карякская или Стрѣлочная сопка, которая основаніемъ своимъ соединяется съ основаніемъ Авачинской.

Вышина Каряцкой сопки по опредѣленію Литке 11.212 ф., и по Эрману 11.822 ф. По стройности и правильности очертаній, Каряцкая сопка много превосходитъ Авачинскую. По историческимъ даннымъ неизвѣстно, когда этотъ вулканъ былъ въ дѣйствіи. Только недавно съ юго-западной стороны его, немного ниже вершины, образовалась трещина, изъ которой въ настоящее время выходитъ водяной паръ непрерывной и, сравнительно, тонкой струей. Каряцкій вулканъ представляетъ изъ себя вторую, послѣ Валючинской сопки, сторожевую башню, дикимъ величіемъ которой приходится любоваться путникамъ, подплывающимъ къ Авачинской губѣ.

Слѣдующій, нынѣ дымящійся вулканъ—Жупановская сопка, обнаружившій свою дѣятельность въ 1882 году. Высота ея считается 8.854 ф. Затѣмъ идутъ: два Шемячика, (малый и большой, изъ которыхъ большой дымитъ), Кихпиничъ и Узонъ. По свидѣтельству Дитмара, Шемячикъ въ прошломъ столѣтіи былъ съ острою коническую вершиною, но затѣмъ часть его провалилась, а въ половинѣ нынѣшняго столѣтія было даже изверженіе пепла и лавы.

Слѣдующая затѣмъ сопка—Кроноцкая, которая вмѣстѣ съ пятью или шестью другими меньшей величины сопками, окружаютъ Кроноцкое озеро. По мнѣнію Ермана, Дитмара и вообще очевидцевъ, Кроноцкое озеро, подобно тому, какъ Курильское и Палланское озера и даже Авачинская губа, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ вмѣстилище когда-то бывшаго большаго кратера. Всѣ три указанныя озера находятся на нѣкоторой высотѣ надъ окружающею

мѣстностью и окаймляются валообразными берегами, по близости которыхъ, вокругъ озера, располагаются нѣсколько коническихъ вершинъ, бывшихъ, очевидно, когда-то второстепенными кратерами, окружавшими одинъ главный. Судя по окружающей мѣстности, обиліе водъ этихъ озеръ не можетъ пополняться стоками съ окрестныхъ вершинъ, а необходимо допустить, что главное питаніе ихъ происходитъ внутренними подземными источниками, Рѣки, вытекающія изъ этихъ озеръ (р. Кроноцкая, р. Палана и р. Озерная (Курильская), ниспадаютъ въ видѣ шумныхъ водопадовъ съ отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ, которыми окаймляются озера, съ высоты отъ $1^1/_2$ до 3 саженей, при чемъ, по словамъ жителей, вода съ такою силою стремится внизъ, что ударяется о землю не у подножія скалы, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, такъ что между скалою и струей водопада остается совершенно свободный проходъ; наблюдатель можетъ стоять у подножія скалы и любоваться, какъ съ силою и съ шумомъ рѣка бѣжитъ надъ его головою.

Далѣе на сѣверъ отъ Кроноцкой группы идутъ вулканы: большой и малый Толбачики, Ушкинская и Крестовская сопки и наконецъ самая высокая, стройная и интенсивнѣе другихъ, въ данный моментъ, дѣйствующая Ключевская сопка. Толбачинскія вершины расположены въ углу, между р. Камчаткою и притокомъ ея Толбачикомъ. По словамъ Крашенинникова Большой Толбачикъ „дымилъ" съ давнихъ лѣтъ, но только, сначала, водяные пары выходили изъ главнаго кратера, а затѣмъ прекратились и показались изъ трещины хребта, соединяющаго Большой и Малый Толбачики ближе къ малому.

Тотъ-же Крашенинниковъ, со словъ жителей, сообщаетъ, „въ 1739 году изъ образовавшейся на хребетѣ трещины выкинуло огненный шарикъ, которымъ однако весь лѣсъ по около лежащимъ горамъ выжгло. За шарикомъ выбросило какъ-бы облако, которое, часъ отъ часу распространясь больше, нанизъ отпускалось и покрыло пепломъ снѣгъ верстъ на 50 во всѣ стороны. При этомъ изверженіи было небольшое землетрясеніе. Большее трясеніе земли чувствовалось нѣсколько раньше этого, въ половинѣ декабря 1738 г. Мы ѣхали тогда изъ Большерѣцка и стояли станомъ около хребта Облукавинскаго. Странный шумъ въ лѣсу, который сперва заслышали, почитали мы за возставшую бурю, но какъ котлы наши съ огня полетѣли, и мы, сидя на санкахъ, зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясенія было токмо три вала, а валъ за валомъ слѣдовалъ почти поминутно".

Въ настоящее время Толбачикъ „дымитъ", при чемъ пары выходятъ изъ хребта, вблизи малого Толбачика.

Камчатскій вулканъ и соединенныя съ нимъ однимъ общимъ основаніемъ Крестовская и Ушкинская сопки лежатъ какъ разъ на пересѣченіи двухъ дугъ вулканическихъ рядовъ: Курильско-Камчатской и Алеутско-Камчатской.

Вслѣдствіе этого, какъ и слѣдовало ожидать, сила подземнаго огня въ этомъ раіонѣ должна проявляться съ большею напряженностью, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ полуострова. И дѣйствительно, съ самыхъ древнихъ, для насъ извѣстныхъ временъ, Ключевской вулканъ проявлялъ, и теперь проявляетъ, съ большою напряженностью, сравнительно съ другими, дѣятельность. Насколько извѣстно, этотъ вулканъ постоянно дымится и раза по 2, по 3 въ годъ выбрасываетъ пепелъ, а иногда и потоки лавы.

Въ окрестныхъ мѣстахъ пепелъ ложится иногда довольно толстымъ слоемъ, въ отдаленныхъ-же (даже въ Тигилѣ, за 300 верстъ) болѣе или менѣе тонкимъ, едва замѣтнымъ. Слои этого пепла, съ переслойками изъ ила, часто можно видѣть въ размытыхъ обрывахъ по берегамъ р. Камчатки. Въ настоящее время въ выбрасываніи паровъ и пепла замѣчается слѣдующая особенность: днемъ, въ ясную и тихую погоду изъ кратера съ силою вылетаютъ непрерывно одинъ за другимъ клубы или кольца (на подобіе того, какъ при выстрѣлахъ изъ мортирныхъ пушекъ) бѣлаго водяного пара числомъ восемь и затѣмъ 9-й клубъ или кольцо большихъ размѣровъ и обязательно чернаго цвѣта (очевидно, съ большою примѣсью пепла); послѣ этого, тот-

часъ-же опять слѣдуютъ восемь бѣлыхъ и одинъ черный выбросъ и т. д. При наблюденіи-же ночью, особенно въ темную, тоже явленіе представляется наблюдателю еще съ большимъ эффектомъ. Пары и пепелъ окрашиваются огненнымъ цвѣтомъ, при чемъ вмѣстѣ съ пепломъ вылетаютъ иногда (мнѣ лично пришлось видѣть одинъ разъ) раскаленныя бомбы, которыя, описавъ въ воздухѣ кривую, падаютъ на склоны горы.

Въ прошломъ году, въ бытность мою въ Камчаткѣ, всѣ изверженія изъ Ключевского вулкана выбрасывались на юго-восточную сторону, обращенную къ океану, при чемъ ночью по этому склону весьма эффектно обрисовывалась огненная полоса, спускающаяся отъ кратера до $^1/_3$ шатра, съ яркимъ заревомъ, исходящимъ отъ нея. Былъ-ли это потокъ лавы, или это было отраженіе внутренняго огня изъ образовавшейся щели, до подлинности узнать не удалось. Жители-же выражаются такъ: «нынѣшній годъ сопка льетъ лаву къ морю». Годъ-же тому назадъ, по словамъ жителей и доктора Тюшева, имѣвшаго случай наблюдать за кратеромъ Ключевского вулкана изъ Тигиля, продукты изверженія выходили прямо въ верхъ и разбрасывались во всѣ стороны, въ видѣ розетки *).

Выдающіяся изверженія Ключевского вулкана были въ 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 годахъ.

Крашенинниковъ, въ своемъ «описаніи земли Камчатки», такъ описываетъ изверженіе Ключевского вулкана, бывшаго въ 1737 г., (т. е. начавшагося за нѣсколько дней до прибытія Крашенинникова въ Камчатку) «сей ужасный пожаръ начался сентября 25 числа и продолжался съ недѣлю съ такою свирѣпостью, что жители, которые близь горы на рыбномъ промыслѣ были, ежечасно къ смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленнымъ камнемъ. Пламя, которое внутри ея сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда внизъ, какъ огненная рѣка, съ ужаснымъ шумомъ. Въ горѣ слышенъ былъ громъ, трескъ и будто сильными мѣхами раздуваніе, отъ котораго всѣ ближнія мѣста дрожали. Особливый страхъ былъ жителямъ въ ночное время, ибо въ темнотѣ все слышнѣе и виднѣе было. Конецъ пожара былъ обыкновенный, т. е. изверженіе множества пеплу, изъ котораго однакожъ немного на землю пало для того, что всю тучу унесло въ море. Выметываетъ-же изъ нея и ноздреватое каменье и слитки разныхъ веществъ, въ стекло превратившихся, которыя великими кусками по текущему изъ подъ нея ручью «Біокосю» находятся. Послѣ того, 23 числа октября, по полудни въ седьмомъ часу, было въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ такое сильное землетрясеніе, что многія Камчатскія жилища попадали, печи въ казацкихъ избахъ разсыпались, у церкви колокола звонили, и самую тамошнюю новую церковь, которая построена изъ толстаго лиственичнаго лѣсу, такъ расшатало, что бревна изъ дверныхъ колодъ и изъ пазовъ совсѣмъ вонъ вышли; а продолжалось оно съ перемежкою до самой весны 1738 г., однако гораздо легче прежняго" *).

Подробныхъ свѣдѣній о другихъ изверженіяхъ Ключевского вулкана не сохранилось, такъ какъ наблюдателями ихъ, очевидно, были лишь аборигены страны. Только изверженіе 1853 г., бывшее во время пребыванія въ Камчаткѣ Дитмара, болѣе или менѣе извѣстно. Началось оно въ октябрѣ, а окончилось въ февралѣ слѣдующаго года. Сильный гулъ предшествовалъ изверженію, причемъ, что всего интереснѣе, и что наблюдается и теперь, то это то, что гулъ этотъ, на подобіе глухихъ отдаленныхъ раскатовъ грома, слышенъ вдали (на десятки и даже сотни верстъ) отъ самаго вулкана, тогда какъ въ селеніи Ключевскомъ, Крестовскомъ и другихъ близъ лежащихъ никакого гула не слышно. Въ бытность мою въ Верхне-Камчатскѣ (за 300 верстъ), въ Мильковскомъ, Машурскомъ селеніяхъ раскаты подземнаго грохота раздавались постоянно; „Ключевская сопка шумитъ", какъ выражались жители; чѣмъ ближе-же мы приближа-

---

*) Послѣ моего выѣзда изъ Камчатки зимою 1897—98 г., какъ передаютъ очевидцы, лава выливалось съ большимъ напряженіемъ по направленію къ селенію Ключевскому.

**) Крашенинниковъ Описаніе земли Камчат. часть II отд. 175—176.

Ключевская сопка и селенie того же имени.

лись къ вулкану, тѣмъ гулъ слышался намъ слабѣе, и въ селеніяхъ Ушкинскомъ, Крестовскомъ и Ключевскомъ гула совершенно не было слышно. Во время изверженія 1853 г. огромные потоки лавы (базальтовой) излились на восточную сторону, по направленію р. Хапичи и на западную, къ с. Козыревскому. У этого селенія можно прослѣдить потоки базальтовой лавы, очевидно, нѣсколькихъ періодовъ. Одинъ изъ такихъ потоковъ образуетъ здѣсь обрывъ на берегу р. Камчатки; потокъ этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, появился еще въ прошломъ столѣтіи, такъ какъ онъ покрытъ въ настоящее время довольно толстымъ слоемъ земли, заросшей кустарниками и деревьями.

Воспользовавшись нѣсколькими свободными днями, я и спутники мои рѣшились на попытку подняться на Ключевской вулканъ настолько, насколько это окажется возможнымъ по удобствамъ пути туда и по состоянію погоды. Это послѣднее обстоятельство при подобныхъ экскурсіяхъ играетъ важную роль, такъ какъ даже на такой высотѣ, какъ подошва сопки, атмосферные осадки, дождь при низкой t⁰ и непроницаемый туманъ, дѣлаютъ путешествіе затруднительнымъ и почти безцѣльнымъ.

Группа Ключевского вулкана (Крестовская и Ушкинская сопки) расположены на общемъ основаніи, плато, возвышающемся надъ общимъ уровнемъ до 4.500 футъ. Кромѣ указанныхъ главныхъ вулкановъ, плато это имѣетъ еще нѣсколько второстепенныхъ, меньшихъ размѣровъ, коническихъ вершинъ (шатровъ), изъ которыхъ четыре довольно симметрично окружаютъ Ключевской шатеръ. Плато начинается у самаго селенія Ключевского и требуетъ для поднятія на вершину его при верховой (шагомъ) ѣздѣ почти цѣлый лѣтній день. Отъ селенія до центральной оси вулкана считается 24 вер.

2-го іюля 1897 г. въ часъ дня, въ сопровожденіи проводниковъ и любителей (охотниковъ) изъ мѣстныхъ жителей, мы тронулись изъ селенія въ S. W. направленіи. День былъ ясный, t °19.2 R, барометръ 30,18; высота пункта отправленія принята за 0. Дорога (тропа) шла сначала берегомъ р. Камчатки среди кустарниковъ шиповника (Rosa canina), боярышника (crataegus), тальника, жимолости (Lonicera coerulea) и густой высокой травы, между которой особенно выдѣлялась своими размѣрами т. н. сладкая трава, изъ семейства зонтичныхъ (растеніе это употребляется жителями въ пищу). Черезъ короткое разстояніе тропа отошла отъ берега Камчатки и направилась лѣсомъ, по направленію къ сопкѣ. Мѣстность стала не ровной, холмистой. Происхожденіе холмиковъ можно объяснить неровностями застывшей въ древности лавы, которыя затѣмъ покрылись слоемъ земли и заросли лѣсомъ и травой. Лѣсъ состоитъ изъ крупнаго березняка и мѣстами изъ тополей и вербы. Подлѣсокъ изъ тѣхъ-же (боярышника, жимолости и пр.) кустарниковъ. Тропинка, по которой пришлось ѣхать, представляетъ изъ себя единственный путь на сопку; ею пользуются жители только осенью, когда отправляются на подножіе вулкана за оленями и каменными баранами. Рѣдко посѣщаемая тропа эта заросла кустами, почему приходилось, то и дѣло, руками отклонять вѣтки и сучья деревьевъ, нависшихъ надъ дорогой, или нагибаться подъ нихъ.

Черезъ часъ (ровной шаговой ѣзды) поднялись на высоту 600′, а черезъ ½ часа еще на 400′. На высотѣ 1.000′ березовый лѣсъ замѣтно уменьшается, рѣдѣетъ и становится тоньше, ниже и неправильнѣе; мѣстами попадаются кусты рябины. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ попадаться кусты ползучаго ольховника (ольховый сланецъ). Далѣе, на высотѣ 1.300′ ольховникъ вытѣсняетъ всѣ остальныя деревья, мѣстами онъ представляетъ изъ себя заросли, чрезъ которыя пришлось пробираться, прорубая предварительно тропу топорами. Трава ниже, зелень въ общемъ гораздо свѣжѣе. Попадаются бѣлые цвѣточки лютиковыхъ. Мѣстами, между кустами, видны площадки, покрытыя чернымъ вулканическимъ пескомъ и пепломъ.

Къ 5 часамъ высота 1.600′; березовый лѣсъ совершенно окончился. Ольховникъ и нѣкоторыя травы еще не разцвѣтали. Встрѣтилось мѣсто покрытое старой травой; очевидно, только что стаялъ снѣгъ; мѣстами едва начинаетъ пробиваться трава и показываются желтые цвѣточ-

ки какого-то вида изъ лютиковыхъ (Ranunculus). Кромѣ цвѣтовъ лютика попадается и Rodedendron chrysanthum. Лошади идутъ гораздо медленнѣе, поднимая черную вулканическую пыль. Въ $5^1/_4$ час. высота 1.800'. Заросли ольховника усилились и приходится пробиваться не иначе, какъ съ топоромъ въ рукахъ.

Въ $5^1/_2$ ч. высота 2.000'. Растительность слабѣе, ольховникъ ниже. Начинаютъ попадаться цвѣтки изъ крестоцвѣтныхъ (Cruciferae). Ольховникъ ниже и рѣже; попадается брусника. Во всѣхъ промоинахъ, ложбинахъ и т. п. лежитъ снѣгъ окрашенный пепломъ въ черный цвѣтъ.

Къ 6-ти часамъ высота 2.600' барометръ 27,36; растенія попадаются: Veratrum, Rododendron, Angelica, Trolleus, Ranunculus и Pinus Cembra pumila *).

Пользуясь послѣдней травой для корма лошадей и небольшими кустиками ольховника и ползучаго кедровника (pinus cembra pumila) для дровъ, остановились на ночлегъ, имѣя впереди оврагъ со снѣгомъ, изъ подъ котораго журчалъ ручеекъ чистой воды. Сторона оврага, обращенная къ вулкану, возвышалась футовъ на 200 и прорѣзывалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ гребешками лавовыхъ потоковъ, на которыхъ ясно можно было видѣть бывшее расплавленное состояніе породъ; помимо полной остеклованности съ поверхности, наблюдались еще и характерныя для лавъ скрученность и извитость, объясняемыя поступательнымъ движеніемъ вязко-жидкой и быстро остывавшей каменной массы. Масса эта, излитая въ огромныхъ количествахъ, въ своемъ поступательномъ движеніи, встрѣчая на пути своемъ всякія препятствія, должна была, въ силу механическихъ законовъ, отклоняться отъ прямого направленія, изгибаться и, быстро остывая съ своей поверхности, какъ стекло, трескалась на части. Осколки эти, представляя собою груды каменныхъ глыбъ, выводились изъ первоначальнаго своего положенія дальнѣйшимъ движеніемъ огненной рѣки, надвигались другъ на друга и образовали такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ по склонамъ вулкана цѣлые ряды (гребни) лавовыхъ осколковъ.

Теченіе породы, въ моментъ ея расплавленнаго состоянія, можно было видѣть и изъ расположенія пустотъ, поръ (массы были пористы), которыя вытянуты всѣ рѣшительно въ направленіи бывшаго движенія лавоваго потока. Величина пустотъ сильно варіируетъ (отъ милиметра до нѣсколькихъ сантиметровъ по оси). Встрѣченная здѣсь лава была чрезвычайно тверда; при откалываніи, издаетъ металическій звукъ; съ поверхности остеклована; также остеклованными являются и стѣнки поръ. На нѣкоторыхъ глыбахъ видна была слоистость, что зависѣло отъ разной окраски текшихъ и соприкасавшихся другъ съ другомъ породъ. Цвѣтъ лавы темно-сѣрый, даже черный; рѣже красно-кирпичный.

Все сказанное о лавовыхъ потокахъ наблюдалось и на слѣдующій день, при дальнѣйшемъ поднятіи къ вулкану.

Чудный видъ представлялся намъ, сидящимъ у своихъ палатокъ предъ колосальнымъ шатромъ вулкана. На далекое разстояніе были видны горы самыхъ разнообразнѣйшихъ и причудливыхъ формъ и очертаній, и между ними, слегка блестящей лентой извивались поверхности рѣкъ—Камчатки, Еловки и др. Видны были озера, лагуны, кое-какіе выдающіеся выступы Тигильскаго перевала, Харчинскія горы съ дымящимся Шевелучемъ и пр. и пр.; и все это при ярко фіолетовой окраскѣ солнечнаго заката, имѣло чудный, полный величія и дивной прелести видъ.

Въ 9 часовъ t^0, 7^0, 2 R, барометръ 27,36.

3 іюля, въ 5 часовъ утра, t^0, 9^0 R, барометръ 27,33. Небо совершенно пасмурное, затянутое густыми облаками. Путь безъ тропы, по шероховатой лавовой мѣстности, мѣстами лишь покрытой жалкой на видъ травянистою растительностью. Мѣстами попадаются ложбины, заполненныя снѣгомъ и служащія руслами горныхъ потоковъ. Ложбины эти прорываются грудами осколковъ камней различной формы, тогда какъ края ихъ (ложбинъ) окаймлены гребнями ла-

*) Наблюденія барометра и опредѣленіе растеній, по пути собранныхъ, производилъ спутникъ В. Н. Тюшевъ, естественно-историческія познанія котораго помогали во многихъ отношеніяхъ.

ковыхъ потоковъ. Мѣстами ложбины эти переходятъ въ дикія ущелья съ нависшими скалами, изъ подъ которыхъ съ шумомъ и пѣной вылетаютъ каскады горныхъ потоковъ. Разсѣлины между скалъ заполнены снѣгомъ, переходящимъ иногда въ ледяные пласты съ прослойками изъ чернаго пепла и песку.

Къ 9 часамъ утра поднялись на высоту свыше 4.000 футъ, (считая отъ селенія), дошли почти до самаго сѣдла, т. е., гребня, которымъ Ключевской вулканъ соединяется съ Крестовской сопкой. Погода испортилась окончательно, шелъ мелкій дождь и временами налеталъ густой туманъ. Густота тумана настолько была велика, что лишь съ трудомъ можно было разглядѣть предметы въ разстояніи двухъ, трехъ саженей. Кругомъ растительности ни какой, видна лишь темно-сѣрая поверхность, усѣянная то тамъ, то сямъ грудами камней.

Дальнѣйшее движеніе стало невозможно. Проводники отказывались идти дальше, говоря что при такомъ туманѣ, который можетъ усилиться еще болѣе, и при дождѣ нельзя оставаться долѣе въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни корму лошадямъ, ни дровъ для варки чая. По ихъ словамъ туманъ, продолжающійся иногда недѣлями, есть одна изъ главныхъ опасностей въ этихъ мѣстахъ. Густота его доходитъ иногда до того, что всадникъ едва видитъ голову своей лошади, и тогда легко бываетъ сбиться съ пути (т. е. съ должнаго направленія) и въ теченіе нѣсколькихъ дней бродить безъ огня и горячей пищи.

Въ 10 часовъ утра подъ дождемъ было рѣшено повернуть назадъ. Особенно не хотѣлось отказаться отъ осмотра большихъ залежей льда (ледника), изъ подъ котораго вытекаетъ цѣлая рѣчка, называемая жителями Студеная, и до которыхъ, по словамъ проводниковъ, оставалось пройти не болѣе верстъ трехъ.

По опредѣленію путешественниковъ наклонъ скатовъ вулкана со всѣхъ его сторонъ выражается 36°, 37°, а высота его, считая подъемъ надъ общею мѣстностью, опредѣлена Эрманомъ въ 16.032 ф., а Литке въ 16.503 ф.

Вулканическая сила, проявляющаяся безпрестанной дѣятельностью Ключевского вулкана, не ограничивается здѣсь, т. е., на пересѣченіи двухъ вулканическихъ дугъ, только этимъ. Какихъ—либо въ 40—50 верстахъ отъ Ключевского вулкана только по другую сторону р. Камчатки возвышается не меньшей величины, и нынѣ дѣйствующій вулканъ Шевелучъ. По массивности онъ едва-ли уступаетъ, (если только не превосходитъ), Ключевскому вулкану. Величіе его умаляется предъ симъ послѣднимъ, благодаря лишь провалившемуся и сильно изорванному шатру его. Шевелучъ не имѣетъ правильности очертаній; говорятъ, вершина его состояла, когда-то, изъ двухъ конусовъ, но въ 1854 году оба конуса провалились, оставивъ за этимъ великаномъ видъ чего-то гигантскаго, но разрушеннаго.

Вулканъ этотъ съ незапамятныхъ временъ не обнаруживалъ ни какой дѣятельности, но въ 1854 году, въ ночь на 18-е февраля, т. е. въ моментъ временнаго прекращенія дѣйствій Ключевского вулкана, вершина его провалилась съ страшнымъ грохотомъ и трескомъ и началось истеченіе потоковъ лавы во всѣ стороны; потоки эти достигали береговъ Еловки, при чемъ выпала такая масса песку и пепла, что снѣгъ въ окрестностяхъ покрылся слоемъ его въ 1 футъ, слѣды-же этихъ продуктовъ уносились даже до Тигиля. Мелкіе продукты изверженія (песокъ, пепелъ) Шевелуча, по словамъ жителей, всегда бываютъ желтаго цвѣта, по чему въ напластованіяхъ въ рѣчныхъ наносовъ ихъ легко отличать отъ продуктовъ Ключевского вулкана. Жители Тигиля даже пользуются этимъ признакомъ для опредѣленія—изъ какого вулкана донеслась до нихъ пыль, изъ Ключевскаго (если чернаго цвѣта) или изъ Шевелуча.

Шевелучемъ заканчивается рядъ вулкановъ восточнаго побережья. Сѣвернѣе его слѣды вулканической дѣятельности проявляются лишь горячими ключами.

Нельзя обойти молчаніемъ, не указавъ на фактъ, что въ предѣлахъ приблизительно той-

же широты *), гдѣ расположены только что описанные вулканы, находится давно потухшій, но по высотѣ и размѣрамъ **) превосходящій всѣ камчатскія вершины, вулканъ—Ичинская сопка. Очевидно, если пересѣченіе вулканическихъ дугъ въ этой широтѣ сказывается въ историческое время дѣятельностью двухъ могучихъ вулкановъ, Шевелуча и Ключевскаго, то въ доисторическій періодъ эту сила проявлялась коллосальнымъ жерломъ Ичинской сопки.

Мѣстность, занимаемая Ичинскою сопкою, представляетъ изъ себя вздутіе западнаго хребта, понижающагося отсюда постепенно во всѣ стороны. Вздутіе это простирается на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ верстъ въ окружности и сопровождается гребнями и скалами базальтовыхъ выходовъ. Вершина сопки вѣчно покрыта снѣгомъ и окружена падями и ущельями, заполненными льдомъ (ледникъ). Ичинскую сопку Эрманъ называетъ коллоссомъ Камчатскихъ горъ.

Заканчивая описаніе отдѣльныхъ вулкановъ, необходимо упомянуть о сопкѣ „Камчатская вершина", или Баккенингъ, какъ называютъ ее нѣкоторые. Сильно разрушенный валъ ея кратера окаймляетъ лавовый конусъ, находящійся въ точкѣ, откуда простираются остроконечные гребни—на сѣверъ Восточный хребетъ (Мильковскій, Валочинскій), отдѣляющій бассейнъ р. Камчатки отъ р. Жупаловой, и Ганальскій на югъ, служащій водораздѣломъ рѣки Авачи съ одной стороны и Большой съ притоками Начика и Быстрой—съ другой.

Въ связи съ вулканическою дѣятельностью находятся горячіе ключи, очень многочисленные на Камчатскомъ полуостровѣ. Распространеніе ихъ, а равно какъ и химическій составъ водъ этихъ источниковъ почти неизслѣдованы. Заисключеніемъ двухъ, трехъ источниковъ, выходящихъ на дневную поверхность въ болѣе или менѣе населенныхъ мѣстностяхъ, объ остальныхъ свѣдѣнія имѣются со словъ жителей-охотниковъ и притомъ самаго неопредѣленнаго свойства.

Болѣе другихъ извѣстны, благодаря своей доступности, Паратунскіе, Начикинскіе и Малкинскіе источники, которыми, какъ извѣстно, жители пользовались съ давнихъ временъ, руководствуясь совѣтами знахарей и своимъ собственнымъ соображеніемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія и особенно во времена Завойко, Паратунскіе и Малкинскіе ключи пользовались вниманіемъ и служилаго сословія, почему при этихъ источникахъ и были возведены, для пользованія больныхъ, разнаго рода постройки и даже больницы. Паратунскіе ключи, по близости ихъ (25 верстъ) отъ Петропавлоска, (по р. Паратункѣ, впадающей въ Авачинскую губу, въ юго-западномъ ея углу) и по настоящее время посѣщается пріѣзжими, почему тамъ и теперь еще имѣются купальни, въ видѣ небольшихъ бревенчатыхъ срубовъ, прикрытыхъ крышей и поставленныхъ на высокихъ стойкахъ надъ источникомъ. Полъ этихъ строеній находится аршина на $1^1/_2$ надъ водою и имѣетъ по срединѣ своей отверстіе съ лѣстницей, спущенной въ воду, по которой и сходятъ купающіеся въ источникъ. За отсутствіемъ посѣтителей, Малкинскіе ключи, находящіеся близъ с. Малки, на лѣвомъ берегу р. Быстрой, (притокъ Большой р.) совершенно заброшены и только съ трудомъ можно убѣдиться о прежде бывшихъ здѣсь строеніяхъ и вообще о заботахъ прежняго начальства.

Нѣкоторые изъ источниковъ, по словамъ жителей, отличаются особенною силою напряженности и высокою температурою. Къ такимъ источникамъ жители относятъ: Банные ключи, находящіеся у источниковъ рѣки того-же имени, составляющей лѣвый притокъ р. Большой, и источники Вершинскіе, находящіеся у подножія западнаго (главнаго) хребта въ долинѣ р. Вершинной, истока р. Двухъ-Юртенной, и носящія разныя названія—одни называютъ ихъ Двухъ-Юртенскими, другіе—Харчинскими или Седанкинскими и т. п. Вода этихъ источниковъ выбрасывается вверхъ аршина на $1^1/_2$—2 и имѣетъ настолько высокую температуру, что всякая живность, попавшая въ нее, погибаетъ, варится.

---

*) На картахъ Ичинская сопка обозначена гораздо южнѣе дѣйствительности; на самомъ дѣлѣ она едва-едва, что видно на глазъ, южнѣе Ключевскаго вулкана.

**) По опредѣленію Эрмана.

Въ значительности температуры источниковъ мнѣ самому лично и моимъ спутникамъ пришлось убѣдиться на Начикинскихъ источникахъ. Въ одинъ изъ ключиковъ нами была положена рыба и чрезъ нѣкоторое время была доведена почти до полной сваренности.

Общій видъ ключей слѣдующій: обыкновенно по склону какой-либо горы или близъ подножія ея располагается цѣлый рядъ или два, рѣже больше, небольшихъ углубленій, въ центрѣ которыхъ пробивается, въ видѣ пузырьковъ, а иногда фонтанчикомъ, вода, излишекъ которой ручейкомъ стекаетъ въ слѣдующее такое-же вмѣстилище и тоже съ такимъ-же ключикомъ, затѣмъ въ слѣдующее и т. д., пока, наконецъ, не изливается въ какую-либо рѣченку. При этомъ замѣчено, что самые верхніе ключики имѣютъ наивысшую температуру; температура-же слѣдующихъ ключиковъ постепенно понижается. Въ Паратунскихъ, напримѣръ, и Начикинскихъ источникахъ купаться возможно только въ 4-мъ или 5-мъ ключикахъ, которые для этой цѣли углублены и расширены жителями; въ выше лежащихъ-же, по высокости t^0, купанье не возможно. Горячіе источники, обыкновенно, сопровождаются холодными ручьями или тоже ключами. Въ лѣтній жаркій день можно пройти мимо источниковъ, не замѣтивъ ихъ; вечеромъ-же или рано утромъ, когда температура воздуха понижается, присутствіе источника всегда сказывается облакомъ пара, стоящаго надъ нимъ.

Систематическаго и научно-точнаго анализа водъ Камчатскихъ горячихъ источниковъ не было, а если и были, то самые поверхностные и приблизительные. Напримѣръ анализъ Малкинскихъ ключей опредѣленъ по осадку, выпаренному изъ воды ихъ и выражается: 0, 720 кремнезема, 0, 040 сѣрной кислоты, 0,037 глинозема, 0,030 желѣзной окиси, 0,022 извести и 0,143 воды. Летучія-же вещества, безспорно, играющія важную составную часть, опредѣлялись обыкновенно на вкусъ и обоняніе. Обыкновенно приписываютъ всѣмъ вообще Камчатскимъ источникамъ большое содержаніе сѣроводорода, углекислоты и даже хлора. При такой гадательности анализа, вопросъ объ изслѣдованіи водъ Камчатскихъ источниковъ остается открытымъ.

По опыту жителей, нѣкоторыхъ случайныхъ посѣтителей и по тѣмъ немногимъ даннымъ о Камчатскихъ ключахъ, которыя сохранились съ начала нынѣшняго столѣтія, извѣстно, что воды этихъ источниковъ, напримѣръ, Паратунскихъ и Малкинскихъ, помогаютъ отъ всѣхъ накожныхъ болѣзней, ревматическихъ и т. п.; приписывается имъ также свойство укрѣплять и возстановлять силы малокровныхъ, худосочныхъ и вообще изнуренныхъ и даже излѣчивать болѣзни глазъ. Вода Паратунскихъ ключей имѣетъ отчасти слабительныя свойства.

Изъ другихъ, болѣе извѣстныхъ, горячихъ источниковъ Камчатки можно указать на Явинскіе, Голыгинскіе, Апачинскіе (близъ селеній того-же имени), Тимановскіе (содержатъ селитру *), находящіеся въ верховьяхъ р. Авачи, Жупановскіе, Шемячинскіе, Курильскіе и самые сѣверные Укинскіе (въ долинахъ рѣки того-же имени).

Въ прямой зависимости отъ распредѣленія главныхъ хребтовъ и отдѣльныхъ горъ Камчатскихъ находится и направленіе рѣчныхъ системъ этого полуострова.

Изъ главнаго горнаго узла (Ганальской тундры), какъ изъ сердца, вытекаютъ главныя артеріи—рѣки: Камчатка, Большая и Авача, которыя орошаютъ полуостровъ и въ тоже время служатъ почти единственными путями для сообщенія восточнаго и западнаго побережья съ внутренностью страны.

Изъ этого узла въ сѣверо-восточномъ направленіи, по чудесной и обширной долинѣ, образовавшейся между двумя главными,—Западнымъ и Восточнымъ хребтами, протекаетъ р. Камчатка, орошая полуостровъ на протяженіи почти 500 верстъ. Подъ 56^0 ш., какъ разъ въ томъ треугольникѣ, который получится отъ соединенія линіями трехъ вершинъ: Ключевской, Шевелуча и Ичинской сопокъ, р. Камчатка, принявъ съ сѣвера большой притокъ—Еловку, круто поворачиваетъ на В., проходитъ между Шевелучемъ и Ключевскимъ вулканами, прорѣзы-

*) Температура Начикинскихъ ключей, по измѣреніямъ врача Тюшева, начиная въ верхнихъ: $64,5^0$, 57^0, 55^0, 48^0, и 30^0 и 29^0R.

ваетъ Восточный хребетъ, образуя щеки съ пролетомъ въ 100 саж. шириною, и въ той-же широтѣ впадаетъ въ Восточный океанъ.

Долина р. Камчатки, образуемая двумя хребтами, по мѣрѣ удаленія ихъ другъ отъ друга, къ сѣверу постепенно расширяется, дойдя до наибольшихъ своихъ размѣровъ въ предѣлахъ той-же 56° широты. Въ щекахъ она суживается до минимума, затѣмъ снова расширяется, образуя большую котловину, окруженную горами, гдѣ находится Нижне-Камчатскъ, перенесенный туда еще Павлуцкимъ и Мерлинымъ въ 1740-хъ годахъ.

Ниже этого селенія верстъ на 5 или на 6 р. Камчатка выходитъ изъ горъ и, на протяженіи верстъ 25, протекаетъ до самаго устья по тундристой низменности.

Восточный и Западный хребты въ верховьяхъ р. Камчатки, образуя въ общемъ узкую, сравнительно, долину, мѣстами спускаются ясно очерченными террасами; и гдѣ появляются эти террасы, тамъ долина нѣсколько расширяется, представляя изъ себя какъ-бы котлообразное вмѣстилище. Впечатлѣніе остается такое: какъ будто все нынѣшнее верхнее теченіе Камчатки представляло когда-то изъ себя рядъ озеръ, соединенныхъ другъ съ другомъ—протоками; по мѣрѣ того, какъ протоки углублялись, озера сбывали, оставляя берега свои въ видѣ террасъ, пока наконецъ изъ прежнихъ озеръ и протокъ не образовалось русло нынѣшней Камчатки. Быть можетъ подобныя-же террасы существуютъ и въ среднемъ теченіи Камчатки, но для наблюдателя, плывущаго по этой рѣкѣ, вслѣдствіе отдаленности боковъ долины и густоты лѣсной растительности, онѣ не видны.

Весьма характернымъ является крутой поворотъ р. Камчатки на востокъ въ раіонѣ образованія трехъ большихъ вулкановъ. Быть можетъ детальное изслѣдованіе этой мѣстности и разъяснитъ причины бывшихъ здѣсь переворотовъ, но теперь пока приходится оставаться въ области предположеній и догадокъ.

Устье рѣки Камчатки, подобно тому какъ и устья многихъ другихъ Камчатскихъ рѣкъ, особенно западнаго побережья, носитъ характеръ лагунныхъ отложеній. Обыкновенно, при впаденіи рѣкъ, образуются береговыя озера, отдѣляемыя отъ моря узкими, иногда очень длинными наносами изъ песка и гальки, носящими названіе „кошекъ". Морскіе прибои и приливы, встрѣчаясь съ теченіемъ рѣкъ, мѣстами увеличиваютъ эти отложенія, мѣстами размываютъ, отодвигая въ тоже время и устья рѣкъ то въ ту, то въ другую сторону. При устьѣ р. Камчатки съ лѣвой стороны находится большое, верстъ 15 въ поперечникѣ, Нерпичье озеро, которое протокою соединяется съ р. Камчаткою. Впрочемъ, трудно рѣшить впадаетъ-ли Камчатка въ протоку озера, или протока впадаетъ въ Камчатку, которая съ этого мѣста отклоняется отъ своего направленія на юго-востокъ и, пройдя вдоль длинной (верстъ 6) „кошки", впадаетъ въ море.

На всемъ своемъ протяженіи р. Камчатка принимаетъ въ себя массу рѣкъ и небольшихъ рѣчекъ, стекающихъ по склонамъ главныхъ хребтовъ, при чемъ болѣе значительныя впадаютъ съ лѣвой стороны, съ которой спускаются къ Камчаткѣ болѣе отлогіе склоны Западнаго хребта. Къ такимъ рѣкамъ принадлежатъ: Еловка, Козыревская, Кирганикъ, Андріановка, Ковыча, Валагина, Китильгина и др.

Изъ того-же Ганальскаго узла, но уже по другую сторону, на юго-западъ, въ Охотское море стекаетъ рѣка Большая, съ значительнымъ притокомъ Быстрою, имѣющею до 200 верстъ длины. Р. Большая, сама по себѣ, имѣетъ незначительное протяженіе и въ нижнемъ своемъ теченіи представляетъ скорѣе узкій длинный заливъ, наполняющійся морскою водою во время приливовъ почти вплоть до Большерѣцка, т. е., верстъ на 35 отъ моря. У Большерѣцка р. Большая принимаетъ съ правой стороны притокъ р. Быструю, которая беретъ начало въ Ганальскомъ узлѣ, близъ истоковъ Камчатки, и несетъ большую часть водъ этой системы. Далѣе на востокъ р. Большая принимаетъ притоки: Апачу, Боаню, или Банную и Начику, которыя скорѣе можно признать за развѣтвленія главной рѣки, чѣмъ за притоки. Р. Начика правыми своими притоками вытекаетъ изъ водораздѣльной тундры, къ которой спускаются южные

склоны Ганальскаго хребта и которая въ то же время служитъ источникомъ для правыхъ притоковъ (р. Корякцой) р. Авачи. Тундра эта возвышается надъ уровнемъ моря на 2.000 футъ: и служитъ переваломъ изъ долины р. Авачи, въ систему рѣки Большой. Р.р. Апача, Банная и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ, берутъ свое начало изъ хребтовъ южной части полуострова. Такимъ образомъ, р. Большая, благодаря своимъ притокамъ, занимаетъ сравнительно большой раіонъ.

Наконецъ, третья водная артерія, берущая начало изъ того же центральнаго узла, есть р. Авача, текущая въ юго-восточномъ направленіи въ Авачинскую губу.

На существующихъ картахъ истоки р. Авачи обозначены неправильно; на самомъ дѣлѣ начало ихъ гораздо сѣвернѣе, близъ сѣвернаго конца Ганальскаго хребта, по склонамъ „Камчатской вершины". Р. Авача, по разсказамъ жителей, въ верхнемъ своемъ теченіи распадается на три рѣки: правая Авача, берущая начало съ Ганальскаго хребта, средняя, имѣющая своимъ истокомъ озеро, лежащее у подошвы горы „Камчатской вершины" и близкое къ Ганальской тундрѣ, и лѣвая Авача, вытекающая изъ гряды Авачинскихъ вулкановъ.

Изъ значительныхъ притоковъ р. Авачи являются: р. Пиничева, впадающая съ лѣвой стороны противъ селенія Старый острогъ, и съ правой стороны р. Коряцкая, у устья которой расположено камчадальское селеніе «Каряцкое» и которая беретъ начало изъ той-же тундры, изъ которой и р. Начика, какъ указано выше.

Проходъ изъ верховьевъ Авачи въ верховья р. Камчатки затруднителенъ, и если доступенъ, то только зимой на собакахъ; лѣтній-же путь хотя и длинный, но болѣе доступный, лежитъ вдоль р. Каряцкой къ истокамъ р. Начики, затѣмъ, переходитъ къ с. Малкѣ на р. Быструю, откуда проходитъ въ с. Ганалы и въ селеніе Пущино, лежащее уже на р. Камчаткѣ.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ рѣчныхъ системъ, полуостровъ Камчатка, благодаря большому и вѣчному запасу влаги по высокимъ горамъ, изрѣзывается массою второстепенныхъ рѣкъ, которыя, вслѣдствіе меридіанальнаго расположенія главныхъ горъ, имѣютъ теченія въ большинствѣ случаевъ по направленію широтъ, одни въ Охотское море, а другія въ Великій океанъ.

Изъ такихъ рѣкъ болѣе значительны на западномъ побережьѣ, а именно: Подкагирная, Лѣсная, Палана съ озеромъ того же имени, Тигиль, имѣющая протяженіе до 200 верстъ, Харюзова, Бѣлоголовая, Морошечная, Сопочная, Ича, Облуковина, Колпакова, Воровская, Коловская, Голыгина, Явина и Озерная съ Курильскимъ озеромъ.

Всѣхъ рѣкъ по западному берегу насчитывается 118 и большинство изъ нихъ въ прежнія времена, при устьяхъ, имѣли поселенія.

Восточный берегъ менѣе богатъ рѣками, изъ нихъ, къ сѣверу отъ Авачи, болѣе другихъ значительны: Жупанова, Шемячикъ, Кроноцкая, съ озеромъ того же имени, Столбовая (къ С. отъ Камчатки), Озерная и Карагинская.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ рѣкъ по протяженію своему больше всѣхъ р. Тигиль, на которой по удобству (конечно сравнительно съ другими) ея устья и по близости къ границѣ населенія немирныхъ Карякъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда русскіе окончательно водворились въ Камчаткѣ, былъ построенъ острогъ, переименованный вскорѣ въ крѣпость. Печать съ надписью «Тигильская крѣпость» хранится и до сего времени у Тигильскаго частнаго командира казачьей команды.

Устье р. Тигиля относится также къ типу лагунныхъ береговъ, окаймленныхъ «Кошками» и большими лайдами (отмелями), обнажаемыми и заливаемыми во время приливовъ и отливовъ. Приливы достигаютъ здѣсь большихъ размѣровъ и наполняютъ рѣку соленою водою почти до селенія Тигиля, расположеннаго верстахъ въ 50 отъ устья. Р. Тигиль беретъ начало въ главномъ западномъ хребтѣ въ широтѣ 57°, гдѣ этотъ хребетъ нѣсколько пониженъ, образуя какъ бы впадину между подножіями Ичинской сопки съ одной стороны и склонами Бѣлаго хребта съ другой. Въ сѣверной части этой впадины рѣка Еловка, притокъ р. Камчатки, и р. Седанка,

притокъ Тигиля, своими истоками близко подходятъ другъ къ другу, и здѣсь-же находится, такъ называемый, Тигильскій перевалъ, соединяющій долину р. Камчатки съ р. Тигилемъ. Высшая точка этого перевала около 3500 футъ.

Въ климатическомъ отношеніи Камчатскій полуостровъ находится въ значительно худшихъ условіяхъ, чѣмъ слѣдовало бы ожидать по его географическому положенію. Во первыхъ, широты, занимаемыя Камчаткою, ставятъ ее въ усковія нисколько не хуже среднихъ губерній (Курская Черниговская и др.) Европейской Россіи, а во вторыхъ, положеніе ея, какъ полуострова, $^9/_{10}$ которой омывается водою, a priori заставляетъ предполагать, что климатъ ея несравненно лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности-же, моря отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать смягчающихъ вліяній, и являются главной причиной суровости климата.

Камчатка омывается водами Великаго океана и Охотскаго моря и имѣетъ въ близкомъ сосѣдствѣ неистощимое и вѣчное хранилище льдовъ—это Сѣверный ледовитый океанъ, холодъ котораго чрезъ водныя и воздушныя теченія остается не безъ вліянія на близъ лежащія и доступныя для нихъ страны.

Беринговъ проливъ, какъ единственныя на большомъ протяженіи ворота для сообщенія двухъ, различныхъ по температурѣ, водныхъ массъ, безспорно, имѣетъ важное значеніе для системы воздушныхъ и морскихъ теченій. По свидѣтельству барона Норденшильда, массы теплаго воздуха, залегающія надъ Великимъ океаномъ, и массы холоднаго воздуха, направленныя съ полюса, задерживаясь береговыми высотами, направляются въ эти ворота и здѣсь, расположившись по плотности своей одинъ надъ другимъ, проходятъ теплыя къ сѣверу, а холодныя къ югу.

Но если воздушныя теченія имѣютъ достаточно простору для прохода другъ подъ другомъ, то океанскія, по узости и сравнительной мелководности пролива, не могутъ вмѣщать всей массы гонимыхъ ими водъ, которыя, вслѣдствіе этого, волей неволей должны искать себѣ другого направленія. По свидѣтельству компетентныхъ мореплавателей, южныя теплыя теченія, сталкиваясь въ Беринговомъ проливѣ съ сѣверными холодными, образуютъ круговоротъ, при чемъ частью проходятъ одно надъ другимъ, а частью откланяются: теплыя направляются обратно вдоль береговъ Америки, а холодныя, подъ вліяніемъ вращенія земли, прилегаютъ къ азіатскому берегу, достигая этимъ путемъ и береговъ Камчатки.

Вотъ причина, благодаря которой, мы замѣчаемъ явную обособленность въ фаунѣ и флорѣ въ однѣхъ и тѣхъ-же сѣверныхъ широтахъ стараго и новаго свѣта.

Въ замкнутомъ бассейнѣ Охотскаго моря, по изслѣдованію Шренка, воды движутся подобнымъ-же образомъ. Каждому теченію, идущему съ юга, соотвѣтствуетъ встрѣчное, направляющееся съ сѣвера.

Благодаря какимъ то исключительнымъ особенностямъ этого бассейна, ледяныя массы, образовавшіяся въ сѣверныхъ его предѣлахъ, задерживаются въ немъ, особенно въ юго-западномъ углу его, въ теченіе почти цѣлаго лѣта.

Извѣстному естествоиспытателю Миддендорфу, да и вообще многимъ мореплавателямъ, не разъ случалось бороться въ этомъ морѣ съ льдами въ іюнѣ, іюлѣ и даже въ августѣ.

При такихъ обстоятельствахъ воздушные токи, проходя чрезъ Охотское море, ни лѣтомъ, ни зимою не могутъ получать отъ него благопріятныхъ данныхъ для смягченія климата, лежащаго на пути ихъ, Камчатскаго полуострова.

Остается одна лишь юго-восточная часть полуострова, омываемая водами Великаго океана съ остатками теплаго японскаго теченія Куро-Сива, которая до нѣкоторой степени имѣеть возможность умѣрять зимнюю стужу сосѣдними водами. Но и это вліяніе нельзя признать за вполнѣ благопріятное. Смягчая зимній холодъ, воды Великаго океана, встрѣчаясь съ холоднымъ теченіемъ, даютъ въ тоже время такую массу атмосферныхъ осадковъ, что за зиму въ южной части полуострова скопляются большія залежи снѣга, остающіяся до половины іюня въ ни-

зменныхъ мѣстахъ, не говоря уже о вершинахъ горъ, а лѣтомъ все восточное побережье подвержено обильнымъ дождямъ и гибельнымъ туманамъ.

Такимъ образомъ, благодаря такимъ свойствамъ окружающихъ водъ, Камчатскій полуостровъ не получаетъ отъ нихъ ничего отраднаго въ климатическомъ отношеніи.

Сѣверная оконечность полуострова, представляя изъ себя высокое плоскогоріе, открыта вѣтрамъ Ледовитаго океана, равно какъ и сосѣднихъ морей, Охотскаго и Берингова.

Здѣсь нѣтъ отрады для жизни ни лѣтомъ, среди болотъ и тундръ, покрываемыхъ туманомъ, ни зимой, когда снѣжныя вьюги разгуливаютъ повсѣмъ направленіямъ.

Не уютно жить и на югѣ полуострова среди дикихъ скалъ и темныхъ ущелій, гдѣ солнца не бываетъ видно по цѣлымъ недѣлямъ и гдѣ лѣтніе туманы и зимнія метели парализуютъ все, что отъ природы нуждается въ свѣтѣ и теплѣ.

Середина полуострова, благодаря прохожденію вдоль ея двухъ значительныхъ хребтовъ, Западнаго и Восточнаго, раздѣляется на части: восточную, съ характернымъ морскимъ климатомъ, на западную, съ болѣе континентальнымъ, и среднюю, занимающую средину между ними. На восточномъ берегу болѣе атмосферныхъ осадковъ и меньше рѣзкаго холода, тогда какъ на западномъ, наоборотъ, меньше влаги и сильнѣе холодъ. По тѣмъ немногимъ метеорологическимъ наблюденіямъ, которыя производились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полуострова, извѣстно,—что средняя температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Авачинской губѣ не превышаетъ $+12^0$R, тогда какъ въ Тигилѣ, на западномъ берегу, на 5^0 сѣвернѣе Авачи, средняя температура этихъ мѣсяцевъ $+14^0$R, при чемъ средняя годовая въ Петропавловскѣ $+1,74$, тогда какъ Тигиля ниже нуля; если-же взять во вниманіе холода обѣихъ побережьевъ, то окажется: въ Петропавловскѣ, на примѣръ, зимніе морозы рѣдко бываютъ ниже 20^0R, въ Большерѣцкѣ-же, какихъ либо верстъ на 120—150 западнѣе, во время зимнихъ холодовъ нерѣдко застываетъ ртуть.

Несравненно въ болѣе лучшихъ климатическихъ условіяхъ находится средняя, внутренняя, часть полуострова или собственно долина бассейна р. Камчатки. Окруженная со всѣхъ сторонъ высокими горами, она болѣе или менѣе закрыта какъ отъ сырыхъ восточныхъ вѣтровъ, такъ равно и отъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ сухихъ и холодныхъ воздушныхъ теченій. Обширная Камчатская долина (до 15 т. кв. верстъ), не смотря на то, что южныя ея части возвышаются надъ уровнемъ моря отъ 600 до 1500 футъ, покрывается весеннею растительностію гораздо ранѣе прибрежныхъ мѣстъ, гдѣ въ это время весна еще борется съ зимой.

По наблюденіямъ агронома Кегеля, старавшагося о разведеніи злаковъ въ долинѣ р. Камчатки, въ 1844 г., средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ близъ селенія Милькова, лежащаго на 930 ф. надъ уровнемъ моря, оказалась $=+14{,}32^0$, при чемъ, самое большое тепло (въ іюлѣ) $=+26^0$R; послѣдній весенній утренникъ былъ 14-го мая $=\frac{1}{2}^0$, а первый осенній 16 августа $=-1^0$R Несмотря на утренники въ августѣ, средняя температура этого мѣсяца была $=+1$, (32^0R). По словамъ жителей, утреніе инеи бываютъ въ іюнѣ и въ началѣ августа. Поздніе утренники весною и ранніе (даже въ лѣтніе мѣсяца) подъ осень—есть характерное явленіе для всей Камчатки. Подобные утренники одинаково бываютъ какъ въ срединѣ полуострова, такъ равно и въ прибрежныхъ полосахъ, а потому вполнѣ естественно думать, что причина ихъ кроется не въ одномъ лишь вліяніи моря, но и въ чемъ-либо другомъ. По мнѣнію многихъ, пониженіе температуры, достаточное для образованія инея, зависитъ отъ той массы льда и снѣга, которая скопляется на высокихъ горахъ, дающихъ начало холоднымъ потокамъ и рѣчкамъ, и отъ тѣхъ морскихъ тундръ и болотъ, которыми питаются они. Горъ-же и вообще мѣстъ, на которыхъ снѣгъ не изсякаетъ въ теченіи цѣлаго года, въ Камчаткѣ вполнѣ достаточно. При путешествіи вдоль всего полуострова, не проходитъ ни одного дня въ іюлѣ, чтобы не встрѣтить снѣгъ въ

горахъ, въ глубокихъ падяхъ и даже въ сравнительно низкихъ и ровныхъ мѣстахъ, по которымъ приходится ѣхать вьюкомъ. Произрастаніе цвѣтущей зелени и даже подъ снѣжнымъ покровомъ—есть явленіе для Камчатки вполнѣ обыкновенное. Дитмару пришлось видѣть лѣтомъ на восточномъ побережьи цѣлую березовую рощу, распустившую свои зеленыя вѣтви надъ сплошнымъ бѣлымъ покровомъ снѣга. По склонамъ горъ постоянно попадаются островки роскошной лѣтней зелени, рельефно выдѣляясь на бѣломъ фонѣ снѣжныхъ покрововъ.

При такой обстановкѣ, понятно, цвѣтетъ и долгоденствуетъ только то, чему сама природа опредѣлила расти въ Камчаткѣ. Всякое же искусственное разведеніе привозныхъ растеній, по свойствамъ своимъ, не примѣнимымъ къ климату Камчатки, есть безуспѣшное посягательство на непреодолимыя силы природы, что и подтвердилось столѣтнимъ опытомъ надъ культивированіемъ хлѣбныхъ злаковъ въ Камчаткѣ. Въ долинѣ р. Камчаткѣ достаточно тепла, достаточно и свѣта, но періодъ для вегетаціи хлѣбныхъ злаковъ слишкомъ часто сокращается появленіемъ утреннихъ инеевъ и при томъ сокращеніе это слишкомъ не опредѣлено, слишкомъ растяжено. чтобы имѣть возможность приспособиться къ нему. Въ одинъ годъ сокращеніе вегетаціоннаго періода выражается днями, а въ другой мѣсяцами, почему и урожаи хлѣба годами бываютъ обильны, а бываетъ и такъ, что отъ посѣва собирается одна солома.

Тучныя травы, роскошные цвѣты и разныя ягоды Камчатки (особенно долины р. Камчатки) съ первыхъ временъ завоеванія ея русскими постоянно и вполнѣ естественно наводили на вопросъ: возможно-ли въ Камчаткѣ хлѣбопашество?

Разбирая этотъ вопросъ, необходимо разбить его на два: 1) есть-ли въ Камчаткѣ дѣйствительная потребность въ хлѣбопашествѣ и можетъ-ли эта отрасль хозяйства замѣнить и восполнить то, къ чему сама природа пріурочила аборигеновъ страны, и 2) возможно-ли, по климатическимъ условіямъ, въ Камчаткѣ успѣшное земледѣліе?

Природный камчатскій житель, (будетъ-ли это камчадалъ или русскій, родившійся въ Камчаткѣ въ 3-мъ, 4-мъ поколѣніи), до сего времени смотритъ на хлѣбъ какъ на суррогатъ, безъ котораго ему легко обойтись, и если любитъ его и даже падокъ къ нему, то какъ къ лакомству, а не какъ къ пищѣ, требуемой свойственными его организму особенностями. Во многихъ пунктахъ Камчатки хлѣбъ (привозный) въ настоящее время въ большомъ употребленіи, но ни одинъ камчадалъ не останется зимовать безъ юколы (сушеная рыба), безъ которой для его организма наступаетъ голодъ, безъ хлѣба-же большинство живетъ и зимуетъ, не жалуясь на голодъ. Ни одинъ камчадалъ, отправляясь въ путь, не возьметъ съ собою хлѣба вмѣсто юколы, подобно тому какъ ни одинъ россіянинъ въ подобныхъ случаяхъ не возьметъ меду вмѣсто хлѣба. При суровости климата и неудобствахъ жизненныхъ условій, питательность хлѣба недостаточна въ сравненіи съ объемомъ его, тогда какъ юкола (конечно хорошо приготовленная) въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше и къ мѣстной жизни болѣе приспособлена.

Кромѣ этого, такъ сказать, прямого преимущества юколы передъ хлѣбомъ, потребность въ ней является настоятельною и въ другомъ, косвенномъ отношеніи. Теперь уже признано, что собака для камчадала тоже, что для земледѣльца лошадь или быкъ, и замѣнить ее сими послѣдними, опять таки по мѣстнымъ условіямъ, нѣтъ никакой возможности.

Въ Камчаткѣ нѣтъ дорогъ и быть не можетъ. Тамъ есть (и то мѣстами) вьючныя тропы, которыми жители и пользуются для вьючнаго проѣзда на лошадяхъ, но не надо забывать, что это пользованіе возможно только въ теченіи какихъ-либо 3-хъ и много 4-хъ мѣсяцевъ, въ остальную-же часть года сообщеніе возможно только на собакахъ. При долгихъ и глубокихъ снѣгахъ лошадь сама по себѣ, безъ всякой клади, часто становится въ безвыходныя условія, тогда какъ собака свободно проходитъ и снѣжные сугробы и тонкій ледъ и не боится ни вьюги, ни мороза. Если добавить къ этому, что собака необходимый спутникъ и помощникъ на охотѣ,

безъ чего камчадалъ обойтись тоже не можетъ, то ясно станетъ, что въ Камчаткѣ собаку замѣнить нельзя ни лошадью ни быкомъ *).

Для зимняго продовольствія этихъ необходимыхъ животныхъ, которыхъ каждому хозяину приходится имѣть minimum 10—12, необходимо заготовить на 9 мѣсяцевъ въ году (въ лѣтніе мѣсяца собаки, какъ выражаются жители, сами промышляютъ себѣ кормъ) должное количество корма, при выборѣ котораго ни въ какомъ случаѣ хлѣбъ не можетъ замѣнить легкой, не громоздкой и въ тоже время питательной юколы или вообще рыбы.

Заготовка юколы и вообще рыбы впрокъ совершается въ лѣтніе и осенніе мѣсяца, т. е. какъ разъ въ то время, когда заботы хлѣбопашца поглощаются всецѣло полевыми работами.

Принимая рыбу, какъ продуктъ не замѣнимый для камчадала хлѣбомъ, обработка котораго отвлекла-бы отъ заготовки юколы, вопросъ о необходимости въ Камчаткѣ хлѣбопашества рѣшается самъ собою отрицательно.

Теперь, возможно-ли въ Камчаткѣ хлѣбопашество? На восточномъ побережьи зимніе запасы снѣга, въ долинахъ рѣкъ, гдѣ бы можно было сѣять хлѣбъ, не стаиваютъ до іюня и даже до половины іюля мѣсяца **), лѣтомъ часто бываютъ гибельные туманы и сильные вѣтры, а подъ осень, въ августѣ мѣсяцѣ, начинаются уже инеи.

На западномъ берегу полуострова, хотя не бываетъ большихъ снѣжныхъ заносовъ, но за то и почва настолько промерзаетъ, что не даетъ возможности вовремя и съ успѣхомъ пользоваться ею для посѣва хлѣбовъ. Къ тому-же и качества почвы этого побережья, не пригожи для этой цѣли.

Остается одна лишь внутренняя часть полуострова, собственно долина р. Камчатки, которая и по климату и по почвѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ земледѣлія; но здѣсь опять являются побочныя обстоятельства, какъ напримѣръ, ранніе инеи, отстранить которые не въ силѣ человѣческое знаніе и съ которыми человѣку волей—неволей приходится считаться. Крѣпкіе нервы какого нибудь Борщевика, Шаламайника и др. камчатскихъ травъ выдерживаютъ температуру утренниковъ, тогда какъ нѣжные культурные злаки гибнутъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, положительные опыты земледѣлія, болѣе столѣтія производимые съ значительными затратами труда и времени, доказали полную не пригодность его къ Камчаткѣ, какъ въ странѣ, гдѣ снѣгъ выпадаетъ слишкомъ рано, сходитъ поздно, и гдѣ, при туманахъ и раннихъ инеяхъ, холодная роса, а не рѣдко и морозы бываютъ, во время цвѣта хлѣбовъ, даже въ самой умѣренной части полуострова, т. е. въ долинѣ р. Камчатки. При подобныхъ условіяхъ, можетъ-ли земледѣлецъ имѣть какія-либо вѣрныя данныя на урожай, и кто согласится жертвовать трудомъ и капиталомъ въ дѣлѣ, гдѣ на одинъ годъ удачи представляются десять лѣтъ неудачныхъ, и наконецъ, кто согласится мѣнять надежный промыселъ рыболовства, на рискованное занятіе хлѣбопашествомъ.

Для характеристики опытовъ камчатскаго земледѣлія, приведу таблицу посѣвовъ и сбора

---

*) Въ отчетѣ окружнаго начальника за 1896 г., между прочимъ, упоминается о слѣдующемъ фактѣ, ясно говорящемъ въ пользу собакъ, сравнительно съ лошадью. Послѣ 15 октября промышленники на лошадяхъ выѣхали въ лѣсъ на соболиный промыселъ, но въ ноябрѣ выпалъ огромный снѣгъ, который отъ сильныхъ морозовъ покрылся обледенѣлою корой, но не столь прочной, чтобы выдерживать лошадь. На мѣстахъ охоты, корму для лошадей не было запасено во время, а потому пришлось или оставлять лошадей въ тайгѣ безъ корму или-же, что нѣкоторые жители и сдѣлали, вывозить ихъ на собакахъ въ селенія. Подобный-же фактъ,—перевозки лошадей на собакахъ, былъ констатированъ и Завойкою, когда, по его распоряженію, жители завели сани и поддерживали дорогу. Случилось, что нѣсколько возовъ, запряженныхъ лошадьми, были застигнуты въ пути пургою, при чемъ снѣгу выпала такая масса, что лошади не могли идти и ихъ пришлось вывозить на собакахъ. Съ тѣхъ поръ всякое сообщеніе на лошадяхъ зимою было оставлено, какъ средство для Камчатки не возможное.

**) Въ прошломъ году намъ не удалось выѣхать изъ Петропавловска раньше 10 іюня; на собакахъ нельзя было ѣхать, потому что рѣки вскрылись, а на лошадяхъ, на которыхъ можно-бы было переѣхать рѣки, нельзя было ѣхать, потому что въ долинахъ залегали еще сугробы снѣга.

за время съ 1763 по 1766 годы, составленную г. Булычевымъ, командированнымъ въ Камчатку въ царствованіе Николая I для изслѣдованія этого вопроса на мѣстѣ.

	1763			1764		
	Засѣяно десятинъ.	Посѣяно пуд. и ф.	Снято.	Засѣяно десятинъ.	Посѣяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи . . .	2	11 п. 10 ф.	6 п. 15 ф.	3	21 п. 4¼ ф.	13 п. 35 ф.
Пшеницы . .	⅓	1 „ —	1 „ 7½ „	⅛	— 35 „	Позябла.
Ячменя . . .	1¾	19 „ —	24 „ 6 „	2	26 п. 30 „	42 п. 24 ф.
Овса . . .	⅛	1 „ —	3 „ 19 „	½	8 „ —	12 „ 25 „
Коноплн. . .	—	—	—	—	—	—
Гороху . . .	—	—	Позябъ.	—	—	Позябъ.

	1765			1766		
	Засѣяно десятинъ.	Посѣяно пуд. и ф.	Снято.	Засѣяно десятинъ.	Посѣяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи . . .	3	20 п. 49 ф.	14 п. 24 ф.	—	—	—
Пшеницы. . .	1½	— 8½ „	Позябла.	—	—	—
Ячменя . . .	2½	40 „ 24 „	16 п. 30 ф	3	45 п. 20 ф.	18 п. 16 ф.
Овса . . .	1½	26 „ 26 „	32 „ 20 „	1	19 „ 20 „	7 „ 27 „
Конопли . .	¼	5 „ 20 „	10 „ 7 „	¼	5 „ 20 „	1 „ 26 „
Гороху . . .	—	—	Позябъ.	—	—	—

По свѣдѣніямъ, собраннымъ тѣмъ-же г. Булычевымъ, результаты камчатскаго земледѣлія въ послѣдніе годы были: въ 1770 г. весь посѣвъ, кромѣ конопли, погибъ отъ инея; въ 1781 г. хлѣбъ недозрѣлъ; въ 1782 г. хлѣбъ былъ попорченъ инеемъ, хотя и собрано нѣсколько болѣе сѣмянъ; въ 1783 г. не возвратили сѣмянъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія земледѣліе велось урывками и результаты были не утѣшительны. Въ 1830 году образовалась земледѣльческая компанія, которая, потративъ капиталъ въ 8 т. рублей, прекратила свое существованіе за невозможностью предпріятія.

Въ пятидесятыхъ годахъ этого столѣтія забота правительства о земледѣліи усилилась, но, съ переводомъ областныхъ управленій и порта въ Николаевскъ, затихла и хлѣбопашество, въ малыхъ размѣрахъ, при всевозможныхъ поощреніяхъ и даже принужденіяхъ, ведется кое-гдѣ въ селеніяхъ Камчатской долины и до настоящаго времени.

Я видѣлъ эти посѣвы, но на видъ они были таковы, что я, зная ихъ мѣстонахожденіе, не могъ отыскать ихъ, прежде чѣмъ жители не привели меня на мѣсто и не показали пальцемъ на жалкую зелень ячменя. И это въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Вѣковая неудача въ хлѣбопашествѣ вознаградилась для камчатскихъ жителей успѣхомъ въ разведеніи огородныхъ овощей. Правда, нѣкоторые сорта и этой отрасли хозяйства не привились въ Камчаткѣ, но большинство изъ корнеплодовъ въ настоящее время составляютъ существенное подспорье въ жизни камчадаловъ.

Огородничество было заведено, въ 1770-хъ годахъ, начальникомъ Бемомъ; съ той поры жители Камчатки съ успѣхомъ разводятъ рѣпу, брюкву, рѣдьку, лукъ и т. п. и особенно картофель, котораго, въ 1845 году, съ 648 огородовъ было собрано 18 т. пудовъ. Огородничество

привилось одинаково успѣшно по всей Камчаткѣ и особеннымъ вниманіемъ пользовалось со стороны военнаго губернатора Завойки, который, зная непредпріимчивость жителей Камчатки и дабы заинтересовать ихъ въ дѣлѣ разведенія огородныхъ овощей, прибѣгалъ къ поощрительнымъ мѣрамъ; такъ въ 1850 году онъ, выписавъ изъ Петербурга огородныхъ сѣмянъ, роздалъ ихъ жителямъ, съ подробными инструкціями ухода за ними, и на 1-е октября 1851 года назначилъ въ Петропавловскѣ выставку, объявивъ при этомъ, что лучшіе сорта овощей получатъ преміи по 5 руб. Въ назначенный срокъ, при большомъ стеченіи народа изъ гражданъ и сосѣднихъ деревень, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей Завойко объявилъ выставку открытою. Съ вѣсами и мѣрою въ рукахъ, при напряженномъ вниманіи заинтересованной публики, Завойко самъ обошелъ и измѣрилъ всѣ лучшіе экземпляры овощей и общимъ рѣшеніемъ присудилъ преміи; при чемъ награду въ 5 рублей получили: 1) рѣдька—14 фун. 24 золотн. вѣсомъ и величиною $1^1/_2$ фута длин. и 5 дюймовъ въ толстомъ концѣ; 2) за рѣдьку въ 12 фун. вѣсомъ и величиною 2 ф. длины и 3 дюйма въ толстомъ концѣ; 3) кочанъ капусты 7 фун.; 4) картофель вѣсомъ 1 фун. 3 золотн.; 5) рѣпа въ 7 фун. 20 золотн.; 6) морковь въ 41 золотн. и 7) свекла въ 90 золотн. Замѣчательно, что бобовыя растенія ни гдѣ въ Камчаткѣ не принялись; повидимому, даже дико-ростущія изъ этого семейства не имѣютъ достаточнаго распространенія *).

Заботы правительства, направляемыя съ давнихъ поръ, главнымъ образомъ, на земледѣліе въ Камчаткѣ, не оставляли безъ внименія и скотоводства, какъ главнаго подспорья хлѣбопашцу. Въ этомъ отношеніи успѣхъ былъ ясный, и былъ-бы вполнѣ достойный вниманія каждаго жителя, если-бы и въ этомъ дѣлѣ не было второстепенныхъ, побочныхъ прячинъ, препятствующихъ болѣе широкому развитію его. Первая причина, это недостаточность рабочихъ рукъ въ семьѣ камчадала, которому въ теченіе лѣта, въ одно и тоже время, пришлось-бы дѣлить свой трудъ на два важныхъ дѣла—ловить рыбу и заготовлять сѣно для скота на цѣлыхъ 8 зимнихъ мѣсяцевъ. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ въ Тигилѣ, въ какомъ затруднительномъ положеніи были жители, когда хорошій ходъ рыбы совпалъ съ сѣнокосомъ; болѣе досужій хозяинъ днемъ заготовлялъ сѣно, а вечеромъ до глубокой ночи ловилъ рыбу, большинство-же бросало сѣно на произволъ судьбы и переходило на рыбалку. Случись-же въ это время сильный дождь, что не рѣдко бываетъ, то во 1-хъ, неубранное сѣно все погибнетъ, а во 2-хъ горная рѣка отъ быстраго стока воды выходитъ изъ береговъ и разрушаетъ (весьма обыкновенное явленіе) рыбные заторы, возобновленіе которыхъ на нѣсколько дней занимаетъ всѣхъ (безъ исключенія) жителей, при чемъ, случается, они пропускаютъ и ходъ рыбы и лишаются сѣна.

Вторая, не менѣе вѣская причина, тормозящая разведеніе скота, это собаки. Какъ ни страннымъ, быть можетъ, покажется это явленіе, но тѣмъ не менѣе это фактъ, съ которымъ камчадалу приходится считаться. Сѣверная ѣздовая собака отличается особеннымъ стремленіемъ къ стадности; если завоетъ одна, то завоютъ и всѣ, если на что-либо бросится одна, то моментально на тоже накидываются и другія. Къ тому-же, ѣздовая собака невыноситъ въ своемъ сосѣдствѣ никакой живности, и если мирится съ лошадью и коровой, то только благодаря ихъ, большому сравнительно съ ней, росту и силѣ. Въ Камчаткѣ нельзя держать ни овецъ, ни свиней, ни птицы домашней, все это разрывается собаками. Даже взрослая корова, если только она побудитъ чѣмъ либо, хотя одну, собаку кинуться на нее, какъ въ моментъ ее не станетъ, разорвутъ на части. Были примѣры, и не такъ давно, какъ собаки разрывали дѣтей на глазахъ отца и матери. Въ общемъ камчатская собака смирная и даже трусливая, но разъ, почему либо, она бросается на кого, то нѣтъ силъ удержать отъ того-же и другихъ. Примѣры разрыванія собаки собаками—вещь вполнѣ обыкновенная въ Камчатскихъ селеніяхъ.

При такихъ условіяхъ каждый хозяинъ вынужденъ бываетъ держать телятъ, почти лѣтъ

*) По мнѣнію Дитмара недостаточность этого сорта растеній объясняется бѣдностью Камчатской почвы известковыми солями.

до 2, въ заперти, подъ плотной крышей и прочнымъ затворомъ, что, конечно, не можетъ не вліять на успѣхи развода скота.

Каждый хозяинъ держитъ у себя скота столько, сколько ему подъ силу, имѣя въ виду трудную заготовку сѣна и затруднительное сооруженіе помѣщеній для него. Рогатый скотъ имѣется у многихъ, такъ какъ молочные продукты вошли въ повсемѣстное по Камчаткѣ употребленіе, лошадей-же держатъ только болѣе зажиточные и гдѣ въ семьѣ нѣсколько мужскихъ рабочихъ рукъ.

По собраннымъ мною справкамъ, въ 1897 году, во всей Петропавловской округѣ числилось лошадей около 800 головъ и рогатаго скота немногимъ болѣе 2.000.

Что-же касается до условій Камчатской природы, то она вполнѣ благопріятствуетъ скотоводству. Правда, продолжительная зима, при недостаткѣ заготовленнаго корма, хотя и изнуряетъ скотъ, но за то сочная и питательная трава весною быстро поправляетъ его и возстановляетъ затраченныя имъ силы. Въ концѣ мая и началѣ іюня мнѣ уже не удавалось видѣть исхудалаго скота.

Въ долинѣ р. Камчатки, гдѣ мѣстность защищена отъ сильныхъ вѣтровъ и гдѣ на нѣкоторыхъ площадяхъ почему-то (?) снѣгу зимою бываетъ очень мало *), скотъ и особенно лошади пользуются круглый годъ подножнымъ кормомъ. Къ числу такихъ мѣстъ относятся между прочимъ окрестности селеній Толбачинскаго и Козыревскаго.

Жители этихъ селеній, по малоснѣжности зимъ, заготовляютъ сѣна въ самомъ незначительномъ количествѣ, выгоняя скотъ круглый годъ на подножный кормъ. Среди луговъ и зарослей этого раіона, по увѣренію жителей, водятся десятки и даже сотни дикихъ (одичавшихъ), никому непринадлежащихъ лошадей. Надо думать, что когда нибудь нѣсколько заблудившихся и потерявшихся лошадей дали начало подобнымъ дикимъ косякамъ. Нѣкоторые изъ жителей какъ напр., староста селенія Козыревскаго, считаются спеціалистами по части ловли этихъ дикихъ лошадей; если у кого явится потребность въ лошади, то онъ обращается къ подобнымъ смѣльчакамъ и любителямъ и черезъ нихъ, за извѣстное вознагражденіе, достаетъ себѣ лошадь,

Фактъ существованія въ Камчаткѣ лошадей въ полудикомъ состояніи самъ по себѣ говоритъ о пригодности этой страны къ скотоводству. Быть можетъ, могъ-бы и рогатый скотъ водиться въ Камчаткѣ въ полудикомъ состояніи, если-бы этому не препятствовали стаи волковъ да медвѣди, отъ которыхъ бойкая и привыкшая къ каменистымъ обрывамъ камчатская лошадь легко отбивается и уходитъ.

Скотоводство въ Камчаткѣ началось съ первымъ переселеніемъ туда крестьянъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны и затѣмъ постоянно поддерживалось, подвозомъ новыхъ особей, при Екатеринѣ II. Первую пару лошадей вывезъ въ Камчатку маіоръ Павлуцкій, когда былъ назначенъ туда начальникомъ послѣ камчатскаго бунта, бывшаго въ 1731 году. Съ тѣхъ поръ скотъ въ Камчаткѣ не переводился, а постепенно размножался и, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій камчатскаго климата и корма, улучшался, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе, видѣвшіе скотъ какъ камчатскій такъ и якутскій, который считается родоначальникомъ перваго. Къ сожалѣнію жители Камчатки, не интересуясь особенно скотоводствомъ, не обращаютъ никакого вниманія на половой подборъ производителей. Есть даже такіе хозяева, которые нарочно оставляютъ небольшихъ бычковъ, для которыхъ, по ихъ расчету, меньше корму приходится заготовлять. Жеребцовъ оставляютъ только для приплоду такихъ, которые отличаются кроткими качествами, хотя-бы во всемъ остальномъ они были ниже всякой критики, имѣя въ виду что съ приплодомъ ихъ меньше будетъ возни при объѣздкѣ.

*) Кромѣ западнаго побережья, гдѣ, въ силу климатическихъ условій, зимы бываютъ малоснѣжны, въ Камчаткѣ, среди горъ, указываютъ на нѣсколько площадей, на которыхъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ расположенія горъ и хребтовъ, снѣгъ зимою выпадаетъ въ незначительномъ количествѣ, тогда какъ по сосѣдству съ сѣвера и съ юга къ нимъ прилегаютъ мѣста съ большими снѣжными заносами.

Кромѣ лошадей и крупнаго рогатаго скота едва-ли можно надѣяться на разведеніе въ Камчаткѣ другихъ болѣе мелкихъ домашнихъ животныхъ. Необходимость содержанія собакъ въ большемъ числѣ исключаетъ всякую возможность разводить—овецъ, козъ, свиней и пр. Домашняя птица содержится кое-гдѣ въ самомъ незначительномъ количествѣ и то только любителями; при этомъ для сохраненія ихъ отъ собакъ устраиваются высокія и плотныя изгороди, прикрытыя сверху сѣткою изъ проволоки или изъ обыкновеннаго прядива.

Къ разведенію овецъ, для которыхъ домашняя собака является непримиримымъ врагомъ, кромѣ того неблагопріятствуетъ и камчатская природа. Въ Камчаткѣ нѣтъ мѣста, гдѣ можно было-бы разводить ихъ. Всюду или горы, поросшія непроходимымъ кустарникомъ, или тонкія и вѣчно сырыя тундры, покрытыя мхомъ и болотною растительностью.

Относительно разведенія свиней можно съ большею вѣроятностью сказать, что онѣ съ большимъ успѣхомъ могли-бы разводиться по всей Камчаткѣ, такъ какъ, при правильномъ и заботливомъ хозяйствѣ, недостатка въ кормѣ для нихъ нельзя ожидать, но собака опять таки исключаетъ эту возможность.

Къ числу домашнихъ животныхъ Камчатки, впрочемъ исключительно въ сѣверной части ея, принадлежитъ домашній олень, родоначальникомъ котораго признается сѣверный дикій олень, обнимающій своимъ распространеніемъ огромныя пространства всей сѣверной полосы стараго и новаго свѣта. Дикій сѣверный олень встрѣчается вездѣ сѣвернѣе 60° с. ш., въ мѣстахъ-же гористыхъ, какъ напримѣръ въ Камчаткѣ, распространеніе его спускается до 52 и даже 51 град. Голыя горныя площади и отлогости, отличающіяся скудностью растительности, или тѣ обширныя тундры, которыя сплошь покрыты мхомъ, являются любимымъ мѣстопребываніемъ этого животнаго, гдѣ оно, смотря по времени года, разбивается то на отдѣльныя особи, то соединяется въ огромныя стада и кочуетъ то съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ.

Съ давнихъ поръ сѣверный житель приручилъ это животное и въ настоящее время всѣ сѣверные народы обязаны ему своимъ благосостояніемъ и даже жизнью. Домашній олень замѣняетъ сѣверному дикарю всѣхъ почти домашнихъ животныхъ, такъ какъ кормитъ, грѣетъ и возитъ его.

Въ средней и южной части Камчатскаго полуострова дикій олень водится исключительно на горахъ и по склонамъ ихъ за предѣлами лѣсной растительности; ниже 3.000 футовъ онъ попадается какъ исключеніе, развѣ только по западному хребту, гдѣ лѣсистость незначительна и зимніе снѣжные заносы бываютъ нестоль велики, какъ въ другихъ мѣстахъ полуострова.

Въ связи съ этимъ и домашній олень мало пригоденъ для жителей этой части полуострова, гдѣ горы преобладаютъ передъ тундрами и гдѣ мохъ вытѣсняется дикорастущими травами, не вполнѣ пригодными для пищи оленя, которому, сверхъ сего пришлось-бы добывать себѣ кормъ въ теченіе почти 8 мѣсяцевъ изъ подъ глубокихъ снѣжныхъ покрововъ.

Въ тѣхъ сѣверныхъ широтахъ полуострова, гдѣ хребты теряютъ свою скалистость и постепенно переходятъ сначала въ высокое плоскогоріе, въ т. н., Поропольскій долъ, представляются всѣ естественныя условія для жизни дикаго оленя, а слѣдовательно и для разведенія стадъ домашняго оленя. Ломуты и Коряки, владѣя большими стадами оленій, являются истыми господами этого непріютнаго пространства. Значительный запасъ влаги, скопляющійся въ этой нагорной мѣстности надъ вѣчно мерзлою подпочвою, благопріятствуетъ произрастанію здѣсь мха, незамѣнимаго для оленя корма. Мохъ достигаетъ здѣсь значительныхъ размѣровъ, какъ по росту, такъ и тучности. Подъ вліяніемъ сильныхъ вѣтровъ, господствующихъ въ этой части полуострова въ теченіе круглаго года, эта мѣстность представляетъ изъ себя по истинѣ, губкообразную массу, не проходимую ни для какого другого домашняго животнаго, кромѣ легкаго и ширококопытнаго оленя. Благодаря господствующимъ вѣтрамъ то съ запада, то съ востока, снѣгъ не ложится здѣсь толстымъ слоемъ и потому мохъ бываетъ доступенъ оленю какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Въ лѣтнее время, когда въ тундрахъ появляются миріады гнуса (комаръ,

мошка и пр.), владѣтели оленихъ стадъ поднимаются съ ними выше на отроги горъ и, дѣлая эти передвиженія, заходятъ въ глубь полуострова, примѣрно до 58° с. ш., гдѣ и проводятъ большую часть лѣта, держась преимущественно на открытыхъ безлѣсныхъ плоскогорьяхъ.

О численности оленей, имѣющихся у корякъ и ломутовъ въ предѣлахъ Камчатскаго полуострова, нѣтъ вѣрныхъ данныхъ, такъ какъ сами хозяева, обыкновенно, не знают̀ь имъ счета. По оффиціальнымъ даннымъ ихъ насчитывается около 40 тысячъ, вѣроятнѣе-же всего, ихъ гораздо больше.

Непримирнымъ врагомъ для домашняго оленя является ѣздовая собака, а потому тамъ, гдѣ вся жизнь человѣка зависитъ отъ благосостоянія перваго, тамъ нѣтъ мѣста послѣдней. Ѣздовая собака, какъ-бы ни была утомлена своею работою въ упряжи, никогда не пропуститъ случая, чтобы не набросится на оленя. Достаточно одного запаха оленя, чтобы возбудить энергію и поднять послѣднія силы упряжной собаки, и тогда нѣтъ силы удержать ее отъ нападенія на оленя. Коряки и Ломуты, пріѣзжая къ Камчадаламъ, далеко отъ жилищъ оставляютъ своихъ оленей, дабы неподвергать ихъ опасности со стороны собакъ; съ своей стороны и Камчадалы, если не желаютъ быть непрошенными гостями, никогда не рискуютъ на своихъ собакахъ выѣзжать въ становища Корякъ, не принявъ мѣръ къ предосторожности на случай встрѣчи собакъ съ оленями.

Напротивъ того, охотничья собака, или, какъ принято называть ее въ Камчаткѣ „Ломутская", является самымъ ревностнымъ хранителемъ и защитникомъ оленьихъ стадъ. Куда-бы олени не пошли, какую-бы нужду они не несли, собака всегда и вездѣ съ ними. Она помогаетъ хозяину въ пастбѣ оленей, загоняя и направляя ихъ въ ту или другую сторону, она отыскиваетъ заблудившихся и зорко слѣдитъ за приближеніемъ волковъ и предупреждаетъ какъ оленей такъ и хозяина, во всѣхъ опасныхъ случаяхъ и даже тогда, когда благодаря какой-либо случайности, къ стаду оленей приближается нарта съ собаками. Словомъ, по отношенію къ оленямъ и вообще къ домашнимъ животнымъ между охотничьей и ѣзжалой собакой существуетъ полная противоположность; насколько первая проникнута заботой о сохранности ихъ, настолько вторая остается непримиримымъ врагомъ ихъ.

Ломутская собака нѣсколько меньше ѣзжалой, тѣлосложенія болѣе стройнаго, черепъ имѣетъ круглый, морда острая; отличается тонкимъ чутьемъ и умными глазами, преисполненными жизни и энергіи.

Ѣзжалую собаку, если не ставить ей въ вину ненависть ея къ другимъ животнымъ, слѣдуетъ признать за одно изъ благодарныхъ животныхъ для всѣхъ жителей сѣвера, непользующихся услугами оленя. Если и есть за нею недостатки, какъ-то: упрямство, отсутствіе привязанности, апатичность, неряшливость и пр., то это скорѣе можно отнести къ недостаткамъ отъ воспитанія и ухода зе нею, нежели къ природнымъ, вражденнымъ ей качествамъ. Дѣйствительно, едва-ли есть какое-либо другое изъ домашняхъ животныхъ, къ уходу за которымъ такъ небрежно относился-бы человѣкъ, какъ относятся сѣверные инородцы къ своей ѣзжалой собакѣ. Въ теченіе почти круглаго года (кромѣ осени) ей приходится переносить холодъ, голодъ, усталость и самое жестокое обращеніе. Зимою она, можно сказать, не вылѣзаетъ изъ «алыка» (упряжь), служа вѣрой и правдой своему хозяину и находясь все время въ проголодь. Никакихъ помѣщеній для собаки жителя Камчатки не устраиваютъ. Какая-бы погода не была, будетъ-ли это зимою въ сильные морозы и мятели, или лѣтомъ въ сильный жаръ, проливной дождь, ѣздовая собака держится на привязи у вбитаго въ сторонѣ отъ строеній кола, не имѣя ни покрышки, ни подстилки.

Зимою собакъ держатъ на привязи, дабы всегда имѣть ихъ готовыми на случай какой-либо поѣздки, иначе онѣ разбѣгаются и оставляютъ хозяина безъ всякихъ средствъ къ передвиженію.

Весною и большую часть лѣта, когда всѣ зимніе запасы корма истощаются, а новыхъ

Отдыхъ ѣзжалыхъ собакъ въ пути

еще не наготовлено, ѣздовыя собаки особенно бываютъ злы и даже опасны. Мучимыя голодомъ, онѣ набрасываются на все, что можетъ служить хотя-бы намекомъ на пищу: ремни, обувь и даже грязныя тряпки поѣдаются ими. Въ это время, по необходимости, приходится держать ихъ на привязи, иначе отъ нихъ нѣтъ спасенья никакимъ домашнимъ животнымъ; бывали случаи, когда собаки разрывали дѣтей и даже другъ друга. Изнуренная зимнею работою, ѣздовая собака особенно удручающее впечатлѣніе производитъ весною, когда длинная скомканная шерсть клочками покрываетъ исхудалые бока, когда тѣло ея бываетъ испещрено то ссадинами, то царапинами и при всемъ томъ, почти безъ корму, ей приходится лежать въ холодной весенней грязи и сырости у своего кола и издавать унылое нытье и завыванье, ожидая иногда по цѣлымъ суткамъ какой-либо подачки отъ своего беззаботнаго хозяина. Въ довершеніе всего, съ наступленіемъ лѣта, цѣлые миріады комаровъ набрасываются на нихъ, безъ защитныхъ и безпомощныхъ, при чемъ бываютъ нерѣдко случаи, когда собака, выбившись изъ силъ, погибаетъ окончательно. Только осенью, когда начинается обильный ходъ рыбы, собаки отпускаются на волю и сами добываютъ себѣ рыбу изъ мелкихъ рѣчекъ.

Не давая собакамъ никакого ухода, камчатскіе жители не стараются и объ улучшеніи ихъ. Лучшихъ щенятъ они кастрируютъ и употребляютъ для ѣзды, для приплода-же оставляютъ такихъ самцовъ, которые, какъ по росту, такъ и по силѣ непригодны бываютъ для ѣзды. Вслѣдствіе этого порода ѣздовыхъ собакъ постепенно ухудшается и терпѣливо ждетъ поры, когда на судьбу ея будетъ обращено большее вниманіе.

По отчету за 1896 годъ всѣхъ ѣздовыхъ собакъ въ Камчаткѣ числилось 14.138.

Фауна Камчатскаго полуострова характеризуется представителями, одаренными отъ природы всѣми средствами для борьбы съ условіями жизни суровой и холодной страны. Здѣсь нѣтъ ни одного вида, ближающіе родичи котораго могли бы являться въ тоже время обитателями болѣе теплыхъ странъ; вѣрнѣе, въ Камчаткѣ нѣтъ той смѣси въ представителяхъ царства животныхъ, которою характеризуется, наприм., Уссурійскій край, гдѣ лось, медвѣдь и тигръ скрываются въ однѣхъ и тѣхъже заросляхъ ели, винограда и дуба. Напротивъ, представители камчатской фауны представляютъ изъ себя одинъ общій типъ, типъ животныхъ холоднаго сѣвера.

Разнообразіе видовъ каждаго изъ отдѣловъ наземныхъ животныхъ невелико; значительная часть изъ семействъ мелкопитающихъ или совершенно отсутствуютъ, или имѣютъ своихъ представителей въ двухъ, трехъ и даже одномъ видѣ. Одно изъ обширныхъ семействъ камчатской фауны, а именно J. Mustelidae, состоитъ всего изъ 6 видовъ. Если не считать, напримѣръ, домашнюю кошку и домашнюю свинью, которыя встрѣчаются какъ рѣдкость, то представителей этихъ семействъ можно считать совершенно отсутствующими въ предѣлахъ Камчатскаго полуострова. Изъ травоядныхъ, кромѣ домашняго быка, въ Камчаткѣ водятся олень и каменный баранъ.

Пресмыкающихся и гадовъ почти совершенно нѣтъ въ Камчаткѣ; представителемъ этого отдѣла является одинъ лишь видъ Salamandrilla Uosnesenskii, который попадается весьма рѣдко и, благодаря существующему среди жителей суевѣрію, *) вѣроятно, будетъ совершенно истребленъ.

Обособленность камчатскій фауны и бѣднота въ разнообразіи семействъ и видовъ ея сближаетъ этотъ полуостровъ съ островами Курильской гряды и тѣмъ самымъ подтверждаетъ вѣроятность существовавшей когда то отдѣленности его отъ материка въ видѣ острова. Иначе трудно подыскать причину, почему многія животныя охотскаго побережья въ ней не встрѣчаются (лось, бѣлка, рѣчной бобръ и др.).

*) Древніе Камчадалы считаютъ ящерицъ за шпіоновъ бога; богъ посылаетъ ящерицъ на землю, чтобы подсматривать за проступками людей и доносить ему, вслѣдствіе этого жители считаютъ своею обязанностью убивать ихъ, какъ только увидятъ.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ

камчатской фауны.

(Списокъ составленъ по: Крашенинникову „описаніе земли Камчатки"; Ю. Симашко „Русская фауна" 1851 г.; А. Миддендорфу—Сибирская фауна въ путешествіи на сѣверъ и востокъ Сибири; И. Полякову—систематическій обзоръ полевокъ Сибири 1881 г., и Бобрицкому—основы зоологіи 1890 г.)

Mammalia

1. Ordo Carnivora

1. Familia Ursidae

1. Ursus arctos L.—Бурый мѣдвѣдь.

Камчатскій медвѣдь по цвѣту шерсти имѣетъ всѣ переходы отъ рыжаго до черно-бураго, иногда съ большою примѣсью свѣтло-сѣрыхъ волосъ (съ просѣдью). Какъ исключеніе, впрочемъ очень рѣдкое, попадаются экземпляры почти бѣлые. Мнѣ удалось видѣть въ Петропавловскѣ огромную шкуру медвѣдя, у котораго голова, хребетъ и лицевыя стороны ногъ были свѣтло-бураго цвѣта, остальныя же части были совершенно бѣлыя.

У молодыхъ особей иногда бываютъ бѣлые ошейники, которые у взрослыхъ экземпляровъ не наблюдаются. По словамъ жителей, медвѣжата съ бѣлымъ ошейникомъ, а равно какъ и матки ихъ, отличаются большею, сравнительно, свирѣпостью.

Любимымъ мѣстоприбываніемъ камчатскаго мѣдвѣдя служатъ склоны горъ, покрытые густыми зарослями кедровника и ползучаго ольховника, гдѣ онъ держится большую часть года. Только къ осени медвѣдь спускается ниже къ ягоднымъ кустамъ и въ долины рѣкъ для ловли рыбы. Камчатскіе охотники, лѣтомъ и особенно весной, на поиски за медвѣдемъ обыкновенно отправляются въ горы, осенью же, охота на медвѣдя производится съ челноковъ (батовъ) порѣкамъ, берега которыхъ, по словамъ жителей, въ это время бываютъ, положительно, истоптаны медвѣдями, промышляющими рыбу. Камчатскія рѣки, только не въ періодъ разлива или не въ моментъ случайныхъ наводненій, отличаются чистотою и прозрачностью воды. Плавающую въ ней рыбу, особенно лососекъ, во время ихъ хода, можно бываетъ видѣть на глубинѣ аршина и даже болѣе. Медвѣдь, сидя на берегу, зорко слѣдитъ за рыбой и при первой же возможности бросается въ воду (иногда даже ныряетъ) и схватываетъ ее (обыкновенно лапою). Рыболовствомъ медвѣдь занимается съ особымъ вниманіемъ, чѣмъ, собственно, и пользуются охотники, подплывая къ нему на батахъ, какъ можно, ближе. Еще недавно былъ случай (мнѣ достовѣрно извѣстный), когда одинъ изъ морскихъ офицеровъ, охотясь за медвѣдями, увидѣлъ его ловящимъ рыбу; медвѣдь такъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, что не замѣтилъ, какъ офицеръ, прежде чѣмъ выстрѣлить въ него, снялъ съ него фотографію.

По словамъ жителей, нерѣдко медвѣдь, при ловлѣ рыбы въ небольшихъ и мелкихъ рѣчкахъ, употребляетъ слѣдующій пріемъ—онъ ложится поперекъ рѣчки и тихимъ движеніемъ лапы мутитъ вокругъ себя воду. Въ этомъ случаѣ рыба почти въ упоръ подплываетъ къ медвѣдю, чѣмъ онъ и пользуется. При счастливой ловлѣ, медвѣдь отъѣдаетъ только голову рыбы, туловище же, какъ менѣе жирное, бросаетъ на съѣденіе лисамъ, воронамъ, чайкамъ и пр.

Камчатскій медвѣдь вообще нрава кроткаго и на человѣка почти никогда не бросается. Исключеніемъ бываютъ случаи, когда раненый медвѣдь усиленно преслѣдуется или когда медвѣдицѣ приходится защищать своихъ медвѣжатъ. Въ общемъ надо сказать, что въ Камчаткѣ не проходитъ года, чтобы кто либо изъ смѣлыхъ, но неопытныхъ охотниковъ не пострадалъ бы отъ медвѣдя.

Медвѣдь среди жителей Камчатки пользуется особой симпатіей. Про медвѣдя поется въ пѣсняхъ и слагались сказанія, начало которыхъ относится къ первобытнымъ временамъ, когда Камчадалы поклонялись своему богу „Кутхѣ" и когда были еще въ полудикомъ состояніи. Въ

одной изъ такихъ сказокъ происхожденіе медвѣдя отожествляется съ происхожденіемъ человѣка, чѣмъ, между прочимъ, объясняются существующія среди сѣверныхъ инородцевъ различнаго рода празднества въ честь медвѣдя и многія суевѣрія, тщательно соблюдаемыя охотниками при стрѣльбѣ, сниманіи шкуры съ медвѣдя и пр. Охота на медвѣдя считается любимымъ развлеченіемъ жителей, особенно, такъ называемая, осенняя охота на лошадяхъ. Къ концу осени, медвѣдь, при обиліи рыбной пищи, сильно жирѣетъ, дѣлается неповоротливымъ и не можетъ долго и скоро бѣжать—„загорается", какъ говорятъ охотники. Въ это время медвѣдь, обыкновенно, выходитъ на болѣе открытыя мѣста, поросшія брусникой и другими ягодами, куда отправляются и партіи охотниковъ верхомъ, на обученныхъ для этого лошадяхъ. Привыкшія лошади не боятся медвѣдя и, разъ медвѣдь пошелъ на уходъ, смѣло подбѣгаютъ къ нему на желаемое для всадника разстояніе. Верховые охотники окружаютъ медвѣдя со всѣхъ сторонъ, набрасываютъ на него иногда петли и бьютъ или изъ ружья, или, даже, палками.

О количествѣ медвѣдей въ Камчаткѣ можно судить до нѣкоторой степени по числу добываемыхъ шкуръ. Было время, когда охотникъ могъ убивать въ годъ до 50 и болѣе медвѣдей; теперь же этотъ промыселъ значительно упалъ. Въ общемъ можно сказать, что въ Камчаткѣ ежегодно убивается до 1500 медвѣдей. Средняя стоимость шкуры равняется 10 рублямъ (цѣны 1897 г., когда спросъ на нихъ нѣсколько увеличился).

Медвѣжьимъ мѣхомъ жители пользуются какъ постелью; кожу употребляютъ и на ремни и подошвы. Мясо и жиръ идетъ въ пищу и на освѣщеніе избъ; большимъ распространеніемъ, особенно въ захолустныхъ мѣстахъ, пользуются медвѣжьи кишки, которыми жители затягиваютъ оконныя рамы вмѣсто стеколъ.

2. Familia Canidae

2. Canis familiaris L. ѣздовая собака.
3. „ lupus vulgaris L. Волкъ.
4. „ vulpes L. Лисица красная.
   „ Var. fulvus—Огневка.
   „ Var. crucigera Briss. Крестовка.
   „ Var. lypomelas wagn. Сиводушка.
   „ Var. Argentatus Fr. Cuv. Чернобурая.
5. Canis lagopus. L. Песецъ.

Камчатскій волкъ отличается густотою и пушистостью мѣха. Цвѣтъ его, смотря по временамъ года, представляетъ всѣ стадіи перехода отъ сѣраго къ бѣлому; въ сѣверной части полуострова къ сѣрому цвѣту примѣшивается иногда и рыжій. Особаго промысла на этого хищника въ Камчаткѣ нѣтъ; бьютъ его, по спопутности, на охотѣ за другими животными, вслѣдствіе этого уничтоженія его незамѣтно. Пушистый и прочный мѣхъ волка употребляется жителями на изготовленіе одѣялъ, теплыхъ покрывалъ и на изготовленіе, т. н., кукулей, т. е., большихъ своеобразно сшитыхъ мѣшковъ, употребляемыхъ для спанья въ нихъ зимою въ пути.

Камчатская лисица. Характерною особенностью вообще лисицъ является приспособляемость ея цвѣтнаго покрова къ оттѣнкамъ окружающей мѣстности. Смотря по мѣсту жительства лисицы, или вѣрнѣе, ея родины, цвѣтъ ея мѣха находится въ явной зависимости отъ окружающей среды. Примыкающія къ Камчаткѣ съ сѣвера огромныя тундристыя пространства, постепенные переходы ихъ къ югу въ высокія плоскогорія и затѣмъ въ горы и голыя скалы даютъ полный просторъ къ измѣненію лисьяго мѣха изъ свѣтло рыжаго въ темно-бурый и почти черный цвѣтъ. Разнообразіе характера мѣстности Камчатки съ прилегающими къ ней странами, вѣроятно, и есть причина тому, что лисицы этой страны, являясь однимъ и тѣмъ же

видомъ, представляютъ изъ себя цѣлый рядъ видоизмѣненій (Variet.), исключительно, по цвѣту шерсти ихъ. Видоизмѣненія эти бываютъ на столько разнообразны, что самые лучшіе охотники и знатоки лисьяго мѣха не всегда могутъ ясно опредѣлить, какую лисицу слѣдуетъ признать за чернобурую и какую за красную, а обыкновенно выражаются такъ: та чернѣй, другая краснѣй и пр.

По окраскѣ мѣха камчатскихъ лисицъ называютъ: красная (обыкновенная лиса), огневка (огненно-красная), крестовка (съ темнымъ крестомъ по загривку), сиводушка (темно-сѣрая) и черно-бурая (почти черная съ сѣдою остью).

Камчатскія лисицы, особенно въ сѣверной части полуострова и Гижигинской округѣ, отличаются густотою мѣха и считаются лучшими въ Сибири. Въ предѣлахъ Петропавловской округи ежегодно добывается до 1000 штукъ лисицъ всѣхъ сортовъ, при чемъ чернобурыхъ небольше 10—15. Лучшая чернобурая лисица цѣнится отъ 100—150 руб., худшая—отъ 100—30 руб.; крестовска и сиводушка—15 руб., и обыкновенная—5 рублей. (Цѣны взяты на мѣстѣ отъ жителей, въ 1897 г.). Истребленіе лисицъ въ Камчаткѣ идетъ довольно замѣтно; еще въ 70-хъ годахъ изъ Камчатки вывозили ежегодно до 2000 штукъ, въ прежніе-же годы, особенно въ прошломъ столѣтіи, первые купцы—піонеры вывозили ихъ тысячами.

Песецъ. Еще въ прошломъ столѣтіи, какъ упоминаетъ о томъ Крашенинниковъ, песцовъ въ Камчаткѣ было такое множество, что жители убивали ихъ палками, отгоняя отъ своихъ жилищъ, и мѣхъ ихъ считался самымъ безцѣннымъ. Теперь-же песцевъ добываютъ въ годъ неболѣе 10-15 штукъ.

Песецъ меньше обыкновенной лисицы и по цвѣту мѣха различается—голубой песецъ, съ темно-синеватымъ цвѣтомъ шерсти, и чисто бѣлый. Голубыхъ песцовъ въ Камчаткѣ теперь совершенно нѣтъ.

3. Familia Mustelidae.

6. Mustela Zibelina—L. Соболь.
7. „ erminea—L. Горностай.
8. „ vulgaris—L. Ласка.
9. Lutra vulgaris L. Выдра.
10. Enhydra marina L. Бобръ морской.
11. Gulo borealis L. Росомаха.

Камчатскій соболь отличается длиною ости и густотою пуха; въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ соболей всѣхъ другихъ сибирскихъ окраинъ, и если уступаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ, то только по цвѣту шерсти. Камчатскій соболь свѣтлѣе, напримѣръ, удскаго, витимскаго, но по всѣмъ остальнымъ качествамъ онъ много превосходитъ ихъ. При этомъ замѣчено, что соболя сѣверной части Камчатки (Тигильскіе) темнѣе, тогда какъ южной—свѣтлѣе. Играетъ-ли въ этомъ отношеніи какую либо роль цвѣтъ окружающей мѣстности или, быть можетъ, на окраску соболя вліяетъ яркость зимняго солнца, сказать трудно.

Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ соболя считаются лѣсистые отроги и склоны горъ, особенно истоки горныхъ рѣчекъ. Соболь не заходитъ по горамъ выше предѣловъ лѣсной растительности, но и не спускается, ниже извѣстнаго предѣла, въ долины большихъ рѣкъ, покрытыхъ луговою растительностью или густыми зарослами лиственныхъ деревъ. Для обитанія соболь предпочитаетъ вообще мѣстность съ преобладаніемъ хвойныхъ породъ, особенно кедровыхъ; изъ лиственныхъ-же имъ предпочитается березнякъ и рябина. Заслуживаетъ особаго упоминанія то обстоятельство, что по укинскому побережью Камчатки часто попадаются почти совер-

шенно бѣлые соболя, собственно лимонно—желтаго цвѣта, считающіеся, въ общемъ, явленіемъ рѣдкимъ. Исключительный раіонъ нахожденія этихъ соболей и отличная совершенно окраска шерсти, заставляютъ высказать здѣсь предположенье, не составляетъ-ли этотъ „бѣлый“ соболь какого-нибудь иного вида, какъ легко различимыя разновидности соболей камчатскаго и сахалинскаго. Благодаря общепринятому взгляду торговцевъ, что тотъ соболь цѣннѣе, у котораго цвѣтъ шерсти (ости) и подшерстка темнѣе, шерсть выше и гуще, „бѣлый“ соболь не имѣетъ цѣнности, несмотря на оригинальный цвѣтъ.

Вслѣдствіе особой дикости соболей, жизнь его до сего времени мало изучена. Время беременности соболя съ точностію не опредѣлено, тогда какъ наблюденія въ этомъ отношеніи могли бы оказать большую услугу въ дѣлѣ сохраненія этого цѣннаго звѣрка отъ окончательнаго истребленія. Въ настоящее время охота на соболя производится съ половины октября по 1-е марта, разсчитывая, очевидно, что съ этого времени начинается гонка, спариваніе и беременность собольихъ матокъ. Но если принять во вниманіе, что соболь въ предѣлахъ Камчатскаго полуострова ежегодно уменьшается, то нельзя не усомниться въ томъ, что установленное время охоты на него не захватываетъ, хотя отчасти, періода размноженія его. Иначе трудно объяснить, почему, несмотря на видимую неизмѣняемость камчатской природы и на тоже число охотниковъ, уменьшеніе соболя идетъ быстро впередъ. Еще въ 40-хъ годахъ этого столѣтія, на долю каждаго охотника приходилось убивать соболей въ 5 и даже 10 разъ больше, чѣмъ теперь.

Камчатское населеніе, въ особенности инородческое, занимаясь съ искони вѣковъ преслѣдованіемъ соболя съ цѣлью мѣны его на другіе предметы первой необходимости, какъ—то: чай, хлѣбъ, матеріи, соль, порохъ, свинецъ и т. п., настолько изучило нравъ и образъ жизни этого хищника, что нашло возможнымъ даже различить соболя по его характеру на, т. наз., каменьщика, деньщика и ночника.

Первый своимъ мѣстопребываніемъ избираетъ, обыкновенно, каменистыя мѣстности въ предгоріяхъ хребтовъ, густо поросшихъ зарослями кедровника и ольховника, что дѣлаетъ охоту на него крайне затруднительной и не такъ удачной, какъ на второго, которой характеризуется тѣмъ, что преслѣдуетъ свою добычу, обыкновенно, по днямъ, скрываясь ночью гдѣ нибудь или также въ камняхъ, или въ дуплѣ какого-нибудь дерева, почему охота на него также часто оканчивается неудачей; соболь—деньщикъ, замѣчая издали приближеніе охотника, заблаговременно успѣваетъ убѣжать. Проще всѣхъ добывается соболь „ночникъ“, имѣющій обыкновеніе, подобно каменьщику, охотиться только по ночамъ, а по днямъ мирно спать, забравшись въ дупло старой ермановской березы или тополя, не подозрѣвая, что промышленникъ, очень искусно разбираясь въ запутанныхъ слѣдахъ, быстро находитъ убѣжище и тѣмъ или другимъ способомъ убиваетъ соболя.

Охоту на соболя различаютъ осеннюю „съ собакой“ и зимнюю „переногой“. Начиная съ октября мѣсяца и по ноябрь, иногда позднѣе, словомъ до того времени, когда снѣгъ не станетъ настолько глубокъ, что ѣзда по лѣсу на лошадяхъ прекратится, охотники выѣзжаютъ на лошадяхъ, беря съ собою звѣровыхъ собольихъ собакъ въ мѣста, гдѣ предполагаютъ найти соболей, часто, въ зависимости отъ мѣсности, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своего селенія. Пріученная собака, отыскавъ слѣдъ соболя, преслѣдуетъ его до тѣхъ поръ, пока не заставитъ соболя взбѣжать на дерево; лаемъ, который рѣзко отличается отъ лая на медвѣдя, призываетъ отставшаго хозяина, который, увидавъ соболя, убиваетъ его изъ ружья. Этого рода охота чрезвычайно затруднительна въ той мѣстности долины р. Камчатки, гдѣ растетъ густой еловый лѣсъ. Въ этой чащѣ соболь совершенно незамѣтно ни для собаки, ни для охотника, перебѣгаетъ съ дерева—на дерево по густой хвоѣ и совершенно скрываеся отъ преслѣдованія.—Отправляясь на охоту за соболемъ зимой, промышленникъ вооружается лыжами, ружьемъ, собакой и главное, беретъ, т. наз., «соболью сѣтку». Найдя въ лѣсу свѣжій слѣдъ соболя, охотни-

идетъ по слѣду до тѣхъ поръ, пока не найдетъ мѣста, куда соболь скрылся. Въ зависимости отъ того, будетъ-ли убѣжище соболя утесъ, или одиноко стоящее дерево, или занесенная снѣгомъ чаща кедровника, располагается сѣтка съ разсчетомъ, что выпугнутый соболь не можетъ никуда иначе скрыться, какъ только запутаться въ сѣткѣ.

Окруживъ такимъ образомъ сѣтку, которая разстанавляется при помощи тонкихъ палочекъ, охотникъ, если дѣло происходитъ поздно уже вечеромъ, оставляетъ около сѣти, въ качествѣ сторожа, собаку, подвѣшиваетъ къ сѣти колокольчикъ, а самъ уходитъ даже за нѣсколько верстъ отъ этого мѣста на «становье». Собака добросовѣстно исполняетъ обязанности сторожа, зорко слѣдя за всѣмъ, что происходитъ внутри искусственной изгороди. Соболь, наскучившись дневнымъ сидѣніемъ, къ ночи выходитъ изъ убѣжища, для отысканія себѣ пищи и здѣсь, ища выхода изъ загороди, шевелитъ сѣтку, что въ свою очередь заставляетъ звонить колокольчикъ; собака бѣжитъ на звонъ, хватаетъ соболя и тотъ часъ-же несетъ его къ охотнику; или-же, задушивши соболя, сторожитъ его до возвращенія охотника. Часто случается, что соболь, чувствуя опасность, не выходитъ въ эту ночь, тогда утромъ охотникъ приходитъ и начинаетъ искусственными мѣрами выпугивать и выживать соболя; дерево срубается, или въ дуплѣ его разводится огонь, чтобы дымомъ соболя выйти изъ пріюта, или если соболь скрылся въ кедровникѣ, его начинаютъ пугать, втыкая въ кедровникъ длинную палку „посохъ„" Словомъ, принимаютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы „выжить" соболя. Надо сказать, что и это не всегда удается. Бываютъ, по разсказамъ, случаи, когда звѣрокъ высиживаетъ, томясь голодомъ, по нѣскольку дней въ своемъ убѣжищѣ и промышленникъ, заключивъ, что соболь ушелъ, оставляетъ это мѣсто, даромъ потративъ нѣсколько дней на неудачное преслѣдованье. Всякій промышленникъ различаетъ по слѣду полъ соболя, называя самку «маткой или маточкой» и самца «мужикомъ или мужичкомъ». Никогда по Камчаткѣ не услышишь, чтобы какой-нибудь звѣрь различался на самокъ и самцовъ.

Для предохраненія камчатскаго соболя отъ окончательнаго истребленія, мѣстною администраціею принимаются мѣры, къ числу коихъ относится отводъ заповѣдныхъ мѣстъ, гдѣ охота безусловно воспрещена. Такихъ мѣстъ два—одно въ раіонѣ Кроноцкаго озера, другое на югъ отъ Вилючинскаго вулкана, вдоль восточнаго побережья почти до мыса Лапатки, въ мѣстности, носящей названіе Асача. Насколько данныя мѣстности подходящи для намѣченной цѣли, сказать не рѣшаюсь; скажу только, что, при выборѣ ихъ, очевидно, руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что онѣ совершенно безлюдны и, слѣдовательно, болѣе удобны для сохраненія ихъ заповѣдности. Чтоже касается того, соотвѣтствуютъ ли онѣ по своимъ природнымъ качествамъ всѣмъ условіямъ жизни и размноженію соболя, сказать трудно, пока условія эти не будутъ изучены. Достовѣрно пока то, что заповѣдность мѣстъ «Асачи» и «Кронокъ» введена еще въ 1882 г., несмотря на это, количество соболя продолжаетъ уменьшаться. Для сохраненія соболя, въ послѣднее время сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ живыхъ соболей на Карагинскій островъ, гдѣ, какъ заявляетъ начальство, всѣ природныя условія благопріятствуютъ жизни этого цѣннаго звѣрка. Предполагается, что Карагинскій островъ впослѣдствіи сдѣлается разсадникомъ камчатскаго соболя. Мѣра эта признана цѣлесообразной и достойной поощренія. Не принято, повидимому, одного лишь во вниманіе, почему Карагинскій островъ, несмотря на одобреніе его мѣстною властью, не признанъ самою природою годнымъ для жизни на немъ соболя, котораго, какъ свидѣтельствуетъ исторія завоеванія Камчатки, тамъ никогда не было.

Выдра. Рѣчная выдра водится повсемѣстно въ Камчаткѣ и составляетъ одинъ изъ второстепенныхъ предметовъ промысла. Въ Петропавловской округѣ ежегодно добывается отъ 250—300 выдръ, мѣстная цѣна которымъ, смотря по величинѣ и качеству мѣха, колеблется отъ 5—15 рублей за штуку.

Росомаха. Несмотря на небольшой ростъ и неуклюжее тѣлосложеніе, росомаха принадлежитъ къ самымъ прожорливымъ и, болѣе другихъ, опаснымъ хищникамъ Камчатскаго полу-

острова. Жертвою ея бываютъ не только птицы и мелкія животныя, но даже олени, бараны и домашній скотъ. На крупныхъ животныхъ она набрасывается со скалъ или съ деревъ, куда забирается, обыкновенно, для подкарауливанія добычи. Набросившись, напр., на оленя, росомаха перегрызаетъ ему кровеносныя сосуды на шеѣ и до тѣхъ поръ держится на немъ, пока онъ не упадетъ, истощенный кровью.

По словамъ охотниковъ, росомаха прибѣгаетъ иногда къ слѣдующему оригинальному пріему при нападеніи на дикихъ оленей. Въ горахъ, у подножія обрывовъ и скалъ, по открытой и поросшей мхомъ мѣстности, пасутся олени. Росомаха, забравшись на обрывъ, начинаетъ скатывать одинъ за другимъ камни, сначало небольшіе, затѣмъ все болѣе и болѣе крупные. При первоначальномъ шорохѣ катящихся камней, олени напрягаютъ все свое вниманіе, но потомъ, убѣдившись въ совершенной обыкновенности подобнаго явленія въ горахъ, перестаютъ обращать вниманіе на катящіеся камни и продолжаютъ пастись. Дождавшись этого момента, росомаха свертывается въ клубокъ, и вмѣстѣ съ камнями, сама скатывается по направленію къ оленямъ и здѣсь, выждавъ удобный моментъ, вцѣпляется въ подошедшаго къ ней оленя.

Мѣхъ росомахи у сѣверныхъ инородцевъ въ большомъ употребленіи и почетѣ. Имъ, обыкновенно, отдѣлывается лучшая зимняя одежда и шапки и отдѣлка эта предпочитается всѣмъ другимъ мѣхамъ.

Росомахъ въ Камчаткѣ добывается до 100 штукъ ежегодно.

Изъ остальныхъ видовъ семейства Mustelidae особаго вниманія заслуживаетъ *морская выдра* или *морской бобръ*, называемый иногда *камчатскимъ бобромъ*.

Чудный мѣхъ этаго животнаго привлекъ вниманіе еще первыхъ завоевателей Камчатки, которые включили его въ число мѣховой рухляди, отправляемой въ ясакъ въ Москву. Всестороннія достоинства боброваго мѣха, съ первыхъ же поръ появленія его на рынкѣ, вызвали большой спросъ на него. Вслѣдствіе этого, какъ казаки, такъ равно и объясаченные камчадалы съ особымъ стараніемъ направили свой охотничій пылъ на преслѣдованіе этаго цѣннаго и въ тоже время кроткаго животнаго.

Въ началѣ прошлаго столѣтія бобры водились почти по всему восточному побережью, особенно же на югъ отъ Камчатскаго мыса, почему часть океана, омывающая это побережье, и носила названіе „боброваго моря“. Первые завоеватели Камчатки безъ особаго труда собирали въ ясакъ по нѣсколько „сороковъ“ бобровыхъ шкуръ, цѣна на которыхъ была не выше цѣны на соболя или лисицу и во всякомъ случаѣ гораздо дешевле шкурки росомахи. Къ концу прошлаго столѣтія, съ появленіемъ въ камчатскихъ водахъ партій различнаго рода промышленниковъ, особенно же съ появленіемъ въ нашихъ сѣверныхъ водахъ промысловыхъ американскихъ шкунъ, численность камчатскихъ бобровъ начала сильно уменьшаться. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, многія изъ бобровыхъ лежбищъ окончательно опустѣли, а въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывали годы, когда бобровъ въ Камчаткѣ совершенно не было видно. Въ настоящее время имѣется одно лишь бобровое лежбище на юго-восточной оконечности полуострова, въ раіонѣ мысовъ Желтаго и Лапатки, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вновь появились бобры и куда, начиная съ 1893 года, ежегодно отряжается мѣстной администраціей, для охраны лежбища отъ хищническихъ шкунъ, команда, состоящая изъ двухъ казаковъ и 5 частныхъ охотниковъ.

Командѣ этой вмѣняется: 1) не позволять хищническимъ шхунамъ высаживать на берегъ своихъ промышленниковъ для добычи бобровъ и вообще животныхъ въ предѣлахъ юго-восточной части полуострова, 2) Промышлять бобровъ, но не иначе какъ только сѣткою и при томъ не болѣе двухъ штукъ на каждаго человѣка, входящаго въ составъ команды и 3) охотиться на всѣхъ животныхъ, кромѣ соболей, и не производить ружейныхъ выстрѣловъ ближе 9—10 верстъ отъ боброваго лежбища. Это послѣднее обстоятельство предусмотрѣно потому, что бобръ принадлежитъ къ самымъ боязливымъ и крайне нервнымъ животнымъ. Ружейные выстрѣлы не

только отгоняютъ бобровъ отъ лежбища, но, пугая ихъ, сильно вліяютъ на правильность половыхъ отправленій, а слѣдовательно и на размноженіе, чѣмъ, между прочимъ, и объясняется быстрое уничтоженіе этого животнаго съ появленіемъ въ Камчаткѣ огнестрѣльнаго оружія.

Добытые охранною командою бобры продаются въ Петропавловскѣ съ аукціона, при чемъ половина вырученной суммы выдается командѣ, а остальная часть поступаетъ въ доходъ казны. Въ 1894 году, напр., команда доставила въ Петропавловскъ 13 бобровъ, которые и были проданы за 7027 руб.

Судя по оффиціальнымъ донесеніямъ окружнаго начальства, цѣль охраны достигнута. Въ 1893 году, къ бобровому лежбищу подходили двѣ хищническія шхуны и хотѣли высадить часть своей судовой команды (болѣе 20 человѣкъ) для промысла бобровъ, но узнавъ о существованіи береговой охраны, удалились. Въ послѣдующіе годы партіи хищниковъ хотя и не появлялись на берегу у лежбища, но шхуны ихъ неоднократно были видимы крейсерующими вдоль берега и вокругъ мыса Лапатки. Результаты отъ охраны получились слѣдующіе: въ 1888 году, по словамъ охотниковъ, бобровъ на лежбищѣ было не болѣе 20; въ 1894 году количество ихъ опредѣлено командою, примѣрно, отъ 50—80, въ слѣдующіе же годы численность ихъ, повидимому, увеличилась еще больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширилось и распространеніе ихъ. Въ настоящее время на юго-восточной оконечности полуострова образовались уже два лежбища и кромѣ того, есть слухъ, основанный, впрочемъ, пока на разсказахъ жителей, что бобры появились и на прежде бывшихъ когда то лежбищахъ, болѣе сѣвернѣе, а именно у м. Столбового (достовѣрность этихъ свѣдѣній пока еще не подтверждена).

2. Ordo Glires.

4. Familia Sciuridae.

12 Arctamys monax—L. Сусликъ пищуха.
13 „ bobak—Jchrb. Тарбаганъ.
14 „ citillus—Pall Еврашка.
15 Arvicola Kamtschatica Nicolsk. Пеструшка.
16 „ rutilus Pall Пеструшка-красная.
17 „ wosnessenskii Nicolsk. Пеструшка Вознесенскаго.
18 „ rufocanus—sundev.

5 Fam. Muridae.

19 Mus decumanus Pull *) Крыса пасюкъ.
20 „ musculus L. **) мышь домовая.

6 Famil. Leporidae.

21 Lepus variabilis wagn.—Заяцъ бѣлякъ.
22 „ alpinus Pall. Сѣноставецъ.

Изъ всѣхъ грызуновъ, водящихся на Камчатскомъ полуостровѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемые, красный мышенокъ или „лэлькочъ“ и сѣроватаго цвѣта „медвѣжонокъ“ или „чимокочъ“, играющіе видную роль въ экономической жизни камчатскаго, какъ русскаго, такъ и еще болѣе инородческаго населенія. Какъ тотъ, такъ и другой видъ собираютъ большія количества сараны и кемчиги въ своихъ подземныхъ жилищахъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ норъ, называемыхъ мышиными амбарами или атпучами. Этими запасами жители пользуются, отправляясь, (главнымъ образомъ женщины и дѣти), въ августѣ и сентябрѣ, на „осенній—бабій промыселъ“. Каждая промышленница, вооруженная длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ «посошкомъ или теликашкой» бродитъ, по обширной тундрѣ, изрытой маленькими грызунами, и то и дѣло втыкаетъ посохъ въ рыхлую тундровую почву, заключая по

*) Завезена на судахъ.

**) Домовой мыши, по словамъ жителей, нѣтъ въ Камчаткѣ.

получающемуся звуку и ощущенію о присутствіи или отсутствіи саранныхъ или кемчижныхъ складовъ. Разъ атнучъ найденъ, его разрываютъ и весь наличный запасъ ссыпаютъ въ травяные мѣшки „ачалы". Иногда количество сараны или кемчаги такъ значительно въ одномъ гнѣздѣ, что ихъ хватаетъ на полную ношу. Названіе, данное Палласомъ „Myodes oeconomus" виду краснаго цвѣта, болѣе соотвѣтствовало-бы второму виду сѣроватаго цвѣта, который жителями считается „самой хозяйственной" мышью. Относительно періодичности появленія ихъ на полуостровѣ должно сказать, что, и въ настоящее время, среди камчадаловъ западнаго берега существуютъ разсказы, какъ о томъ вскользь упоминаетъ Erman въ своемъ „Reise die Erde B. III". о перенесеньи мышей моремъ съ какихъ то далекихъ островковъ. Чтобы не утонуть мыши пользуются морской пѣной; обволокнутыя ею онѣ несутся по морю къ берегамъ Камчатки и здѣсь вѣтромъ выбрасываются цѣлыми тысячами на берегъ, всѣ мокрыя и обезсиленныя тяжелымъ путемъ. Названье упомянутаго здѣсь вида „медвѣжонка" находитъ свое объясненіе въ томъ, что, по разсказамъ, сохранившимся среди тѣхъ-же западно-береговыхъ камчадаловъ, на этотъ видъ мыши охотился, какъ за медвѣдемъ, камчадальскій лѣсной духъ Пихлячъ, рисуемый обыкновенно человѣкомъ самаго маленькаго роста „какъ ребенокъ", который разъѣзжаетъ на крохотной нарточкѣ, запрягавшейся или соболями, или бѣлыми куропатками, или даже медвѣдями; такихъ ѣзжалыхъ звѣрей и теперь отличаютъ камчадалы.—Мѣстомъ распространенія этихъ полевыхъ служатъ низменности, луга и тундры, поросшія или сараной или кемчигой. Во всякомъ случаѣ за предѣлы древесной растительности виды эти не идутъ. Напротивъ того, два вида Arctomys, именно monax и bobak, водятся исключительно въ хребтахъ, избирая своимъ мѣстожительствомъ пустоты между голыхъ горныхъ утесовъ, нѣмую тишину которыхъ изрѣдко нарушаютъ своимъ свистомъ. Arctomys citillus водится какъ въ высокихъ хребтахъ, такъ и по открытымъ низменностямъ, доходя до самаго моря. Нѣкоторое значенье въ промысловомъ отношеніи имѣетъ токлько Arctomys bobak, теплой и прочный мѣхъ котораго изрѣдка идетъ среди инородцевъ на шитье руковицъ, опушку къ нимъ, на шапку и еще рѣже на продажу русскимъ. Что касается до домашней мыши, то долженъ сказать, что ни мнѣ самому, ни кому-либо изъ жителей, которыхъ приходилось объ этомъ спрашиватѣ, видѣть этого звѣрка не удавалось; точно также и другой видъ этого семейства—крыса, надо думать, была сюда завезена на судахъ, что можетъ подтверждать ея послѣдовательная область распространенія. Первоначальными пунктами были Петропавловскъ и Усть-Камчатскъ, отсюда крысы были завезены вверхъ по рѣкамъ въ селенья Авачу, Сѣроглазку, Старый острогъ и Коряки и по рѣкѣ Камчаткѣ въ Нижне-Камчатскъ.

Зайцевъ въ Камчаткѣ очень много; особой охоты на нихъ не существуетъ, такъ какъ мѣхъ не имѣетъ достаточнаго сбыта и въ незначительномъ употребленіи среди жителей.

3 Ordo.

7 Fam. Cavicornia Artiodactyla.

23 Ovis argali—каменный баранъ.

8 Fam. Cervidae.

24 Cervus tarandus L.—олень.

Изъ covicornia слѣдуетъ упомянуть ovis argali, извѣстнаго въ Камчаткѣ подъ названіемъ барана; ихъ только одинъ видъ. Животное это держится почти повсемѣстно въ камчатскихъ хребтахъ и составляетъ собою немаловажный предметъ охоты для всего камчатскаго поселенія, благодаря теплому мѣху и очень нѣжному мясу. Для охоты за баранами промышленники отправляются партіями въ нѣсколько человѣкъ для того, чтобы преградить всѣ доступные баранамъ выходы изъ утесовъ, въ которыхъ они, обыкновенно, держатся, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ многочисленныхъ враговъ—человѣка, медвѣдя, волка и росомахи.—По разсказамъ охотниковъ, это чрезвычайно подвижное, вполнѣ горное, животное отличается замѣчательной ловкостью, доходящей до вертуозности при скачкахъ и перебѣгиваніи среди отвѣсныхъ утесовъ. Мнѣ передавали промышленники—инородцы, какъ фактъ, что баранъ, не находя иного выхода изъ спа-

сительныхъ камней, бросается съ 10-ти саженной кручи внизъ и, падая на свои красиво загнутые рога и отчасти на грудь, какъ ни въ чемъ не бывало, вскакиваетъ и бѣжитъ далѣе. Говорятъ, что баранъ свободно пробѣгаетъ по отвѣсной плоскости скалы, имѣя опорой для ногъ закраину едва въ ладонь ширины и, удивительнымъ образомъ, сохраняя при этомъ равновѣсіе. Наиболѣе удобнымъ временемъ для охоты за баранами считаются мѣсяца ноябрь, декабрь и январь, когда всѣ непролазныя чащи ольховника и кедровника, одѣвающихъ подножіе хребтовъ, забиваются снѣгомъ, открывая тѣмъ доступъ охотникамъ къ „бараньимъ камнямъ“, Когда-же начинаются оттепели и твердый, какъ ледъ, горный снѣгъ покрывается гладкой ледяной коркой, охота за баранами прекращается, потому что подъемъ для преслѣдованія барановъ въ хребтахъ становится опаснымъ. Малѣйшая оплошность охотника, одинъ невѣрно разсчитанный шагъ грозитъ паденіемъ съ высоты десятковъ и сотенъ футовъ. Не мало существуетъ разсказовъ о такихъ паденіяхъ, сопровождавшихся не только смертью, но и совершенной потерей охотника въ пропостяхъ, недоступныхъ человѣку.

Изъ cervidae—только одинъ видъ—это Cevus Tarandus L. Надо однако сказать, что необходимо различать здѣсь, если не два совершенно самостоятельныхъ вида, то, по крайней мѣрѣ, двѣ разновидности сѣвернаго оленя, какъ дикаго и домашняго. Различіе между ними рѣзко бросается въ глаза даже видящему оленя въ первый разъ. Дикій олень значительно крупнѣе ростомъ, рога его не такъ вѣтвисты, но большей величины, чѣмъ у домашняго, копыта, при побѣжкѣ, разставляются гораздо шире и цвѣтъ шерсти однообразный сѣрый. Шкура дикаго оленя больше и крѣпче, почему и предпочитается жителями шкурѣ домашняго, для выдѣлки различной одежды. Изъ оленьихъ шкуръ выдѣлываются, главнымъ образомъ, торбаса (родъ обуви) лѣтніе или „кожаные“, которые отличаются отъ зимнихъ или, „камасныхъ“, не только кройкой, но и матеріаломъ, получаемымъ изъ узкихъ полосокъ шкуры, снимаемой съ ногъ оленя.—Изъ той-же ножной шкуры дѣлаются зимнія руковицы „камасныя“. Мѣхъ барана считается послѣ медвѣжьяго самымъ теплымъ и потому изъ него шьются, такъ называемые, кукули, представляющіе собою мѣховыя мѣшки, въ которыхъ спятъ инородцы и камчатскіе русскіе во время своихъ зимнихъ поѣздокъ

4. Ordo—pinnipedia.

9. Familia Trichechidae.

25 Trichecus rosmarus L. моржъ.

10 Familia Phocidae.

26 Phoca vitulina L. нерпа обыкновенная.
27 „ nautica Pall. лахтакъ, кыку, колша, комъ.
28 „ equestris Pall. крылатка, ныкулгу.
29 „ larha Pall. нерпа черная.
30 „ ochotensis Pall. тюлень охотскій, мараку.
31 Otaria Stelleri Less. сивучъ.
32 „ ursina Desm. котикъ.

Этомъ отрядъ морскихъ животныхъ представляетъ собою глубокій интересъ потому большому значенію въ краѣ, какое онъ имѣетъ въ экономической жизни всего камчатскаго населенія.—Несмотря однако на то, что моржевые клыки представляютъ собою значительную цѣнность, по сравненію со всѣми продуктами, получаемыми отъ остальныхъ ластоногихъ, на первое мѣсто по экономическому значенію должно поставить обыкновенную нерпу (Phoca vitulina).—Область ея распространенія, по словамъ мѣстныхъ жителей, весьма обширная, занимая собою почти сплошь все побережье полуострова, какъ по восточную такъ и по западную сторону держась преимущественно въ мѣстахъ произрастанія морской капусты и вблизи устьевъ рыбныхъ, болѣе значительныхъ, рѣкъ, по которымъ нерпы, говорятъ, поднимаются за рыбой вверхъ часто на значительное разстояніе. Въ Авачинской бухтѣ нерпы, несмотря на постоянное пре-

слѣдованіе со стороны промышленниковъ г. Петропавловска и селеній Озерного, Николаевскаго, Авачи, Паратунки, Сѣроглазски, Хутора и Стараго острога, все еще держатся въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ, выходя на берегъ на береговые камни, затапливаемые при приливѣ водою. Мѣста такихъ выходовъ многочисленныхъ стадъ нерпъ на берегъ извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „лежбищъ". Главный промыселъ ведется западно-береговыми камчадалами, селенія которыхъ расположены обыкновенно недалеко отъ моря и по такимъ рѣкамъ, въ устьяхъ которыхъ всегда держатся нерпы. Охота производится ружьями и особыми гарпунами, такъ наз. нерпячьими спицами. Изъ ружей стрѣляютъ нерпъ, плавая весною въ морѣ на своихъ утлыхъ лодкахъ „батахъ"; спицами-же закалываютъ звѣря, осторожно подкрадываясь къ нему на лежбищѣ, или подкарауливая нерпу вблизи берега, когда она занята ловлей, держащейся вблизи самаго берега, мелкой рыбы.—Добытая нерпа почти вся идетъ въ употребленіе: кожа выдѣлывается и идетъ на шитье особыхъ дорожныхъ сумъ и мѣшковъ „калаусовъ", на подбивку необходимыхъ въ жизни камчадала лыжъ, на шитье торбасовъ, на подошвы къ нимъ, на ремни, требующіеся при стройкѣ нартъ, главнымъ образомъ, и всей собачьей упряжи. Жиръ идетъ въ пищу людямъ и на освѣщеніе; мясо, несмотря на его непріятный вкусъ и какой то особый запахъ, идетъ въ пищу; даже желудки не выбрасываются, а берутся, тщательно вымываются и служатъ своеобразными сосудами для храненія оленьей крови, жира нерпы, или-же служатъ поплавками для поддерживанія рыболовныхъ сѣтей. Изъ многочисленныхъ видовъ Phoca жителями Камчатки различаются: нерпа, лахтакъ, отличающійся отъ первой большой сравнительно величиной и окраской, и школьникъ, значительно меньшихъ размѣровъ сравнительно съ обыкновенной нерпой. Что касается до крылатой нерпы, то говорятъ, что она водится только въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Камчатскаго побережья. Къ жителямъ долины р. Камчатки нерпичьи шкуры идутъ большею частію отъ торгоцевъ, или-же непосредственно отъ береговыхъ камчадаловъ. Только жители селеній нижняго теченія Камчатки, т. е. Усть-Камчатска, Нижне-Камчатска и Камаковъ, имѣютъ возможность самостоятельно заниматься морскимъ, т. е., нерпичьимъ промысломъ. Шкуры упомянутыхъ разновидностей нерпъ или-же видовъ имѣютъ въ камчатскомъ обиходѣ одинаковое примѣненіе. Сивучъ почти не имѣетъ промысловаго значенія въ краѣ потому, что мѣстопребываніе его ограничивается по восточному берегу Камчатки каменистыми мысами, далеко отъ остальныхъ селеній, кромѣ Петропавловска и Усть-Камчатска, почему если и удается въ иной годъ добыть нѣсколько шкуръ этого звѣря, то только жителями названныхъ поселеній, располагающихъ нѣсколькими шлюпками, позволяющими совершать переѣзды въ морѣ. Сивучій ремень и сивучьи подошвы, благодаря своей прочности, имѣютъ еще большую цѣнность, чѣмъ лахтачьи. По западному берегу мнѣ называли единственное лежбища у мыса Утхолокскаго, или, по мѣстному, Оклянай, гдѣ сивучей собирается до нѣсколькихъ ,будтобы, тысячъ, но и здѣсь охотятся на нихъ только камчадалы Утхолокскаго селенія, довольствуясь нѣсколькими штуками. Охота на нихъ здѣсь сопряжена съ значительными затрудненіями потому, что мѣстность, гдѣ собираются сивучи, совершенно недоступна съ моря и только съ трудомъ съ суши, представляется собою груду, хаотически набросанныхъ другъ на друга, утесовъ.

Моржъ, водившійся ранѣе, какъ видно изъ описаній Крашенинникова, Стеллера и указаній Диттмара, почти по всему восточному побережью Камчатки, теперь, по сообщеніямъ охотниковъ, водится только за Шипунскимъ мысомъ, да на островѣ Карагинскомъ, что-же касается до предположеній нѣкоторыхъ о нахожденіе моржей у мысовъ Кроноцкаго, Камчатскаго и Столбового, то предположенія эти нуждаются въ провѣркѣ. Отъ моржа берется только кость, т. е. клыки, и шкура. Клыки сбываются промышленниками мѣстнымъ торговцамъ по 15—25 рублей за пудъ; шкура-же разрѣзывается на двое и идетъ на подошвы.

Котикъ морской, собственно говоря, въ Камчаткѣ не водится, а заходитъ на рифы юго-восточной оконечности этого полуострова въ то время, когдя совершаетъ обычный свой переходъ изъ южныхъ морей къ Камондорскимъ островамъ, или обратно. Изъ такихъ мѣстъ, ко-

торыя болѣе всего посѣщаются морскими котиками, при ихъ переходахъ, указываютъ на мысы, Козлова и Столбового, гдѣ, какъ многіе думаютъ, котикъ иногда остается и на болѣе долгое время, для совершенія половыхъ отправленій.

5 O. Cetacea.

11 F. Balaenidae.

33 S. Balaena australis Desm. Китъ южный.

12 F. Balaenopteridae.

34 Balaenoptera longimana Rad. китъ полосатый

35 „ musculus L.—широкомордый.

36 „ rostrata Fabr—остромордый.

36 „ boops—головачъ.

13 F. Catodontidae.

38 Catodon macrocephalus Плевунъ.

14 F. Delphinidae.

39 Orca gladiator Lacepede касатка.

40 Delphinapterus leucas Pall. Бѣлуха, Ситъ.

Китъ. Судить о томъ, какіе изъ перечисленныхъ видовъ китовъ водятся, въ настоящее время, въ водахъ омывающихъ Камчатку, я не рѣшаюсь, потому что видѣть ихъ лично нетолько въ цѣломъ видѣ, но и по частямъ, мнѣ не удалось; поэтому приходится ограничиться только немногими свѣдѣніями, сообщенными мнѣ мѣстными жителями, которые различаютъ по величинѣ и по присутствію или отсутствію, т. н., усовъ, отчасти по окраскѣ, три вида: усатый или большой китъ, полосатикъ и самый малый по величинѣ—безусый. Животныя эти болѣе знакомы жителямъ западнаго берега, чѣмъ восточнаго, что зависитъ, вѣроятно, отчасти отъ того, что населеніе охотскаго побережья гуще, чѣмъ берингова и тихоокеанскаго, почему жители имѣютъ случай, при своихъ поѣздкахъ по побережью, чаще натолкнуться на выброшанную моремъ тушу кита, въ то время какъ восточный берегъ, почти совершенно пустынный, только на незначительной полосѣ посѣщается жителями; слѣдовательно, здѣсь выбрашенный китъ чаще остается незамѣченнымъ; кромѣ того, можно думать, что на охотское побережье на самомъ дѣлѣ выкидывается больше китовъ, чѣмъ на восточное потому, что первое представляетъ собою границу бассейна, сравнительно съ океаномъ, незначительнаго, притомъ замкнутаго, въ которомъ носимые по поверхности, такъ или иначе, ускользнувшіе отъ промышленниковъ—хищниковъ, киты не могутъ ни куда дѣться, и должны быть прибитыми въ концѣ концовъ къ берегу. Вотъ почему я думаю, что утвержденіе инородцевъ, что въ Охотскомъ морѣ китовъ больше, чѣмъ въ Беринговымъ и въ части Тихаго океана, омывающей юго-восточную оконечность Камчатки, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ. Самими жителями полуострова киты въ настоящее время не промышляются, да и въ дошедшихъ до насъ описаніяхъ другихъ путешественниковъ нѣтъ указаній на то, промышлялись-ли киты ранѣе. По разсказамъ, инородцы, особенно западнаго берега, довольствуются случайно находимыми, какъ замѣчено, выброшенными китами, находящими, по странной случайности, свою могилу на сушѣ, съ которой нѣкогда они удалились въ море, приспособивъ и премѣнивъ свою организацію. Наибольшую цѣнность у инородцевъ имѣютъ большой или усатый китъ, достигающій, по разсказамъ, громадной величины, 17—20 саженъ. Нашедшій пользуется правомъ взять себѣ нижнечелюстныя кости, вся-же остальная туша дѣлится по ровну между жителями селеній не только тѣхъ, между которыми китъ былъ выбрашенъ, но и между болѣе далекими, для чего жители о подобной находкѣ извѣщаются. Берется, главнымъ образомъ, жиръ и мясо, если свѣжее, да болѣе толстые ребра, нижнечелюстныя кости и усы, если они еще сохранились. Жиръ и мясо идутъ въ пищу, какъ людямъ, такъ и собакамъ, а изъ костей, которыя весьма тщательно распиливаются на тонкія пластинки, дѣлаются подрѣзы къ нартовымъ полозьямъ для преданія нартѣ большой катkости въ весен-

ное время года, когда снѣгъ начинаетъ таять и прилипать къ деревяннымъ полозьямъ. Усы идутъ въ продажу мѣстнымъ торговцамъ. Говорятъ, что за послѣдніе годы количество выбрасываемыхъ моремъ китовъ значительно уменьшилось и еще продолжаетъ уменьшатся, что зависитъ, по всей вѣроятности, отъ хищническаго избіенія китовъ въ нашихъ водахъ американцами, увозящими ежегодно изъ однаго Охотскаго моря продуктовъ китобойнаго промысла на нѣсколько милліоновъ долларовъ.

Изъ сем. Delphinidae называютъ касатку и бѣлуху.—Ни то, ни другое животное въ настоящее время жителями не промышляется, развѣ только случайно удается жителямъ Тигиля убить одну или двѣ бѣлухи въ лѣто. Животное это поднимается большими стадами съ началомъ прилива вверхъ по рѣкѣ Тигилю, подобно нерпамъ для преслѣдованія рыбы, приблизительно на 20—25 верстъ, на какомъ разстояніи дѣйствія прилива болѣе незамѣтно, и съ отливомъ снова сплываютъ въ море. Явленіе это можно ежедневно наблюдать на устьѣ р. Тигиля. Побывавшій въ Усть-тигильскомъ поселкѣ, вѣроятно, обращалъ вниманіе на нѣсколько сравнительно небольшихъ якорей и обрывки желѣзныхъ цѣпей. Это, передаютъ тамошніе жители, остатки нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ существовавшаго здѣсь бѣлуховаго промысла, начатаго, будтобы, однимъ изъ кампаніоновъ бывшей Россійско-Американской К⁰ г. Пауэрсомъ и уже вскорѣ прекратившагося. Отъ бѣлухи жителями берется только жиръ, идущій исключительно въ качествѣ освѣтительнаго матеріала.

СПИСОКЪ ПТИЦЪ

камчатской фауны, составленный по сочиненію Dr. L. Taczanowski: «Faune ornithologique de la Sibèrie orientale". Première partie, st-Petersbourq, 1891 и oeuvre postume st-Pet., 1893 *).

Fam. Falconidae

A. Tribu Aquilinae (Орлы)

I Genre Aquila

1) Aquila chrysaetos daphanea. Камчатка. Найденъ Дыбовскимъ въ 1882 г., описанъ Hodgson de l'Himalaya. Очень рѣдокъ.

II Genre Haliaetus (Морской орелъ).

2) Haliaetus albicilla Камчатка и о-ва Командорскіе, (Дыбовскій Стейнегеръ).

3) Haliaetus leucocephalus. Командорскіе о-ва (Стеллеръ). о-въ Берингъ (Стейнегеръ), пол. Камчатка (Киттлицъ, Вознесенскій, Дыбовскій).

4) Haliaetus pelagicus Камчатка, по р.р. Камчаткѣ, Большой, Тигилю, Седанкѣ, Авачѣ и др. О-ва Командорскіе (Стейнегеръ и Гребницкій).

B. Tribu Pandioninae

I Genre Pandion

5) Pandion haliaetus. Очень многочисленъ въ Камчаткѣ, изрѣдка на Командорскихъ о-вахъ (Дыбовскій, Стейнегеръ).

C. Tribu Buteoninae (сарычъ).

I Genre Archibuteo

6) Archibuteo lagopus. Въ небольшомъ количествѣ на Камчаткѣ (Дыбовскій). Иногда на о-вахъ Командорскихъ. (Дыбовскій и Стейнегеръ).

D. Tribu Falconinae (соколы).

I Genre Hierofalco

7) Hierofalco islandus о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

8) Hierofalco rusticolus. Камчатка, о-ва Командорскіе. (Гребницкій, Стейнегеръ).

II Genre Falco.

9) Falco communis. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

10) Falco communis pealei, о-ва Командорскіе, о-въ Берингъ.

11) Falco subbuteo (дербничекъ) Камчатка. о-ва Командорскіе.

E. Tripu Asturinae (коршуны).

I Genre Astur.

12) Astur Candidissimus Камчатка, особенно на восточномъ берегу и по берегамъ маленькихъ рѣкъ, нѣтъ около Петропавловска (Палласъ, Шренкъ, Калиновскій, Дыбовскій).

II Genre Accipiter (голубятникъ).

13) Accipiter nisus Камчатка.

Fam. strigidae (совы).

I Genre Surnia.

14) Surnia ulula Камчатка (Дыбовскій).

II Genre Nyctea

15) Nyctea nivea (бѣлая сова) Камчатка (Дыбовскій), Мѣдный остр. (Стейнегеръ).

III Genre Syrnium.

16) Syrnium lapponicum. По Стеллеру встрѣчается на Ленѣ и въ Камчаткѣ, Дыбовскій же ненашелъ ее на этомъ полуостровѣ.

IV Genre Otus.

17) Otus accipitrinus. Камчатка и Командорскіе острова. (Дыбовскій).

Fam. Cypselidae (стрижи)

I Genre Cypselus.

18) Cypselus pacificus. Во всей восточной Сибири до Камчатки и острововъ Командорскихъ.

Fam. Hirundinidae (ласточки)

Genre Hirundo.

---

*) Mémoires de l'Académie Impériale des Scienes de st-Petersbourg, VII-e série, Tome XXXIX.

19) Hirundo rustica gutturalis. Единственный экземпляръ, доставленный Дыбовскимъ, убитъ въ окрестностяхъ Петропавловска 4 іюня 1882 г.

20) Hirundo rustica Tytleri. По свидѣтельству докт. Дыбовскаго прилетаетъ въ Камчатку въ іюнѣ и покидаетъ ее въ августѣ. Иногда—на остр. Беринга.

II Genre Chelidon.

21) Chelidon urbica lagopoda. По свидѣтельству Палласа—въ восточной Сибири до Камчатки включительно. Дыбовскій однако не нашелъ тамъ ея.

III Genre Cotyle.

22) Cotyle riparia. Камчатка, о-ва Командорскіе (Стеллеръ и Дыбовскій).

Fam. Certhiadae.

I Genre sitta.

23) Sitta europaea albifrons. Камчатка (Киттлицъ, Стейнегеръ).

Fam. Timelidae.

I Genre Troglodytes (троглодиты).

24 Troglodytes Pallescens. О-ва Командорскіе.

II Genre Cinclus (cincle de Pallas).

25) Cinclus Pallasi. Камчатка (Billings) Послѣдующіе изслѣдователи не находили ее тамъ.

Fam. Sylvudae.

I genre Calamodyta.

26) Calamodyta ochotensis. Камчатка, остр. Берингъ, случайно о-ва Командорскіе.

II Genre Locustella.

27) Locustella Lanceolata. По всей Сибири до Камчатки включительно (Дыбовскій и Годлевскій).

II Genre fhyllopneuste.

28) fhyllopneuste borealis. Очень распространена въ Камчаткѣ, особенно въ окрестностяхъ Петропавловска (Дыбовскій). Случайно на остр. Командорскихъ (Стейнегеръ).

29) Phyllopneuste borealis xanthodryas. Камчатка (Вознесенскій, (Стейнегеръ).

IV Genre Lusciniola.

30) Lusciniola (bec-fin) Homeyeri. По свидѣтельству Дыбовскаго этотъ видъ довольно рѣдокъ въ Камчаткѣ, встрѣчался въ сентябрѣ въ окрестностяхъ Тигиля.

Tribu Turdinae (сѣрые дрозды).

I genre Turdus.

31) Turdus pilaris. Предположеніе Steller'a, относительно нахожденія этого вида въ Камчаткѣ, сомнительно.

32) Turdus fuscatus. Камчатка и Командорскіе острова. Единственный экземпляръ на остр. Берингъ убитъ Steineger'омъ 3 іюня 1883 г.

33) Turdus obscurus. Камчатка и о-въ Берингъ.

II genre Cyanecula.

34) Cyanecula suecica. Въ небольшомъ числѣ найдена Дыбовскимъ въ концѣ августа на горахъ Ключевской и Толбачинской. Въ другихъ мѣстахъ на Камчаткѣ нигдѣ не замѣчена.

III genre Erithacus.

35) Erithacus calliope. Камчатка, о-въ Берингъ въ большомъ количествѣ. О-ва Командорскіе случайно (Миддендорфъ, Дыбовскій, Гмелинъ).

IV genre Nemura.

36) Nemura cyanura. Рѣдка въ Камчаткѣ, случайно на о-вахъ Командорскихъ

Fam. Motacillidae. (плиски, трясогузки).

I genre Motacilla.

37) Motacilla ocularis. Нѣсколько экземпляровъ въ Камчаткѣ, въ окрестностяхъ Петропавловска во время весенняго перелета найдены Дыбовскимъ. Стейнегеръ—одинъ экземпляръ на о-вѣ Беринга 10 іюня 1882 г.

38) Motacilla lugens. Камчатка и о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

II genre Calobates.

39) Calobates melanope. Камчатка (Гмелинъ) и о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

III genre Budytes (трясогузка).

40) Budytes flava. Камчатка, о-ва Командорскіе и о-въ Берингъ.

41) Budytes citreola. Pallas указываетъ на Камчатку, какъ на мѣстопребываніе этой птицы. Дыбовскій же не нашелъ ее тамъ.

IV genre Pipastes.

42) Pipastes maculatus. Камчатка (Ды-

бовскій.

V genre Anthus.

43) Anthus gustavi. Камчатка и о-въ Берингъ. Въ болотистой мѣстности и вблизи рѣкъ (Дыбовскій).

44) Anthus cervinus- Камчатка ио-въ Берингъ. (Описанъ Палласомъ по экземплярамъ, доставленнымъ Биллингсомъ

45) Anthus pensilvanicus. Найденъ Дыбовскимъ въ Камчаткѣ по Седанкѣ и Тигилю.

Fam. Alaudidae (жаворонки).

I genre Alauda (полевой жаворонокъ)

46) Alauda arvensis japonica. Камчатка и о-ва Командорскіе (Стеллеръ и Палласъ.

Fam. Paridae (зиньки).

I genre Parus.

47) Parus ater. Камчатка.

II genre Poecilia.

48) Poecile palustris Kamtschatkensis. Исключительно на Камчаткѣ (Стейнегеръ).

III genre Mecistura (mesandes).

49) Mecistura caudata. Камчатка.

Fam. Ampelidae (болтуны).

I genre Ampelis.

50) Ampelis garrulus. Камчатка.

Fam. Muscicapidae (мухоловки).

I genre Erythrosterna.

51) Erythrosterna parva albicilla Камчатка, о-въ Берингъ (Дыбовскій и Стейнегеръ).

II genre Hemichelidon.

52) Hemichelidon sibirica. Камчатка (Стеллеръ и Дыбовскій), о-въ Берингъ (Дыбовскій.

Fam. Lanidae (сороки).

I genre lanius.

53) Lanius major, Камчатка и о-въ Берингъ (Дыбовскій).

II genre Otomela (piè-grièche à queue rousse)

54) Otomela phoenicura. Камчатка (Дыбовскій).

Fam. Corvidae.

I genre garrulus.

55) garrulus Brandti. Указаніе Палласа относительно нахожденія этого вида на югъ полуострова Камчатки недостовѣрно: Дыбовскій не нашелъ его тамъ, отрицаютъ его пребываніе тамъ и обитатели Камчатки.

II genre Pica.

56) Pica caudata leupcotera. Камчатка (Полласъ, Дыбовскій и Стейнегеръ).

III genre Corvus (вороны corbeau).

57) Corvus corax kamtschaticus, Камчатка.

58) Corvus corone orientalis corneille. Камчатка (Дыбовскій).

IV genre Nucifraga (casse-noix).

59) Nucifraga caryocatactes. Камчатка.

Fam. Fringillidae.

A. Tribu Emberizinae (овсянки).

I genre Plectrophanes.

60) Plectrophanes nivalis ortolan de neige Камчатка (Дыбовскій).

61) Plectrophanes nivalis Townsendi. О-ва Командорскіе и о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

II genre Calcarius (le bruant de Laponie).

62) calcarius lapponicus. Камчатка, съ конца марта или начала апрѣля до октября. О-въ Берингъ (Дыбовскій).

III genre Emberiza.

63) Emberiza rustica. Въ Камчаткѣ—во время перелетовъ, лѣтомъ не встрѣчается. Также на о-вѣ Беринга, но рѣдко.

64) Emberiza cioides. Стеллеръ вслѣдъ за Палласомъ отмѣчаетъ Камчатку, какъ мѣстопребываніе этой птицы. Дыбовскій однако не нашелъ тамъ ее.

IV genre Schoenicola.

65) Schoenicola schoeniclus. Камчатка (Дыбовскій).

V genre Euspiza.

66) Euspiza areuola Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ).

67) Euspiza variabilis. На Камчаткѣ—рѣдка (наблюдалась Дыбовскимъ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля). Одинъ экземпляръ пойманъ Steineger'омъ на о-вѣ Беринга 11-го іюня 1883 года.

B. Tribu Loxiinae.

I genre Chlorospiza (verdier).

68) Chlorospiza kawarahiba. Камчатка (Палласъ и Дыбовскій). Между Камчаткой и о-вомъ Беринга, о-ва Командорскіе (Стейнегеръ)

О-ва Курильскіе (Стеллеръ).

II genre Fringilla (зяблики).

69) Fringilla montifringilla. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ).

III genre Acanthis.

70) Acanthis linaria. Камчатка.

71) Acanthis linaria Holboelli. Камчатка, о-ва Командорскіе.

72) Acanthis Hornemanni exilipes. Пол. Камчатка, о-ва Командорскіе,—преимущественно зимою, иногда лѣтомъ (Дыбовскій и Стейнегеръ).

IV genre Leucosticte.

73) Leucosticte brunneinucha. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій)

74) Leucosticte griseinucha, О-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ).

V genre Carpodacus.

75) Carpodacus erythrinus. Камчатка (Дыбовскій *).

VI genre Corythus.

76) Corythus enucleator. Въ Камчаткѣ. рѣдко; Дыбовскій видѣлъ ее въ маѣ въ окрестностяхъ Петропавловска и на о-вѣ Берингѣ, лѣтомъ—на берегу рѣки Камчатки.

VII genre Loxia.

77) Loxia curvirostra. Стеллеръ наблюдалъ эту птицу въ Камчаткѣ и нашелъ въ мартѣ мѣсяцѣ гнѣздо съ яйцами. Дыбовскій-же не видѣлъ ее въ этой странѣ.

78) Loxia bifasciata. Камчатка и о-въ Берингъ, очень рѣдко (Дыбовскій).

C. Tribu Pyrrhulinae.

I genre Pyrrhula.

79) Pyrrhula rubicilla kamtschatica. Камчатка, въ окр. Петропавловска (Стейнегеръ и Дыбовскій)

Fam. Cuculidae (кукушки).

I genre cuculus.

80) Cuculus canorus borealis. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ).

81) Cuculus striatus. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

Fam. Picidae (дятлы).

A. Tribu Picinae.

I genre Dryopicus.

82) Dryopicus martius. По Палласу его нѣтъ въ Камчаткѣ. Дыбовскій однако слышалъ его въ окрестностяхъ деревни Машуры.

II gen. Picus.

83) Picus leuconotus. По Палласу встрѣчается въ Камчаткѣ, Дыбовскій не нашелъ тамъ ее.

84) Picus minor kamtschatkensis. Въ березовыхъ мѣстахъ пол. Камчатки (Дыбовскій).

85) Picus major kamtschatkensis. Въ березовыхъ лѣсахъ пол. Камчатки, случайно на о-вахъ Командорскихъ (Дыбовскій и Стейнегеръ).

III gen. Picoides.

86) Picoides tridactylus crissoleucus. Камчатка.

B. Tribu yunginae.

I gen. Yunx.

87) yunx torquilla. По свидѣтельству Палласа, находится и въ Камчаткѣ, гдѣ однако не нашелъ его Дыбовскій.

Fam. Tetraonidae.

A. Tribu Tetraoninae.

I gen. Lagopus.

88) Lagopus albus. Камчатка (Дыбовскій).

89) Lagopus alpinus. Въ горахъ полуостр. Камчатка (Дыбовскій).

II gen. Tetrao.

90) Tetrao kamtschaticus.
Исключительно на пол. Камчаткѣ, въ большомъ количествѣ, (Дыбовскій) въ окр. Петропавловска. Описанъ Киттлицомъ.

Fam. Gruidae (журавли).

I gen. Grus.

91) Grus cinerea. Палласъ указываетъ ее нахожденіе во внутренней Камчаткѣ. На самомъ дѣлѣ эта птица тамъ совсѣмъ не встрѣчается.

Fam. Charadriidae.

I gen. Charadrius.

92) Charadrius fulvus. Камчатка и о-ва

---

*) Камчатскій видъ—отличается гораздо большей краснотой, чѣмъ такая же птица въ Европѣ и Восточной Сибири. Прилетаетъ въ 1-хъ числахъ іюня. Ея пѣніе напоминаетъ фразу: „чавычу видѣлъ". Туземцы утверждаютъ, что это пѣніе предвѣщаетъ приходъ чавычи въ рѣки и поэтому съ радостью привѣтствуютъ появленіе этой птицы.

Командорскіе.

II gen. Aegialitis.

93) Aegialitis mongola.

Камчатка и о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

III gen. Squatarola.

Squatarola Helvetica. На о-вѣ Берингѣ только во время перелетовъ: въ срединѣ сентября туда прилетаютъ многочисленныя стаи. Одинъ экземпляръ былъ замѣченъ 28 октября въ стаѣ Charadrius fulvus. (Стейнегеръ).

IV gen. Calidris.

Calidris arenaria. Обитаетъ во всей сѣверной и средней части обоихъ материковъ, на зиму улетаетъ въ менѣе холодныя страны и южныя. Во время перелетовъ держится преимущественно морскихъ береговъ; болѣе рѣдко встрѣчается въ глубинѣ материковъ.

Fam. Haematopodidae.

I gen. Haematopus.

94) Haematopus ostralegus osculans. Камчатка (Дыбовскій), рѣдко на о-вахъ Командорскихъ (Стейнегеръ).

II gen. Strepsilas.

95) Strepsilas interpres. Камчатка и о-ва Командорскіе.

Fam. Thalaropidae.

I gen. Thalaropus.

96) Tralaropus cinereus. Камчатка, о-ва Командорскіе.

II gen. Crymophilus.

97) Crymophilus fulicarius. Меркъ и Стеллеръ нашли эту птицу на Камчаткѣ, но Дыбовскій не нашелъ ее ни въ южной, ни въ центральной части полуострова.

Fam. Scolopacidae.

A Tribu Totaninae.

I gen. Terekia.

Terekia cinerea. Одинъ экземпляръ найденъ Стейнегеромъ на о-вѣ Берингѣ 9 сентября. Дыбовскій не встрѣтилъ этой птицы въ Камчаткѣ.

gen. Pseudototanus.

98) Pseudototanus guttifer. Описанъ Нордманомъ. Въ 1883 г. Стейнегеръ поймалъ одинъ экземпляръ на о-вѣ Берингѣ и убилъ другой въ Камчаткѣ по рѣкѣ Авачѣ. Ни Дыбовскій, ни его спутники не нашли нигдѣ этого вида.

III gen. Totanus.

99) Totanus glottis. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

100) Totanus fuscus. Камчатка, о-ва Командорскіе.

101) Totanus ochropus. Стеллеръ нашелъ его въ Камчаткѣ, Дыбовскій же нѣтъ.

102) Totanus glareola. Камчатка и о-ва Командорскіе.

IV gen. Heteroscelus.

103) Heteroscelus brevipes. Камчатка (Меркъ, Палласъ, Дыбовскій) и Командорскіе о-ва (Дыбовскій).

104) Heteroscelus incanus. На о-вѣ Берингѣ Стейнегеромъ.

V gen. Actitis.

105) Actitis hypoleucos. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

B. Tribu Tringinae.

I gen. Machetes.

106) Machetes pugnax. Камчатка и о-ва Командорскіе. (По Палласу въ Камчаткѣ—рѣдко, Дыбовскій нашелъ только на о-вахъ Командорскихъ).

II gen. Tringa.

107) Tringa alpina pacifica. Дыбовскій—въ Камчаткѣ и о-вахъ Командорскихъ, Стейнегеръ —только на о-вахъ Командорскихъ (о-вѣ Берингѣ).

108) Tringa maritima gouesi. О-въ Берингъ, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ).

109) Tringa acuminata. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій), о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

110) Tringa subminuta. Камчатка, о-ва Командорскіе.

111) Tringa Temminckii. Дыбовскій не нашелъ въ Камчаткѣ, но Стейнегеръ наблюдалъ и поймалъ нѣсколько экземпляровъ на о-вѣ Берингѣ.

112) Tringa minuta orientalis. Камчатка и о-ва Командорскіе.

113) Tringa ruficollis. Камчатка, о-ва Командорскіе лѣтомъ.

C. Tribu Limosinae (кулики).

I gen. Limosa.

114) Limosa melanura brevipes. Камчатка и о-ва Командорскіе.

115) Limosa lapponica Baueri. О-ва Командорскіе. (Дыбовскій и Стейнегеръ).

II gen. Numenius.

116) Numenius cyanopus. Камчатка (Дыбовскій) о-въ Берингъ (Вознесенскій, Маакъ, Дыбовскій).

117) Numenius phoeopus variegatus. Камчатка, и о-ва Командорскіе (Стеллеръ, Дыбовскій Стейнегеръ).

D. Tribu Scolopacinae.

I gen. gallinago.

118) Gallinago hyemalis. Камчатка (Дыбовскій).

119) Gallinago scolopacina. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

Fam. Laridae.

A. Tribu sterninae.

I gen. sterna.

120) Sterna paradisea. О-въ Берингъ (Стейнегеръ).

121) Sterna camtschatica. Камчатка (Дыбовскій) и о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

II gen. Hydrochelidon.

122) Hydrochelidae fissipes. Палласъ отмѣчаетъ ее въ Камчаткѣ, Дыбовскій не нашелъ ее тамъ.

B. Tribu Larinae (чайки).

I gen. Larus.

123) Larus glaucescens. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ)

124) Larus schistisagus. О-въ Берингъ (Дыбовскій).

125) Larus affins. О-въ Берингъ (Дыбовскій).

126) Larus cachinnans. Камчатка (Дыбовскій).

127) Larus canus. О-въ Берингъ (Стейнегеръ), Миддендорфъ указываетъ на одинъ подобный же экземпляръ съ Камчатки, находящійся въ музеѣ Акад. Наукъ въ Петербургѣ.

128) Larus canus niveus. Камчатка и о-ва Командорскіе (Палласъ и Дыбовскій).

II gen. Chroicocephalus.

129) Chroicocephlus ridibundus. Рѣдка въ Камчаткѣ, случайна на о-вахъ Командорскихъ.

III gen. Rissa.

130) Rissa Tridactyla pollicaris. Въ большомъ количествѣ на пол. Камчаткѣ (Стеллеръ, Киттлицъ, Вознесенскій, Дыбовскій и Стейнегеръ). Замѣчена 1 апрѣля 1883 г. на о-вѣ Берингѣ Стейнегеромъ и 22 августа на островѣ Мѣдномъ.

131) Rissa brevirostris. Въ большомъ количествѣ на Камчаткѣ и о-вахъ Командорскихъ (Дыбовскій). О-въ Берингъ (Стейнегеръ).

IV gen. gavia.

132) gavia alba Одинъ экземпляръ въ Камчаткѣ найденъ Дыбовскимъ, другой Калиновскимъ въ суровую зиму возлѣ Петропавловска на крышѣ домовъ туземцевъ.

Fam. Stercorariidae.

I gen. Stercorarius.

133) Stercorarius parasiticus. Камчатка, о-ва Командорскіе (Палласъ и Дыбовскій). О-въ Берингъ (Стейнегеръ).

134) Stercorarius longicaudus. Камчатка и о-ва Командорскіе.

135) Stercorarius pomarinus. Камчатка и о-ва Командорскіе (Палласъ и Дыбовскій).

Fam. Procellariidae.

A. Tribu Procellariinae.

I gen. Fulmarus.

136) Fulmarus glacialis glupischa. Камчатка, о-ва Командорскіе, Алеутскіе, Курильскіе, (Шренкъ и Стейнегеръ).

II gen. Puffinus.

137) Puffinus Tenuirostris. Одинъ экземпляръ Дыбовскимъ на о-вѣ Берингѣ, другой—17 іюня 1883 года Стейнегеромъ на о-вѣ Мѣдномъ.

III gen. Oceanodroma.

138) Oceanodroma leucorrhoa. Изъ Командорскихъ острововъ только но о-вѣ Мѣдномъ (Стейнегеръ).

139) Oceanodroma furcata. О-въ Берингъ (Дыбовскій) и о-ва Командорскіе (Стейнегръ).

IV gen. Diomedea.

140) Diomedea albatrus. О-ва Командорскіе (Стейнегеръ). Очень рѣдко на восточномъ берегу Камчатки (Палласъ). Довольно часто на о-вѣ Берингѣ (Стеллеръ).

Fam. Phalacrocoracidae.

I gen. Phalacrocorax.

141) Phalacrocorax carbo. По свидѣтельства Палласа въ Камчаткѣ.

142) Phalacrocorax perspicillatus, открытый Стеллеромъ на о-вѣ Берингѣ, болѣе ни-

кѣмъ никогда не былъ найденъ.

II gen. Graculus.

143) Graculus urile. Камчатка, о-ва Командорскіе (Стеллеръ, Дыбовскій и Стейнегеръ).

144) Graculus pelagicus. Камчатка, о-ва Командорскіе (о-въ Мѣдный) (Дыбовскій и Стейнегеръ).

Fam. Anseres (гуси).

A. Tribu Anserinae.

I gen. Chen.

145) Chen hyperborea. Единственное свидѣтельство о ея пребываніи въ Камчаткѣ находимъ у Палласа.

I gen. Anser.

146) Anser cinereus. По Палласу въ Камчаткѣ, гдѣ, однако, не найденъ Дыбовскимъ.

147) Anser albifrons Gambeli. На о-вѣ Берингѣ одинъ экземпляръ, найденный Стейнегеромъ 10 мая 1883 г.

148) Anser erythropus. Указаніе Стеллера о нахожденіи этого вида въ Камчаткѣ не подтверждено Дыбовскимъ.

149) Anser segetum. Камчатка.

150) Anser segetum Middendorfii. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Дыбовскій и Стейнегеръ).

III gen. Cygnopsis.

151) Cygnopsis cygnoides. Камчатка (Палласъ).

IV gen. Branta.

152) Branta brenta nigricans. Въ Камчаткѣ рѣдко (Палласъ), о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

153) Branta canadensis Hutchinsi. О-въ Берингъ въ небольшомъ количествѣ Стейнегеръ).

V gen. Philacte.

154) Philacte canagica. Экземпляры, доставленные съ о-ва Беринга Гребницкимъ и Гриневецкимъ, хранятся въ С-Петербургскомъ музеѣ.

B. Tribu Cygninae лебеди.

I gen. Cygnus.

155) Cygnus ferus. Камчатка, о-въ Берингъ (Стеллеръ, Вознесенскій и Дыбовскій). О-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

156) Cygnus columbianus. Единственное свидѣтельство о появленіи этого американскаго лебедя на Командорскихъ островахъ мы имѣемъ отъ Стейнегера, который добылъ 3 ноября 1882 г. одинъ экземпляръ отъ жителей о-ва Беринга.

C. Tribu Anatinae утки.

I gen. Anas.

157) Anas boschas. Камчатка (Палласъ).

158) Anas falcata. Камчатка—рѣдко. (Палласъ, Стеллеръ и Дыбовскій).

159) Anas formosa. Камчатка (Дыбовскій).

160) Anas Crecca. Камчатка.

161) Anas querquedula. Камчатка и о-ва Командорскіе (о-въ Берингъ).

II gen. Dafila.

162) Dafila acuta. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Стейнегеръ).

III gen. Spatula.

163) Spatula clypeata. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Стейнегеръ).

IV gen. Chaulelasmus.

164) Chaulelasmus streperus. Камчатка, о-въ Берингъ (Дыбовскій).

V gen. Mareca.

165) Mareca penelope. Камчатка о-ва Командорскіе, (Стейнегеръ).

166) Mareca americana. Единственный экземпляръ этой американской утки на азіатской территоріи былъ найденъ 1 мая 1883 г. на о-вѣ Берингѣ (Стейнегеромъ).

VI gen. Fulix.

167) Fulix marila. Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій), о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

168) Fulix cristata Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій). На о-вѣ Берингѣ случайно (Стейнегеръ и Гребницкій).

VII gen. Glaucion.

169) Glaucion clangula. Камчатка (Палласъ и Стеллеръ) и о-ва Командорскіе (Дыбовскій); въ не большомъ числѣ зимою на о-вѣ Берингѣ (Стейнегеръ).

170) Glaucion albeola на о-вѣ Берингѣ.

VIII gen. Cosmonetta.

Cosmonetta histrionica. Камчатка (Стеллеръ) и о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

IX gen. Harelda.

172) Harelda glacialis. Камчатка зимой, о-ва Командорскіе (о-въ Берингъ)—весь годъ. (Стейнегеръ).

X gen. Oidemia.

173) Oidemia Steinegeri. Камчатка и о-въ Берингъ (Дыбовскій). О-ва Командорскіе зимою (Стейнегеръ).

174) Oidemia americana. Камчатка и о-въ Берингъ (Дыбовскій). О-ва Командорскіе зимою (Стейнегеръ).

XI gen. Somateria.

175) Somateria Y. nigrum. Камчатка (Палласъ). Рѣдокъ на остр. Командорскихъ, (Стейнегеръ).

176) Somateria spectabilis. Камчатка (Палласъ и Дыбовскій).

XII Lampronetta.

177) Eniconetta stelleri. Камчатка (Палласъ и Дыбовскій), о-въ Берингъ (Стейнегеръ)

XIII gen. Mergus.

178) Mergus merganser. Камчатка, о-ва Командорскіе. (Дыбовскій и Стейнегеръ).

179) Mergus serrator. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Стейнегеръ).

180) Mergus albellus. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій). о-въ Берингъ (Стейнегеръ).

Fam. Alcidae.

A. Tribu alcinae.

I gen. Brachyramphus.

181) Brachyramphus perdix. Камчатка, о-въ Мѣдный (Стейнегеръ и Дыбовскій).

182) Brachyramphus Kittlizi. Камчатка.

II gen. Synthliboramphus.

183) Synthliboramphus antiquus. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Палласъ, Дыбовскій и Стейнегеръ).

III gen. Uria.

184) Uria lomvia arra. Камчатка, о-ва Командонскіе, (Стейнегеръ).

185) Uria troile californica. О-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

IV gen. Cepphus.

Cepphus columba. Камчатка, о-ва Командорскіе. (Стейнегеромъ).

187) Cepphus carbo. Камчатка, случайно о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

B. Tribu Phalerinae.

I gen. Phaleria.

188) Phaleris psittaculus. Камчатка, о-ва Командорскіе, (Стейнегеръ).

II gen. Ciceronia.

189) Ciceronia pusilla. Камчатка, о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

III gen. Simorhynchus.

190) Simorhynchus cristatellus Камчатка, о-ва Командорскіе (Палласъ, Дыбовскій и Стейнегеръ).

191) Simorhynchus pygmaeus. Камчатка о-ва Командорскіе, (Дыбовскій и Стейнегеръ).

IV gen. Ceratorhina.

192) Ceratorhina monocerata. Камчатка, рѣдко о-ва Командорскіе.

C. Tribu Fraterculinae.

I gen. Lunda.

193) Lunda cirrhata. Камчатка, о-ва Командорскіе (Стеллеръ, Палласъ и Стейнегеръ).

II gen. Fratercula.

194) Fratercula corniculata. Камчатка, о-ва Командорскіе (Стейнегеръ).

Fam. Podicipidae гагары.

I gen. Podiceps.

195) Podiceps Holboelli Камчатка, о-ва Командорскіе (Дыбовскій и Стейнегеръ)

196) Podiceps auritus. Изрѣдка на Командорск. остр. Единственное доказательство этому—найденный туземцами скелетъ этой птицы на о-вѣ Берингѣ, кот. хранится въ національн. музеѣ Соединенныхъ штатовъ (Стейнегеръ).

Fam. Colymbidae.

I gen. Colymbus.

197) Colymbus Adamsi. Камчатка (Дыбовскій). Стейнегеръ нашелъ единственный экземпляръ на льду озера Саранна, на о-вѣ Берингѣ, 25 ноября 1882 г.

198) Colymbus arcticus. Камчатка и о-ва Командорскіе (Дыбовскій).

199) Colymbus lumme. Камчатка и о-ва Командорскіе (Стеллеръ, Палласъ и Дыбовскій).

СПИСОКЪ РЫБЪ
КАМЧАТСКОЙ ФАУНЫ.

Составленъ по: Steineger'y—Proceding of the U. S. Nationl Museum T. XIX. 1896 p.p. 381—392 и Н. Гребницкому—Списокъ рыбъ, водящихся у о-въ Командорскихъ и Полуостровѣ Камчаткѣ. (брошюра, изданная по распоряж. Рос. Общ. рыбоводства и рыболовства, безъ обозначенія года).

1 Gadidae.
1 Gadus gracilis. — Петропавловскъ. О. Берингъ.
2 „ chalcogrammus—О. Мѣдный.
3 „ morrhua—Камчатка.
4 Boreogadus saida—О. Мѣдный.

2 Pleuronectidae.
5 Hypoglossus ellassodon.—О. Кадьякъ.
6 Pleuronectes stellatus—М. Берингова, губ. Авачинская.
7 „ bilineatus.—О. Берингъ, Мѣдный.
8 „ glacialis—Камчатка.
9 Limanda aspera.—По всему взморью, начиная отъ З Де-Кастри.

3 Chiridae.
10 Hexagrammus monopterigius—Камчатка.
11 „ supereiliosus.—О. Кадьякъ.
12 „ decagramus.—По азiат. бер.
13 „ ordinatus.
14 „ asper. О-ва Командорскiе, Камчатка.
15 „ Anoploma.

4 Scorpaenidae.
16 Sebastes marinus.—О-ва Командорскiе.
17 „ sp.—О. Берингъ.

5 Cottidae.
18 Hemilepidotus Jordani.—Б. Провидѣнія.
19 „ trachurus.—О-ва Командорскiе.
20 „ sp. nov.—О-въ Берингъ. Г. Петропавловскъ.
21 „ sp. ?
22 „ sp. nov.—О. Берингъ.
23 Oligocottus maculosus.—О-ва Командорскiе.
24 Enophrys claviger.—Камчатка. О-въ Берингъ.
25 „ dicerass.—Камчатка.
26 „ bison.—О. Берингъ.
27 Hemitripterus cavifrons.—О. Берингъ.
28 Cottus taeniopterus.—Повзморью до Китая.
29 „ verrucosus.—Б. Провидѣнія.
30 „ quadrifilis.—Пр. Беринга.
31 „ axillaris.—Г. Петропавловскъ.
32 „ polyacanthocephalus.
33-36 „ nov. sp. s. variet.
37 „ humilis.—О. Шамиссо.
38 „ joack.
39 „ platycephalus—Камчатка.
40 „ niger.—Г. Петропавловскъ, О. Павла, Берингъ.
41 Blepssias bilobus.—Камчатка, О. Берингъ.
42 Leptocottus sp.—Камчатка.
43 Gymnacanthus pistilliger.—Камчатка.

6 Trichodontidae.
44 Trichodon stelleri.—О-ва Командорскiе.

7 Trachinidae (Jcosteidae).
45 Bathymaster signatus.—О-ва Командорскiе, Уналашка.
46 „ sp.—О. Берингъ.

8 Cyclopteridae.
47 Cyclopterychtis ventricosus.—М. Охотское.
48 „ steleeri.—Г. Петропавловскъ.
49 Eumicrotremus spinosus=Cyclopterus spinosus Müller.—О. Берингъ.

9 Agonidae.

50 Syphagonus barbatus steindachner.—Камчатка.
51 Hypsagonus quadricornis.—Камчатка.
52 „ sp.
53 „ sp.—О. Берингъ.
54 Podotecus acipenserinus. — Камчатка, О. Мѣдный.
55 Brachyopsis rostratus.—Камчатка.
10 Liparidae.
56 Careproctus gelatinosus.—Г. Петропавловскъ.
57 Liparis gibba.
58 „ calliodon.—Камчатка.—Б. Провидѣнія.
59 „ sp.
11 Blennidae.
60 Limperus anquillaris—Г. Петропавловскъ. Б. Провидѣнія.
61 „ medius—Б. Провидѣнія.
62 Anoplarchus alectcocephalus.—Камчатка. О. Берингъ. М. Охотское.
63 „ atropurpureus. — Азіатское взморье.
64 Pholis toenia—Г. Петропавловскъ. О-ва Командорскіе.
65 Opistocentrus quinquemaculatus. — Камчатка, зал. Де-Кастри.
66 Chirolophus platiactocephalus.—Камчатка.
67 Murenoides dolichogaster.—Камчатка.
68 Stichaeus sp.—О-ва Командорскіе.
69 Notogrammus rothrocki. —Камчатка. О-ва Командорскіе.
70 Anarrhichas lepturus.—Командорскіе.
12 Ammodytidae.
71 Ammodytides personatus.—О-ва Командорскіе.
13 Alepidosauridae.
72 Alepidosaurus aesculapis.—О. Берингъ.
14 Salmonidae.
73 Mallotusailosus.—Камчатка. О-ва Командорскіе.
74 Osmerus dentex.—Г. Петропавловскъ.
75 Hypomesus olidas.—Камчатка.
76 Oncorhynchus gorbusha=salmo proteus.—Камчатка.
77 „ keta.=S. lagocephalus. Камчатка. О-ва Командорскіе.
78 „ chawicha=S. orientalis.—Камчатка. О-ва Командорс.
79 „ kisuth.=S. sanguinolentus.—Камчатка О-ва Командорскіе.
80 „ nerka.=S. lycaodon.—Г. Петропавл., Азіатск. взморье.
81 Salmo purpuratus.—О. Берингъ.
82 Salvelinus malma.—Камчатка. О-ва Командорскіе.
83 „ leukomaenis.—Камчатка. Г. Владивостокъ.
15 Clupeidae.
84 Clupea pallassi.—Камчатка. О-ва Командорскіе,
85 „ harengus.
16 Raidae.
86 Raja batis.—Камчатка. О. Берингъ.
87 „ parmifera.—О. Мѣдный.
17 Spnacidae.
88 Lamna cornubica.—Губ. Авачинская.
18 Gasterosteidae.
88 Gasterosteus cataphactus. — Камчатка. О Берингъ.
90 „ aculeatus v. gymnurus.—Камчатка.
91 „ pungitus v. brachypoda.—Камчатка. О. Берингъ.

Растительность Камчатскаго полуострова, подобно тому какъ и царство животныхъ, характеризуется признаками, пріурочивающими ее къ странѣ холодной и суровой и при томъ съ короткимъ вегетаціоннымъ періодомъ. Здѣсь нѣтъ ни дуба, ни липы и тѣмъ болѣе фруктовыхъ и хлѣбныхъ ростеній, развитіе, цвѣтеніе и созрѣваніе плодовъ которыхъ требуютъ болѣе продолжительнаго тепла, чѣмъ того можетъ дать короткое лѣто Камчатки.

Изъ древесныхъ породъ, являющихся представителями Камчатскаго лѣса, первенствующее

мѣсто занимаетъ береза, которая встрѣчается здѣсь въ 4-хъ видахъ и распространяется по всему полуострову, при чемъ каменная березя (Betula Ermani) покрываетъ всѣ склоны горъ и возвышенностей, (впрочемъ до извѣстной только высоты), а такъ называемая бѣлая береза растетъ въ болѣе низменныхъ мѣстностяхъ. Карликовая береза встрѣчается по плоскогоріямъ сѣверной части полуострова, а такъ-же и по тундрамъ средней и южной Камчатки.

Преобладающее большинство лѣсной растительности по всѣмъ долинамъ рѣкъ состоитъ— изъ высокихъ стволовъ вербы и тополя, идущихъ на изготовленіе мѣстныхъ лодокъ (батовъ), а такъ-же и на постройку избъ, амбаровъ и пр.

Представителями сѣверной и горной растительности, выше распространенія каменной березы, являются ползучіе кустарники кедровника, ольховника и отчасти (на югѣ) рябинника.

Подлѣсокъ всѣхъ камчатскихъ лѣсовъ богатъ ягодными кустами—жимолости, рябины, смородины, иногда малины и пр.; тогда какъ склоны горъ и высокія тундры изобилуютъ брусникою, голубикою, шикшею и пр.

Характерною особенностью долины р. Камчатки и ея притоковъ являются лиственница, ель и черемуха, которыми обыкновенно покрыты высокіе увалы этой долины. Лиственница, въ видѣ небольшихъ островковъ. попадается также въ верхинѣ р. Тигиля, на водораздѣлѣ истоковъ этой р. и р. Харьюзовой. Есть въ Камчаткѣ и пихта, но въ крайне незначительномъ числѣ, только въ видѣ небольшаго островка въ долинѣ р. Шемячика.

Травы Камчатскаго полуострова отличаются тучностью и, несмотря на краткость лѣта, достигаютъ иногда громадныхъ (выше роста человѣка) размѣровъ; особеннымъ ростомъ отличаются нѣкоторые виды изъ семейства зонтичныхъ и сложноцвѣтныхъ.

СПИСОКЪ РАСТЕНІЙ

КАМЧАТСКОЙ ФЛОРЫ.

Составленъ по: C. Ledebour'y—Flora rossica sive enumeratio plantarum in totius Imperii Rossici. 1842—1853. и E. Trautvetter'y—Incrementa florae phanerogamae rossicae in acta horti petropolitani. T. VIII F. 1,2. 1883; T. IX F. 1 1884 г.

Plantae vasculares.

I classis—Dicotyledoneae.

1-й Subclassis—Thalamiflorae.

1 Familia—Ranunculaceae.

1 clematis fusco.
2 Atragene alpina.
3 „ ochotensis.
4 Thalictrum petaloideum.
5 „ flavum.
6 „ kemense,
7 Anemone reflexa.
8 „ caerulea.
9 „ altaica.
10 „ parviflora.
11 „ narcissiflora.
12 Ranunculus aqvatilis.
13 „ cassubicus.
14 „ repens.
15 Oxygraphis glacialis.
16 Caltha pallustris.
17 Trollius patulus.
18 Captis trifolia.
19 Aguillegia formosa.
20 Delphinium brachycentrum
21 „ stenoscfalum.
22 Aconitum maximum.
23 „ kamtschaticum *).
24 „ delphnifolium.
25 „ productum.
26 Cimicifuga foetida.

*) Это растеніе камчадалы называютъ „Згатъ“. Раньше, когда главнымъ орудіемъ охоты былъ лукъ и стрѣлы сокомъ, „Згата“ инородцы сѣверо-востока намазывали наконечники стрѣлъ, раны отъ которыхъ, вслѣдствие ядовитости сока, являлись смертельными для всякаго животнаго. Камчадалы говорятъ: „нѣтъ яда, сильнѣе этого Лютика“.

2 Fam. Papaveraceae

27 Papaver alpinum.

3 Fam. Fumariaceae.

28 Dicentra pauciflora
29 Corydalis pauciflora.
30 „ ambigua.
31 „ paeoninaefolia.
32 „ impatiens.
33 „ breviflora.

4 Fam. Cruciferae.

34 Nasturtium palustre.
35 „ bursifolium,
36 Barbarea vulgaris.
37 Arabis alpina.
38 „ hirsuta.
39 „ petraea.
40 „ ambigua.
41 „ kamtschatica.
42 „ halleri.
43 „ stelleri.
44 „ turczaninowi.
45 Cardamine microphylla.
46 „ uliginosa.
47 „ protensis.
48 „ hirsuta.
49 „ angulata.
50 Parrya Linnaeana.
51 „ Ermani.
52 Draba frigida.
53 „ hirta.
54 „ gracilis.
55 „ borealis.
56 „ incana.
57 Cochlearia oblongifolia.
58 „ donica.
59 Sisymbrium mollissimum.
60 „ arenosum.
61 Erysimum Redowskii.
62 „ cheiranthoides.
63 Capsella bursa pastoris.

Fam. Yiolarieae.

64 Yiola kamtschatica.
65 „ palustris.
66 „ rotundifolia.
67 „ sylvestris.
68 „ biflora.

6 Fam. Droseraceae.

69 Dvosera rotundifolia.
70 Parnassia Laxmanii.

7 Fam Polygaleae.

71 Polygala comosa.

8 Fam. Sileneae.

72 Gypsohila violacea.
73 Silene repens.

9 Fam. Alsineae.

74 Alsine verna.
75 „ arctica.
76 Honkeneja peploides.
77 Merckia physodes.
78 Arenaria graminifolia.
79 „ Redoivskii.
80 Moehringia lateriflora.
81 Stellaria media.
82 „ radians.
83 „ humifusa.
84 „ eschollziana.
85 „ florida.
86 „ longipes.
87 Cerastium vulgatum.

10 Fam. Lineae.

88 Linum perenne.

11 Fam. Hypericineae.

89 Hypericum kamfschaticum.

12 Fam. Geraniaceae.

90 Geranium erianthum.
91 „ pratense.

2. SUBCLASSIS CALYCIFLORAE.

13 Fam. Papilionaceae.

92 Thermopsis fabacea.
93 Trifolium medium.
94 Astragalus alpinus.
95 „ Cicer.
96 Pisum maritimum.
97 Yicia cracca.

14 Fam. Amygdoleae.

98 Prunus padus.

15 Fam. Rosaceae.

99 Spirea hypericifolia.
100 „ betulaefolia.
101 „ salicifolia.
102 „ sorbifolia.
103 „ aruncus.
104 „ digitata.
105 „ kamtschatika.
106 Geum macrophyllum.
107 „ strictum.

108 Sieversia rotundifola.
109 „ anenonoides.
110 Potentilla norvegica.
111 „ stolonifera.
112 „ anserina.
113 „ elegans.
114 „ nivea.
115 „ vilosa.
116 „ fruticosa.
117 Sanguisorba tenuifolia.
118 Comarum palustre.
119 Filipendula ulmaria *).
120 Rubus idaeus.
121 „ arcticus.
122 „ stellatus.
123 Rosa alpina.
124 „ gmelin.
125 „ cinnamomea.
126 „ amblyotis.

16 Fam. Pomaceae.

127 Pyrus sambucifolia.

17 Fam. Onagrariae.

128 Epilobium angustifolium **).
129 „ latifolium.
130 „ palustre.

18 Fam. Hyppurideae.

131 Hyppuris vulgarls.

19 Fam. Portulacaceae.

132 Sesuvium portulacastrum.
133 Claytonia virginica.

20 Fam. Crassulaceae.

134 Sedum Stephani.
135 „ elongatum.
136 „ vulgare.
137 „ purpureum.
138 „ verticillatum.
139 „ kamtschaticum.

21 Fam. Grossularieae.

140 Ribes alpinum.
141 „ rubrum.

22 Fam Saxifragaceae.

142 Saxifraga bronchialis.
143 „ nitida.
144 „ Merkii.
145 „ hirculus.
146 „ punctata.
147 „ pauciflora.
148 „ cernua.
149 „ bimaculata.
150 „ rivularis.
151 Leptarrhena pyrolefolia.
152 Chrysosplenium alternifolium.
153 „ kamtschaticum.

22 Fam. Umbelliferae.

154 Cicuta virosa.
155 Ligusticum scoticum.
156 Coneoselinum kamtschaticum.
157 Angelica ursina ***).
158 Archangelica commutata.
159 Heracleum spondilium.
160 „ panaces.
161 „ dulce ****)
162 Daucus corota.
163 Anthriscus nemorosa.

---

*) Шаламайникъ—это растеніе достигаетъ въ Камчаткѣ громадныхъ для травы размѣровъ (до 5-хъ аршинъ вышиною) и, покрывая собой низменные, затопляемые берега рѣкъ, часто представляетъ изъ себя трудно проходимую заросль. Въ молодомъ видѣ употребляется жителями въ пищу, а иногда заготовляется (корень) на зиму и идетъ въ пищу вмѣстѣ съ икрою, толкушею и пр.

**) Кипрей—это растеніе въ большомъ употребленіе среди жителей Камчатки, даже и въ настоящее время. Листья и свѣжіе стебли варятся съ рыбою и мясомъ. Въ прокъ заготовляется мягкая слащеватая сердцевина стебля, которую соскабливаютъ и сушатъ, при чемъ она покрывается сахаристою пылью. Сушеный кипрей служитъ приправою въ различныхъ кушаньяхъ, особенно съ ягодами, для приданія сладости, а также для выварки изъ него напитка, въ родѣ кваса.

***) Медвѣжій корень—употребляется жителями какъ лекарство противъ ломоты, для чего его распариваютъ и натираютъ имъ больное мѣсто, или дѣлаютъ настой и даютъ, какъ питье

****) Heracleum dulce или сладкая трава, подобно Кипрею, въ большомъ употребленіи среди жителей Камчатки. Ее ѣдятъ какъ въ сыромъ видѣ, такъ и сваренномъ съ другими кушаньями. Особеннымъ употребленіемъ пользовалась сладкая трава въ прежніе годы, когда въ Камчатку пришли первые русскіе и, за неимѣніемъ хлѣбныхъ растеній, придумали способъ изготовлять изъ нее крѣпкій, одуряющій напитокъ, такъ называемое „травяное вино“. Для этого сладкая трава подсушивалась на солнцѣ и складывалась подъ прессъ для броженія, послѣ чего ее отваривали, жидкость сливали въ особые сосуды для окончательнаго броженія и перегоняли въ отдѣльные сосуды. При перегонѣ, вмѣсто трубокъ, употреблялись обыкновенно ружейные стволы.

164 Pleuraspermum kamtschaticum.
165 Coelopleurum Gmelini.

24 Fam. Corneae.

166 Cornus succica.

25 Fam. Caprifoliaceae.

167 Adoxa moschatellina.
168 Sambucus racemosa.
169 Lonicera periclymenum.
170 ,, nigra.
171 ,, coerulea.
172 Linnaea borealis.

26 Fam. Rubiaceae.

173 Galium rubioides.
174 ,, obovatum.
175 ,, boreale.

27 Fam. Valerianeae.

176 Valeriana capitata.

28 Fam. Compsitae.

177 Nordosmia Gmelini.
178 Aster alpinus.
179 ,, tataricus.
180 Erigeron acris.
181 ,, kamtschaticus
182 ,, sp.
183 Solidago virgaurea.
184 Ptarmica sibirica.
185 ,, speciosa.
186 Achillea decumbens.
187 Leucanthemum Gmelini.
188 Matricaria discoidea *).
189 Artemisia capillaris.
190 ,, sachaliensis,
191 ,, borealis.
192 ,, scoparia.
193 ,, samamisica.
194 ,, vulgaris.
195 ,, leontopodium.
196 ,, glomerata.
197 ,, Besseriana.
198 ,, heterophylla.
199 ,, arctica.
200 ,, Stelleriana.
201 ,, biennis.
202 Tanacetun boreale.
203 Antennaria dioica.
204 ,, margaritacea.
205 Cacalia hastata.
206 ,, auriculata.
207 Senecio palmatus **).
208 ,, nemorensis.
209 ,, psevdo—arnica.
210 ,, campestris.
211 ,, palustris.
212 Saussurea pycnocephala.
213 ,, Tilesii
214 ,, nuda.
215 ,, subsinuata.
216 ,, glomerata.
217 ,, alpina.
218 Cirsium kamtschaticum.
219 ,, oleraceum.
220 Picris japonica.
221 Taraxacum officinale.
222 ,, ceratophorum.
223 ,, palustre.
224 Nabalus repens.
225 ,, alatus.
226 Mulgedium sibiricum.
227 ,, kamtschaticum.
228 Hieracium vestitum.
229 ,, umbellatum.

29 Fam. Lobeliaceae.

230 Lobelia sessiliflora.

30 Fam. Campanulaceae.

231 Campanula kamtschatica.

31 Fam. Vaccineae.

232 Vaccinum vidis idaea.
233 ,, myrtillus.
234 ,, praestans.
235 ,, uliginosus.
236 Oxycoccus palustris.

32 Fam. Ericaceae.

237 Arctostaphylos alpina.
238 Cassiope lycopodioides.
239 ,, ericoides.
240 Bryanthus Gmelini.
241 Phyllodoce taxifolia.

---

*) Ромашка—употребляется какъ лекарство отъ ломоты. Настой ея, вмѣстѣ съ сокомъ различныхъ ягодъ, употребляется противъ горловыхъ болѣзней.

**) Баранникъ—употребляется жителями Камчатки, какъ приправа къ супу изъ рыбы, при чемъ супъ пріобретаетъ вкусъ похлебки изъ бараньяго мяса, отъ чего эта трава и названіе свое получила.

242 Loiseleuria procumbens.
243 Rhododendron chrysanthum *).
244 „ kamtschaticum.
245 Ledum palustre.

33 Fam. Pyrolaceae.

246 Pyrola rotundifolia.
247 „ media.

3. SUBCLASSIS COROLLIFLORAE.

34 Fam. Lentibularicae.

248 Pinguicula macroceras.

35 Fam. Primulaceae.

249 Primula sibirica.
250 Androsace vilosa.
251 „ septentrionalis.
252 Trientalis europaea.
253 Lysimachia memorum.
254 Centunculus minimus.
255 Samolus valerandi.

36 Fam. Gentianaceae.

256 Gentiana auriculata.
257 „ frigida.
258 „ glauca.
259 „ pneumonanthe.
260 „ purpurea kamtschatica.
261 Pleurogyne carinthiaca.
262 Stellera cyanea.
263 Halenia sibirica.

37 Fam. Polemoniaceae.

264 Phlox sibirica.
265 Polemonium coeruleum.
266 „ pulchellum.

38 Fam. Diapensiaceae.

267 Diapensia lapponica.

39 Fam. Borraginea.

268 Mertensia maritima.
269 „ denticulata.
270 „ pilosa.
271 „ elliptica.
272 „ kamtschatica.
273 Eritrichium chamissonis.
274 „ aretioides.
275 „ villosum.
276 „ sericeum.
277 „ pectinatum.

40 Fam. Scrophulariaceae.

278 Pentstemon frutescens.
279 Veronica incana.
280 „ anagallis.
281 „ aphylla grandiflora.
282 „ Stelleri.
283 „ serpyllifolia.
284 Castileja pallida.
285 Pedicularis verticillata.
286 „ amoena.
287 „ nasuta.
288 „ lapponica.
289 „ resupinata.
290 „ adunca.
291 „ euphrasoides.
292 „ sudetica.
293 „ Langsdorfii.
294 „ venusta.
295 „ versicolor.
296 „ capitata.
297 „ tristis.
298 „ eriophora.

41 Fam. Orobanchaceae.

299 Boschniakia glabra.

42 Fam. Selaginaceae.

300 Gymnandra Pallassii.
301 „ Gmelini.

43 Fam. Labiatae.

302 Mentha arvensis.
303 „ lapponica.
304 Nepeta glechoma.
305 Drococephalum grondiflorum.
306 Brunella grandiflora.
307 Scutellaria scordiifolia.
308 „ galericulata.
309 Stachys Riederi.
310 Galeopsis tetrohit.

44 Fam. Plantagineae.

311 Plantago major **).
312 „ kamtschatica.
313 „ arctica.

4. SUBCLASSIS MONOCHLAMYDEAE.

45 Fam. Polygoneae.

314 Oxyria reniformis.

---

*) Жители называютъ „пьяною травою“; сокъ ея вяжущій на вкусъ; употребляется какъ лекарство противъ внутреннихъ кровоналіяній.

**) Употребляется жителями какъ лекарство для заживленія порѣзовъ.

315 Rumex domesticus.
316 „ acetosa.
317 „ graminifolius.
318 Polygonum Bistorta.
319 „ viviparum.
320 „ convolvulus.

46 Fam. Thymelaceae.

321 Daphna kamtschatica.

47 Fam. Empetreae.

322 Empetrum nigrum.

48 Fam. Salicineae.

323 Salix pentandra.
324 „ cinerea.
325 „ nigricans.
326 „ Yagans.
327 „ phylicifolia.
328 „ rhamnifolia.
329 „ myrtilloides.
330 „ glauca.
331 „ arctica.
332 „ myrsinites.
333 „ ovalifolia.
334 „ berberidifolia.
335 „ micilenta.
336 „ Pallasii.
337 „ Orbicularis.
338 „ Phyllicoides.
339 „ Sp.
340 Populus alba.
341 „ suaveolens.

49 Fam. Betulaceae.

342 Betula pubescens.
343 „ Ermani.
344 „ fruticosa.
345 „ nana.
346 Alnaster fruticosus.
347 Alnus incana.
348 Alnus viridis.

50 Fam. Myricaceae.

349 Myrica.

51 Fam. Abietineae *).

350 Pinus abies.
351 „ Cembra (кедровый сланецъ **).
352 Larix kamtschatica (лиственица).

52 Fam. Cupressineae.

353 Iuniperus nana.

II CLASSIS. MONOCOTYLEDONEAE.

53 Fam. Typhaceae.

354 Sparadium simplex.

54 Fam. Aroideae.

355 Simplocarpus Kamtschaticus.

55 Fam. Iuncagineae.

356 Triglochin. palustre.
357 Sagittaria sagittaefolia.

56 Fam. Orchideae.

358 Calypso borealis.
359 Orchis latifolia sp. Boeringiana.
360 „ Kamtschatica.
361 Perularia fuscences.
262 Platanthera tipuloides.
363 „ bifolia.
364 „ convallariaefolia.
365 „ decipens.
366 Peristylus bractealus.
367 Neottia kamtschatica.
368 Cypripedium guttatum.

57 Fam. Irideae.

369 Iris setosa ***).
370 „ laevigata.

58 Fam. Smilaceae.

371 Paris hexaphylla.
372 Trillium obovatum.
373 Streptopus amplexifolius.
374 Smilacina bifolia s. Kamtschatica.

59 Fam. Liliaceae.

375 Gagea lutea.
376 Fritillaria kamtschatica ****).
377 Lilium Martagon *****).
378 „ spectabile.
379 Allium schoenoprasum.

---

*) По восточному берегу полуострова, въ долинѣ рѣки Шемячика, находится небольшой островокъ пихты.

**) Кедровый сланецъ—весьма распространенное по всему полуострову растенiе, покрывающее всѣ склоны горъ. Мелкiе и маслянистые орѣхи съ кедрового сланца могли бы служить предметомъ выгоднаго вывоза. Кромѣ орѣховъ, жители пользуются имъ какъ лекарствомъ отъ цынги.

***) Это растенiе, по увѣренiю жителей, служитъ сильнымъ слабительнымъ средствомъ при леченiи желудочныхъ болѣзней.

****) *****) Два вида дикихъ лилiй, или сараны, круглянка (fritillaria) и овсянка (Martagon) въ жизненной экономiи камчатскихъ жителей играетъ видную роль. Луковицы ихъ употребляются въ пищу въ различныхъ видахъ.

380 „ splendens.
381 „ Victorialis.
382 „ ursinum *).

60 Fam. Melanthaceae.

383 Veratrum nigrum.
384 „ album.
385 „ oxysepalum.
386 Tofjeldia coccinea.
387 „ calyculata,

61 Fam. Junceae.

388 Lusula pilosa.
389 „ campestris.
390 Juncus filiformis.
391 „ articulatus,
392 „ triglumis.

62 Fam. Cyperaceae.

393 Scirpus Kamtschaticus.
394 Eriophorum chamissonis.
395 „ latifolium.
396 Carex circinata.
397 „ stenophylla.
398 „ pallida.
399 „ lagopina.
400 „ canescens.
401 „ loliacia.
402 „ brizoides.
403 „ glareosa.
404 „ Buxmani.
405 „ Gmelini.
406 „ pediformis.
407 „ panicea.
408 „ depauperata.
409 „ longerostrata.
410 „ frigida.
411 „ capillaris.
412 „ rariflora.
413 „ praecox,
414 „ pupulifera.
415 „ caespitosa.
416 „ cryptocarpa.
417 „ orthostachys.
418 „ vesicaria.
419 „ congesta.
420 „ Hoodii.
421 „ pentastachys.
422 „ rostrata.

63 Fam. Gramineae.

423 Elymus arenarius.
424 „ mollis.
425 Bromus purgans.
426 Poa compressa.
427 „ stenantha.
428 „ serotina.
429 „ nemoralis, s. coarctata, glauca.
430 „ annua.
431 „ pratensis.
432 Gluceria aquatica.
433 „ glumaris.
434 Melica nutans.
435 Koeleria cristata, s. macrantha.
436 Hierochloe borealis.
437 Limnas Stelleri.
438 Avena flavescens **).
439 „ subspicata.
440 „ sesquiflora.
441 Deschampsia caespitosa.
442 „ brivifolia, s. pumila.
443 Calamagrostis deschampsiodes.
444 „ purpurea.
445 Agrostis laxiflora.
446 Pleum alpinum.

III CLAS. ACOTYLEDONEAE.

64 Fam. Equisetaceae.

447 Equisetum arvense.
448 „ sylvaticum.
449 „ limasum.

Изъ нихъ варятъ на молокѣ кашу, жарятъ, какъ картофель; кладутъ въ супъ, вмѣсто крупы, и пр. Для заготовки сараны, въ осеннее время года, женщины, обыкновенно, отправляются съ корзинами въ луга и особыми крючками вырываютъ ее. Кромѣ того сарану добываютъ изъ мышиныхъ норъ. Въ Камчаткѣ есть одинъ родъ полевой мыши, которая на зиму заготовляетъ въ своей норѣ большой запасъ различныхъ кореньевъ и, между прочимъ, сараны. Жители пользуются этимъ, находятъ такія норы и выбираютъ изъ нихъ сарану, иногда по нѣсколько десятковъ фунтовъ. Эти мыши у древнихъ камчадалъ пользовались особымъ вниманіемъ и когда женщины выбирали изъ норъ ихъ сарану, то всегда часть ея оставляли для прокорма мышамъ, а иногда для той же цѣли, взамѣнъ сараны, клали въ норы какихъ-либо другихъ кореньевъ и даже юколу.

*) Черемша—тоже въ большомъ употребленіи какъ пища и какъ лекарство отъ цынги.

**) Одинъ изъ видовъ avena, ростущій по низменнымъ морскимъ прибрежьямъ, идетъ на выдѣлку инородцами корзинъ, мѣшковъ и половиковъ. Издѣлія эти отличаются прочностью и своёобразнымъ изяществомъ.

450 „ scorpoides.

65 Fam. Lycopodiaceae.

451 Lycopodium annotum.
452 „ dendroidem.
453 „ alpinum.
454 „ complanatum.
455 Selaginella rupestris.
456 „ sanguinolenta.
457 „ borealis.

66 Fam. Filices.

458 Botrychium lunaria.
459 Polypodium vulgare.
460 „ phegopteris, intermedium.
461 „ dryopteris.
462 Woodsia ilvensis.
463 „ globella.
464 Polystichum fragrans.
465 „ spinulosum.
466 Cystopteris fragilis.
467 „ montana.
468 Asplenium crenatum.
469 Camptasorus sibiricus.
470 Blechnum spicant.
471 Pteris aquilina.
472 „ argentea,
473 Adiantum pedatum.
474 Struthiopteris germanicum.

ГЛАВА III.

НАСЕЛЕНІЕ.

Народонаселеніе Камчатки состоитъ изъ корякъ, камчадаловъ, небольшого количества ламутовъ, еще меньшаго алеутовъ и курильцевъ, и русскихъ колонистовъ, образовавшихся изъ потомковъ: казаковъ—завоевателей, крестьянъ-переселенцевъ и добровольцевъ, поселившихся въ этомъ укромномъ уголкѣ нашей обширной родины.

Алеуты и курильцы, по малочисленности своей, не могутъ быть причислены въ число главныхъ, коренныхъ аборигеновъ страны, а скорѣе являются элементомъ случайнымъ, пришлымъ сюда съ сосѣднихъ мѣстъ въ погонѣ, вѣроятнѣе всего, за пушнымъ звѣремъ. Не имѣли и не имѣютъ также особаго значенія въ жизни этой страны и ламуты, попавшіе сюда подъ вліяніемъ распрь враждовавшихъ сосѣдей или какихъ-либо другихъ причинъ и сжатые въ своихъ небольшихъ владѣніяхъ съ одной стороны коряками, съ другой камчадалами. Кромѣ русскихъ, безспорно, первенствующее значеніе въ числѣ населенія полуострова принадлежитъ корякамъ и камчадаламъ, но и изъ нихъ, по многимъ даннымъ, приходится признать камчадаловъ за аборигеновъ страны, за первобытныхъ владѣтелей полуострова, что же касается коряковъ, то, несомнѣнно, они являются пришельцами съ сѣвера.

Орогеологическое строеніе Камчатки ясно свидѣтельствуетъ о, сравнительно, не давнемъ появленіи на дневную поверхность Парапольскаго дола, и образованіе полуострова изъ одного изъ сѣверныхъ острововъ курильской гряды, по тѣмъ же даннымъ, является болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ.

Антропологическое родство корякъ съ чукчами и рѣзкая разница ихъ съ камчадалами заставляетъ предполагать о томъ, что существовала болѣе явственная физическая граница между этими разнотипичными народами, нежели таковая существуетъ въ данное время. Таковою границею и былъ, очевидно, проливъ, отдѣляющій камчатскій островъ отъ материка и имѣвшій дномъ своимъ нынѣшній Парапольскій долъ или Заносье, какъ прозвали его казаки.

Коряко-чукотская народность, безспорно, принадлежитъ къ монгольскому племени и, послѣ общаго для всей Сибири движенія народовъ, заняла весь сѣверо-восточный уголъ Азіи, распредѣлившись такъ—коряки къ югу и нѣсколько къ западу, а чукчи къ сѣверу и востоку. Въ то же время и курильцы, подъ вліяніемъ распространенія Китайско-Японской расы, имѣли движеніе съ юга на сѣверъ, избравъ ареною своей жизни рядъ острововъ и вытѣснивъ сѣверныхъ своихъ родичей на камчатскій островъ, гдѣ они, обособившись, составили отдѣльную народность, и, впослѣдствіи, волей неволей, пришли къ соприкосновеніе съ коряками.

Такое предположеніе объ отдѣльности Камчатки въ видѣ острова и о заселеніи его съ юга, а не съ сѣвера, быть можетъ и покажется смѣлымъ и неимѣющимъ достаточныхъ данныхъ для своей основательности, но тѣмъ не менѣе возможность его подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что сохранившіеся до нѣкоторой степени типичные камчадалы имѣютъ, по наружному виду, ясное сходство съ курильцами, а чрезъ нихъ и съ японцами. Безспорно, лучшими данными за и противъ такого предположенія были-бы детальныя этнографическія и антропологическія изслѣдованія восточныхъ народностей, но пока ихъ нѣтъ, мнѣнія о родственности ихъ приходится высказывать по наружному виду. Какъ извѣстно, японцы по типу раздѣляются на два класса, ясно отличающихся между собою по тѣлосложенію, формѣ черепа и устройству лица. Интеллигентный классъ японцевъ характеризуется: продолговатый контуръ черепа (долихоцефолія), лобъ, сравнительно, высокій, лицо овальное, скулы не выдаются, носъ орлиный, губы тонкія и цвѣтъ кожи бѣлый и нѣжный. Второй классъ, такъ называемый рабочій или крестьянскій, къ которому принадлежатъ преимущественно жители сѣверныхъ острововъ, отличается особенностями, приближающими его къ восточно-азіатскому типу: черепъ болѣе округлый, лицо широкое и плоское, носъ приплюснутый, лобъ низкій, скулы выдающіяся, губы тол-

стыя, и почти полуоткрытыя, разрѣзы глазъ, почти, горизонтальные и ростъ небольшой, но тѣлосложеніе коренастое, плотное.

Сравнивая камчадаловъ, съ одной стороны, съ коряками, съ другой—съ японцами, и принимая во вниманіе всѣ, только что перечисленные племенные признаки, приходится признать болѣе родства между первыми и послѣдними, нежели между первыми и вторыми. Конечно, культурность японцевъ слишкомъ отдалила ихъ отъ камчадаловъ, но тѣмъ не менѣе характерные признаки ясно сближаютъ эти двѣ народности, тогда какъ близость камчадаловъ съ коряками проявляется въ отсутствіи лишь культурности и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, непосредственно связанныхъ съ этимъ отсутствіемъ.

Связующимъ звѣномъ между камчадалами и японцами являются курильцы, изъ которыхъ жители первыхъ сѣверныхъ острововъ признаются по всѣмъ признакамъ родственными прежднимъ жителямъ м. Лопатки и вообще южной части Камчатки. Правда, жители южныхъ курильскихъ островов, повидимому, сильно отличаются по типу своему какъ отъ японцевъ такъ и отъ камчадаловъ, но отличіе это проявляется только въ ихъ волосатости и отчасти въ ростѣ, (южные курильцы большого роста и волосаты, почему и называются «мохнатыми»), т. е., въ признакахъ, значеніе которыхъ при распредѣленіи человѣческихъ расъ, до сего времени, еще не выяснено достаточно. Если же эти признаки отбросить, а основываться на главныхъ, т. е., на формѣ черепа, лба, на формѣ лица, носа и т. п., то постепенный переходъ отъ японцевъ къ камчадаламъ чрезъ курильцевъ становится болѣе яснымъ и весьма вѣроятнымъ.

Первые завоеватели Камчатки, казаки, застали корякъ живущими уже въ предѣлахъ сѣверной части полуострова, гдѣ по выдающимся рѣкамъ: Олюторѣ, Укѣ, Палану и Каменной, жили, т. н., осѣдлые коряки, а въ тундрахъ, въ верховьяхъ этихъ рѣкъ и далѣе на сѣверъ до р. Анадыра, кочевали бродячіе, или оленные коряки.

Коряки—народъ монгольскаго происхожденія, по физическому сложенію, въ особенности-же по устройству черепа и лица, значительно отличаются отъ прочихъ, кромѣ чукочъ, народовъ сѣвера, какъ-то: тунгусовъ, ламутовъ, якутовъ, и пр. Сходство же ихъ съ чукчами довольно значительное, что и служитъ причиною выдѣленія ихъ въ одну общую народность.

Какъ коряки, такъ и чукчи имѣютъ форму черепа сжатую со сторонъ и нѣсколько приподнятую сзади; лица корякъ круглыя, хотя встрѣчаются и продолговатыя, скулы выдаются умѣренно, носъ, сравнительно, высокій и бываетъ даже съ горбомъ. Лобъ довольно высокій, подбородокъ круглый. Выраженіе лица скорѣе умное и большею частью серьезное. Бороды нѣтъ, волоса гладкіе черные; у мужчинъ обыкновенно стрижены, тогда какъ у женщинъ длинные и заплетенные всегда въ двѣ косы. Цвѣтъ кожи желтовато-смуглый, у женщинъ бѣлѣе и нѣжнѣе. По тѣлосложенію коряки стройны, крѣпки, гибки и роста выше средняго; небольшой ростъ, а также-же сутуловатость и узкость плечъ встрѣчаются какъ исключеніе.

Соединяя въ себѣ многія достоинства въ физическомъ отношеніи, коряки, въ тоже время, характерными являются и въ нравственныхъ качествахъ. Они смѣлы, самонадѣянны и самостоятельны; самостоятельная и вольная жизнь ихъ породила въ нихъ полное отвращеніе ко всякому роду ограниченіямъ, къ подчиненію и опекѣ. Каждый корякъ самъ себѣ законъ и хозяинъ своему «я». Окруженной со всѣхъ сторонъ необъятной и трудно покоримой тундрой, корякъ, владѣя ею подъ прикрытіемъ пурги и холода, чуждъ всякаго со стороны вмѣшательства въ его жизнь; чуждъ онъ и всякаго рода нововведеній и совѣтовъ; олень и тундра—вотъ все, чѣмъ поглощена его жизнь. Гдѣ-бы ни былъ корякъ, мысли его всегда бродятъ около своего стада, а глаза его всегда ищутъ хорошаго пастбища для оленей. Съ особою отвагою и при томъ прямо, открыто вступаютъ въ борьбу со всякимъ, посягающимъ на ихъ самобытность «Не ходите къ намъ, корму вамъ не дадимъ, а если пойдете, то будемъ драться съ вами», такъ говорили коряки партіи Елистратова, занимавшагося въ 1787 году описаніемъ береговъ Пенженской губы и желавшаго подняться вверхъ по р. Пенжинѣ, „отъ стариковъ мы слышали, что рус-

скіе побиты тамъ (въ верховьяхъ Пенжины) за то, что отъ голоду дѣлали старикамъ нашимъ всякія обиды, отнятіемъ кормовъ; и нынѣ лучше быть не можетъ".

Такъ же, очевидно, открыто говорили коряки и казакамъ, съ которыми имъ пришлось вести непримиримую борьбу болѣе чѣмъ полстолѣтія.

Храбрый противъ враговъ, корякъ, въ то же время, и взыскателенъ къ самому себѣ. Въ повседневной жизни своей онъ день и ночь бываетъ поглощенъ заботами о сохранности своихъ оленей и постоянными, ради ихъ пастбища, переѣздами съ мѣста на мѣсто; особенно же трудны зимнія, холодныя ночи, когда, чуть-ли не подъ открытымъ небомъ, ему приходится зорко сторожить свои стада отъ хищныхъ звѣрей, при чемъ ни завыванія бури, ни вой волковъ не ослабляютъ его энергіи и не уменьшаютъ его бдительности.

При всей своей нетерпимости къ подчиненію и внѣшнему вмѣшательству въ его жизнь, корякъ, въ то же время, крайне гостепріименъ, добродушенъ и предупредителенъ. Мирному гостю предлагается и кровъ и закалывается лучшій олень, а уставшій путникъ всегда находитъ у корякъ всѣ содѣйствія въ своихъ нуждахъ.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, не всѣмъ корякамъ можно приписать выше указанныя качества. Злая судьба и здѣсь, какъ и вездѣ, обездоливъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, силою своего гнета извратила ихъ, отнявъ все прирожденное, хорошее и не давъ ничего лучшаго, свойственнаго ихъ натурѣ, привычкамъ и умѣнью.

Занявъ, въ общемъ движеніи сѣверно-азіатскихъ народовъ, нынѣшнее мѣсто жительства, коряки, почти со всѣхъ сторонъ, оказались сжатыми сосѣдями, съ которыми, волей неволей, пришлось вести борьбу за существованіе; борьба подчасъ оказывалась непосильною, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ, борцы за самобытность, лишились своихъ стадъ, съ ними и всего, чѣмъ жили ихъ отцы и дѣды и на чемъ сосредоточивались всѣ ихъ помышленія. Вся жизнь коряка, все его благосостояніе зависятъ отъ цѣлости его стада. Олень для коряка все, и врядъ ли есть на свѣтѣ какое либо другое животное, которое играло бы въ жизни человѣка такую все поглощающую роль, какъ олень въ семьѣ коряка; олень возитъ, кормитъ, поитъ и одѣваетъ своего обладателя, а для коряка, при его замкнутомъ умственномъ кругозорѣ въ его не одолимой тундрѣ, больше ничего и не надо. Но вотъ съ сѣвера, въ погонѣ за той же тундрой, какъ необходимаго условія для благосостоянія оленьихъ стадъ, начали тѣснить коряковъ чукчи, народъ болѣе сильный; съ запада постепенно надвигались тунгусы, ламуты и пр., а на югъ всѣ мѣста были уже заняты камчадалами, народомъ, хотя и болѣе слабымъ, чѣмъ они, но носящимъ за собою болѣе нравственнаго права на обладаніе этими мѣстами.

Волей—неволей начинаются частыя воины, которыя усиливаются еще болѣе съ появленіемъ казаковъ. Коряки входятъ въ союзныя сношенія съ чукчами и даже пропускаютъ въ земли камчатскія ламутовъ, какъ авангардъ противъ водворившихся на полуостровѣ казаковъ, но все это не отстраняетъ отъ нихъ надвинувшейся бури. Многіе изъ нихъ лишаются стадъ и обездоливаютъ, а вслѣдъ затѣмъ по неволѣ перемѣняютъ образъ жизни; скитаніе со стадомъ по горамъ и тундрѣ замѣняется упорнымъ сидѣніемъ у рѣки и моря въ ожиданіи хода рыбы. Въ настоящее время, по образу жизни, коряки раздѣляются на кочующихъ—это коренные коряки, живущіе и донынѣ, по обычаямъ предковъ, перегоняя въ теченіе круглаго года свои стада съ мѣста намѣсто и переѣзжая за ними совсѣмъ своимъ скарбомъ, и осѣдлыхъ. т. е., такихъ, которые обѣднѣли, потерявъ свои стада, и поселились по рѣкамъ, поддерживая свое существованіе рыбною ловлею и охотой на наземного и морского звѣря.

Бродячіе коряки живутъ въ палаткахъ изъ легкихъ жердей, покрытыхъ оленьими шкурами. Кочевья ихъ распространяются по всему тундристому плоскогорью, называемому Парапольскимъ доломъ, имѣя предѣльною границею на сѣверѣ р. Анадырь, до котораго доходятъ, впрочемъ, очень рѣдко, боясь вступать въ непріязненныя отношенія съ чукчами, заселяющими эту рѣку и непозволяющими никому вторгаться въ ихъ предѣлы.

Оленные каряки.

Западную границу распространенія корякъ строго провести нельзя; вообще они занимаютъ все сѣверное прибрежье Охотскаго моря, съ большимъ заходомъ во внутрь страны. На югъ коряки спускаются до 56° широты, куда ежегодно прикочевываютъ для сдачи ясака и обмѣна своей добычи на свинецъ, порохъ и другіе, нужные для нихъ, товары. Бродячіе коряки всѣ объясачены и, несмотря на полную ихъ недосягаемость по причинѣ непроходимости тундръ, ясакъ платятъ исправно. Въ настоящее время рѣдкій корякъ имѣетъ стадо оленей въ 1,000 головъ, тогда какъ прежде большинство изъ нихъ считались богатѣйшими собственниками среди всѣхъ сѣверо-восточныхъ народовъ; владѣльцы нѣсколькихъ тысячъ оленей и даже десятковъ тысячъ бывали нерѣдкость.

По мѣрѣ того какъ нѣкоторыя семьи корякъ лишались своихъ стадъ, какъ необходимаго средства передвиженія и вольной обезпеченной жизни, они становились въ необходимость избирать себѣ болѣе опредѣленныя и постоянныя мѣста для жительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣнять свои обычаи и привычки; моря и рѣки замѣнили имъ тундру и горы, а водныя багатства—оленя. Въ зависимости отъ устья рѣкъ и разстоянія ихъ одного отъ другого явилась разобщенность коряцкихъ семействъ другъ отъ друга; одни поселились по берегамъ восточнаго океана, другіе по Охотскому морю. Такая разобщенность явилась причиною того, что всѣ осѣвшіе коряки, потерявъ обычаи предковъ, раздѣлились и между собою на нѣсколько отдѣльностей, усвоившихъ себѣ тѣ или другія особенности подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій; даже языкъ раздѣлился на нѣсколько нарѣчій, сходныхъ между собою и кореннымъ языкомъ, но разныхъ въ подробностяхъ.

По мѣсту жительства и нарѣчію осѣдлые коряки раздѣляются на четыре рода:

1) Каменцы и паренцы. Подъ этимъ именемъ разумѣются осѣдлые коряки, поселившіеся, послѣ потери своихъ стадъ, по устьямъ рѣкъ, впадающихъ въ сѣверную оконечность Пенжинской губы. Названіе свое получили по имени наибольшихъ своихъ деревень Парена и Каменной. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ число ихъ простирается до 350 душъ обоего пола, и живутъ они въ 7 деревняхъ, расположенныхъ вокругъ сѣверной оконечности Пенжинской губы. Каменцы и паренцы причислены къ Гижигинской округѣ. Съ перемѣною образа жизни и жилища корякъ измѣнились: вмѣтто круглой, куполообразной или конической юрты, устраиваемой кочевниками изъ тонкихъ жердей и оленьихъ шкуръ, жилища осѣдлыхъ корякъ состоятъ изъ землянокъ самаго несовершеннаго устройства. Землянка устраивается такъ: вырывается неглубокая яма, сажени три въ квадратѣ и прикрывается сверху двухскатной крышей, состоящей изъ толстыхъ жердей, прикрытыхъ дерномъ и древесной корой. Иногда внутренность ямы обкладывается срубомъ изъ такихъ же жердей, выступающимъ надъ поверхностью аршина на 1½; въ такомъ случаѣ дерномъ обкладывается и наружная часть сруба. Въ срединѣ крыши оставляется отверстіе для дыма, служащее въ тоже время и дверью; входъ въ юрту возможенъ только сверху чрезъ это отверстіе, къ которому, для этой цѣли, приставляется бревно съ глубокими зарубинами, служащими ступенями. Такая землянка согрѣвается вѣчно курящимся очагомъ, расположеннымъ посрединѣ юрты, и собственнымъ тепломъ самихъ обитателей. Кромѣ того, для большаго сохраненія тепла, особенно въ зимнія ночи, внутри землянки, такъ же какъ и у кочующихъ коряковъ, развѣшиваются полога изъ шкуръ. Смотря по числу семействъ въ каждой юртѣ и количеству душъ въ семьѣ, число пологовъ и величины ихъ бываютъ различны. Внутреннее устройство юрты или землянки одинаково съ тѣмъ, какъ и у другихъ народовъ подобнаго типа, и отличается всегда крайнею неряшливостью; смрадъ, грязь и зловоніе необходимая принадлежность подобныхъ жилищъ.

Главныя занятія каменцевъ и паренцевъ какъ и другихъ осѣдлыхъ корякъ составляютъ—рыбная ловля и охота на морского звѣря (нерпа, лахтакъ, китъ, и пр.). Охота же на соболя, лису, медвѣдя и т. п. является занятіемъ второстепеннымъ, служащимъ коряку подспорьемъ въ его невзыскательной жизни.

Къ числу особыхъ занятій, присущихъ каменцамъ и паренцамъ преимущественно предъ другими коряками и вообще сосѣдями, относится кузнечное ремесло. Ножи, топоры, кольца, копья и т. п. предметы, встрѣчающіеся у всѣхъ сосѣднихъ инородцевъ, являются произведеніемъ этихъ осѣдлыхъ корякъ, при чемъ нѣкоторыя издѣлія, какъ напр. ножи и копья, по чистотѣ и правильности своей отдѣлки, заставляютъ удивляться тому, какъ эти полудикари, при полномъ несовершенствѣ инструментовъ и приспособленій, могутъ обнаруживать такое умѣнье въ этомъ дѣлѣ. Кузнечныя издѣлія служатъ предметомъ торговли съ кочующими коряками, у которыхъ осѣдлые вымѣниваютъ продукты оленоводства и вообще пушной товаръ.

Нарѣчіе каменцевъ и паренцевъ, какъ и у всѣхъ корякъ, отличается жесткостью по причинѣ множества небныхъ и гортанныхъ звуковъ, встрѣчающихся въ ихъ словахъ. Вообще коряцкій языкъ, вырабатавшійся среди обособленныхъ кочующихъ семей, благодаря простотѣ ихъ жизни и ничтожеству умственной дѣятельности, отличается не сложностью и крайнею бѣдностью своего лексикона. Нарѣчіе каменцевъ и паренцевъ, хотя и измѣнилось подъ вліяніемъ болѣе частаго общенія съ сосѣдями, въ смыслѣ увеличенія формъ и произношенія, но тѣмъ не менѣе, благодаря бѣдности кореннаго языка, является самымъ простымъ и легко усвояемымъ посторонними, почему при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ и вообще при сношеніяхъ съ другими инородцами (чукчами, тунгусами, ламутами и т. п.) въ предѣлахъ нынѣшней Гижигинской округи объясненія идутъ всегда почти на коряцкомъ языкѣ (нарѣчіи каменцевъ и паренцевъ).

Религія корякъ, какъ и всѣхъ инородцевъ сѣверной Азіи, живущихъ въ полудикомъ состояніи, есть шаманизмъ. Какъ ни странно, что эта именно форма религіи предпочитается сѣверными племенами, но тѣмъ не менѣе это фактъ, объясненіе котораго кроется въ давно признанной истинѣ: «начало религіи есть страхъ», и эта истина съ большею интенсивностью проявляется тамъ, гдѣ умственное развитіе стоитъ на низкой ступени и гдѣ самые лучшіе умы изъ окружающихъ не могутъ дать объясненія самымъ обыкновеннымъ, но въ тоже время могучимъ явленіямъ природы. Многія проявленія силъ природы, весьма понятныя и объяснимыя съ точки зрѣнія образованнаго человѣка, для дикаря являются сверхестественными, недосягаемыми.

Особенно сильное впечатлѣніе производятъ на умъ дикаря тѣ явленія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ дѣяніями человѣка и сопровождаются гибелью и опустошеніемъ. Зло долѣе помнится, чѣмъ добро, страхъ сильнѣе чувствуется, чѣмъ благородность и всякое нарушеніе естественнаго хода явленій сильнѣе поражаетъ умъ и сердце, нежели великолѣпнѣйшее изъ обыкновенныхъ, но безобидныхъ, проявленій природы. По этому, дикарь во всемъ могучемъ, но въ тоже время странномъ для себя, видитъ силу, предъ которой преклоняется и изыскиваетъ средства къ устраненію ея или умилостивленію. Богъ, какъ всеобъемлющее существо, признается всякимъ послѣдователемъ шаманизма, но вниманіе его поглощается тѣми злыми духами, которые воплощаютъ въ себѣ тѣ или другія, страхъ и гибель возбуждающія, явленія окружающей природы. Всякій дикарь прямо говоритъ, что онъ не любитъ обоготворяемаго имъ злаго духа, но боится, а потому и умилостивленіе его, въ видѣ жертвъ, поклоненій, считаетъ для себя обязательнымъ, ни чѣмъ не отстранимымъ. Отсюда почитаніе и уваженіе къ лицамъ, которыя по натурѣ своей склонны и способны входить въ общеніе съ этими злыми духами и быть посредниками между ими и человѣкомъ. Такими посредниками являются шаманы, отъ которыхъ и весь культъ религіозный получилъ свое названіе. Быть можетъ, среди шамановъ и шаманокъ и найдутся такіе, которые, пользуясь невѣжествомъ окружающей толпы, предаются обычному при этомъ культѣ бѣснованію ради своихъ личныхъ интересовъ, но безъ сомнѣнія многіе изъ нихъ являются ревностными и, по ихъ глубокому убѣжденію, истинными ревнителями своихъ обязанностей по призванію. Разубѣдить шамана въ его заблужденіи нѣтъ силъ; пока онъ будетъ жить въ той же обстановкѣ и при томъ же умственномъ кругозорѣ, ни какія бесѣды и увѣренія не помогутъ. Въ этомъ обстоятельствѣ кроются, между прочимъ, частые

Корякская шаманка

неуспѣхи миссіонерства и обыкновенныя явленія рецидивизма въ дѣятельности тѣхъ ревнителей слова Божія, которые игнорируютъ умственнымъ развитіемъ своей паствы. Дайте школу, дайте образованіе и шаманизмъ изсякаетъ самъ собою, „аки воскъ отъ лица огня"; безъ этого-же главнаго аргумента всѣ старанія окажутся не только неубѣдительными, но даже развращающими, убивающими все чисто хорошее природное и недающими взамѣнъ ничего лучшаго и прочнаго, что, на самомъ дѣлѣ, мы и видимъ очень часто на тѣхъ дикаряхъ, которые попали подъ вліяніе искаженной, а потому и гибильной для нихъ, цивилизаціи. Примѣры, когда выкрещенцы изъ дикарей, твердо вѣрившіе въ ученіе Христа, но неимѣющіе прочной образовательной подкладки, обращаются къ умилостивленію злыхъ духовъ для избѣжанія какихъ—либо золъ и бѣдствій, нерѣдко и чаще всего являются тамъ, гдѣ ученіе слова Божьяго основано не на воспитаніи и грамотности, а на вѣрѣ и привычкѣ. Поступки такихъ людей управляются и вызываются не тѣмъ, чему они вѣрятъ, а тѣмъ, что они видятъ, ощущаютъ, сознаютъ.

Религія кочующихъ коряковъ—чистый шаманизмъ, съ полнымъ сознаніемъ и вѣрою въ него; религія каменцевъ и паренцевъ—искаженный уже шаманизмъ, незамѣненный ничѣмъ лучшимъ, но пошатнутый уже въ нѣкоторыхъ догматахъ вліяніемъ извнѣ.

2) Поллонцы. Мѣстопребываніемъ этихъ обѣднѣвшихъ коряковъ служитъ сѣверо-западный берегъ полуострова Камчатки, начиная верстъ на 400 южнѣе каменцевъ и кончая Воямпольскимъ селеніемъ, находящимся въ 50 верстахъ на сѣверъ отъ Тигиля. Эта отрасль коряцкой народности получила названіе отъ наибольшаго своего селенія—Поллона, расположеннаго при устьѣ р. Поллоны, вытекающей изъ большого нагорнаго озера того же имени.

Изъ другихъ селеній, обитаемыхъ этими коряками, извѣстны: Пусторѣцкъ, Подкогирная, Лѣсная, Кликоль, Кохтала, выселокъ Ургинскій и Воямполка. Всѣ эти селенія расположены вдоль морского берега, при устьяхъ рѣкъ того же имени. Число поллонцевъ обоего пола простирается до 1000 душъ, всѣ они крещены и имѣютъ въ каждомъ селеніи часовню, а въ Поллонѣ церковь и церковный причтъ. Жилища поллонцевъ болѣе основательны, ближе подходятъ къ русскимъ избамъ, хотя въ сѣверныхъ деревняхъ встрѣчаются и полуземляныя юрты. Нѣкоторые изъ жителей начинаютъ заниматься огородничествомъ и скотоводствомъ. Большинство говоритъ по—русски, но замѣтно, что, съ постепеннымъ удаленіемъ на сѣверъ, русскій языкъ и обычаи проявляются все слабѣе и слабѣе, такъ что жители Пусторѣцка и Подкогирнаго селеній значительно уже отличаются отъ остальныхъ въ образѣ жизни и обычаяхъ, сохранивъ до сего времени нѣкоторыя особенности своей національности въ одеждѣ, занятіяхъ и наклонностяхъ.

3) Укинцы, т. е., коряки, поселившіеся по р. Укѣ, впадающей въ Великій океанъ подъ 58° широты, т. е., въ одной параллели съ поллонцами. Названіе укинцевъ впослѣдствіи перешло и на другихъ коряковъ, избравшихъ для своего мѣста жительства сосѣднія рѣки: Озерную, Хомомо, Ивомку, Дранку и Карагу, при устьяхъ которыхъ и расположены деревни того же имени.

Укинцы совершенно тождественны съ поллонцами, живутъ въ такихъ же избахъ, разводятъ скотъ, лошадей и занимаются огородничествомъ. Число жителей во всѣхъ этихъ деревняхъ, около 300 душъ обоего пола; всѣ они крещены, имѣютъ часовни и церковь съ причтомъ въ с. Дранкинскомъ.

Главнымъ насущнымъ хлѣбомъ, какъ и на западномъ побережьѣ, служатъ продукты рыболовства и охоты на китовъ, тюленей разныхъ семействъ и пр. Особеннымъ у укинцевъ предметомъ промысла служитъ сивучъ и моржъ, водившійся когда-то при укинскомъ побережьи въ значительномъ количествѣ, а теперь только въ предѣлахъ Корлинскаго острова.

и 4) Омоторцы. Первоначальное поселеніе этихъ коряковъ было по р. Омоторѣ, а затѣмъ они распространились и далѣе, образовавъ 9 деревень вдоль сѣверовосточнаго побережья Камчатскаго перешейка. Насколько укинцы по нравамъ и обычаямъ близки къ поллонцамъ, настолько омоторцы близко стоятъ къ каменцамъ и паренцамъ. Жилища ихъ состоятъ изъ полу-

земляныхъ юртъ; бревенчатыя избы весьма рѣдки, особенно на сѣверѣ, гдѣ религія, обычаи и особенности выговора почти тождественны съ кочующими коряками. Омоторцы съ давнихъ поръ были извѣстны своимъ коварствомъ, мстительностью и неуживчивостью. Самое сильное и упорное сопротивленіе русскимъ завоевателямъ—казакамъ оказывали омоторцы, да и теперь, особенно жители сѣверныхъ деревень, едва ли съ особымъ удовольствіемъ и покорностью смотрятъ на русскую власть и на обычай платить ежегодный ясакъ. Занятія омоторцевъ тождественны съ прочими сидячими коряками и отличаются умѣньемъ выдѣлывать изъ моржевой кости разныя мелкія вещи, коробочки, трубки, кольца, игрушки и пр. и пр.

Между этими, только что перечисленными разновидностями осѣдлыхъ коряковъ, въ срединѣ полуострова, по возвышеннымъ мѣстамъ, кочуютъ ламуты и небогатые стадами кочующіе коряки, которые лѣтомъ прикочевываютъ съ торговыми цѣлями къ Тигилю и къ своимъ осѣвшимъ сородичамъ, привозя продукты оленеводства и охоты и запасаясь здѣсь хлѣбомъ (для лакомства), табакомъ, свинцомъ, порохомъ, желѣзными издѣліями и т. п.

Коренное населеніе полуострова Камчатки, какъ уже сказано выше, составляютъ камчадалы или ительмены, какъ они сами себя называли, народъ, по моему мнѣнію, южнаго происхожденія, т. е., курило-японскаго и японско-китайскаго.

Крашенинниковъ, первый изслѣдователь Камчатки, признавая за камчадалами родственность ихъ съ китайцами, путь движенія ихъ описываетъ такъ: изъ Монголіи пришли они къ морю и, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ, вдоль берега и вокругъ Пенжинскаго моря дошли до Камчатки, гдѣ какъ въ уютномъ отъ сосѣдства уголкѣ, основались окончательно. Приписывая имъ такое движеніе, упомянутый авторъ, въ тоже время, говоритъ, что такое переселеніе камчадаловъ было совершено въ глубокой древности, когда монголы не знали еще употребленія металловъ, (иначе, они передали бы ихъ и камчадаламъ) и при томъ переселеніе ихъ предшествовало движенію якутовъ и тунгусовъ, иначе эти послѣдніе или опередили бы ихъ и попали въ Камчатку ранѣе ихъ, или, идя непосредственно за ними, они, волей неволей, должны бы были знать о нихъ хоть что нибудь, чего опять таки, по всѣмъ даннымъ можно заключить, не было.

Такимъ образомъ, по описанію Крашенинникова выходитъ, что ранѣе 2 тысячъ лѣтъ тому назадъ (когда еще монголы не знали употребленія металловъ), отъ монгольской расы отдѣлилась небольшая часть людей и ни чѣмъ и ни кѣмъ не гонимая, тронулась къ морю, потомъ прошла вдоль всего моря, не встрѣчая на пути своемъ никакихъ аборигеновъ и не побуждаемая къ такому переселенію никакой народностью, идущею сзади ея, (иначе съ этою народностью пришлось-бы вступать въ тѣ или другія сношенія и тѣмъ самымъ оставить о себѣ какія—либо извѣстія, чего, какъ говоритъ Крашенинниковъ „не примѣчено"); въ концѣ концовъ эта отрасль монгольскаго племени, подъ вліяніямъ какъ бы какого то инстинкта, дойдя до Парапольскаго дола, повернула на югъ и, занявъ Камчатскій полуостровъ, составила особую народность, названную впослѣдствіи камчадалами, дотоле неизвѣстную ни чукчамъ, ни ламутамъ, ни тунгусамъ и ни якутамъ.

Такое переселеніе камчадальскихъ праотцевъ, переселеніе, по истинѣ можно сказать, вольное, ничѣмъ не вынужденное и при томъ среди безлюдной тайги и болотъ, быть можетъ и было возможно въ тѣ отдаленныя времена, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть въ такомъ объясненіи натяжки, особенно имѣя въ виду болѣе легкій и болѣе вѣроятный путь движенія древнихъ камчадаловъ отъ той же монгольской расы, но чрезъ острова, чрезъ японско-курильскую гряду, которая, въ то время, быть можетъ, и не была еще въ такой раздѣльности, какъ теперь, что, въ силу особаго проявленія на ней вулканической дѣятельности, легко могло быть.

Камчадалы, благодаря своему особенному складу характера и воспріимчивости, до такой степени подпали подъ вліяніе русскихъ и, передавъ симъ послѣднимъ нѣкоторыя, по мѣстнымъ условіямъ неотмѣнимыя, привычки и обычаи, такъ быстро смѣшались съ ними, что разграничить ихъ на двѣ отдѣльныя народности теперь почти нѣтъ возможности. Такая быстрота ассимиляціи

объяснима, отчасти, тѣмъ, что первые русскіе казаки, въ теченіе долгаго періода, появлялись въ предѣлахъ Камчатки безъ женщинъ и, оставаясь тамъ на жительство, очевидно, брали себѣ женъ изъ камчадалокъ.

Благодаря такому обрусѣнію камчадаловъ и окамчадаленію русскихъ, одинъ лишь Крашенинниковъ, бывшій тамъ вскорѣ послѣ завоеванія Камчатки, успѣлъ еще застать камчатское племя въ чистой его неприкосновенности. Послѣдующіе же за нимъ изслѣдователи съ каждымъ разомъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе лишались возможности наблюдать чистоту типа, нравовъ и обычаевъ этого племени. Въ этомъ же, между прочимъ, заключается причина, почему описанія камчадаловъ Крашенинниковымъ нѣсколько отличается отъ показаній какого нибудь Елистратова, описывавшаго ихъ въ 1787 году, т. е., спустя 40 лѣтъ послѣ Крашенинникова,—а описаніе мореплавателей начала этого столѣтія отличаются нѣсколько отъ описанія Елистратова; наконецъ, если взять современныя показанія о камчадалахъ, то онѣ окажутся во многомъ противорѣчащими съ свидѣтельствомъ о нихъ Крашенинникова.

Въ силу этихъ соображеній, мнѣ кажется, будетъ болѣе справедливымъ, говоря о камчадалахъ, какъ объ отдѣльной первобытной народности, придержаться мнѣнія Крашенинникова. Въ одномъ лишь, мнѣ кажется, сей изслѣдователь былъ неправъ, назвавъ камчадаловъ «нравами грубы». Вѣроятнѣе всего, этими словами онъ желалъ указать на полное отсутствіе среди камчадалъ какой—либо цивилизаціи, а не на грубость, вытекающую изъ жесткихъ, звѣрскихъ наклонностей. Иначе какъ—то трудно вѣрится, чтобы кроткіе современные камчадалы могли имѣть предковъ, отличавшихся грубостью и жестокостью характера. Очевидно, древніе камчадалы были настолько же грубы, насколько, по первоначальному впечатлѣнію, кажется намъ всякій полудикарь, не имѣющій понятія о культурной жизни.

Крашенинниковъ такъ описываетъ древнихъ камчадаловъ: „тѣломъ смуглы и черноволосы, глаза малы, лица плоски и не столь продолговаты и скулисты, какъ у другихъ сибирскихъ народовъ; щеки одутловаты, губы толсты и ротъ превеликой; возрасту всѣ почти средняго, плечисты и присадисты, особливо кои живутъ при морѣ и морскими звѣрями питаются; великановъ по всей Камчаткѣ нѣтъ“. Далѣе: „въ житьѣ гнустны, ѣдятъ изъ одной посуды съ собаками и никогда ее не моютъ, всѣ вообще пахнутъ рыбою, какъ гагары; волосовъ на головѣ не чешутъ, но расплетаютъ на двѣ косы какъ мужчины, такъ и женщины . . . ., а у которыхъ волосы малы, тѣ парики носятъ, которые бываютъ вѣсомъ до десяти фунтовъ, и голову сѣнною копною представляютъ; женской полъ красивѣе и кажется умнѣе, чего ради изъ бабъ болѣе шамановъ бываетъ, чѣмъ изъ мужеска пола».

Затѣмъ: «нравомъ грубы, о Богѣ, порокахъ и добродѣталяхъ имѣютъ развращенное понятіе; за вящее благополучіе почитаютъ объяденіе, праздность и плотское совокупленіе; похоть возбуждаютъ пѣніемъ, пляскою и расказываніемъ любовныхъ басенъ; главнымъ грѣхомъ скуку и неспокойство считаютъ, котораго избѣгаютъ всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни, чего ради прежде самоубійство у нихъ было послѣдній способъ удовольствія, и по покореніи ихъ казаками до того умножилось, что изъ Москвы нарочные были указы, чтобы не допускать камчадаловъ до самовольной смерти . . . . Живутъ они беззаботно, трудятся по своей волѣ, думаютъ о нужномъ и настоящемъ, будущее совсѣмъ оставя . . . . Законовъ никакихъ не имѣютъ, начальниковъ не признаютъ; старые и удалые люди имѣютъ въ каждомъ острожкѣ преимущество, которое однако жъ только въ томъ состояло, что ихъ совѣты предпочитались . . . . Богатства, славы, чести не вѣдаютъ, чего ради нѣтъ между ними сребролюбія, любочестія и гордости, но токмо роскошь и похоть съ своими плодами, а при томъ ярость, ненависть и мщеніе . . . . Учтивства въ словахъ нѣтъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ; шапокъ не снимаютъ и не кланяются другъ—другу; въ разговорахъ столь глупы, что кажется, будто бы они токмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ, однако любопытны и всякой вещи происхожденіе объявить стараются . . . . Всѣ вообще мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды,

землю, горы и лѣса населяютъ различными духами, которыхъ больше Бога опасаются и приносятъ имъ жертвы, а Бога, напротивъ, не токмо не боятся, но и злословятъ . . . . Судъ и расправа у нихъ общая, удовольствіе обидимому равное воздаяніе, кто кого убилъ, тотъ отъ сродниковъ убіенъ бываетъ . . . . Ворамъ, кои часто уличались, обжигали руки, обвивъ ихъ берестою, а кои въ первой разъ бывали пойманы, тѣхъ бивали безъ всякаго отъ вора сопротивленія, послѣ чего такіе люди принуждены были жить на единѣ безъ помощи и всякаго съ другими обхожденія . . . . Женъ имѣютъ по одной, по двѣ и по три . . . . Великое искусство имѣютъ пересмѣхать всякаго и точно представлять по походкѣ, по голосу, рѣчи и т. п. . . . . Но сколь они въ житьѣ ни гнусны и въ поступкахъ ни глупы, однако, во всемъ такое мнѣніе имѣютъ, что нѣтъ лучше житья ихъ и удовольствія, чего ради казачьему житью, въ чемъ съ ихъ не сходно, не безъ презрѣнія удивляются . . . .".

Переходя затѣмъ къ описанію жилищъ, домашней утвари, обстановки и вообще обыденной жизни, Крашенинниковъ замѣчаетъ: „токмо нынѣ (т. е. 40—50 лѣтъ спустя послѣ покоренія Камчатки казаками) во всемъ послѣдовала великая перемѣна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ восприяли христіанскую вѣру и стараются во всемъ россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь житью предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, который таіонъ называется и которому поручены судъ и расправа надъ подчиненными криминальныхъ дѣлъ. Во многихъ мѣстахъ построены избы и горницы по россійскому обыкновенію, а индѣ и часовня для молитвы; заведены тамъ и школы, *въ которыя сами камчадалы* охотно отдаютъ дѣтей своихъ . . . .".

По Крашенинникову, жилищемъ камчадаламъ служили такія же полуземляныя юрты, какъ и у сосѣднихъ коряковъ (см. выше) и устраивались они подобнымъ же образомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, на верху юртъ оставлялось отверстіе, подъ которымъ устраивался очагъ и которое служило для выхода дыма, а равно какъ и для входа и выхода (дверь) самихъ обитателей.

Съ боку юрты оставлялось еще отверстіе, служившее какъ поддувало и, въ тоже время, дверью, но проходить чрезъ него приходилось ползкомъ и считалось, особенно для мужчинъ, весьма зазорнымъ. Казаки завоеватели, непривыкшіе къ трудному выхожденію и нисхожденію, пользовались этими боковыми отверстіями, которыя, современемъ, стали оставляться въ большихъ размѣрахъ и въ концѣ концевъ было обращено въ обыкновенную дверь. На прилагаемой фотографіи изображено жилище современнаго бѣднаго камчадала, которое, очевидно, является переходною ступенью отъ древнихъ земляныхъ юртъ съ однимъ лишь верхнимъ отверстіемъ къ современнымъ бревенчатымъ избамъ и которое теперь попадается весьма рѣдко, только у самыхъ бѣдныхъ жителей Камчатки. Рядомъ съ нимъ сооруженъ, такъ называемый, балаганъ, устраиваемый по одному типу у всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ, живущихъ рыбною ловлею, и служащій лѣтнимъ помѣщеніемъ для хозяина и зимнимъ хранилищемъ заготовленной рыбы и вообще всѣхъ продуктовъ. Устройство балагана на высокихъ стойкахъ вызвано во первыхъ тѣмъ, что подъ нимъ, какъ подъ навѣсомъ, образуется крытое помѣщеніе для просушки рыбы (юкалы), во вторыхъ тѣмъ, что, благодаря высотѣ стоекъ, балаганъ, какъ хранилище припасовъ, является недоступнымъ для собакъ, лисъ и другихъ животныхъ, и въ 3-хъ тѣмъ, что при такомъ устройствѣ, лѣтнее жилье въ немъ является убѣжищемъ отъ излишней сырости и особенно отъ комаровъ и вообще отъ гнуса.

Необходимую принадлежность жилья всякаго инородца—рыболова составляютъ рыбныя вѣшала; постройка эта представляетъ изъ себя незатѣйливую двускатную крышу, поставленную на высокихъ стойкахъ, къ которымъ въ нѣсколько рядовъ прикрѣплены горизонтальные помосты изъ жердей. На жердяхъ подвѣшивается болѣе свѣжая рыба (только что распластанная), а на помосты переносится болѣе или менѣе подсохшая. Такія вѣшала ставятся какъ въ

Жилище бѣднаго камчадала

селеніяхъ вдоль рѣки, такъ и у мѣстъ, гдѣ ловятъ рыбу, если они отстоятъ отъ селенія въ нѣкоторомъ разстояніи.

Описывая жилища древнихъ камчадаловъ, Крашенинниковъ упоминаетъ и о домашней ихъ обстановкѣ, которая отличалась отсутствіемъ всякой культурности и присутствіемъ всего примитивнаго. Примитивны были у камчадалъ и домашнія орудія и употребляемыя имъ оружія. По всему видно, что, такъ называемый, каменный періодъ, съ прибытіемъ въ Камчатку русскихъ, только что прекратился тамъ. Даже въ бытность тамъ Крашенинникова, закоренѣлые камчадалы, по старой привычкѣ, еще употребляли орудія изъ камня и кости.

Огонь камчадалы, какъ и всѣ дикари, добывали треніемъ, для чего брали кусокъ сухого дерева съ небольшою ямкою, въ которую вставлялся конецъ сухой же палочки и приводили ее въ быстрое вращательное движеніе при помощи небольшого лучка. За неимѣніемъ огнеупорной посуды, варку пищи производили въ деревянныхъ чашкахъ при помощи раскаленныхъ камней. „Чего ради“, пишетъ Крашенинниковъ, „и писать бы о томъ болѣе нечего, еслибы сей народъ такъ какъ другіе имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы; но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче, что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, по дикой, грубой и трехъ перечесть неумѣющій; столь сильна нужда умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни . . . . . Инструменты дѣлались изъ оленьей и китовой кости, такъ же и яшмы, горнаго хрусталя и иного каменья . . . . Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради лодки, большія чаши въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто дорогое, сдѣланное изъ дорогого металла . . . . Желѣзные инструменты почитались высоко еще во время моей бытности, а желѣзную и мѣдную посуду токмо тѣ употребляли, которые знали, что есть чистота и старались россійскому житью послѣдовать, въ томъ числѣ знатнѣйшие новокрещенные таіоны . . . . “.

Религія древнихъ камчадаловъ была шаманизмъ со всѣми проявленіями, свойственными этому вѣрованію и общими у всѣхъ полудикарей сѣверной Азіи. Въ основѣ, какъ и у другихъ инородцевъ, признается божество доброе, милостивое, съ крайне непослѣдовательными представленіями о его могуществѣ и участіи въ судьбѣ человѣка, котораго, обыкновенно, считаютъ происшедшимъ отъ этого божества. Главную же роль въ судьбѣ человѣческой жизни принимаютъ второстепенные боги, обыкновенно, злые и вѣчно враждующіе со всѣмъ живущимъ. Не имѣя возможности разъяснить себѣ причины всѣхъ явленій природы, и въ то же время, сознавая всю ихъ мощь, все ихъ величіе, дикарь поневолѣ видитъ въ нихъ сверхестественную силу, которую и обоготворяетъ подъ различными наименованіями и придумываетъ различные способы умилостивленія ихъ.

Главное божество камчадалы называютъ Кутха, которое, по сотвореніи земли, сошло въ Камчатку и на каждой изъ главныхъ рѣкъ оставило потомство, отъ котораго и произошли отдѣльные камчадальскіе роды—еловцы, авачинцы и пр.; такимъ образомъ, по вѣрованію древнихъ камчадаловъ, самимъ Кутхою былъ опредѣленъ каждому роду своей удѣлъ, въ раіонѣ котораго онъ и долженъ былъ жить, пользуясь его богатствами: рыбою, соболемъ, нерпою и пр. Слѣды путешествія Кутхи остались въ видѣ горъ и долинъ. Послѣднимъ мѣстопребываніемъ въ Камчаткѣ Кутхи считается р. Озерная съ Курильскимъ озеромъ, гдѣ онъ сѣлъ на свои баты (лодки) и отплылъ изъ Камчатки.

Кромѣ Кутхи камчадалы почитали и еще одно «доброе» божество, которое охраняло ихъ юрты, ихъ очагъ отъ злыхъ духовъ и въ честь котораго въ каждой юртѣ ставился идолъ. Затѣмъ всѣ остальныя божества представлялись камчадаламъ въ видѣ злыхъ духовъ, которыми

были населены огнедышащія горы, пропасти, лѣса, моря, рѣки и вообще все, среди чего человѣку приходилось вращаться и, добывая пропитаніе, рисковать жизнью или своимъ благосостояніемъ; отсюда всѣ заботы и умилостивленія злымъ духамъ и никакого вниманія Кутхѣ.

Свѣтъ, по вѣрованію камчадаловъ, вѣченъ, души безсмертны, которыя, по смерти человѣка, переходятъ въ подземное царство, во власть старшаго сына Кутхи, Гаеча, который жилъ въ Камчаткѣ и умеръ первымъ изъ всѣхъ людей. Въ подземномъ царствѣ души соединяются съ тѣломъ и снова возстаютъ для жизни, но жизни вѣчной и несопряженной съ тѣми трудностями и опастностями, какъ на землѣ, а напротивъ, будетъ во всемъ полное изобиліе.

Несмотря на такое представленіе о загробной жизни, камчадалы, какъ передаетъ Крашенинниковъ, крайне не симпатично относились къ тѣламъ умершихъ, они ихъ не жгли и не зарывали въ землю, а бросали на съѣденіе звѣрямъ и собакамъ.

Не симпатичны были у древнихъ камчадаловъ и понятія о добродѣтеляхъ и порокахъ. Дозволялось человѣку дѣлать все, что служило къ удовлетворенію его желаній и страстей, не ограничиваясь ни средствами ни мѣрами, тогда какъ самыя человѣческія проявленія души и сердца, признавались за грѣхъ и величайшій порокъ. Такъ, по ихъ вѣрованію, убійство, прелюбодѣяніе, обманъ и т. п. не считались за порокъ, тогда какъ спасеніе утопающаго, напримѣръ, или паданіе помощи засыпанному снѣгомъ—считалось за непростимый грѣхъ, влекущій за собою несчастія. Крашенинниковъ приводитъ слѣдующія суевѣрія камчадаловъ, которыя въ небольшихъ проблескахъ сохранились и до настоящаго времени: „пить горячія воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышащія горы за несомнѣнную почитаютъ погибель и, слѣдовательно грѣхъ, вопіющій на небо; грѣхъ у нихъ и надъ кислою рыбою драться или ссориться (отъ чего можетъ послѣдовать гибиль); грѣхъ съ женою совокупляться когда съ собакъ сдираютъ кожи (отъ чего на тѣлѣ можетъ появиться короста); грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви, (случится буря); грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варять въ одной посудѣ (будетъ несчастье въ ловлѣ и охотѣ); грѣхъ ножи и топоры точить въ дорогѣ, (отъ чего бываютъ бури и непогода); и другія подобныя сему мелочи“.

Изъ обычаевъ древнихъ камчадаловъ, описываемыхъ Крашенинниковымъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ обычай *сведенія дружбы*, который состоитъ въ слѣдующимъ: если кто пожелаетъ свести дружбу съ кѣмъ—либо, то онъ приглашаетъ его къ себѣ въ гостя, приготовивъ предварительно въ большомъ количествѣ какого-либо (лучшаго) кушанья и натопивъ юрты до возможно сильной степени, и начинаетъ усиленно угощать своего будущаго друга, прибавляя все время этого кушанья и подтапливая юрту. При этомъ хозяину разрѣшается выходить изъ юрты и не принимать участія въ ѣдѣ, гость же долженъ ѣсть, не вставая съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока все не съѣстъ, или откажется отъ дальнѣйшаго угощенія, откупаясь отъ него всѣмъ, что только хозяинъ не попроситъ у него.

Если угощенія не хватитъ, то дружественный союзъ считается не состоявшимся, а если гость не съѣстъ всего предложеннаго кушанья и откажется, то хозяинъ беретъ съ него сначало лучшую одежду, обувь, затѣмъ оружіе, собакъ и вообще все, что пожелатъ. Въ концѣ концовъ, гость уходитъ голый или получаетъ отъ хозяина ненужное тряпье, лишь бы чѣмъ было прикрыться и, въ свою очередь, приглашаетъ новаго друга къ себѣ въ гости и такъ-же угощаетъ и обираетъ его до ниточки. Этимъ обычаемъ пользовались иногда и казаки, когда желали выманить у камчадала или черную лису, или другую какую—либо дорогую пушнину.

Изъ другихъ камчадальскихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ съ нѣкоторыми измѣненіями коряками и чукчами, болѣе всего интересны свадебные. Каждый женихъ, облюбовавъ себѣ невѣсту, переселяется на житье къ будущему тестю и, иногда не говоря ему ни слова о своихъ намѣреніяхъ, начинаетъ на него и на семью его работать, стараясь показать при этомъ все свое умѣнье, проворство и полную покорность. По истеченіи извѣснаго срока, достаточнаго для полнаго знакомства съ нимъ, женихъ испрашивалъ позволеніе „хватать невѣсту“, на что, смо-

тря по оцѣнкѣ его тестемъ и невѣстою, получалъ согласіе или отказъ. Съ полученія согласія, невѣста поступала подъ особенно бдительный надзоръ родственницъ и вообще знакомыхъ женщинъ, при чемъ на нее надѣвали нѣсколько одеждъ и даже опутывали рыболовною сѣтью. Всѣ старанія жениха направлены къ тому, чтобы, не смотря на надзоръ со стороны женщинъ, уловить моментъ для того, что бы схватить невѣсту и разорвать на ней до обнаженія извѣстныхъ частей тѣла всѣ одежды, опутанныя сѣтью. Женщины, охраняющія невѣсту, старались при томъ не только отгонять жениха, но и били его чѣмъ попало; случалось, что жениху приходилось по нѣсколько разъ возобновлять свои попытку схватить невѣсту, но бдительныя женщины не допускали его; нерѣдки были случаи и такіе, что женихъ получалъ какое—либо увѣчье отъ неистовства охранительницъ и поневолѣ отказывался отъ невѣсты. Если жениху удавалось схватить невѣсту, чѣмъ, собственно говоря, и кончался весь обрядъ женитьбы, то онъ получалъ уже право на ночлегъ съ нею и на другой день увозилъ домой, къ отцу своему или въ свой собственный домъ, а для празднованія свадьбы возвращался къ тестю по прошествіи нѣкотораго времени.

Хватаніе невѣсты соблюдалось только въ томъ случаѣ, если невѣста въ первый разъ выходитъ замужъ; если же она вдова или находилась въ разводѣ съ первымъ мужемъ, то обрядъ женитьбы сводился къ обоюдному лишь согласію обѣихъ сторонъ. Расторженіе брака, что случалось очень рѣдко, рѣшалось заявленіемъ и волею мужа, безъ всякихъ обрядовъ. Вдовы не пользовались уваженіемъ и получали возможность вторично выходить замужъ только въ томъ случаѣ, если кто—либо изъ постороннихъ мужчинъ вступалъ съ нею во временное сожительство.

Свадебные пиры состояли изъ обжорства, плясокъ и пѣсенъ, при чемъ руководительницею пира избиралась какая—либо шаманка, которая совершала различнаго рода наговариванія и даже жертвоприношенія.

Пляски камчадаловъ крайне безсодержательны и не изящны, и сопровождаются, главнымъ образомъ, неуклюжими тѣлодвиженіями и рѣзкимъ крикомъ; болѣе другихъ осмысленна, это пляска въ подражаніе походкѣ и играмъ животныхъ; одинъ, напримѣръ, изображаетъ медвѣдя, а другіе медвѣжатъ и медвѣдицу, или еще что—либо въ этомъ родѣ.

Что касается до пѣсенъ, то Крашенинниковъ говоритъ «что въ пѣсняхъ камчадальскихъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо одни простыя понятія о вещахъ, которыя имъ странными кажутся или смѣшными, или достойными удивленія . . . . Въ любовныхъ пѣсняхъ изъявляютъ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль, надежду и другія обстоятельства; . . . . Всѣ пѣсни сочиняютъ наибольше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и пріятные голоса . . . . ».

Для примѣра Крашенинниковъ въ своемъ „Описаніи земли Камчатки“ приводитъ пѣсни, сложенныя камчатскими бабами въ честь его, полковника Мерлина и маіора Павлуцкаго, съ переложеніемъ мотивовъ ихъ на ноты. Въ пѣсняхъ этихъ нѣтъ ни жизни, ни стихосложенія, а передаются только привычки или занятія воспѣваемыхъ лицъ, такъ, напримѣръ: «еслибъ я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣлымъ галстухомъ», или «еслибы я былъ студентъ (Крашенинниковъ), то описалъ бы всѣхъ чаекъ» и т. п.

Описывая нравы, вѣрованія, обряды, обычаи и привычки древнихъ камчадаловъ, Крашенинниковъ, поражаясь грубостью и гнусностью нѣкоторыхъ изъ нихъ, говоритъ: „Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и съ первыхъ годовъ моей бытности тамъ, но нынѣ во всемъ послѣдовала великая перемѣна, ибо тщаніемъ всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы Елизаветы Петровны всѣ камчадалы приняли христіанскую вѣру. Отъ святѣйшаго синода отправлены проповѣдники со всѣмъ, что потребно было къ обращенію столь дикаго народа, которые имѣли столь желаемый успѣхъ въ ученіи, что не только обратили въ христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе къ ученію; завели школы по разнымъ мѣстамъ въ

которыя камчадалы отдаютъ дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія, а нѣкоторые учатъ ихъ своимъ коштомъ. По такимъ обстоятельствамъ сомнѣваться не можно, что христіанская вѣра по всему побережью чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится".

Предсказаніе Крашенинникова сбылось. Христіанство распространилось по всему полуострову, начиная съ низменной Лопатки и кончая тѣми тундрами, гдѣ прекращается осѣдлая жизнь коряковъ и гдѣ начинаются вольныя скитанья кочевниковъ. Уничтожились вѣрованія и обычаи и сгладились нравы; теперь ужь не услышишь по всей Камчаткѣ ни завыванія шамана, ни дикихъ криковъ пляшущихъ; все смирно и обстоитъ благополучно. Но увы, то было самобытное племя, то былъ народъ полный жизни, полный своихъ собственныхъ, неподдѣльныхъ взлядовъ, а теперь какая то обездоленная, попранная судьбою смѣсь, какое то тѣло, вынутое изъ грязи, обсушенное, но неочищенное. «Въ житіи гнусны и нравами грубы» —писалъ когда то Крашенинниковъ о камчадалахъ; теперь же, если бы этотъ ученый побывалъ въ Камчаткѣ, то, вѣроятнѣе всего, написалъ бы: „житіемъ изсушены и нравами бѣдны". То было время, когда можно было отличить, кто камчадалъ, кто русскій, теперь же слилось все воедино, все обратилось въ „камчатскаго жителя", котораго нельзя характеризовать ни по скуламъ, ни по лбу и глазамъ, а скорѣе по признакамъ, ясно свидѣтельствующимъ о вырожденіи племенъ, по отсутствію типичности, воли и собственнаго мнѣнія. Раньше камчадалъ „дѣлалъ", теперь камчатскимъ жителемъ „дѣлается", тогда онъ „—я", теперь онъ орудіе для самого себя. Отнять было легко, и еще легче, пожалуй, не дать ничего, но зато тяжело и прискорбно смотрѣть теперь на все, что получилось изъ этого.

Кому неизвѣстно, что если дикая, первобытная страна подвергается колонизаціи, то вліяніе этого отражается, прежде всего, на ея коренныхъ обитателяхъ. Не говоря уже о томъ воздѣйствіи, которое дикарь испытываетъ отъ измѣненія физіономіи мѣстности, неминуемо слѣдующаго за появленіемъ болѣе культурной націи. Для него отъ столкновенія съ пришельцами становится неизбѣжнымъ невольное порабощеніе всѣхъ своихъ воззрѣній, нравовъ, привычекъ,—словомъ, всей своей физической и нравственной жизни. Прежде всего оскудѣваютъ привычные для дикаря промыслы, охота и рыбная ловля; шагъ за шагомъ дикари отрываются отъ своего обычнаго образа жизни и поддаются вліянію чужеземцевъ, принося имъ въ жертву все свое самобытное съ несравненно большою скоростью, нежели успѣваютъ позаимствовать отъ нихъ что—либо взамѣнъ отданнаго. Вслѣдъ за симъ наступаетъ постепенное исчезновеніе всего стараго и появленіе страны во всемъ измѣненномъ по жизни, по окраскѣ, по колориту. Проходятъ годы и старое все забывается, уступивъ мѣсто новому, болѣе культурному, лучшему, и страна вступаетъ въ новый фазисъ жизни. Противъ такого теченія обстоятельствъ нельзя и возражать.

Но такъ ли было съ Камчаткою?

Съ появленіемъ русскихъ, мирная жизнь дикаря нарушилась; начинаются кровавыя стычки и войны, гибнетъ народъ, лѣса трещатъ, рѣки мелѣютъ; и то, что прежде служило дикарю нивою, откуда онъ почерпалъ для себя все нужное, весь насущный хлѣбъ, мало по малу отходитъ на второй планъ, лишается первенствующаго значенія, уступая мѣсто новой житницѣ, болѣе культурной нивѣ, начинается обработка и обсѣмененіе очищенной отъ излишняго лѣса земли, преслѣдуется собака, вѣрный другъ дикаря, и заводится лошадь и корова. Осушаются болота и жгутся луга, горитъ вмѣстѣ съ ними и лѣсъ, а вслѣдъ за тѣмъ исчезаетъ и соболь, послѣдній рубль дикаря. Но все это нипочемъ, впереди рисуется новая жизнь, представляется новое ученіе, основанное на гуманныхъ началахъ, обставляется оно необходимыми атрибутами—образованіемъ, заводятся школы и выписываются учителя, руководители въ нравственной и обыденной жизни. Словомъ, туземецъ дикарь попралъ всю свою физическую и нравственную жизнь, дабы вступить въ новую, болѣе культурную; но не успѣлъ онъ освоиться со всѣмъ вновь привитымъ, какъ насталъ моментъ, когда все цивилизующее, обѣщавшее руководить новыми принципами, новыми идеями, оставило его, бросивъ на произволъ судьбы.

Типы камчатскихъ жителей

Типы камчатскихъ жителей
(типичные камчадалы)

Въ результатѣ получилось: первобытная Камчатка исчезла съ лица земли, а на свѣтъ появилась Петропавловская округа, забытая Богомъ и людьми.

Петропавловская округа занимаетъ собою пространство отъ южной оконечности полуострова Камчатки до устья рѣкъ Лѣсной, впадающей въ Охотское море, и Корагинской, впадающей въ Великій океанъ. Пространство, занимаемое ею, исчислено, примѣрно, въ 210,000 квад. верстъ, съ народонаселеніемъ, по послѣдней переписи, въ 8344 души обоего пола, считая въ томъ числѣ, какъ кочующихъ инородцевъ, въ количествѣ въ 1759 душъ, такъ равно остальныхъ камчатскихъ жителей, въ числѣ 6585 душъ.

Народонаселеніе это распредѣляется такъ: на сѣверѣ округи по обоимъ побережьямъ живутъ, какъ уже упоминалось выше, осѣдлые коряки; между ними кочуютъ ламуты и бродячіе коряки; русскіе, если только кто по тщательномъ изученіи отыщетъ тамъ этотъ типъ, живутъ въ Петропавловскѣ, Тигилѣ и въ нѣсколькихъ деревняхъ, по среднему и южному теченію Камчатки, не считая отдѣльныхъ семей, разбросанныхъ среди камчадальскихъ семей. Остальное пространство или, вѣрнѣе сказать, остальныя рыбныя рѣки, съ плотностью 0,03 на квад. версту, заселяютъ камчадалы, если только, опять таки, кто постарается отличить этотъ типъ и провести между нимъ и остальнымъ населеніемъ ясныя границы. Между русскимъ населеніемъ, обыкновенно, выдѣляютъ казаковъ, но выдѣленіе это основано на служебныхъ ихъ обязанностяхъ, которыя они отправляютъ, какъ внутренняя полиція, а не на типичности, которая и здѣсь потеряна до неузнаваемости.

Преслѣдуя свои прямыя служебныя цѣли, мнѣ, при проѣздѣ по Камчаткѣ, пришлось быть далеко не во всѣхъ селеніяхъ. По свидѣтельству же людей компетентныхъ, можно сказать, что камчадальскій типъ болѣе всего сохранился по западному побережью полуострова, гдѣ среди жителей не утратился еще камчадальскій языкъ, на которомъ въ обыденной жизни, до сего времени, происходитъ изъясненіе. Въ окрстностяхъ же Петропавловска, а равно и во всѣхъ селеніяхъ, расположенныхъ вдоль всего полуострова, по главному центральному пути отъ Петропавловска до Тигиля, всѣ жители говорятъ на русскомъ языкѣ, причемъ преобладающее большинство камчадальскаго языка совершенно не знаютъ. Изъ селеній этого раіона, болѣе другихъ сохранившихъ камчадальскую типичность, можно указать: на Гональское (на р. Быстрой, у подножія Гональскаго хребта), Кирганикъ (по среднему теченію р. Камчатки) и Седанку (на р. того же имени, впадающей въ р. Тигиль).

Жители всѣхъ остальныхъ селеній представляютъ изъ себя полную смѣсь типовъ русско-камчадальскаго происхожденія; разница только въ томъ, что въ однихъ селеніяхъ преобладаетъ русскій типъ, какъ въ с. Желковѣ, Ключевскомъ и друг., а въ другихъ камчадальскій: въ с. Малкѣ, Корякскомъ и др.

Для удобства управленія все населеніе раздѣлено на 11 участковъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній одного и того же раіона. Всѣхъ селеній, не считая бродячихъ инородцевъ,—66, которыя распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число жителей.		НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число жителей.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.
Участокъ 1-й.			„ Авача.	37	38
			„ Николаевское.	53	42
Городъ Петропавловскъ	206	186	„ Паратунка.	33	32
Малкъ Петропавловскій	8	2	„ Озерное.	21	20
Хуторъ Тоенской.	2	1	„ Хуторъ.	3	5
Селеніе Сѣроглазка.	46	48	„ Старый Острогъ.	47	37
„ Халактырка.	20	21	„ Коряки.	42	36

Селеніе Начика	25	18
Итого	543	486
Участокъ II-й.		
Селеніе Мильково	171	163
„ Верхне-Камчатскъ	40	39
„ Шеромы	22	27
„ Пущино	13	11
„ Гональское	36	48
„ Кирганикъ	33	29
„ Машури	54	45
„ Щипина	28	24
„ Толбачикъ	36	39
Итого	433	425
Участокъ III-й.		
Селеніе Комаковское	40	34
Нижне - Камчатское	67	60
Усть - Камчатское	61	68
Итого	168	162
Участокъ IV-й.		
Селеніе Ушковское	25	32
„ Козыревское	30	28
„ Крестовское	32	40
„ Ключевское	162	180
„ Харчинское	23	29
„ Еловское	25	31
„ Озерновское	25	21
Итого	322	361
Участокъ V-й.		
Селеніе Дранкинское	38	48
„ Ивашкинское	19	18
„ Укинское	5	5
„ Холюлинское	11	10
„ Карагинское	47	47
Итого	120	128
Участокъ VI-й.		
Селеніе Большерѣцкъ	57	58
„ Апачинское	67	64
„ Малкинское	62	47
„ Уткинское	31	22
„ Кихчинское	33	37
„ Коловское	37	30
„ Голыгинское	26	32
„ Явинское	21	15
Итого	334	305
Участокъ VII-й.		
Селеніе Крутогорское	38	47
„ Облуковинское	64	88
„ Воровское	58	74
„ Колпаковское	48	64
„ Ичинское	39	37
„ Сопочное	50	51
„ Морочинское	66	56
„ Бѣлоголовское	23	24
Итого	386	441
Участокъ VIII-й.		
Селеніе Ковронское	56	57
„ Утхолокское	49	42
„ Напонское	33	33
„ Харьюзовское	133	138
„ Седанка	55	44
„ Аманинское	39	47
„ Тигилинское	175	159
Итого	540	520
Участокъ IX-й.		
Селеніе Воямпольское	63	66
Высел. Ургинскій	4	4
Селеніе Кахтанинское	115	120
„ Палланское	112	114
„ Кинкильское	67	66
„ Лѣсновское	86	94
Итого	447	464
Участокъ X-й.		
Коряки 1-го рода	163	183
„ 2-го рода	127	115
„ Непричисленные	43	53
Итого	333	351
Участокъ XI-й.		
Коряки 1-го рода	57	63
„ 2-го рода	45	38
„ Лѣсновскіе	29	29
„ не причисленные къ округу	157	140
Ламуты болганскаго рода	108	115
„ улгинскаго „	123	112
Чукчи	10	5
Итого	554	521

Административнымъ пунктомъ Петропавловской округи служитъ г. Петропавловскъ или, вѣрнѣе, остатки бывшаго когда то Петропавловскаго порта.

Петропавловскъ.

Верхне камчатское селенiе.

Г. Петропавловскъ, основанный Берингомъ въ 1740 году, расположенъ въ северо-восточномъ углу Авачинской губы и находится подъ 53°1' с. широты и 128°26' восточной долготы.

Знаменитая Авачинская губа, представляя изъ себя большое котлообразное вмѣстилище, отъ природы одѣленное всѣми удобствами для стоянки судовъ, какъ бы въ дополненіе ко всѣмъ своимъ качествамъ, вмѣщаетъ въ себѣ еще нѣсколько мелкихъ и еще болѣе уютныхъ бухточекъ, изъ которыхъ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманіе Тарьинская, Раковая и Петропавловская или Малая-Авача.

Малая-Авача отдѣляется отъ Большой продолговатымъ гористымъ мысомъ, вытянувшимся съ сѣвера на югъ, почти параллельно берегу и состоящимъ изъ двухъ продольныхъ горъ: Никольской и Сигнальной, которыя вмѣстѣ съ береговыми возвышенностями (Петровская, Мишенная и др.), дѣйствительно, дѣлаетъ этотъ уголокъ малодоступнымъ не только для всѣхъ вѣтровъ, но даже и для военныхъ дѣйствій со стороны непріятеля, что и подтвердилось во время осады Петропавловска англо-французскою эскадрою, въ 1854 году. Въ довершеніе, такъ сказать, всѣхъ требованій для безопасной стоянки судовъ, Малая Авача раздѣляется песчаною кошкою, словно природнымъ моломъ, на два рейда: внѣшній, прикрываемый Сигнальною горою, и внутренній, (такъ называемая Петропавловская губа), представляющій изъ себя небольшое, до 250 саженей въ поперечникѣ, ковшеобразное вмѣстилище, удобное и возможное для стоянки среднихъ судовъ и соединяющееся съ внѣшнею частью глубокимъ проходомъ саженъ въ 30 шириною.

Въ теченіе прошлаго столѣтія, вся камчатская дѣятельность сосредоточилась въ трехъ острогахъ: Большерѣцкомъ, Верхне-Камчатскомъ и Нижне-Камчатскомъ. Не берусь сказать, какого вида были эти административные пункты въ то время, теперь же они представляютъ изъ себя убогія деревушки, ничѣмъ ненапоминающія о прежнемъ ихъ значеніи.

Немногимъ чѣмъ отличается отъ нихъ и Петропавловскъ, который состоитъ изъ 85 небольшихъ убогихъ домиковъ, расположенныхъ на берегу Петропавловской бухты по склонамъ двухъ, сходящихся здѣсь, горъ: съ правой стороны—Петровской или Березовой и съ лѣвой—Никольской, составляющей начало Сигнальнаго мыса. Раньше, говорятъ, окружающія горы были сплошь покрыты лѣсомъ, и городъ представлялся утопающимъ въ зелени, теперь же всѣ береговыя возвышенности покрыты только травою и жалкимъ низкорослымъ кустарникомъ: ольховникомъ, кедровникомъ и пр. Исключеніе составляютъ возвышенности Сигнальнаго мыса, гдѣ столѣтній березовый лѣсъ представляетъ изъ себя заповѣдную рощу, тщательно сберегаемую жителями и начальствомъ въ память героевъ, обагрившихъ эти мѣста своею кровью во время обороны Петропавловска, въ 1854 году.

За отсутствіемъ по близости строевого лѣса, жители для постройки своихъ хижинъ пользуются первымъ попавшимся лѣсомъ, преимущественно, тополевымъ, вывозимымъ зимою на собакахъ за 20—30 верстъ изъ долины р. Авачи. Лучшими постройками являются: казенный домъ начальника округи, полицейское управленіе и два, три дома, принадлежащіе купцамъ и товариществу котиковыхъ промысловъ, которое для своихъ построекъ, какъ жилыхъ, такъ и пакхаузныхъ, вывезло лѣсъ изъ Америки.

Какъ ни странно и какъ ни обидно, а приходится констатировать фактъ, что для зажиточныхъ жителей Петропавловска выгоднѣе выписывать для своихъ нуждъ лѣсъ изъ Америки, нежели по горамъ и бездорожью вывозить его за какихъ нибудь сотню, двѣ верстъ изъ долины р. Камчатки, изобилующей лѣсомъ.

Подъ вліяніемъ болѣе частаго пароходнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, жизнь петропавловцевъ сложилась нѣсколько иначе, чѣмъ внутри полуострова. Это вліяніе проникло даже и въ окрестныя селенія: Сѣроглазку, Паратунку, Авачу и даже Старый Острогъ.

Жителей этихъ мѣстъ, хотя и нельзя назвать достаточно обезпеченными въ ихъ существованіи, но, тѣмъ не менѣе, въ жизни ихъ проглядываетъ чистота, опрятность и даже щегольство.

Въ городѣ слѣдующія достопримѣчательности: 1) На кошкѣ, раздѣляющей Петропавловскую бухту на два рейда, поставленъ, по повелѣнію Императора Александра III, памятникъ „Слава", въ честь геройской защиты города отъ непріятеля въ 1854 году; и 2) Объ этомъ же доблестномъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ и такъ называемая, *братская могила*, гдѣ погребены какъ русскіе, такъ и непріятельскіе воины, павшіе при той же защитѣ. На могилѣ поставлены три чугунныхъ креста, съ надписями на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ: „здѣсь лежатъ воины, вѣрные своему долгу", и часовня, гдѣ ежегодно, 24 августа, съ особою торжественностью служится панихида по воинамъ, на брани убіеннымъ: 3) Памятникъ Берингу, основателю г. Петропавловска, поставленный въ церковной оградѣ и 4) Памятникъ Лаперузу, погибшему въ камчатскихъ водахъ; этотъ памятникъ поставленъ на узкомъ и сѣдлообразномъ перешейкѣ, отдѣляющемъ Никольскую гору отъ Сигнальной, и представляетъ изъ себя гранитную глыбу неправильной формы, съ надписью «Памяти Лаперуза 1787 года».

Помимо этихъ достопримѣчательностей, нельзя не указать на нѣкоторые остатки «дѣлъ рукъ человѣческихъ», которые съ грустью напоминаютъ о болѣе счастливыхъ дняхъ Петропавловска. Къ числу такихъ остатковъ относятся: чудный, хотя и небольшой, березовый паркъ, сохраненный и устроенный бывшими правителями Камчатки; признаки бывшей когда то набережной, вымощенной камнемъ; валы и углубленія бывшихъ здѣсь батарей и укрѣпленій; груды камней и сгнившихъ обрубковъ на мѣстѣ бывшихъ казармъ, больницъ и пр.

Петропавловская округа находится подъ непосредственнымъ управленіемъ начальника округи и его помощника, составляющихъ вмѣстѣ съ наемнымъ писцомъ окружное полицейское управленіе, находящееся въ г. Петропавловскѣ. Являясь главнымъ административнымъ органомъ округи, полицейское управленіе, въ то же время, относитъ обязанности и другихъ, необходимыхъ для отдаленной окраины, учрежденій, какъ то: казначейства, акцизнаго надзора, интендантства, почтоваго и пр. Въ заботѣ о здравіи населенія, при полицейскомъ управленіи состоитъ единственный для всей округи врачъ и три фельдшера (въ Петропавловскѣ, с. Ключевскомъ и Тигилѣ), снабженныхъ небольшими, для пользованія отъ обыкновенныхъ болѣзней, аптечками.

Для отправленія полицейской и караульной службы, въ распоряженіи полицейскаго управленія имѣется команда, состоящая изъ 50 казаковъ и при нихъ 5 урядниковъ. Камчатскіе казаки суть прямые наслѣдники тѣхъ служилыхъ людей, которые высылались сюда когда то изъ якутскаго и отчасти иркутскаго казачьихъ полковъ для отправленія различныхъ полицейскихъ обязанностей. Въ настоящее время всѣхъ казаковъ въ Петропавловской округѣ насчитывается 670 душъ обоего пола, мѣстомъ жительства которыхъ служатъ: Петропавловскъ и его окрестности, Тигиль, Усть-Камчатскъ и Большерѣцкъ.

Изъ этого сословія комплектуется вышеупомянутая полицейская команда, срокъ службы въ которой неопредѣленъ, а каждый служитъ до тѣхъ поръ, пока позволяютъ силы. Не надо думать, что камчатскій казакъ представляетъ изъ себя что—либо подобное военнослужащему, обученному воинскимъ артикуламъ; нѣтъ, это просто на просто членъ извѣстной касты, именуемой казачьимъ сословіемъ, сохраняющей за собою право поступать въ составъ полицейской стражи. Этимъ правомъ казаки дорожатъ, потому что получаютъ пайковое довольствіе, что, при отсутствіи какого бы то ни было заработка, является для нихъ большимъ подспорьемъ въ скудной жизни, тѣмъ болѣе, что служба полицейская неособенно отвлекаетъ ихъ отъ семей и ихъ хозяйствъ. Живутъ они въ своихъ домахъ, занимаются рыбною ловлею, охотою и, вообще, живутъ такъ, какъ и всѣ остальные жители. Камчатская казачья служба настолько проста и чужда всякихъ формальностей, что на непривычнаго человѣка производитъ впечатлѣніе полной халатности къ дѣлу. Камчатскій часовой на посту варитъ себѣ чай, спитъ, а отъ нечего дѣлать ловитъ рыбу и пр. Простота режима камчатской полицейской стражи сложилась подъ вліяніемъ той добросовѣстности и честности, которыми, къ чести сказать, отличаются

Памятникъ „Слава“.

Памятникъ Берингу.

Памятникъ Лаперузу

вообще жители Камчатки. Воровства въ Камчаткѣ нѣтъ, разбоя тоже. Хотя „праздность есть мать всѣхъ пороковъ", но эта истина не приложима къ камчатскому жителю. И если бы не страсть къ спиртнымъ напиткамъ, которою одержимы всѣ коренные жители Камчатки, и если не вмѣнять имъ въ вину проступки противъ 7-й заповѣди, то можно было бы сказать, что въ Камчаткѣ нѣтъ грѣха, а если и бываютъ иногда какіе—либо проступки, то скорѣе отъ недоумія, нежели отъ порочности души. Лучшимъ доказательствомъ добронравности камчатскихъ жителей служитъ статистика уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, поступившихъ въ окружное полицейское управленіе за послѣднее 6-ти лѣтіе:—Въ *1891 г.—3, въ 1892 г.—4, въ 1893 г.—1, въ 1894 г.—14, въ 1895 г.—11, въ 1896 г.—10.*

Доходы съ Петропавловской округи слагаются: изъ государственныхъ податей, въ размѣрѣ 90 к. съ ревизской души, изъ ясака въ кабинетъ Его Императорскаго Величества по 2 р. 86 к. съ каждаго ревизскаго инородца; изъ земскихъ сборовъ по 38½ к. съ души, и съ сборовъ съ различнаго рода торговыхъ и другихъ документовъ. Въ 1896 году, всѣхъ поступленій было: податей 396 р. 90 к., ясаку 3039 р., земскихъ сборовъ 484 р., пожарный и страховой сборъ 158 р., отъ продажи торговыхъ документовъ 3884 р., за свидѣтельства на рыбные промыслы 2034 р. и отъ боброваго промысла 1614 р., всего 11610 рублей.

Расходы же казны, считая содержаніе полицейскаго управленія, врача, учителя и всего духовенства, равняются 22451 р., т. е., въ два раза болѣе доходовъ.

На населеніи лежатъ слѣдующія натуральныя повинности: 1) подводная для разъѣздовъ по округѣ полицейскихъ чиновъ, врача, духовенства, нарочныхъ и почты; 2) содержаніе мостовъ и перевозовъ, исправленіе зимнихъ дорогъ и обстановка ихъ вѣхами; 3) содержаніе въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ прокаженныхъ и 4) выгрузка и перевозка съ пароходовъ казенныхъ продовольственныхъ припасовъ.

Какъ ни ничтожны, повидимому, перечисленныя повинности, но, тѣмъ не менѣе, онѣ тяжело ложатся на бѣдное населеніе; особенно подводная, которая при громадности разстояній и отсутствіи сносныхъ путей сообщенія, отнимаетъ много времени и отвлекаетъ жителей отъ прямыхъ ихъ занятій. Тоже самое и повинность по содержанію прокаженныхъ, которыхъ хотя и немного, но гдѣ они есть, тамъ жители, съ рискомъ для своего собственнаго благополучія, должны бываютъ строить близъ своего селенія помѣщеніе для нихъ, заготовлять для нихъ провизію на цѣлый годъ и, вообще, заботиться о содержаніи ихъ; такъ, напр., въ сел. Николаевскомъ, гдѣ мужскихъ рабочихъ рукъ имѣется только 15, ежегодно приходится содержать 5—10 человѣкъ прокаженныхъ.

Каждое селеніе во внутреннемъ распорядкѣ подчиняется своему выборному старостѣ; въ такихъ же мѣстахъ, какъ Тигиль, Усть-Камчатскъ, гдѣ имѣются казенные продовольственные магазины и куда ежегодно заходятъ морскія суда, тѣ же обязанности возложены на урядника изъ казаковъ, называемаго частнымъ командиромъ, власть котораго, по порученію начальника округи, распространяется и на болѣе широкій раіонъ.

Кромѣ внутренняго распорядка, на обязанности старостъ и частныхъ командировъ лежатъ заботы объ обезпеченіи жителей продовольствіемъ. Этотъ родъ обязанностей едва ли гдѣ-либо еще въ Россійской имперіи является столь необходимымъ, какъ въ Камчаткѣ и вообще въ нашихъ сѣверныхъ округахъ. Камчатскій житель, по складу ума и характера, есть особый типъ, получившійся отъ смѣси беззаботнаго дикаря съ русскимъ переселенцемъ, выросшимъ подъ постоянною опекою правительства, или же съ казакомъ завоевателемъ, не привыкшимъ думать о завтрашнемъ днѣ. Дикарь всегда смотрѣлъ на рѣку и на тайгу, какъ на кладовыя, откуда онъ можетъ взять все нужное тогда, когда захочетъ; этотъ взглядъ передался, отчасти, и нынѣшнему камчатскому жителю. Съ другой стороны, русскій крестьянинъ, переселившись въ прошломъ столѣтіи въ Камчатку по иниціативѣ правительства, выработалъ взглядъ на самаго себя не, какъ на самостоятельнаго хозяина, а какъ на работника, отъ котораго требуется ра-

бота, а не забота о слѣдующемъ днѣ. Въ силу такихъ, исторически сложившихся, обстоятельствъ, отъ первобытнаго дикаря и прежняго русскаго переселенца получились потомки, крайне апатично относящіеся къ своему собственному благосостоянію. Въ прежніе годы, когда нетронутая природа Камчатки изобиловало богатствами, жители не нуждались въ особомъ обезпеченія себя на зиму продовольствіемъ, но затѣмъ, когда промысловыя животныя въ лѣсахъ и моряхъ стали постепенно уменьшаться, а нѣкоторыя и совсѣмъ почти перевелись (морская корова), и когда обиліе рыбы стало измѣнчиво, жители Камчатки оказались непривыкшими, и, по неразвитости своей, неспособными къ борьбѣ за существованіе. Вслѣдствіе этого, начались голодовки, а за ними, какъ необходимое слѣдствіе, и различнаго рода болѣзни, доходившія иногда, по гибельности своей, до большихъ размѣровъ. Неоднократныя голодовки вынудили, наконецъ, ближайшее начальство принять мѣры къ предупрежденію ихъ. Какъ на главную причину въ этомъ отношеніи было обращено вниманіе на своевременную и болѣе аккуратную заготовку главнаго продовольствія—юкалы и вообще рыбы. Приказано было во всѣхъ селеніяхъ завести общественные запасные магазины, куда каждый житель обязывался вносить извѣстное количество юкалы и ежегодно обновлять се, дабы такимъ образомъ имѣть запасный кусокъ провизіи на случай голоднаго года. Такіе магазины имѣются почти въ каждомъ селеніи и хранятся старостой, которому, въ то же время, вмѣняется въ обязанность слѣдить и понуждать жителей къ тому, чтобы каждый изъ нихъ своевременно заботился о заготовкѣ потребнаго для своей семьи количества юкалы, заводилъ огороды, разводилъ скотъ и пр. Ходъ рыбы по камчатскимъ рѣкамъ продолжается въ теченіе всего лѣта и осени, при чемъ жители, по апатичности своей, всегда стараются отложить заготовку юкалы на осень, когда рыбы бываетъ больше и уловъ ея легче; но случается, что осенью рыба почему—либо не пойдетъ въ рѣки, и жители остаются на зиму безъ провизіи. Въ виду этого, на обязанности старосты лежитъ забота, что бы жители заготовляли рыбу при первой возможности, а не надѣялись на болѣе обильный ходъ ея.

Для обезпеченія жителей хлѣбомъ и необходимыми припасами для пушнаго и рыбнаго промысловъ и въ цѣляхъ понижения цѣнъ на эти припасы, въ округѣ устроены казенные продовольственные магазины, въ которыхъ попеченіемъ областной администраціи ежегодно заготовляется: мука, крупа, соль, порохъ, свинецъ и неводное прядево. Такихъ магазиновъ теперь пока три: въ Петропавловскѣ, Тигилѣ и Усть-Камчатскѣ, но есть предположеніе устроить еще два: въ Воровскомъ селеніи и Ключевскомъ и къ заготовляемымъ припасамъ прибавить еще табакъ, чай и сахаръ.

Товары изъ казенныхъ магазиновъ продаются жителямъ во всякое время по цѣнѣ, обошедшейся казнѣ при заготовкѣ. На случай же голодовокъ, мука и крупа содержится въ двойномъ количествѣ и продается съ такимъ разсчетомъ, что бы на зиму ихъ всегда оставался полный годовой запасъ. Изъ этихъ же магазиновъ выдается пайковое довольствіе всѣмъ вообще служащимъ, духовенству и всей казачьей командѣ. Въ 1897 году, въ бытность мою въ Камчаткѣ, во всѣхъ трехъ казенныхъ магазинахъ было на лицо: муки 11102 пуда, крупы 1324 п., соли 4081 п., пороху 121 пудъ и свинцу 228 пудовъ. Казенными складами завѣдуютъ вахтеры изъ казаковъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ частныхъ командировъ. Товары, обыкновенно, отпускаются за наличныя деньги, по крайней мѣрѣ такъ предполагалось при первоначальномъ устройствѣ складовъ, но опытъ, на первыхъ же порахъ, показалъ, что при такихъ требованіяхъ далеко не всѣ жители могутъ пользоваться припасами изъ казенныхъ складовъ; въ Камчаткѣ монеты нѣтъ въ употребленіи, по крайней мѣрѣ, 9/10 жителей не пользуются ею, а обыкновенный способъ торговли-мѣновой, и все состояніе камчатскаго жителя выражается его имуществомъ и наличіемъ пушнины, которая и служитъ вмѣсто монеты. Въ Камчаткѣ рѣдкій житель скажетъ вамъ цѣну какой-либо вещи въ рубляхъ, а всегда опредѣляетъ ее на число соболей, лисицъ или же другой пушнины.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, волей неволей, пришлось отказаться отъ торговли на наличныя деньги, а отпускать хлѣбъ и другіе припасы за пушнину. Въ избѣжаніе же возможныхъ злоупотребленій со стороны вахтеровъ (цѣль складовъ: снабжать жителей безъ всякаго барыша для казны), въ послѣднее время, установился слѣдующій порядокъ продажи изъ казенныхъ складовъ необходимыхъ припасовъ: вахтеръ отпускаетъ ихъ жителямъ въ долгъ, за круговой порукой цѣлаго селенія, а весной или въ концѣ зимы, когда производится сборъ податей и ясака, жители вносятъ примѣрную стоимость долга пушниною, которая продается начальникомъ округи съ аукціона въ Петропавловскѣ и вырученная сумма идетъ на погашеніе долга; если же при этомъ выручаются излишнія деньги, то таковыя сдаются на руки жителямъ по принадлежности.

Такой способъ продажи предметовъ первой необходимости, при полной добросовѣстности жителей, какъ нельзя болѣе, оберегаетъ ихъ отъ многихъ злоупотребленій. Нельзя не пожалѣть, что подобнымъ же образомъ нельзя обставить и частную торговлю, при которой, благодаря неразвитости и поголовной безграмотности жителей, произволъ торговца, какъ въ цѣнахъ на товаръ, такъ и въ оцѣнкѣ пушнины, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Чѣмъ выше цѣнитъ соболя житель, тѣмъ выше цѣнитъ свой товаръ купецъ. Въ результатѣ получается: на наличныя деньги соболя можно купить въ Камчаткѣ не дешевле 22 р., купцу же, при обмѣнѣ на товаръ и при его собственной оцѣнкѣ, онъ обходится не дороже 10 12 руб. Этимъ же, между прочимъ, объясняется тотъ фактъ, что камчатскаго соболя на мѣстѣ нельзя купить дешевле 20—22 р., тогда какъ въ Москвѣ онъ покупается за 15—18 рублей.

Камчатская торговля опредѣляется цѣнностью привозимыхъ товаровъ и вывозимой пушнины. Въ навигацію 1896 года, на рейдахъ камчатскаго побережья было морскихъ судовъ: въ Петропавловскѣ 15, въ Усть-Камчатскѣ 3 и Тигилѣ 3. На этихъ судахъ привезено товару, считая въ томъ числѣ и казенный грузъ, на 120974 руб., пушнины изъ тѣхъ же мѣстъ вывезено на 73110 руб. Излишекъ ввоза, наблюдаемый почти всегда, объясняется тѣмъ, что Петропавловскъ, по удобству для стоянки судовъ, до нѣкоторой степени, играетъ роль складочнаго мѣста, откуда затѣмъ часть товаровъ развозится по всему побережью Охотскаго моря.

Не стану разсматривать подробности камчатской торговли, такъ какъ цѣль моя—дать общую характеристику жизни въ Камчаткѣ, а скажу только, что какъ не старалось и не старается правительство оказать содѣйствіе камчатскому населенію противъ злоупотребленій торгующихъ, но достигнуть видимыхъ результатовъ въ этомъ отношеніи не могло и не можетъ, такъ какъ жители стоятъ на слишкомъ низкой степени умственнаго развитія и, по безграмотности ихъ, нѣтъ возможности установить ни цѣнъ на товары, ни контроля надъ продажею ихъ. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на тотъ, весьма странный, фактъ, что какъ ни велики тѣ барыши, при которыхъ камчатскіе купцы ведутъ свою торговлю, но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ нихъ не выѣхалъ изъ Камчатки съ такимъ состояніемъ, котораго можно было бы ожидать, судя по получаемымъ имъ барышамъ,—тогда какъ такихъ, которые оставили тамъ послѣднее свое состояніе, можно указать не одинъ десятокъ. Неустройство правильныхъ морскихъ сообщеній съ цивилизованными странами, бурность и негостепріимность камчатскихъ морей и гаваней, наконецъ, полное отсутствіе внутреннихъ путей сообщенія тяжелымъ бременемъ ложатся на всѣ коммерческія предпріятія и, обездоливая камчатскихъ жителей, не безъ труда, лишеній и риска переносятся и самыми купцами. Покойный Филиппеусъ, извѣстный камчатскій комерсантъ, въ своей предсмертной запискѣ о Камчаткѣ, высчиталъ по оффиціальнымъ даннымъ, что куль муки, стоющій въ Петербургѣ 8 р., по доставкѣ его въ руки камчадала, благодаря указаннымъ затрудненіямъ, обходится въ 22 р. 24 к. Бытъ камчатскихъ жителей повсемѣстно одинъ и тотъ же. Жилища съ полнымъ обиходомъ домашней утвари и типъ надворныхъ построекъ со всѣми приспособленіями и необходимыми хозяйственными вещами вездѣ, какъ у камчадаловъ, такъ и русскихъ, одни и тѣ же. Старыхъ камчадальскихъ жилищъ не

осталось, всѣ домы выстроены изъ бревенъ, плохо обдѣланныхъ и дурно сложенныхъ въ срубъ съ конопаткою изъ моха.

Жители, за небольшимъ исключеніемъ, не знаютъ употребленія ни пилы, ни рубанка; единственными инструментами при постройкахъ и подѣлкахъ служатъ топоръ, ножъ и тёсло. Доски, косяки, рамы и пр. тешутся топоромъ. Стекла для оконъ употребляются только у зажиточныхъ и вообще тамъ, куда можно провезти ихъ изъ порта на лодкахъ, не прибѣгая къ вьючной перевозкѣ. У бѣдныхъ и, вообще, въ захолустныхъ селеніяхъ, вмѣсто стеколъ для оконъ, употребляютъ выдѣланныя кишки и пузыри различныхъ животныхъ. Крыши вездѣ изъ травы и корья, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ. Кирпичныя печи имѣются, кажется, только въ Петропавловскѣ. Обыкновенный размѣръ камчатской избы колеблется между 6 и 9 квадратными саженями, бываютъ и меньше. Распредѣленіе внутренняго помѣщенія почти одно и тоже вездѣ: капитальная стѣна раздѣляетъ срубъ на двѣ части: меньшая, безъ печи и потолка, играетъ роль передней и служитъ для склада домашняго скарба, а большая, съ потолкомъ и печью, раздѣляется досчатой перегородкой на чистую половину и кухню. Печь изъ деревяннаго остова, обложеннаго сырцомъ и глиной, ставится съ такимъ разсчетомъ, чтобы она составляла $^1/_3$ часть всей перегородки и выходила бы топкою въ кухню, а стѣнками въ чистую половину.

Штукатурки не существуетъ; наклонность къ украшенію стѣнъ картинами замѣтна. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что если есть въ домахъ картины, то, почти исключительно, вырѣзки изъ иностранныхъ иллюстрацій; любимыхъ русскихъ картинъ, какъ, напр., Илья Муромецъ, Бова Королевичъ, взятіе Москвы, бѣгство Самозванца и пр., ни въ одномъ домѣ не встрѣчалъ.

Десятокъ, два, а иногда и меньше, подобныхъ домиковъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка и плана у берега какой—либо рѣки, обыкновенно съ шумомъ пѣнящейся между кустовъ и груды камней, составляютъ камчатскія селенія, которыя, на первый звглядъ путника, всегда кажутся большими, благодаря большому количеству рыбныхъ вѣшаловъ, балагановъ и амбаровъ, разбросанныхъ, какъ между домами, такъ равно и вдоль берега рѣки.

Если типъ камчатской бревенчатой избы, по справедливости, приписывается нововведенію русскихъ крестьянъ, то устройство вѣшаловъ и рыбныхъ балагановъ, принятое теперь и всѣми русскими, безспорно, является наслѣдіемъ отъ древнихъ камчадаловъ. Кромѣ вѣшаловъ и балагановъ, большинство хозяевъ имѣютъ вблизи домовъ и обыкновенные амбары, величиною не болѣе 4-хъ—3-хь квадратн. саж., которые устраиваются изъ толстыхъ, сравнительно, бревенъ и покрываются двухскатной крышей изъ травы или корья.

Дворовые участки, обыкновенно, не огорожены; городьба ставится только вокругъ огородовъ, если таковые имѣются. Необходимую принадлежность каждаго селенія составляетъ часовня, которая всегда ставится особнякомъ и дѣлается изъ такого же матеріала, какъ и домы. Болѣе убогой постройки молитвеннаго дома, какъ камчатская, едва ли можно встрѣтить гдѣ—либо въ Россійской имперіи; не говоря уже объ архитектурѣ и отдѣлкѣ. Между ними можно указать такія, у которыхъ вмѣсто оконъ продѣланы просто дыры, открываемыя на время службы. Церквей по всей Камчаткѣ только десять, остальныя же селенія, въ теченіе года, пользуются по мѣрѣ надобности пріѣздами приходскаго священника, который исправляетъ необходимыя требы.

Самымъ уютнымъ мѣстечкомъ во всякой деревушкѣ представляется, обыкновенно, крутой берегъ надъ быстро бѣгущей рѣчкой, но вдоль всего берега, кромѣ вѣшаловъ съ сотнями и тысячами развѣшанныхъ лососокъ, тянется рядъ ямъ, въ которыхъ жители заготовляютъ, такъ называемую, кислую рыбу. Во время обильнаго лова рыбы, ее безъ всякой чистки сваливаютъ въ эти ямы, прикрываютъ землею и оставляютъ гнить и перекисать до самой зимы, когда употребляютъ ея въ кормъ собакамъ. Къ веснѣ содержимое ямъ, состоящее изъ вполнѣ разложив-

Камчадальское селеніе.

Селеніе Милькова

шейся рыбы, обыкновенно, искармливается собакамъ, а иногда и самимъ жителямъ, и ямы остаются открытыми для вывѣтриванія, благодаря которому, для всякаго будетъ ясно, насколько сильна вонь на берегу рѣки.

Русскіе, переселившись въ Камчатку, успѣли ввести здѣсь свою религію, языкъ и жилища, но не удержали за собою ничего кореннаго русскаго, или совершенно забывъ его, или измѣнивъ до неузнаваемости; они оставили прежнія свои занятія и забыли то, что знали на родинѣ, какъ—то: прясть, дѣлать сохи, бороны, выдѣлывать горшки, ковать желѣзо и т. п. Имѣя конечною цѣлью—научать аборигеновъ хлѣбопашеству и скотоводству, они сами утратили всякое понятіе о нихъ; взамѣнъ этого, они научились у камчадаловъ звѣринымъ промысламъ, разогнавъ предварительно звѣря; научились домашнимъ обиходнымъ занятіямъ и, по примѣру туземцевъ, начали заготовлять себѣ на зиму вмѣсто хлѣба рыбу, вмѣсто пеньки—крапиву и т. п., нисколько не стараясь объ улучшеніи первобытныхъ инструментовъ, способовъ и пріемовъ обработки. Такимъ образомъ, русскіе, передавъ аборигенамъ вѣру и тѣмъ самымъ смягчивъ ихъ нравы, не только не подняли уровень ихъ развитія, но скорѣе сами какъ бы опустились на нѣсколько ступеней, какъ бы окамчадалились, и въ настоящее время не служатъ даже и хранителями родовыхъ обычаевъ и чистоты своего родного языка, который по всему полуострову обратился въ своеобразный, непріятный на слухъ, говоръ. Туземцы, учась русскому языку, вѣроятно, коверкали его съ свойственнымъ имъ акцентомъ и, тѣмъ самымъ, пріучили и самихъ русскихъ искажать его; такъ, напримѣръ, говорятъ: ждравствуйте, копилье, сыбко, шопычка (сопка); обчій, вмѣсто общій, клиса, вмѣсто крыша и пр.

Что касается до особенностей одежды, обуви, домашней утвари и пр., то подвести въ этомъ отношеніи, какіе—либо опредѣленные итоги, нѣтъ никакой возможности. Желающему коллектировать этнографическіе предметы Камчатки пришлось бы собирать предметы всевозможныхъ образцовъ и типовъ, представляющихъ смѣсь предмета, употребляемаго сѣверными дикарями и культурнымъ народомъ, не исключая японцевъ и американцевъ.

Относительно одежды и обуви, можно сказать, впрочемъ, что все лѣтнее ближе къ покрою русскому, а все зимнее къ инородческому. Въ Камчаткѣ теперь уже нельзя встрѣтить одежду изъ рыбьей кожи, но нѣтъ тамъ и русскаго овчиннаго тулупа.

Камчатскій житель передвигается или на собакахъ по сугробамъ снѣга, или на лодкахъ по рѣкѣ, пѣшкомъ, а иногда верхомъ; послѣднее рѣдко, такъ какъ въ Камчаткѣ почти нѣтъ дорогъ.

Собачья упряжь, нарта (санки) и способъ управленія при ѣздѣ на собакахъ одинаковы у всѣхъ сѣверныхъ жителей Азіи и много разъ уже составляли предметъ подробнаго описанія, а потому на описаніи ихъ не стану останавливаться; скажу только, что ѣзда на собакахъ, въ теченіе почти 8 зимнихъ мѣсяцевъ, является единственнымъ способомъ сообщенія, возможнымъ въ этой дикой, малонаселенной горной странѣ, гдѣ лошадь, благодаря большимъ снѣжнымъ заносамъ, сама по себѣ является совершенно безпомощною, не говоря уже о томъ, когда ей приходится везти кладь на сотни верстъ среди пурги и холода, не встрѣчая ни жилья, ни запасовъ корма. Всѣ попытки правительства усилить въ Камчаткѣ скотоводство въ ущербъ сабаководству не имѣли успѣха и собака, этотъ тормазъ цивилизаціи, какъ прозвалъ ее д-ръ Дебовскій, и до нынѣ остается въ Камчаткѣ первенствующимъ домашнимъ животнымъ, продолжая вѣрою и правдою служить своему хозяину. Отказавшись отъ услугъ лошади, русскій переселенецъ поневолѣ отказался и отъ телѣги, замѣнивъ ее нартою и батомъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуясь сѣдломъ.

Лѣтнихъ путей сообщенія, въ смыслѣ проѣзжихъ колесныхъ дорогъ, въ Камчаткѣ нѣтъ и, вслѣдствіе гористости мѣстности и частыхъ рѣкъ, болотъ, скалъ и овраговъ, быть не можетъ; частыя метели и глубокіе снѣга не позволяютъ продѣлывать ее и зимою. Только одна собака, при незначительной тяжести длинной нарты (нарта вѣситъ не болѣе 20—30

фунтовъ; кладя на нее кладется отъ 10—15 пудовъ), можетъ пробѣгать безъ всякой дороги отъ 50 до 80, а иногда и болѣе, верстъ въ сутки, не останавливаясь ни предъ какими дурными условіями пути.

Отправляя въ теченіе зимы тяжелыя обязанности, собака, въ остальное время года, пользуется отдыхомъ и отпускается на волю. Впрочемъ, въ послѣднее время, по распоряженію начальства, стараются держать собакъ на привязи до конца лѣта. Съ весны и въ началѣ лѣта, собакъ кормятъ остатками рыбы отъ зимнихъ запасовъ и отбросами свѣжей рыбы; въ концѣже лѣта и особенно осенью, когда начинается, такъ назыв., валовой ходъ рыбы, собаки, обыкновенно, сами занимаются ловлею рыбы по мелкимъ рѣчкамъ и дѣлаютъ это съ особою ловкостью. Въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось наблюдать, какъ стая собакъ, расположившись вдоль обмелѣвшей рѣчки, помогали другъ другу ловить красную рыбу, фунтовъ въ 10 и болѣе вѣсомъ, при этомъ одна часть собакъ съ шумомъ и лаемъ бросалась въ углубленныя мѣста (русло рѣки состояло изъ ряда ямъ и обмелѣвшихъ мѣстъ) и выгоняла оттуда спрятавшуюся рыбу на мелкія мѣста, тогда какъ вторая часть, стоя на отмеляхъ, зорко слѣдила и, пользуясь моментомъ, схватывала выскочившихъ рыбъ и выносила на берегъ. Съ наступленімъ обильнаго хода рыбы, собаки ѣдятъ только однѣ головки рыбы, оставляя туловища нетронутыми, вслѣдствіе чего, въ осеннее время, берега многихъ мелкихъ рѣченокъ бываютъ заброcаны сотнями и тысячами гніющей рыбы. Особою ловкостью въ ловлѣ рыбъ, по словамъ жителей, отличаются медвѣди, для которыхъ мѣстомъ промысла служатъ не только обмелѣвшія рѣки, но и болѣе глубокія, лишь-бы вода была прозрачна.

Въ лѣтнее время, главнымъ средствомъ передвиженія служитъ батъ, т. е., долбленая лодка, которая, въ тоже время, является и необходимою принадлежностію при рыбной ловлѣ. Матеріаломъ для батовъ служитъ ветловый и тополевый лѣсъ. И въ этомъ случаѣ устройство батовъ и способы передвиженія на нихъ (при помощи веселъ, шестовъ и собакъ) остались тѣже самые, какіе были и раньше у прежнихъ камчадаловъ и, вообще, инородцевъ сѣверо-востока. Замѣнить ихъ чѣмъ—либо не удалось до сихъ поръ, такъ какъ мелкія каменистыя и быстрыя рѣки Камчатки только и доступны бываютъ для плаванія по нимъ на легкихъ и мелкосидящихъ батахъ. Для удобства плаванія по большой рѣкѣ и внизъ по теченію иногда соединяются при помощи ремней и жердей нѣсколько (2 или 3) батовъ въ одинъ паромъ, на который можно и грузу больше положить (одинъ батъ слишкомъ не устойчивъ) и на которомъ, если нужно, является возможность расположиться съ большимъ комфортомъ: можно бываетъ устроить палатку, развести дымокуры, пить чай и пр.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ, послѣ утомительной ѣзды верхомъ на лошадяхъ, пересѣсть на камчатскій паромъ и плыть на немъ внизъ по теченію быстрой рѣки. Вы любуетесь постоянно мѣняющимися картинами природы и видами мѣстности; быстрота рѣки, мѣстами, доходитъ до 10 и болѣе верстъ въ часъ; что—ни часъ, то новая мѣстность; то вамъ приходится проплывать вдоль нависшихъ кустовъ и деревьевъ, словно по аллеѣ, то среди зеленѣющихъ луговъ или группъ нависшихъ скалъ и обрывовъ; по берегамъ, то и дѣло, мелькаютъ то стаи утокъ и гусей, то зайцы, лисы, а иногда и бурый медвѣдь пройдетъ лѣнивою поступью вдоль берега и снова скроется въ лѣсу. Все это, при отличной лѣтней погодѣ, является истиннымъ наслажденіемъ для лицъ, любящихъ природу и путешествіе.

Выше было сказано, какихъ хлопотъ и усилій стоило правительству введеніе въ Камчаткѣ хлѣбопашества. Заботы эти длились до 1854 г.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и до сего времени, существуетъ посѣвъ хлѣба (исключительно ячмень), но занятіе это является такою же второстепенною отраслью хозяйства, какъ пчеловодство или садоводство гдѣ—либо въ черноземной полосѣ Россіи; уродитъ Господь—счастье, а не уродитъ, такъ не велика бѣда, съ голоду не умрутъ.

Другое дѣло рыба, которая для жителей Камчатки является хлѣбомъ насущнымъ. Рѣка

По р[illegible]кѣ Камчаткѣ лѣтомъ 1897г.

здѣсь играетъ роль нивы, но нивы, къ сожалѣнію, мало изученной и до сего времени не обрабатываемой и не удобряемой. Въ теченіе 2-хъ столѣтій русскіе владѣютъ полуостровомъ; съ появленіемъ русскихъ, привыкшихъ къ прочной осѣдлости и большой скученности, многія камчатскія рѣки начали засариваться и загрязняться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все чаще и чаще начали повторятся недоходы рыбы, а затѣмъ и голодовки. Для примѣра можно указать на селеніе Озерное, расположенное въ предѣлахъ Авачинской губы при истокѣ небольшой рѣчки, соединяющей большое нагорное озеро съ р. Паратункою. По словамъ жителей, рѣченка эта считалась рыбною и съ избыткомъ питала все селеніе. Теперь же, для заготовки рыбы, жители принуждены бываютъ ходить на другія рѣки и уже подали заявленіе о перемѣнѣ мѣста жительства. Положимъ, точнаго опредѣленія причинъ подобнаго явленія нельзя указать, пока не будутъ изслѣдованы камчатскія рѣки вообще, но, тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что Озерное селеніе лишилось рыбы, благодаря тому, что, въ теченіе многихъ лѣтъ, сваливали скотскій навозъ къ берегамъ своей кормилицы.

Главные сорты рыбъ, составляющихъ насущный хлѣбъ для камчатскихъ жителей,—лососевыя (Salmo), которыя большую часть своей жизни проводятъ въ глубинахъ сѣверныхъ морей, откуда, для метанія икры, входятъ въ рѣки.

Лососи, обыкновенно, входятъ въ рѣки большими стадами и при этомъ обнаруживаютъ такое неопреодолимое стремленіе къ движенію вверхъ по рѣкѣ, какъ необходимаго условія для отправленія ихъ половыхъ функцій, что никакія препятствія не останавливаютъ этой рыбы и не заставляютъ ее возвращаться назадъ въ море. Замѣчено, что нѣкоторые лососи, дойдя до какой—либо преграды, лѣзутъ въ такія отверстія, о которыя срываютъ себѣ бока, выбрасываются на отмели и бьются на нихъ до тѣхъ поръ, пока не перейдутъ ихъ или не лишатся жизни, но никогда не возвращаются назадъ; не только быстрыя мѣста, такъ называемые шивера, но даже пороги и водопады, иногда въ нѣсколько футовъ вышиной, не является для нихъ препятствіемъ. Такъ, Палонская рѣка выходитъ изъ озера въ видѣ водопада, но это обстоятельство, по словамъ жителей, не препятствуетъ красной рыбѣ проходить изъ моря въ озеро.

Существенными для жителей Камчатки видами рыбъ изъ семейства лососевыхъ являются: Salmo Lagocephalus (хайко или амурская кэта), Salmo Lycaodon (красная рыба или нярка, по охотски), Salmo Sagvinolentus (кижучъ) и, особенность Берингова и Камчатскихъ морей—Salmo Orientalis (чавыча).

Чавыча—весьма вкусная рыба, величиною аршина въ полтора, доходитъ до $2^1/_2$ пудовъ вѣса. Общій видъ рыбы одинаковъ со всѣми другими лососями, какъ то кэтой, красной и пр.; отличительнымъ признакомъ является ростъ ея, при чемъ особенно выдѣляются размѣры головы и ширина по срединѣ. Цвѣтъ чешуи на спинѣ синеватый, съ темными пятнами, а по бокамъ серебристо бѣлый. Впрочемъ, цвѣтъ этотъ, съ поднятіемъ чавычи вверхъ по рѣкѣ, какъ и у всѣхъ лососей, мѣняется, переходя въ красный и даже темный. Мясо чавычи свѣтло красное и очень нѣжное; остовъ головы съ большимъ преобладаніемъ хрящей предъ костями. Входъ чавычи въ рѣки начинается раньше другихъ и, какъ видно, въ извѣстной постепенности, начиная съ сѣвера; въ рѣкѣ Камчаткѣ первая чавыча начинается появляться въ концѣ апрѣля *), тогда какъ въ Большерѣцкѣ—во вторую половину мая; въ Авачинской губѣ, въ 1847 году, первая чавыча была поймана 12-го мая. Чавыча заходитъ далеко не во всѣ рѣки Камчатки; такъ, на восточномъ берегу обыкновенными мѣстами лова ея служатъ р. Камчатка и р.р. Авачинской губы, а на западномъ же берегу р. Большая и рѣка Тигиль въ большомъ количествѣ. Въ остальныя рѣки чавыча не заходитъ. Благодаря своему объему и силѣ, чавыча поднимается вверхъ по рѣкѣ съ такимъ стремленіемъ, что впереди ея всегда подымается валъ. Жители

*) Устье р. Камчатки иногда заграмождается плавучимъ льдомъ, въ такомъ случаѣ входъ чавычи въ рѣки запаздываетъ недѣли на двѣ, на три.

зорко слѣдятъ за этимъ валомъ, (для наблюденія за ходомъ рыбы на берегу дѣлаютъ высокій помостъ) и какъ только замѣтятъ, то тотчасъ же забрасываютъ сѣть или неводъ.

Не отличаясь обширностью своего распространенія, ходъ чавычи, въ то же время, не отличается, повидимому, и численностью экземпляровъ въ каждомъ отдѣльномъ стадѣ. Въ Авачинской губѣ каждый забросъ сѣти считается удачнымъ, если въ него попадетъ 2—3 чавычи. Въ Усть-Камчатскѣ лучшій уловъ чавычи въ одинъ разъ опредѣляется однимъ или нѣсколькими десятками, тогда какъ—въ среднемъ теченіи р. Камчатки мнѣ удалось только разъ видѣть, какъ жители вытащили неводъ съ пятью экземплярами *). Ходъ чавычи на восточномъ берегу начинается и кончается раньше, чѣмъ на западномъ. Первую чавычу я увидѣлъ въ Петропавловскѣ 12-го мая, а послѣднюю въ Тигилѣ 23-го іюля.

Отличаясь высокими достоинствами своего мяса, чавыча, въ то же время, является неудобною для заготовки ея въ прокъ въ видѣ юкалы (сушеная рыба). Заготовка юкалы состоитъ въ томъ, что съ рыбы снимается вся мясистая часть, въ видѣ двухъ пластовъ, и вѣшается на все лѣто подъ навѣсомъ для просушки. Никакихъ другихъ пріемовъ не употребляется. При такомъ способѣ заготовки, само собою разумѣется, юкала, болѣе или менѣе сносная, выходитъ только изъ такихъ рыбъ, мясистыя части которыхъ не столь толсты и не такъ жирны, какъ, напр., у чавычи. Юкала изъ чавычи, хотя и высоко цѣнится, но трудно сохраняется и скоро горкнетъ. Въ силу такихъ особенностей чавычи, она является только лакомствомъ для камчатскихъ жителей весной и въ началѣ лѣта; впрокъ же заготовляется далеко не многими изъ зажиточныхъ жителей и то только въ соленомъ видѣ и рѣдко копченомъ.

Такъ называема красная рыба (въ Охотскѣ—нярка) появляется у береговъ нѣсколько позже чавычи, затѣмъ одновременно съ нею заходитъ въ рѣки и проникаетъ во всѣ самыя отдаленныя протоки и ручейки, при чемъ, по словамъ жителей, предпочитаетъ тѣ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ озеръ, составляющихъ, такъ сказать, конечную цѣль ея путешествія.

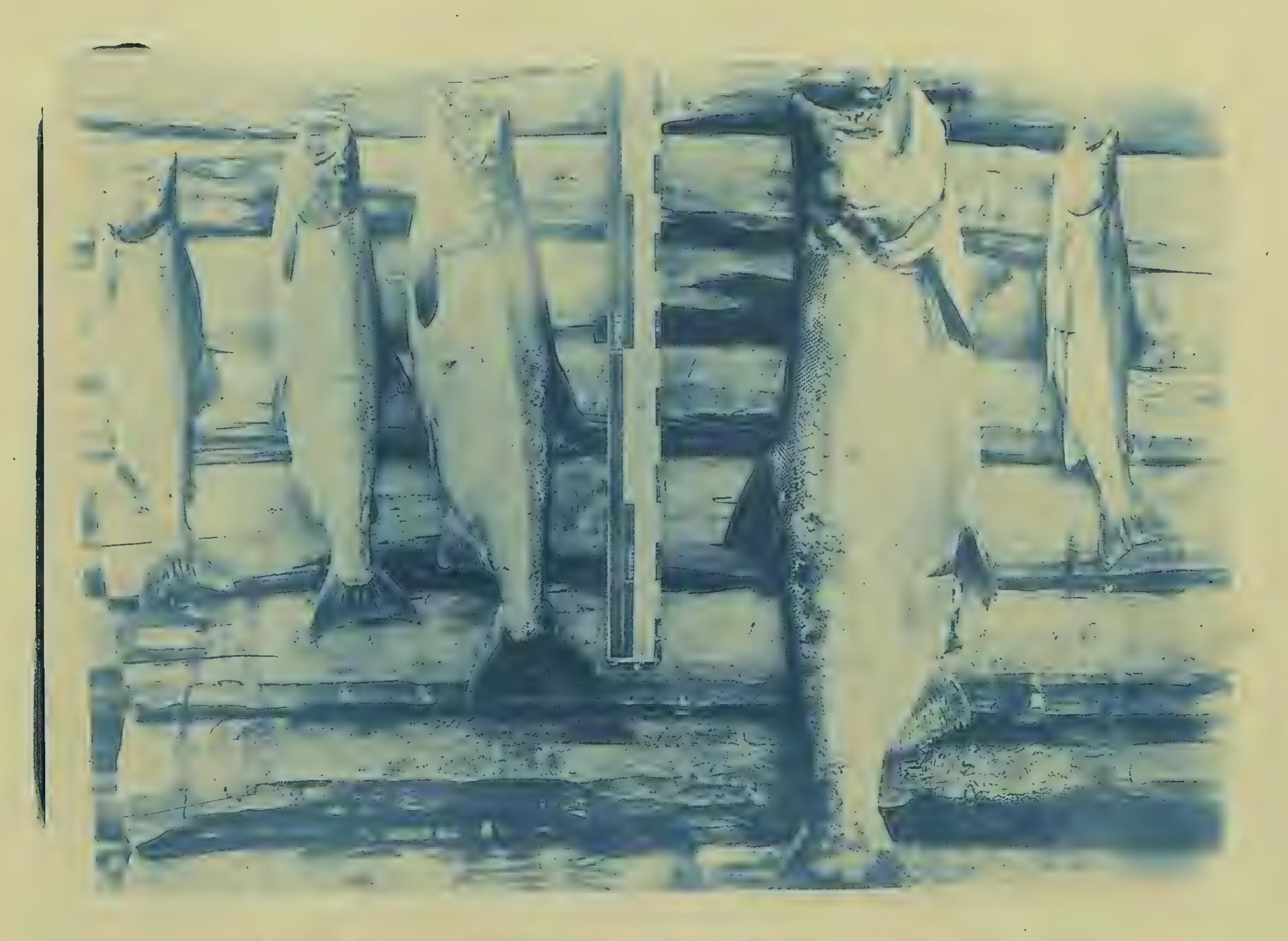
Величина красной рыбы, обыкновенно, 3—4 аршина, а вѣсомъ доходитъ до 15 фунтовъ. Юкала изъ этой рыбы предпочитается предъ другими, хотя, вслѣдствіе примитивной заготовки ея жителями Камчатки, она скоро горкнетъ и требуетъ особеннаго ухода для сохраненія ея.

Красная рыба, а равно какъ и слѣдующая за ней, кэта, являются главными жизненными продуктами не только Камчатки, но и всего побережья Берингова и Охотскаго морей. Въ удачные для хода рыбы годы и этотъ сортъ лососей входитъ въ рѣки большими стадами и, какъ свидѣтельствуютъ многіе, иногда положительно запруживаетъ рѣки. Въ такихъ случаяхъ не только неводами или какими—нибудь другими рыболовными снастями можно бываетъ ловить эту цѣнную рыбу, но даже собаки и медвѣди безъ всякихъ затрудненій достаютъ ее изъ воды прямо зубами. Случаи улова въ одинъ день и однимъ неводомъ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ лососей въ Камчаткѣ нерѣдкость.

Предѣломъ распространенія красной рыбы на югъ, повидимому, служатъ берега Охотскаго моря, тогда какъ кэта или по камчатски хойко (Salmo Lagocephalus) является главнымъ рыбнымъ богатствомъ и всего побережья Татарскаго пролива и даже сѣверныхъ береговъ Японскаго моря.

Ходъ чавычи, красной рыбы и хайко, съ небольшими опаздываніями, одна за другой, продолжается въ теченіе всего лѣта, до сентября мѣсяца. Въ осенніе же мѣсяцы появляется въ рѣкахъ кижучъ (Salmo Sangninolevtus), который остается здѣсь до самыхъ холодовъ и даже до января мѣсяца, когда, какъ думаютъ, начинается обратный ходъ его въ море. Поздній ходъ кижуча служитъ большимъ подспорьемъ для жителей, незаготовившихъ почему—либо юкалы въ теченіе лѣта, и тѣмъ болѣе является желательнымъ, что заготовка этого сорта рыбы приходится въ то время, когда легко сохранить ее въ замороженномъ видѣ.

*) Нѣкоторые утверждаютъ, что чавычи, также какъ и другіе лососи, большими стадами попадаются въ неводъ, но мнѣ этого не случалось видѣть.



Горбуша. Красная рыба. Хайко (Кета). Чавыча. Голецъ.

Къ числу осеннихъ рыбъ, изъ того же семейства Salmo, принадлежитъ горбуша (Salmo proteus), которая, въ сравненіи съ другими лососями, не имѣетъ особаго значенія и если заготовляется, то для корма собакамъ. Особаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что горбуша въ болѣе южныхъ широтахъ, какъ, напр., по берегамъ Татарскаго пролива, появляется всегда раньше кэты, тогда какъ въ предѣлахъ камчатскаго побережья, она рѣдко сопровождаетъ эту послѣднюю, обыкновенно же, особенно въ Охотскомъ морѣ, ходъ ея начинается гораздо позже всѣхъ другихъ лососей, кромѣ кижуча.

Камчатка богата и такою рыбою изъ семейства Salmo, которая круглый годъ держится въ рѣкахъ и сточныхъ озерахъ, и только весною спускается въ бухты; къ такимъ рыбамъ принадлежитъ камчатскій голецъ (Salmo Leycomaenis), котораго насчитываютъ нѣсколько сортовъ.

Не стану перечислять остальные сорты рыбъ, какъ то: сельдь различныхъ сортовъ, треска и пр., которыя, хотя и имѣютъ большое экономическое значеніе, но не для камчатскихъ жителей, недошедшихъ въ своемъ развитіи ни до какихъ культурныхъ потребностей, а довольствующихся только тѣмъ, чѣмъ можно продлить жизнь отъ лѣта до весны, а лѣто, по выраженію жителей, само питаетъ человѣка. Кромѣ выше перечисленныхъ лососей, жители Камчатки другими рыбами не пользуются, развѣ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, и только тогда, когда уловъ этихъ рыбъ не представляетъ для нихъ никакихъ затрудненій. Такъ, напримѣръ, въ камчатскихъ моряхъ водится мелкая рыба изъ того же семейства Salmo, такъ называемая уйки (Salmo Socialis), которую, во время ея хода, можно бываетъ черпать прямо изъ рѣки какимъ угодно черпакомъ и даже просто весломъ. По словамъ очевидцевъ, уйки иногда выбрасываются бушующимъ моремъ въ такомъ количествѣ, что берегъ бываетъ покрытъ ею на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину, слоемъ по колѣно вышиною. Несмотря на все обиліе рыбы, не оставляющей Камчатку почти въ теченіе круглаго года, жители этой страны, большею частью, живутъ впроголодь, а нерѣдко переживаютъ и настоящій голодъ. Причины такому, какъ бы ненормальному, явленію, слѣдующія: 1) характеръ самихъ жителей, 2) взглядъ ихъ на рѣку, какъ на кладовую, изъ которой, если надо, можно доставать, не заботясь объ исправности и пополненія ея, и 3) отсутствіе всякой инціативы въ дѣлѣ улучшенія рыболовныхъ снарядовъ и способовъ при заготовленіи рыбы впрокъ. Въ свою очередь, эти три причины сводятся къ одной: полное отсутствіе умственнаго развитія, благодаря которому интересъ ихъ жизни не распространяется далѣе удовлетворенія животныхъ потребностей. Крашенинниковъ, описывая камчадаловъ, говоритъ: „живутъ они беззаботно, трудятся по своей волѣ, думаютъ о нужномъ и настоящемъ, будущее совсѣмъ оставя; богатства, славы и чести не вѣдаютъ, чего ради нѣтъ между ними сребролюбія и гордости, но токмо роскошь и похоть съ своими плодами". Тоже самое почти можно сказать и о современныхъ жителяхъ Камчатки, какъ о русскихъ, такъ и камчадалахъ. Никто изъ камчатскихъ жителей не сознавалъ и не сознаетъ, что есть возможность предупреждать различнаго рода случайности, вредно отзывающіяся на жизни рыбъ, на ихъ питаніи, размноженіи и на заходѣ въ рѣки. Никто изъ нихъ не думалъ и, при настоящемъ умственномъ развитіи, едва ли думаетъ, что есть на свѣтѣ и другія, болѣе культурныя, средства къ жизни, чѣмъ тѣ, которыми они обставили себя.

Орудіями и снарядами рыбной ловли служатъ, такъ называемые, запоры, сѣти, невода, марики и дрыгалки. Самымъ интереснымъ и, въ то же время, самымъ распространеннымъ по всей Камчаткѣ рыболовнымъ снарядомъ является запоръ, который устраивается такъ: поперекъ всей рѣки ставится городьба, состоящая изъ нѣсколькихъ, вбитыхъ въ дно рѣки, кольевъ съ горизонтальными перекладинами, и нѣсколькихъ рѣшетокъ, связанныхъ по двумъ или тремъ линіямъ изъ тонкихъ палочекъ. Колья и перекладины дѣлаются и ставятся каждый годъ новые, рѣшетки же, по минованіи надобности, снимаются, и на слѣдующій годъ обновляются и снова прикрѣпляются къ кольямъ и перекладинамъ. По срединѣ городьбы, смотря по числу семействъ (или вѣрнѣе компаній изъ двухъ, трехъ семей), участвующихъ въ снаряженіи запора,

оставляется нѣсколько узкихъ проходовъ. Въ каждомъ проходѣ устраивается изъ рамъ и подобныхъ же рѣшетокъ нѣчто въ родѣ коридора съ двухколѣннымъ изгибомъ. Въ задній конецъ коридора вставляется особый снарядъ, такъ называемая морда, которая, по формѣ своей, напоминаетъ продолговатую (около сажени длины) бочку, сдѣланную изъ тонкихъ палочекъ, связанныхъ лыкомъ или прядевомъ. Задній конецъ морды задѣлывается на глухо, тогда какъ передній прикрывается клапаномъ изъ тонкихъ прутиковъ, дающихъ возможность рыбѣ проходить внутрь морды, но прекращающихъ ей всякое отступленіе назадъ. Подобная ловушка, конечно, примѣнима только для такой рыбы, какъ лососи, которая не только не боится ни какихъ преградъ, но готова преодолѣть всякія препятствія, лишь-бы миновать ихъ и идетъ дальше вверхъ по рѣкѣ для нереста. Рыба, дойдя до запора, ищетъ хоть какой—либо лазейки для прохода чрезъ него и попадаетъ сначала въ коридоръ и затѣмъ въ морду. Морда укрѣпляется на двухъ, вертикально стоящихъ, кольяхъ, по которымъ, по мѣрѣ надобности, она то подымается, то опускается. Во время лова, каждый хозяинъ, по нѣсколько разъ въ день, подплываетъ на бату къ своему коридору, подымаетъ морду и вынимаетъ рыбу. При хорошемъ ходѣ рыбы, морда, по словамъ жителей, набивается иногда до такой степени сю, что положительно не остается мѣста, что бы просунуть туда руку.

Сѣти и невода, которыми пользуются въ настоящее время камчатскіе жители, какъ по конструкціи, такъ и по матеріалу, далеко не представляютъ того совершенства, котораго слѣдовало бы ожидать отъ нихъ, какъ отъ вѣковыхъ рыболововъ. Сѣтью пользуются, исключительно, на взморьяхъ и по бухтамъ, неводомъ же—въ устьяхъ большихъ рѣкъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ нижнемъ и среднемъ теченіи ихъ, гдѣ ширина рѣки и грунтъ ея дна оказываются къ тому пригодными.

Всѣ остальныя орудія для рыбныхъ промысловъ, какъ марикъ (особаго устройства крючекъ на длинномъ шестѣ), дрыгалка (сѣтка особаго устройства) и пр., являются второстепенными и употребляются только для улова мелкихъ, для юкалы негодныхъ, рыбъ или тогда, когда нѣтъ подъ рукою другого средства, а рыба чуть не сама выскакиваетъ на берегъ.

Рыболовство, доставляя главные жизненные продукты камчатскимъ жителямъ, въ то же время, не является для нихъ особо любимымъ занятіемъ. На рыболовство они смотрятъ, какъ на страдную работу и такъ къ ней и относятся.

Любимымъ занятіемъ считается охота во всѣхъ ея видахъ и способахъ. Въ Камчаткѣ всѣ, отъ мало до велика, охотники и охотою же, смотря по успѣшности въ ней, опредѣляется удачность или неудачность года. Какъ не обезпечь себя камчадалъ рыбою, но если онъ не промыслилъ ни одного соболя, то годъ этотъ, по его мнѣнію, считается худымъ. Употребляемые прежде луки, клепцы, обметы и пр. отошли въ область преданія; теперь главнымъ орудіемъ для охоты служитъ ружье и въ исключительныхъ случаяхъ сѣтка (на соболя), силки и др. Ружья у камчатскихъ жителей можно встрѣтить всѣхъ сортовъ, начиная съ винчестера и бердана, и кончая кремневкой и даже самодѣльнаго образца. Главнымъ предметомъ охотничьяго промысла служитъ соболь. Промыселъ начинается, обыкновенно, съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ, примѣрно около 15 октября, и продолжается до 1-го марта, когда во время дневныхъ солнопековъ снѣгъ начинаетъ подтаивать. Собственно говоря, сезонъ соболиного промысла и удачность его зависитъ отъ состоянія снѣга. Глубокій и рыхлый снѣгъ утомляетъ охотника и его собаку и даетъ возможность соболю, по легкости его, избѣгать опасности. Вслѣдствіе этого, лучшимъ временемъ промысла считается конецъ осени, когда снѣга бываютъ еще неглубоки, и въ серединѣ зимы, когда толстый слой снѣга настолько затвердѣетъ, что не проламывается ни подъ охотникомъ, ни подъ его собакой.

Соболиный промыселъ производится ружьемъ, собакой и сѣткой. Всѣ другіе способы добычи этого дорогого звѣря, способствующіе быстрому его истребленію, теперь строго воспрещены. Соболь, по натурѣ своей, хищный и, въ то же время, очень дикій звѣрекъ, а потому

Рыбный запоръ.

онъ держится въ мѣстахъ дикихъ и отдаленныхъ отъ жилья человѣка. Промышленнику, въ виду этого, приходится уходить въ глубь тайги на нѣсколько дней и даже недѣль, запастись всѣмъ необходимымъ: палаткой, провизіей, ружьемъ, сѣткой, собакой и лыжами. Занявши какой—либо раіонъ для охоты, обыкновенно, гдѣ—либо въ верховьяхъ рѣчки, промышленникъ каждый день проходитъ по нему по всѣмъ направленіямъ, стараясь открыть слѣдъ соболя. Разъ только свѣжій слѣдъ найденъ, промышленникъ пускаетъ по нему собаку, а самъ съ ружьемъ и сѣткой слѣдуетъ за ней. Въ этомъ случаѣ большую роль играетъ умная охотничья собака. Лучшими для охоты собаками считаются ламутскія, которыя и пріобрѣтаются за высокія цѣны (отъ 25—100 руб.). Соболь не отличается быстротою бѣга, а потому скоро настигается собакой и прячется отъ нея или на дерево, или въ груды камней, или въ какое—либо другое убѣжище. Достигши этого, собака становится и не выпускаетъ соболя до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ промышленникъ; бывали случаи, что собака болѣе сутокъ оставалась надъ соболемъ, ожидая отставшаго и заблудившагося хозяина.

Въ исторіи завоеванія русскими всей сѣверной части Азіи соболь игралъ важную роль. Считаясь любимымъ и цѣннымъ мѣхомъ среди русскихъ богачей, соболь, съ давнихъ поръ, служитъ цѣлью для промышленниковъ, которые, опираясь на силу и удаль казаковъ и постоянно освѣдомляясь, гдѣ есть соболь, шли все далѣе и далѣе въ глубь страны, пока не прошли ее вплоть до Великаго океана, гдѣ поиски за тѣмъ же соболемъ распространились во всѣ, куда было можно, стороны.

Приходъ русскихъ въ Камчатку былъ роковымъ годомъ для камчатскаго соболя, который по пушистости своей болѣе всего привлекалъ алчность промышленниковъ. Первобытные аборигены страны не цѣнили соболя, и если убивали его, то по спопутности съ охотою на другихъ, болѣе нужныхъ для нихъ, животныхъ, а потому соболь, въ тѣ времена, водился въ Камчаткѣ въ большомъ количествѣ. Съ приходомъ русскихъ появился спросъ на соболя и съ каждымъ годомъ началъ возрастать, такъ какъ мѣхъ этого звѣрка шелъ и на покупку товаровъ, и на уплату ясака. Началась усиленная охота на соболя и вслѣдъ затѣмъ и постепенное истребленіе его. Еще сто лѣтъ тому назадъ, соболей изъ Камчатки вывозили тысячами и даже десятками тысячъ въ годъ, теперь же добыча одной, двухъ и много трехъ тысячъ въ годъ считается удачнымъ промысломъ. Количество упромышленныхъ въ Камчаткѣ соболей за послѣдніе десять лѣтъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 годъ.
3235	2795	2695	2375	1336	1908	1029	2493	2145	2265	1048 число соболей.

Постепенное уменьшеніе соболя въ послѣднее время обратило на себя вниманіе мѣстной администраціи, которая озабочена изысканіями способовъ къ огражденію соболя отъ окончательнаго истребленія.

Послѣ соболя, вторымъ цѣннымъ звѣремъ, по достоинству своего мѣха, считается лиса, которая водится въ Камчаткѣ въ нѣсколькихъ видахъ—красная, сиводушка и рѣже чернобурая. Лисій промыселъ, такъ же какъ и соболій, со времени завоеванія Камчатки русскими, сильно упалъ. Для предохраненія его такъ же приняты мѣры и запрещены способы охоты, ведущіе къ безцѣльному истребленію звѣря.

Особенно замѣтный вредъ лисьему промыслу былъ нанесенъ въ началѣ 1880-хъ годовъ, когда былъ введенъ въ употребленіе для добычи лисицъ стрихнинъ, при помощи котораго много лисъ было отравлено, но, за частыми пургами и большими снѣгами, своевременно не были найдены. Употребленіе стрихнина теперь строго воспрещено.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, медвѣдей въ Камчаткѣ убито: въ 1894 году 1541, 1895 г.—1257 и 1896 г.—903. Цѣна за шкуру медвѣдя 10—40 руб. Изъ числа другихъ животныхъ, которыхъ жители промышляютъ какъ для продажи, такъ и для собственнаго употребле-

нія, можно указать слѣдующихъ: морской боберъ (незначительное число), песецъ (самое незначительное число), волкъ (незначительное число), горностай (около 150 въ годъ), россомаха (около 100 въ годъ), выдра (отъ 250—300 въ годъ), каменный баранъ (около 300 въ годъ), сѣверный дикій олень (около 600 въ годъ) и различные виды ластоногихъ;—моржи, нерпы, сивучи и лахтаки (отъ 1500—3000 въ годъ). Изъ перечисленныхъ животныхъ особаго вниманія заслуживаютъ ластоногія, которыя въ жизни населенія играютъ видную роль, доставляя имъ ремни и кожи для хозяйственнаго и домашняго употребленія.

Всѣ промысловыя животныя, съ появленіемъ въ Камчаткѣ культурнаго человѣка, сильно уменьшились въ численности. Раньше здѣсь встрѣчался морской котикъ, теперь его совершенно нѣтъ; моржъ водился прежде по всѣмъ берегамъ Камчатки, теперь онъ остался лишь въ одномъ мѣстѣ у Кораинскаго острова; тоже можно сказать о китѣ, о морскомъ бобрѣ и другихъ животныхъ. Крашенинниковъ сообщаетъ, что лисицъ и песцовъ въ Камчаткѣ было такъ много, что ихъ убивали палками, отгоняя отъ собакъ во время кормленія, соболей же камчадалы не только не считали цѣнными, но даже смѣялись, когда казаки—завоеватели брали ихъ, какъ ясакъ. Все это, въ настоящее время, измѣнилось до того, что легче бываетъ достать хорошихъ соболей и лисицъ гдѣ—либо на цивилизованныхъ рынкахъ, нежели среди жителей самой Камчатки. Съ покореніемъ Камчатки русскими, соболь сталъ считаться денежною единицею; съ тѣхъ поръ, при платежѣ ясака, при всѣхъ торговыхъ операціяхъ, все оцѣнивалось и разсчитывалось на соболя, а лиса, выдра и др. явились какъ размѣнная монета. При раскладкѣ податей и вообще всѣхъ повинностей, разсчетъ производился шкурками этихъ животныхъ. Не жалѣли тогда соболя русскіе, не дорожили имъ и камчадалы; да и немудрено: каждый ясачный промышленникъ могъ убивать въ зиму отъ 30 до 70 соболей и, слѣдовательно, свободно могъ расплачиваться за все; теперь же промыселъ считается удачнымъ, если охотнику удастся добыть въ теченіе зимы отъ 3 до 5 соболей, съ затратою на это большого труда и времени. Все, что сказано относительно промысла соболинаго, аналогично съ добычею и другихъ цѣнныхъ пушныхъ звѣрей. Такимъ образомъ, ясно, каково было богатство прежде и каково теперь, чѣмъ измѣрялось благосостояніе прежнихъ дикарей и чѣмъ—выражается оно теперь, среди теперешнихъ жителей этой страны. Разница въ довольствѣ жителей еще болѣе выразится, если взять во вниманіе потребности бывшихъ аборигеновъ страны въ сравненіи съ требованіями, предъявляемыми нынѣшнимъ жителямъ Камчатки. Тогда не было ясака, тогда не было и другихъ повинностей; каждый жилъ „беззаботно", помышляя лишь о настоящемъ и думая лишь о себѣ. Русская колонизація, принеся въ Камчатку болѣе цивилизующія начала жизни (общинность, законность, и пр.), внесла, въ то же время, и цѣлый рядъ требованій, обусловливающихъ эти начала; взамѣнъ же тѣхъ средствъ, которыми раньше дикари обладали, не дала ничего, или лучше сказать, хотѣла дать, но ничего не вышло.

Съ подчиненіемъ камчадаловъ требованіямъ русской власти и съ обращеніемъ ихъ въ христіанство, было, повидимому твердое намѣреніе ввести въ ихъ среду культурность путемъ умственнаго и нравственнаго развитія подростающаго поколѣнія.

Съ этою цѣлью были посланы туда миссіонеры, благодаря ревностной дѣятельности которыхъ, дѣло пошло настолько успѣшно, что къ царствованію императрицы Екатерины II-й въ Камчаткѣ насчитывалось 11 церквей и столько же школъ, при чемъ, какъ видно изъ отчетовъ того времени, всѣ аборигены страны, за исключеніемъ немногихъ бродячихъ дикарей, были обращены въ христіанство и болѣе половины дѣтей школьнаго возраста, съ свойственной камчадаламъ любознательностью, изучили русскую грамоту. Въ то время и правительство шло на помощь образованію камчадаловъ; предоставлялись различныя льготы учащимся и тѣмъ, кто успѣшно оканчивалъ курсъ въ школахъ; для большаго усовершенствованія въ русской грамотѣ, открывались школы съ болѣе широкою программою; въ концѣ прошлаго столѣтія была открыта полковая школа, затѣмъ ремесленная, духовное училище и, наконецъ, въ царствованіе импера-

тора Николая I-го, сельско-хозяйственное училище съ полнымъ курсомъ и съ производствомъ практическихъ работъ и занятій. При такой системѣ въ дѣлѣ колонизаціи, эта чудная страна, безспорно, теперь была бы уже болѣе чѣмъ состоятельною и, во всякомъ случаѣ, не являлась бы для правительства тою обузою, отъ которой оно теперь откупается ежегодно нѣсколькими десятками тысячъ рублей. Хлѣбъ, порохъ, свинецъ, мануфактурныя произведенія и вообще всѣ, необходимые въ жизни, предметы и товары вывозятся въ Камчатку и не иначе, какъ съ субсидіею отъ правительства.

Въ 1855 году, когда русскими было занято устье Амура, весь интересъ правительства перешелъ съ Камчатки на эту послѣднюю окраину. Съ этого момента, въ Камчаткѣ все пошло къ упадку и забвенію; закрылись учрежденія, обветшали церкви и пала школа, а вмѣстѣ съ тѣмъ понизилось и то религіозно—нравственное воздѣйствіе, благодаря которому имѣлось въ виду поставить камчатскихъ жителей въ болѣе или менѣе культурныя условія. Правда, школы и церкви существуютъ въ Камчаткѣ и въ настоящее время, но, при тѣхъ устовіяхъ, которыми они обставлены, признать за ними хоть какое—либо цивилизующее значеніе, было бы ошибочно. Въ такой безкультурной странѣ, какъ Камчатка, церковь безъ школы не можетъ идти далѣе слѣпого выполненія обрядностей, на которыя какъ жители, такъ и самъ причтъ, смотрятъ какъ на повинность; священникъ отслужилъ, а мірянинъ заплатилъ, тѣмъ дѣло и кончается. Мнѣ извѣстенъ случай, какъ одинъ изъ крестившихся инородцевъ, опоздавши къ исповѣди и причастію, заботился не о томъ, что остался безъ столь важнаго для христіанина таинства, а о томъ, что не сдалъ принесенную имъ за эту обрядность бѣлку.

Весь полуостровъ, въ церковномъ отношеніи, раздѣленъ на 8 приходовъ. Въ одномъ изъ людныхъ селеній каждаго прихода имѣется церковь и причтъ, состоящій изъ священника и одного или двухъ псаломщиковъ *). Церковная обстановка крайне скудная, если не считать исключеніемъ нѣсколько дорогихъ иконъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей изъ церковной утвари, имѣющихся въ петропавловской и нижне-камчатской церквахъ, куда, въ прежніе годы, нерѣдко поступали пожертвованія отъ мореплавателей, находившихъ въ этихъ уголкахъ отдыхъ отъ бурь Великаго океана. Училищъ въ Камчаткѣ 9, изъ нихъ въ Петропавловскѣ одноклассное городское училище, по положенію 31 мая 1872 года, и 8 церковно—приходскихъ школъ, существующихъ въ селеніяхъ при церквахъ. Петропавловское городское училище, основанное въ 1893 году, содержится министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ отпускомъ изъ казны 1557 руб. 95 к. и съ пособіемъ отъ города въ размѣрѣ 900 рублей. Кромѣ того, въ послѣднее время, ассигновано еще 600 рублей на содержаніе при этомъ училищѣ мастерской, преимущественно, бондарной. Указанныя средства расходуются на содержаніе учителя, его помощника, на выписку пособій и на содержаніе дома какъ для училища, такъ и для учителя. Училищный домъ, если только можно такъ выразиться, есть, собственно говоря, досчатый баракъ, служившій нѣкогда торговою лавочкою. Приспособленіе этого строеніе въ училищное помѣщеніе выразилось тѣмъ, что въ немъ была поставлена печь и стѣны были обшиты кругомъ вторымъ рядомъ досокъ, при чемъ пространство между досками засыпано землею. Признать такое помѣщеніе за училищное нельзя, такъ какъ оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Городъ Петропавловскъ, или лучше сказать, остатки нѣкогда бывшаго порта, собственно говоря, не имѣетъ городского сословія, потребности котораго вызывали бы необходимость открытія у нихъ городского училища, по положенію 31 мая 1872 года, а потому существующее петропавловское училище не достигаетъ тамъ своей цѣли. Петропавловскій мальчикъ самъ—по себѣ не нуждается въ тѣхъ познаніяхъ, которыя можетъ дать ему подобнаго рода училище; съ другой стороны, при тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено это училище, онъ не въ силахъ получить тамъ и такихъ познаній, съ которыми онъ могъ бы быть полезнымъ для обще-

*) Въ Петропавловскѣ причтъ состоитъ: изъ протоіерея, священника, діакона и двухъ причетниковъ.

ства. Училищное здание не въ состояніи вмѣстить болѣе 30 мальчиковъ, а по величинѣ и удобствамъ не представляетъ рѣшительно никакой возможности имѣть болѣе трехъ отдѣленій. Кромѣ того, подобный планъ училища предназначенъ, исключительно, для мальчиковъ, а потому петропавловскія дѣвочки, волей не волей, остаются безъ обученія *). Словомъ, училищныхъ средствъ (домъ, денежныя суммы, пособія и проч.) какъ для постояннаго городского училища слишкомъ много. На эти средства можно было бы содержать, по крайней мѣрѣ, два начальныхъ училища, не исключая изъ числа школьниковъ и дѣвочекъ; городскія же училища, при крайней непригодности училищнаго зданія, нельзя обставить въ должномъ порядкѣ ни одного, хотя бы въ одноклассномъ составѣ. Между тѣмъ, болѣе или менѣе сносно-обставленное городское училище въ Петропавловскѣ могло бы оказать существенную пользу населенію полуострова, являясь тамъ разсадникомъ вполнѣ грамотныхъ молодыхъ людей, могущихъ быть мѣстными учителями въ сельскихъ школахъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе является настоятельнымъ, что въ такую страну, какъ Камчатка, нѣтъ желающихъ ѣхать сельскими учителями за плату, увеличенную противъ обыкновеннаго даже вдвое. Камчатскія селенія, не имѣя средствъ на содержаніе присланныхъ къ нимъ учителей, въ то же время, не имѣютъ, и возможности приготовлять ихъ изъ своихъ, привыкшихъ къ мѣстной жизни, мальчиковъ. Да не однихъ только учителей для Камчатки могло бы воспитывать петропавловское городское училище; тамъ всякій грамотный человѣкъ отыскивается съ трудомъ. Для примѣра можно указать на церковный причтъ, изъ числа котораго есть нѣкоторые совершенно безграмотные, а если они и отправляютъ свои обязанности, то наизусть, по наслышкѣ.

Разсматривая нужды камчатскаго населенія въ этомъ направленіи, приходится пожелать: 1) преобразовать петропавловское училище, по крайней мѣрѣ, въ двухклассный составъ, при которомъ, безспорно, будетъ болѣе шансовъ на успѣхи, нежели при одноклассномъ составѣ: 2) построить зданіе съ помѣщеніемъ для завѣдывающаго училищемъ и 3) имѣть при новымъ зданіи хотя одну комнату для мѣстнаго интерната, въ которомъ сельскія общества на своемъ собственномъ иждивеніи могли бы содержать мальчиковъ (допустимъ по одному отъ каждаго причта или общества) для подготовки ихъ въ учительскія званія. Подобный вопросъ, во время моего проѣзда по Камчаткѣ, былъ возбужденъ неоднократно среди жителей, разъ только рѣчь заходила о школѣ и вообще о грамотности, и вездѣ приходилось слышать полную готовность общества къ приготовленію учителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ вышесказаннымъ путемъ.

Въ селеніи же Ключевскомъ староста такъ энергично ухватился за эту мысль, что на другой день ко мнѣ былъ приведенъ мальчикъ, лѣтъ 13-ти, котораго жители изъявили желаніе содержать въ Петропавловскѣ для обученія его учительскому „знанію". Къ счастью, одинъ изъ моихъ спутниковъ, петропавловскій врачъ Тюшевъ, предложилъ свои услуги, пока будетъ разрѣшаться вопросъ о петропавловскомъ интернатѣ, взять этого мальчика для указанной цѣли въ Петропавловскъ къ себѣ, на свое иждивеніе.

Мальчикъ, дѣйствительно, былъ взятъ и, въ настоящее время, учится въ петропавловскомъ городскомъ училищѣ съ особымъ, по моему предложенію, вниманіемъ со стороны завѣдующаго училищемъ. Желательно, что бы этотъ опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, такъ какъ жители Камчатки, по свойственной имъ любознательности, весьма склонны къ обученію грамотѣ, но, къ сожалѣнію, по бѣдности своей, лишены возможности пользоваться ею. Примѣры самоучекъ нерѣдки; готовность къ обученію не останавливается и предъ тѣмъ, когда отцу приходится отвозить сына въ школу, находящуюся, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ его селенія. Большимъ тормазомъ въ этихъ случаяхъ служитъ постановка камчатскаго школьнаго обученія, требующая иногда нѣсколькихъ лѣтъ для того только, что бы мальчикъ научился едва-едва читать или писать.

*) Вопреки существующимъ правиламъ, въ Петропавловскѣ разрѣшено принимать, по мѣрѣ возможности, и дѣвочекъ, заканчивая обученіе ихъ трехъ годичнымъ курсомъ.

Мнѣ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай, когда отецъ въ теченіе 4-хъ зимъ, возилъ своего сына въ сосѣднюю школу и когда спросилъ учителя о причинахъ неуспѣшности сына, то получилъ отвѣтъ: „до твоего сына не дошла еще очередь; привози на слѣдующую зиму". Дѣло вотъ въ чемъ: камчатская школа, обыкновенно, ввѣряется первому попавшемуся грамотею и хотя считастея церковно-приходскою, но священникъ, по обширности своего прихода (не по числу жителей, а по разбросанности ихъ на цѣлыя сотни верстъ), является въ ней рѣдкимъ гостемъ, въ видѣ наблюдателя. Грамотей же, обыкновенно, такъ ведетъ свое дѣло: садится рядомъ съ двумя или тремя мальчиками и начинаетъ разучивать съ ними какую—либо молитву или отрывокъ (изъ псалтыря, священной исторіи, часослова и пр.), сначала по буквамъ, затѣмъ по слогамъ, а потомъ уже съ произношеніемъ полныхъ словъ, и до тѣхъ поръ занимается съ ними, оставляя всѣхъ остальныхъ школяровъ на произволъ судьбы, пока не научитъ каждаго изъ нихъ читать взятую имъ статью, а затѣмъ уже переходитъ къ слѣдующимъ двумъ или тремъ мальчикамъ, заставляя прежнихъ повторять „зады" и т. д. При такомъ способѣ камчатскаго обученія, какъ не странно это слышать въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, пришлось наткнуться, въ 2-хъ изъ 7-ми пресловутыхъ камчатскихъ школахъ, на слѣдующіе факты: 1) взялъ я священную исторію и предложилъ прочитать одному изъ учениковъ первое попавшееся заглавіе и, къ удивленію, получилъ отвѣтъ, что онъ по этой книгѣ не учился, я ко второму, и тотъ тоже заявилъ, что не по той книгѣ учился; въ результатѣ оказалось, что одни ученики умѣли читать только псалтырь, другіе исторію, а третьи оказались спеціалистами по части молитвъ 2) одинъ ученикъ поразилъ меня своимъ ростомъ и лѣтами (17 лѣтъ) и когда я освѣдомился о причинѣ долгаго обученія, то получилъ отвѣтъ, что до него только въ прошломъ году, „очередь дошла"; и 3) одинъ мальчикъ оказался свѣдующимъ, до нѣкоторой степени, по всѣмъ спеціальностямъ камчатской школы: зналъ нѣсколько молитвъ, читалъ наизусть нѣкоторые псалмы и умѣлъ разсказать кое—что изъ священной исторіи, между тѣмъ, онъ считался въ разрядѣ, до котораго „еще очередь не дошла". Дѣло объяснилось тѣмъ, что этотъ ученикъ, способный и очевидно внимательный, слыша, какъ учитель разучиваетъ то или другое съ его товарищами, успѣлъ, недождавшись еще очереди, научиться по наслышкѣ. 4) Въ два предшествовавшіе года, мнѣ, по распоряженію главнаго начальника края, пришлось высылать въ камчатскія школы учебники и учебныя пособія. Посѣщая камчатскія школы, я, къ удивленію своему, убѣдился, что присланныя мною книги хранятся закупоренными и учителя не нашли полезнымъ пустить ихъ въ употребленіе, быть можетъ, даже потому, что они сами „по такимъ книгамъ не учились".

Сказанныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить какова школа въ Камчаткѣ и каково ея значеніе въ этой странѣ. Если же ко всему сказанному прибавить, что камчатскія школы часто не функціонируютъ или по неимѣнію зданія, или по болѣзни учителей и руководителей, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, то едвали я заслужу упрекъ, если скажу: въ Камчаткѣ школы нѣтъ. Не было ее и прежде, до завоеванія ея русскими, но тогда отсутствіе ея не было столь ощутительнымъ, какъ теперь; тогда и дикарь жилъ вольно, своею естественною жизнью, довольствуясь своимъ міровоззрѣніемъ; теперь же онъ, выбитый изъ своей колеи и обрусѣлый, является совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ за существованіе. Потерявши обычаи и вѣрованія своихъ отцовъ, онъ коснулся плодовъ цивилизаціи, но не успѣлъ еще освоиться съ ними, какъ настало моментъ, когда онъ лишился возможности постигнуть всю суть ихъ. Къ сожалѣнію, въ Камчаткѣ, какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, нетронутая натура дикаря явилась болѣе воспріимчивою не къ хорошему, а ко всему дурному, скорѣе растлѣвающему и душу, и тѣло нежели облагороживающему. Явились пороки, а вслѣдъ за ними явились и болѣзни, бороться съ которыми дикарь оказался не подготовленнымъ. Вслѣдствіе этого, отъ 20-ти тысячнаго населенія камчадаловъ, по послѣдней переписи, всѣхъ жителей Камчатки осталось немного болѣе 8 тысячъ, считая въ томъ числѣ, какъ инородцевъ, такъ и тѣхъ русскихъ, которые когда-то были переселены сюда съ цѣлью колонизаціи страны. Въ самое цвѣтущее время Кам-

чатки противъ различнаго рода эпидемій принимались мѣры: заводились больницы, разсылались аптечки, выписывались доктора, фельдшера и проч. Но прошло время и осталось населеніе безъ медицинской помощи, безъ хлѣба, безъ звѣря и безъ всякой помощи. Между тѣмъ, гнетущая нищета и страшныя болѣзни, все болѣе и болѣе подавляли камчатское населеніе. Явилась оспа и тысячи жертвъ унесла въ могилу; появился сифилисъ съ его ужасными послѣдствіями и, наконецъ, проказа. Позволю себѣ превести свѣдѣнія о проказѣ въ Камчаткѣ, собранныя и любезно предложенныя мнѣ врачемъ Ю. К. Шиманскимъ, сопутствовавшимъ мнѣ въ теченіе всей поѣздки по Камчаткѣ съ спеціальною цѣлью—изслѣдовать камчатскую проказу и сифилисъ на мѣстѣ. Рефератъ д-ра Шиманскаго, читанный въ обществѣ изученія Амурскаго края, былъ переданъ самимъ авторомъ въ мое распоряженіе, но я беру изъ него только то, что относится къ Камчаткѣ.

Первый разъ въ архивѣ петропавловской церкви смерть помѣчена отъ проказы въ 1843 году, февраля 3-го дня (Илья Казаковъ). Однако, есть основанія думать, что въ Камчаткѣ отъ проказы умирали и гораздо раньше, такъ какъ въ книгахъ объ умершихъ за прежніе годы неоднократно попадаются отмѣтки „умеръ отъ язвы“, болѣнъ тлетворною язвою и т. п. Очевидно, въ тѣ отдаленные годы, не особенно ясно и опредѣленно констатировали формы болѣзней, служившихъ причиною смерти. Болѣе подробныя свѣдѣнія о проказѣ начинаются съ 50-хъ годовъ, когда въ Камчаткѣ медицинскій персоналъ достигъ наибольшихъ размѣровъ и когда во главѣ этого пррсонала стоялъ медицинскій инспекторъ. Въ медицинскомъ отчетѣ за 1851 годъ говорится: „проказа въ Камчаткѣ принадлежитъ къ болѣзнямъ эндемическимъ; господствуетъ здѣсь давно и по формѣ своей составляетъ болѣзнь жестокую и страшную, потому что совершенно не излечима“.

Въ 1852 году, въ петропавловскомъ морскомъ госпиталѣ лечилась отъ проказы одна женщина и тутъ-же умерла. Въ то время была выстроена лечебница для прокаженныхъ на западномъ берегу Авачинской губы, у Дальняго озера, затѣмъ она была перенесена на Паратунскіе ключи, подъ названіемъ „карантиннаго заведенія“.

Въ 1854 году, въ карантинномъ заведеніи пользовались 11 человѣкъ прокаженныхъ. Кромѣ нихъ, изъ дѣла того-же года видно, что отъ проказы были пользованы врачами, при поѣздкахъ ихъ по округу, еще 5 человѣкъ, два на западномъ берегу полуострова и три на восточномъ. Изъ послѣдующихъ отчетовъ за многіе годы, можно видѣть, что ежегодное число больныхъ проказою выражается цыфрою 10—15 человѣкъ.

Карантинное заведеніе, въ 50-хъ годахъ, пользовалось со стороны мѣстнаго начальства полнымъ вниманіемъ и содержалось въ должномъ порядкѣ, затѣмъ оно начало клониться къ разрушенію, что, до нѣкоторой степени, можно видѣть изъ отчета одного врача, за 1875 годъ, гдѣ о паратунской лечебницѣ говорится слѣдующее: „Заведеніе это удалено отъ порта на Паратунскія ключи, гдѣ больные для излеченія болѣзни пользуются ими. Туда помѣщаютъ людей, страждущихъ болѣзнью, называемою проказой. По желанію находящихся тамъ больныхъ, я посѣщалъ ихъ и обязанностью считаю объяснить замѣченное мною. До перенесенія изъ Петропавловскаго порта на Амуръ, карантинъ этотъ состоялъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и больные получали отъ казны съ избыткомъ нѣкоторую даже роскошь въ довольствіи. Съ того-же времени, больные были причислены къ морскому полугоспиталю и положеніе ихъ ухудшилось. При мнѣ было ихъ 4 человѣка, они помѣщаются въ домѣ безъ сѣней, вмѣсто печи въ немъ былъ каминъ, рамы въ зимнее время одинарныя, необмазанныя, стѣны не проконопачены и крыша при дождѣ даетъ течь. Участь этихъ больныхъ заслуживаетъ самаго человѣколюбиваго попеченія, ибо не было примѣра, что бы кто нибудь вышелъ изъ карантина, получивши облегченіе, и поступившій въ него осуждается на вѣчное заключеніе. Они знаютъ напередъ, что отъ сей болѣзни смерть и смиренно ждутъ ее. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ больной дѣлалъ себѣ гробъ“.

Въ настоящее время, не только карантиннаго заведенія, но даже и остатковъ отъ него не сохранилось.

Въ исторіи камчатской проказы былъ, въ одно время, весьма важный инцидентъ, имѣвшій большое значеніе въ развитіи этой болѣзни, а именно: къ числу больныхъ проказою ошибочно присоединили страдающихъ наслѣдственнымъ сифилисомъ. Картины какъ той, такъ и другой болѣзни близки другъ къ другу, но различны по мѣрамъ для борьбы съ нимъ. Изъ хроники паратунскаго карантиннаго заведенія замѣчательно было одно донесеніе (1853 г., 28 сентября №—109) о случаѣ исцѣленія отъ проказы: „посѣтивъ заведеніе на Паратунскихъ ключахъ, я нашелъ, что дочь якута Коркина Авдотья отъ проказы очистилась, о чемъ имѣю честь донести вашему прев-ву".

Затѣмъ начинается роковая ошибка: смѣшеніе проказы съ сифилисомъ. По всей вѣроятности, разсказанный случай былъ случай исцѣленія сифилиса, т. к. проказа не излѣчима. Смѣшеніе этихъ болѣзней имѣло послѣдствіемъ то, что борьба приняла двойственный характеръ и ошибочно направленныя мѣры не могли имѣть положительнаго результата. Больные смѣшивались не только въ опредѣленіи болѣзни, но и теоретически. По этому поводу д-ръ Эбербахъ такъ писалъ: „есть другая весьма серьезная болѣзнь въ сѣверныхъ округахъ нашей области, угрожающая по характеру своего теченія медленнымъ уничтоженіемъ всего населенія, это наслѣдственный сифилисъ, называемый издавна проказою".

Какъ самыя понятія о болѣзни, такъ и борьба приняли двойственный характеръ; съ одной стороны, прокаженныхъ лечили ртутными втираніями и помѣщали въ лечебницы, съ другой, сифилитиковъ не лечили. Такое смѣшеніе болѣзней изъ спеціальныхъ отчетовъ перешло затѣмъ въ правительственные органы и распоряженія. Такъ: въ архивѣ петропавловскаго окружнаго правленія за 1875 годъ (№—2.903) изъ дѣла о мѣрахъ противъ заразительныхъ болѣзней видно, что правительство рѣшило устроить для указанной цѣли временныя (сначала на 3 г., затѣмъ продолжено еще на 3 года) лечебницы въ Петропавловскѣ, Тигилѣ, Ключевскомъ селеніи, Гижигѣ и Охотскѣ, при чемъ на каждую лечебницу было ассигновано 4.500 р. ежегодныхъ.

Мѣра эта, хотя и дорогая, но, какъ временная, оказалась недостигшею цѣлью. Проказа не требуетъ больничнаго леченія, а наслѣдственный сифилисъ не поддается временному леченію, а требуетъ періодическаго пользованія, въ теченіе всей жизни больного.

Д-ръ Дебовскій въ своемъ отчетѣ за 1880 годъ, разбирая дѣйствія открытыхъ въ 1875 г. лечебницъ, приходитъ къ совершенно отрицательному выводу о ихъ дѣятельности.

Изъ дѣлъ камчатскихъ архивовъ можно видѣть, что со стороны администраціи часто принимались мѣры къ борьбѣ съ сифилисомъ и отдѣльно отъ проказы. По свидѣтельству врачей, бывшихъ въ Камчаткѣ въ 50-хъ годахъ, сифилисъ появился здѣсь съ самыхъ первыхъ годовъ завоеванія этой страны русскими. Что же касается проказы, то появленіе ея, вѣроятнѣе всего, совпадаетъ съ переселеніемъ въ Камчатку якутовъ, присланныхъ туда правительствомъ для разведенія скотоводства. По крайней мѣрѣ, такое предположеніе подтверждается относительно тѣхъ якутовъ, которые были переселены въ Камчатку въ 30-хъ годахъ этого столѣтія. Жители селенія Николаевскаго, служащаго въ настоящее время, съ закрытіемъ всѣхъ лечебницъ и больницъ, мѣстомъ выселенія для прокаженныхъ, такъ говорятъ о первоначальномъ появленіи проказы: „ въ 30-хъ годахъ, были присланы якуты для разведенія скота, которые болѣли этою болѣзнью и всѣ умерли; затѣмъ, въ 50-хъ годахъ, сюда были вызваны иркутскіе казаки, изъ которыхъ нѣкоторые поселились въ старыхъ домахъ якутовъ и тоже начали хворать тѣми же язвами; семьи этихъ казаковъ, до сего времени, имѣютъ прокаженныхъ.

Статистическія данныя, основываясь на показаніяхъ врачей, сводятся къ слѣдующимъ цифрамъ: прокаженныхъ (настоящая проказа) бываетъ въ Камчаткѣ ежегодно отъ 8 до 15 челавѣкъ; а сифилисомъ, во всѣхъ его формахъ, отъ 30—40 человѣкъ. Въ 1897 году,

во всей Камчаткѣ больныхъ проказою было 10 человѣкъ, изъ коихъ 5 вновь заболѣвшихъ и, за смертью 12 человѣкъ въ 1896 году, 5 оставалось отъ прежнихъ лѣтъ.

Д-ръ Шиманскій, осмотрѣвши ихъ совмѣстно съ докторомъ Тюшевымъ, говоритъ слѣдующее:

Въ селеніи Николаевскомъ живетъ бабушка Димова. Ей около 90 лѣтъ. Вся семья: мужъ, сыновья и дочери болѣли проказой и умерли. Она сама за всѣми ухаживала и всѣхъ по очереди кормила, однако, сама здорова. Теперь у нея живетъ внучка, больная проказой, и присланный въ прошломъ году, прокаженный Зимиревъ.

Николай Зимиревъ—20 лѣтъ, сильнаго тѣлосложенія, сынъ матроса. Причина неизвѣстна. Отецъ умеръ 12 л. тому назадъ въ язвахъ, но прокаженнымъ не считался. Мать здорова, сестра тоже. Начало болѣзни не помнитъ. Въ прошломъ году, появился зудъ и язвы на ногахъ. Теперь картина болѣзни: темно—багровыя пятна на бедрахъ, груди и спинѣ и шишки, частью, изъязвившіяся, на разгибательныхъ сторонахъ рукъ и ногъ. На ногахъ большіе пальцы совершенно отвалились, торчатъ кости въ язвѣ; до болѣзни жилъ въ Петропавловскѣ и занимался домашними работами (Lepra mixta).

Внучка Димовой, Марія Порошева—12 лѣтъ, больна 2 года. Отецъ болѣлъ 7 лѣтъ. Родни больше нѣтъ, отецъ и мать умерли. До болѣзни ничѣмъ не страдала. На тѣлѣ язвы и на разгибательной сторонѣ рукъ пятна, на лицѣ узлы. Смѣшанная форма.

Въ слѣдующемъ домѣ, живетъ отдѣльно, Аксинья Максимова, 50 лѣтъ, родомъ изъ Иркутска; первый разъ замужемъ за Порошовымъ. Заболѣла въ августѣ 1895 г.; мужъ умеръ 6 л. т. н.; былъ въ Владивостокѣ, откуда возвратился больнымъ язвами и умеръ. Сынъ Егоръ, 30 л., умеръ ½ г. тому назадъ отъ проказы.

При осмотрѣ ея: ноги въ ранахъ темно-багроваго и коричневаго цвѣта, лицо въ ранахъ, надбровныя дуги гніютъ.

Железы увеличены. Лечилась ртутными втираніями и декоктомъ. Жалуется на боли и ломоту въ костяхъ. Можно предположить смѣшанное страданіе—lues et lepra.

Въ Петропавловскѣ живетъ больная проказой въ туберозной формѣ, жена казака Юшина, Елена Юшина, 25 лѣтъ, незаконнорожденная, по матери Новограблена. Въ семьѣ Новограбленныхъ были въ прежнемъ поколѣніи прокаженные. Мать умерла, но была здоровой. Причина болѣзни неизвѣстна. Живетъ въ семьѣ, которую составляютъ мужъ и дочка 4-хъ лѣтъ. Дочка здорова, мужъ тоже. Начало болѣзни относится къ 1893г.:—былъ зудъ на ногахъ, пузыри, которые лопались; отъ нихъ остались только рубцы. Прошлой осенью щека отекла и какъ бы одеревенѣла. Затѣмъ на щекахъ появились бугорки—Lepra Tuberosa. Съ іюня принимаетъ лекарство, назначенное д-ромъ Слюнинымъ, но плохо переноситъ—рвота. И раньше въ Петропавловскѣ были больные проказой. Былъ боленъ Поповъ и вся его семья. Домъ рухнулъ; на этомъ мѣстѣ теперь домъ Русанова. Матросъ Ипатьевъ заболѣлъ и умеръ; вся семья тоже вымерла.

По другую сторону залива, у впаденія р. Авачи, стоитъ селеніе Авача. Прежде были тутъ больные якуты. Теперь я нашелъ одну только больную, жену замѣстителя старосты—Климова, Ѳеодосію, 35 л., алеутка родомъ съ о-ва Беринга. Живетъ въ семьѣ, которую составляютъ—мужъ и 5 дѣтей. Замужемъ 20 лѣтъ. Заболѣла годъ тому назадъ.

Въ семьѣ мужа были прокаженные, за которыми она и ухаживала. Дѣти и мужъ здоровы. Картина болѣзни: пятна и рубцы, съ анэстетическимъ центромъ, окруженныя иногда пигментнымъ валикомъ, язвы. Одного ребенка кормитъ, трое маленькихъ возлѣ нее. Не лечилась; по алеутскому обычаю обмывается мочей. Живутъ крайне бѣдно и грязно; въ хату входъ черезъ хлѣвъ, сама изба скорѣе похожа на землянку.

По дорогѣ въ Николаевское есть селеніе Дальнее Озеро, на которомъ и было первоначально карантинное заведеніе для прокаженныхъ. Староста заявилъ, что подозрѣваютъ въ проказѣ Мурашева Александра. При осмотрѣ, найдены пятна и бугры; на ногахъ особыя возвы-

шающіяся образованія, очень чувствительныя. До болѣзни занимался рыбной ловлей и соболинымъ промысломъ. Ѣдалъ испорченную и больную рыбу (нѣкоторые допускаютъ связь между больной (т. н. саранной) рыбой и проказой).

Началъ болѣть въ октябрѣ прошлаго года. Былъ зудъ и отекъ лѣвой руки. Живетъ въ семьѣ; при немъ жена, 2 дочери (17 и 18 лѣтъ) и сынъ 12 лѣтъ. Всѣ здоровы. Жена, рожденная Занина, изъ Авачи; въ ея семьѣ были прокаженные. Послѣдній больной въ этомъ раіонѣ оказался на Паратунскихъ ключахъ. Собственно подъ подозрѣніемъ было два человѣка: Бочанцевъ и Черкатина Наталья. Послѣдней 32 г., голень занята сплошной язвой. Но періоститы, увеличенныя железы, характеръ язвы—типично сифилитическій. Живетъ съ братомъ въ полуразрушенной землянкѣ, въ крайней нищетѣ. Митрофанъ Бочанцевъ—статный, крѣпкій 30 л. мужчина, взялъ, 8 лѣтъ т. н., жену изъ семьи прокаженной. Въ то время она отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, но вскорѣ (на 23 г. жизни) появились роковыя пятна. Она умерла два г. т. н. отъ проказы, оставивъ двухъ дѣтей. Дѣти здоровы. Въ маѣ прошлаго года у Бочанцева потемнѣло лицо, на немъ стали появляться бѣлесоватыя пятна и сосѣди стали поговаривать о предполагаемой проказѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ уже переселился въ Николаевское.

По р. Камчаткѣ только въ низовьяхъ есть больные. Близъ Нижне-Камчатска, въ отдѣльной юртѣ, живутъ двое больныхъ—Поповъ и Номазнина. Даніилъ Поповъ 50 л. занимался рыбной ловлей и звѣринымъ промысломъ. Заболѣлъ въ мартѣ 1896 г., когда замѣтилъ на тѣлѣ сыпь. Въ семьѣ прокаженныхъ не было. Многочисленные бугры на кожѣ лба и пятна по тѣлу. Дарія Номазнина 50 л. родилась въ Еловкѣ. Семьи нѣтъ, родители были здоровы. Заболѣла давно. Бугристость лица рѣзкая. Бугры на локтѣ и предплечіи сине-багроваго цвѣта. Лѣтомъ обоимъ приносятъ пищу родственники или знакомые, зимою десятникъ, или, по назначенію отъ общества, по очереди.

Наконецъ, послѣдній больной въ Камчаткѣ живетъ въ избушкѣ въ 2 верстахъ отъ селенія Ключевского, Кречетовъ Алексѣй, 23 л. Исторія его такова.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, къ отцу его привезли со шкуны больного матроса въ язвахъ; матроса этого онъ и пріютилъ у себя до отправки его въ Петропавловскъ. Однако, не прошло года, какъ тотъ умеръ. За больнымъ ухаживала сама хозяйка и стирала его бѣлье. Вскорѣ сама заболѣла: появились пятна по тѣлу, ноги отекли, и стали, по мѣстному выраженію, какъ чурки. Голосъ перемѣнился. Нѣсколько лѣтъ спустя, она умерла.

Затѣмъ, спустя еще короткое время, сынъ, замѣтивъ на себѣ такія же пятна, самъ объявилъ о своемъ страданіи. Вскорѣ тоже появилось и у брата. Міромъ рѣшили ихъ обоихъ выселить и поселить вблизи селенія, у берега рѣки, гдѣ и выстроили имъ лачужку. Старикъ отецъ (70 л.) ежедневно подходитъ и кладетъ имъ пищу. Однако, не сразу свыклись они съ своей участью. Тотъ, который самъ объявился, смѣло бродилъ около селенія и, заливаясь слезами, кричалъ не человѣческимъ голосомъ. Для безопасности пришли и приковали его къ дереву. Тогда несчастный смирился.

Кромѣ характерныхъ пятенъ и язвъ онъ былъ лишенъ движенія, такъ какъ обѣ ноги, уже нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно отнялись. За нѣсколько дней до нашего прибытія, братъ его тутъ же скончался. Почти два дня несчастный пробылъ съ трупомъ брата. Наконецъ, принесли ѣду, забрали мертвеца и похоронили.

Мы застали оставшагося въ живыхъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лачужки, всего покрытаго комарами. Онъ подползъ къ намъ на рукахъ; кромѣ проказы, у него развилась цынга.

Заканчивая эти свѣдѣнія, замѣчу, что на содержаніе камчатскихъ прокаженныхъ у г. начальника округи, въ Петропавловскѣ, хранится сумма, составившаяся изъ пожертвованій, въ количествѣ 1.170 р. 23 к., каковая, при ревизіи, оказалась на лицо.

Какія же обобщенія можно сдѣлать изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній?

1. Число прокаженныхъ въ Камчаткѣ очень невелико—всего 10 человѣкъ.

2. Случаются новыя заболѣванія. Именно изъ 19 зарегистрированныхъ въ прошломъ году осталось только 5, къ которымъ въ 1898 году прибавилось еще 5 случаевъ новыхъ заболѣваній (Бочанцевъ, Мурашевъ, Климова, Зимиревъ, Порошова).

3. Возрастъ заболѣвшихъ 12—25 л.

4. Больные составляютъ, въ общемъ, $^1/_7$ % всѣхъ жителей.

5. Проказа, въ большинствѣ случаевъ, заразительна.

6. Въ истоки р. Камчатки зараза занесена изъ окрестностей Петропавловска, куда проникла изъ Якутска.

7. Особенно тяжелыхъ формъ, съ отваливаніемъ конечностей, не наблюдается.

8. Если существуетъ наслѣдственность, то въ поздней формѣ.

9. Проказа держится семьи.

10. Отдѣленіе плохо проведено, многіе не отдѣлены и находятся въ условіяхъ образованія новыхъ гнѣздъ.

11. Констатируется болѣзнь, обыкновенно, слишкомъ поздно, когда она уже въ сильномъ развитіи.

12. Содержаніе больныхъ вездѣ крайне неудовлетворительно, несмотря на то, что средства хотя и ничтожныя, имѣются въ наличности.

13. Питаніе, почти исключительно, рыбной пищей, отсутствіе растительной пищи и суровый климатъ дѣлаютъ организмъ болѣе воспріимчивымъ.

14. Если проказа не быстро распространяется,—то вслѣдствіе очень трудныхъ путей сообщенія.

15. Отдѣленіе не встрѣчаетъ сопротивленія въ народѣ.

16. При настоящемъ экономическомъ положеніи страны, содержаніе прокаженныхъ ложится тяжелымъ бременемъ на тѣ семьи, гдѣ есть больные проказою.

Принимая во вниманіе разбросанность населенія, низкую степень его экономическаго благосостоянія и трудность передвиженія больныхъ на большія разстоянія, при существующихъ въ Камчаткѣ путяхъ сообщенія, д-ръ Шиманскій изъ всѣхъ мѣръ, примѣняемыхъ для прекращенія распространенія проказы, въ разныхъ странахъ свѣта, останавливается на такъ называемой сельской изоляціи больныхъ, какъ наиболѣе цѣлесообразной и доступной для камчатскихъ жителей. Всѣхъ больныхъ въ Камчаткѣ, въ настоящее время, 10, и отдѣлить ихъ въ подходящія помѣщенія, устроенныя вблизи родныхъ селеній, пока не составитъ особаго труда и не потребуетъ большихъ расходовъ отъ казны.

Хотя подобныя изолированныя жилища находятся въ Камчаткѣ и теперь, но они до такой степени плохо обставлены, что улучшить ихъ болѣе чѣмъ желательно.

Не менѣе того желательно и улучшеніе вообще врачебнаго дѣла въ Камчаткѣ. Съ прекращеніемъ дѣятельности временныхъ лечебницъ и средствъ, отпускаемыхъ на нихъ, т. е., съ 80 года, медицинская часть въ Камчаткѣ очень пошла назадъ. Д-ръ Дебовскій, выѣхавшій изъ Камчатки въ 1881 г., писалъ такъ: „больницъ нѣтъ, средствъ нѣтъ, аптекъ тоже, поѣздки врача по округѣ стѣснены. Все это, при крайней бѣдности населенія и трудности способовъ передвиженія, дѣлаетъ единственнаго на всю Камчатку врача безсильныхъ въ борьбѣ, какъ съ временными эпидеміями, такъ и съ существующими эндеміями и болѣзнями вообще“. Тоже можно сказать и теперь, что рѣзко бросается въ глаза въ сравненіи съ прежними временами.

Развитіе страны весьма тѣсно связано съ состояніемъ народнаго здравія. Постоянныя эндеміи или временныя эпидеміи, прежде всего, отнимаютъ рабочія руки, затѣмъ парализуютъ энергію здоровыхъ и, тѣмъ самымъ, ослабляютъ промышленность, а слѣдовательно и общее развитіе края. Англійская королевская коммиссія 1893 года, пробывши около шести мѣсяцевъ въ Индіи для изслѣдованія проказы, опирая свои выводы на 250 тысячахъ случаевъ заболѣваній,

придаетъ громадное значеніе изученію мѣстныхъ условій—климатическихъ, расовыхъ, соціальныхъ и особенно экономическихъ. Улучшеніемъ этихъ условій исчерпываются всѣ мѣры противъ заразы, для прекращенія которой необходимымъ условіемъ считается забота объ экономическомъ и культурномъ развитіи страны.

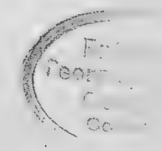
Такимъ образомъ, основываясь на выводахъ одной изъ цивилизованныхъ странъ Европы, мы приходимъ къ заключенію, что для избѣжанія всѣхъ золъ въ странѣ и для поднятія степени ея благосостоянія, необходимы, прежде всего, заботы о культурности ея жителей. Кто станетъ оспаривать, что первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ должна играть школа. Къ сожалѣнію, исторія послѣднихъ лѣтъ Камчатки говоритъ намъ противное: школа была тамъ забыта, мало того, она была тамъ попрана. Забыта потому, что въ данный моментъ ея нѣтъ тамъ; а попрана потому, что она была тамъ до 50 годовъ, но ее уничтожили. Правда, въ послѣднее время, въ связи съ общимъ развитіемъ Приамурскаго края, Камчатка все болѣе начинаетъ обращать на себя вниманіе. Принимаются мѣры для охраненія камчатскихъ морей отъ хищничества частныхъ предпринимателей, посылаются и вызываются разнаго рода лица для разрѣшенія общихъ вопросовъ по управленію, хозяйству и вообще нуждамъ страны: командируются спеціалисты для изученія промысловыхъ богатствъ и условій ихъ разработки и, наконецъ, снаряжаются цѣлыя экспедиціи, стоющія цѣлыя сотни тысячъ рублей, для изслѣдованія минеральныхъ богатствъ этой страны.

Создать промыселъ, развить его и тѣмъ поднять экономическое положеніе страны—вотъ идея, вокругъ которой группируются главныя изъ перечисленныхъ мѣръ. Какъ ни раціональна такая постановка вопроса, но ожидать отъ нея пользы для мѣстныхъ жителей едва-ли возможно.

Какъ бы идеально ни была обставлена подобная промышленность она, при полной умственной инертности мѣстныхъ жителей, не явится для нихъ школою жизни, а скорѣе средствомъ окончательнаго подавленія физическаго и нравственнаго ихъ бытія. Кому неизвѣстно, что во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ промышленности, при конкуренціи, сильный давитъ слабаго. Допустимъ, въ Камчаткѣ будетъ положено начало золотопромышленности, рыбнымъ промысламъ (въ широкомъ размѣрѣ), китобойству и пр. и пр.; если эти предпріятія отдать въ руки мѣстныхъ жителей, то, по отсталости и неразвитости ихъ, изъ этого ничего не выйдетъ, а если же передадутъ ихъ пришельцамъ, то по той же причинѣ мѣстный житель явится въ роли слабаго, а пришелецъ въ роли сильнаго, что мы и видимъ въ столѣтней исторіи пушного промысла и торговли, отданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ руки различнаго рода компаній.

Въ силу такихъ соображеній, какъ бы ни были цѣлесообразны указанныя выше мѣропріятія, они, по отношенію къ Камчаткѣ, останутся менѣе чѣмъ полумѣрами, если не будутъ приложены предварительныя заботы объ умственномъ развитіи самихъ жителей. Развейте умственныя силы ихъ, тогда они сами найдутъ у себя и золото, уголь; они сами научатся сохранять и рыбу, и соболя, они, наконецъ, сами опредѣлятъ, что имъ привозить и что вывозить, словомъ, они сами будутъ знать, что имъ дѣлать и какъ имъ жить.

В. Маргаритовъ.



ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

на стр.	Напечатано.	Надо читать:
„ 81	3. Ordo	3. Ordo cavicornia
„	7. Fam. Covicornia Artiodactyla	7. Fam. Artiodactyla
„ 109	Поллонцы	Паланцы
	Поллона	Палана
	Подкогирная	Подкагирная
	Хомомо	Холюля
	Ивомку	Ивашку
	Корлинскаго	Карагинскаго
	Омоторцы	Олюторцы
	Омоторѣ и пр.	Олюторѣ и пр.
„ 110	Омоторцы	Олюторцы
„ 117	Корагинской	Карагинской
	въ количествѣ въ 1759	въ количествѣ 1759
	Желковѣ	Мильковѣ
	Малкъ Петропавловскій	Маякъ Петропавловскій
	Халактырка	Калахтырка
„ 118	Машури	Машура
	Щипино	Щапино
„ 119	сосредочилась	сосредоточивалась
„ 127	въ Авачинской губѣ, въ 1847 г.	въ Авачинской губѣ, въ 1897 г.,
	въ большомъ количествѣ	въ небольшомъ количествѣ
„ 132	Караинскаго острова	Карагинскаго острова
„ 134	Для постояннаго город. учил.	для начальнаго город. училищ.
	городскія же училища	городскаго же по положеніи 1872 г. учил.
	Подобный вопросъ возбужденъ	Подобный вопросъ былъ возбуждаемъ

Карта
Полуострова Камчатки
Гижига
Гижигинская губа
Пенжинская губа
О. Карагинъ
М. Столбовый
М. Камчатский
М. Кроноцкий
М. Козлов
С. Семячинская
М. Шипунской
Авачинская
Петропавловский портъ
М. Поворотный
С. Поворотная
С. Асачинская
С. Ходушка
С. Озерная
М. Лопатка
О. Шумшу